

Е. Б. ЧЕРНЯК

АДВОКАТЫ КОЛОНИАЛИЗМА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «МЫСЛЬ»

Е. Б. ЧЕРНЯК

АДВОКАТЫ КОЛОНИАЛИЗМА

НЕОКОЛОНИАЛИСТСКАЯ

ИСТОРИОГРАФИЯ

**ИЗДАТЕЛЬСТВО
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
«МЫСЛЬ»
МОСКВА · 1964**

ВВЕДЕНИЕ

Возможно ли обелить историю колониализма — нескончаемую цепь чудовищных преступлений против человечества? Не слишком ли явно подобная попытка противоречит здравому смыслу, чтобы ее предпринимали даже заведомо заинтересованные в апологии колониализма политические и научные круги?

Общеизвестно, что для удовлетворения ненасытной алчности капитала подвергались опустошению континенты, истреблялось, заживо погребалось в рудниках или погибало от непосильного труда на плантациях население десятков стран, огнем и мечом была покорена Индия, велись позорные «опиумные» войны против Китая. Неописуемые злодеяния творили колонизаторы в Индонезии и Алжире, во Вьетнаме и Малайе, на Филиппинах и в Корее, в пустынях Судана и тропических лесах Конго. Пиратство, обращение в рабство десятков миллионов негров, истребление миллионов индейцев, голод и эпидемии, уносившие ежегодно бесчисленные жертвы, кровавые расправы с борцами за независимость — таким был колониализм в XVI, XVII, XVIII, XIX вв., таким он остается в XX столетии вплоть до наших дней там, где еще сохраняется колониальный гнет.

Причины возникновения и сущность колониальной системы были всесторонне выявлены и подвергнуты научному анализу в трудах Маркса, Энгельса, Ленина, в основополагающих документах международного коммунистического движения, а также в работах марксистских исследователей.

И все же современные апологеты неоколониализма не щадят усилий для восстановления репутации колони-

заторов. За последние полтора — два десятилетия в США, Англии, Франции, ФРГ и других капиталистических странах Запада возникла обширная историография, стремящаяся с помощью самых изощренных методов сфабриковать легенду об «антиколониальном колониализме», опровергнуть ленинскую теорию империализма. Подобно тому как существование самых различных школ и направлений в современной буржуазной философии истории совмещается с наличием у них единой идеалистической основы, разноголосица и пестрота во мнении по множеству частных вопросов среди буржуазных историков не исключает защиту ими по существу единой реакционной концепции узловых проблем развития капитализма и рабочего движения, а также колониализма и национально-освободительной борьбы угнетенных народов.

В настоящей работе мы не пытаемся проследить фальсификацию реакционными исследователями истории колониальной политики отдельных стран или событий, выяснять особенности трактовки проблем колониализма в трудах того или иного историка. Все приводимые в книге материалы такого рода служат лишь примерами, иллюстрирующими общие тенденции развития неоколониалистской историографии. Не затрагивается в книге и вопрос о том новом (иногда ценном) фактическом материале, который содержится в части этих реакционных работ по истории колониализма. В связи с тем что в политике Англии, страны классического развития капитализма, обладавшей наиболее крупными колониальными владениями, с особой отчетливостью отразились основные этапы развития колониализма, автором более широко привлекались примеры освещения в буржуазных работах истории Британской империи.

Наконец, следует особо оговорить, что в книге не ставился вопрос о фальсификации тех или иных событий истории колониальных и зависимых стран, которые не были связаны с колониализмом, но подвергались искажению в историографии под его влиянием и в его интересах (вопрос об общественном строе стран Азии и Африки накануне европейского завоевания, о «восточной деспотии», складывании народностей и наций, развитии культуры в этих странах в доколониальную

эпоху и т. д.)¹. Мы также не касались специально вопроса об интерпретации колониализма в трудах историков молодых независимых государств.

В данной книге содержится критический анализ освещения в неоколониалистской западной историографии² узловых вопросов возникновения, развития и крушения колониальной системы в Азии и Африке.

¹ Примером подобных работ может служить книга американских историков: *E. Reischauer, J. Fairbank, East Asia. The Great Tradition, v. I, London, 1960*. Иногда фальсификация этих вопросов используется как орудие клеветы против социалистических стран (*K. A. Wittfogel, Oriental Despotism. A Comparative Study of Total Power, New Haven, 1957*).

² Неоколониалистской историографией мы называем ту часть новейшей буржуазной историографии, которая активно занимается освещением (точнее, «переписыванием») истории колониальной системы с точки зрения и в интересах неоколониализма, его исторического обоснования и оправдания.

Глава I

ФОРМИРОВАНИЕ НЕОКОЛОНИАЛИСТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

**Крушение
колониальной
системы
и возникновение
неоколониалистской
историографии**

После второй мировой войны потерпела крушение колониальная система империализма. Распались колониальные империи, завоеванные огнем и мечом и удерживавшиеся всеми методами экономического, политического и военного насилия. К моменту Великой Октябрьской революции колонии, полуколонии и зависимые страны занимали 77,2% территории и 69,2% населения земного шара. К концу 1962 г. из-под власти колонизаторов освободилось 1,5 млрд. человек, проживающих в странах, площадь которых составляет 56,2% земной поверхности. Ныне подавляющее большинство населения Азии и Африки живет в странах, обладающих политической независимостью. Образовалось свыше 50 новых государств. Число стран, сбросивших колониальное иго, продолжает непрерывно возрастать¹.

«На месте бывших колоний и полуколоний возникли и возникают молодые суверенные государства. Их народы вступили в новый период своего развития. Они поднялись как творцы новой жизни и активные участники международной политики, как революционная сила разрушения империализма»².

¹ См. «Проблемы мира и социализма», 1963, № 3, стр. 61.

² «Материалы XXII съезда КПСС», М., 1961, стр. 352.

Однако колониализм не желает добровольно уходить с исторической арены. Империалистические державы во главе с США — главной силой и оплотом современного колониализма — пытаются опутать завоевавшие независимость государства Азии и Африки неоколониалистскими цепями, подчинить их себе экономически, втянуть в агрессивные военные блоки.

Одним из главных идеологических орудий, с помощью которых империалисты стремятся достичь этой цели, является буржуазная историография колониализма, пытающаяся создать «новую» интерпретацию истории колониальной системы, приспособленную к изменившимся условиям, в частности приемлемую для наиболее реакционных кругов стран Азии и Африки.

Определяя цели неоколониалистской историографии, Филипп Мэзон (выступающий также под псевдонимом Ф. Вудрэфф), в прошлом крупный английский чиновник в Индии, прямо писал о жизненном значении для западных держав борьбы за умы людей в бывших колониях и зависимых странах¹. Идеологи империалистической реакции жалуются, что старый опыт побуждает недавно освободившиеся народы считать «бескорыстную» политику Запада неоколониализмом².

Неоколониалистская историография возникла как прямой ответ на потребности политики империализма. Учитывая ненависть народов Азии и Африки к «старому», хорошо известному им колониализму, реакционная историография стремится «отделить» его от современной политики империалистических держав и вместе с тем объявляет, что он подготавливал эту политику, изображаемую как антиколониализм. Если современная реакционная историография XIX—XX вв. в центр ставит фальшивую теорию превращения капиталистического строя в «строй всеобщего благосостояния», неоколониалистские авторы проповедуют в своих работах основанную на этой теории концепцию самоликвидации колониализма, постепенную эволюцию «старого» колониализма в «новый», по существу его добровольную

¹ P. Mason, *The Birth of a Dilemma. The Conquest and Settlement of Rhodesia*, London, 1958, p. 1 f.

² M. Edwards, *Asia in the Balance*, London, 1962, p. 16.

самоликвидацию. Обе эти теории построены не только на отрицании эксплуататорской сущности капитализма и колониализма (это было характерно и для старой буржуазной историографии), но и на попытках выдать капиталистический строй и колониальную политику за их прямую противоположность.

Новейшая реакционная концепция ставит задачей доказательство якобы абсолютного различия между «старым» и «новым» колониализмом и в то же время спасение всего возможного из репутации «традиционного» колониализма прошедших эпох. Не следует думать, что возникновение неоколониалистской историографии вызвано исключительно классовыми, политическими интересами империалистической буржуазии, хотя они и сыграли, несомненно, определяющую роль. Оно связано с внутренней логикой развития буржуазной историографии колониализма. Сами успехи в изучении истории колониальной политики взрывали традиционные схемы и представления старой историографии. Для осмысливания огромной массы новых фактов возможно было двигаться лишь по двум путям. Первый, единственно научный из них, вел к переходу на позиции марксистско-ленинской методологии. Но этот путь оказался исключенным даже для большей части тех буржуазных ученых, которые субъективно стремились к правдивому отражению действительности, вследствие идеалистических основ и классовой ограниченности их философских и методологических взглядов, их общеисторических воззрений.

Оставался второй путь — проведения абсолютного различия между колониальной политикой в разные периоды развития капиталистического общества. Этот путь открывал возможность введения в картину развития колониальной системы по крайней мере части добытых наукой конкретных фактов, разоблачающих колониализм, не отказываясь при этом от представления о якобы благотворной и прогрессивной исторической роли, сыгранной этим колониализмом в целом. Для честных буржуазных ученых неоколониалистская концепция стала средством решения мучительной для них проблемы истолкования массы исторических фактов, ломающих «привычные» представления о колониализме. Напротив, для историков, не только объективно осущес-

ствляющих, но и сознательно поставивших своей задачей обслуживание политических интересов империализма, неокOLONиалистская концепция явилась желанным орудием фальсификации истории, принижения удельного веса тех конкретных фактов, которые воочью показывают, какие чудовищные злодеяния находятся на счету колониализма, какие неслыханные страдания принес он народам, составляющим огромное большинство населения земного шара.

**От старой к новой
апологетике
колониализма**

Формирование неокOLONиалистской историографии было сравнительно длительным процессом, отразившим основные особенности развития колониальной системы в XX столетии, а также характерные черты реакционной идеологии эпохи империализма и общего кризиса капитализма. В XIX в. традиционной либеральной схеме, изображавшей промышленный капитализм социальным строем, отвечающим «природе человека», соответствовала и откровенно апологетическая трактовка истории колониальной политики как орудия «цивилизации» и распространения на новые территории «естественных» порядков, утвердившихся в Западной Европе и США.

Как и сама схема, эта трактовка могла иметь различные оттенки. В частности, английские фритредеры середины XIX в. могли осуждать предшествовавшие периоды колониальной политики за намерение вводить монополии, а консервативные авторы конца того же времени — за стремление либеральных кабинетов руководствоваться в своей политике соображениями «узкой» фискальной или вообще непосредственной экономической выгоды, а не более важными требованиями «величия империи». Германские и французские авторы иногда довольно резко критиковали английскую колониальную политику, и наоборот, английские историки — политику других держав; американские исследователи доказывали «исключительность» захватнических действий США, якобы бескорыстных и потому прогрессивных и принципиально отличных от европейского колониализма. Нередко анализ истории колониальной политики служил «доказательством», что именно нация, к которой принадлежал историк, является народом, особо предназначенным к осуществлению «цивилизаторской

миссии»¹. Расистская сущность этой интерпретации истории колониализма могла проявляться то в более, то в менее откровенном и неприкрытом виде. Даже отдельные критические замечания в адрес колонизаторов всегда были основаны на молчаливом, но безусловном признании того, что любая, пусть захваченная самыми предосудительными способами, территория является, однако, на основе самого факта захвата законным владением метрополии. Повторялось, что завоевание принесло британский, французский, немецкий, американский и т. п. «мир» поработенным народам.

В годы наибольшего расцвета свободной конкуренции, в середине XIX столетия, в Англии либеральные историки, следуя настроениям влиятельных буржуазных кругов, рисовали колонии и колониальную политику как бремя, которое досталось стране по наследству от прошлого и которое необходимо нести во имя интересов «прогресса» и «цивилизации». Напротив, «в конце XIX века героями дня в Англии были Сесиль Родс и Джозеф Чемберлен, открыто проповедовавшие империализм и применявшие империалистскую политику с наибольшим цинизмом!»². В этих условиях буржуазную науку также захлестнула волна шовинизма, расистских проповедей «миссии белого человека», предназначенного к господству над «цветными народами», которые якобы не способны к самоуправлению и независимому существованию, требований новых захватов и «укрепления» колониальных империй. Подобные идеи в различных формах проповедовали социологи и историки Ч. Дилк, Д. Сили, Д. А. Фроуд, Б. Кидд, К. Пирсон, Т. Бакстон и многие другие³. В Сорбонне известный французский историк Ш. Сеньобос учил, что негры — это большие дети, которые всегда будут нуждаться в опеке

¹ «Мы являемся народом, в высшей степени призванным вести колониальную политику», — писал, например, французский историк Дюбуа (*M. Dubois, Systèmes coloniaux et peuples colonisateurs. Dogmes et faits, Paris, 1895, p. 244*).

² В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 27, стр. 375.

³ См. об этом, напр., И. С. Звавич, Джон Сили как историк Великой Британии (Историографический очерк). «Доклады и сообщения исторического факультета Московского университета», 1945, вып. 3; Г. И. Лоцманова, Из истории формирования колониальной идеологии английского империализма. «Вопросы истории», 1963, № 2.

со стороны белых¹. Колониалистские призывы откровенно связывались со стремлением увеличить мощь метрополии и ослабить путем эксплуатации колоний остроту классовых противоречий в империалистических государствах².

Очень скоро в эти империалистические проповеди стали вплетать новые псевдолиберальные нотки. Они были связаны с начавшимся после первой русской революции 1905—1907 гг. подъемом рабочего движения, пробуждением Азии и реакцией на восточные революции. В этом отношении очень характерны, например, книги английского историка Д. Крэмба, получившие широкое распространение в десятилетие перед первой мировой войной. У Крэмба можно найти шовинистические бредни, «обосновывавшие» права Англии на мировое господство в качестве державы, «созданной лучшей кровью тевтонской расы», попытки представить всю человеческую историю как пролог к империалистической политике, возводимой в ранг великой божественной исторической миссии, апологию захватнических войн и третирование мира как «кошмара, который может осуществиться, лишь когда лед покроет солнечный диск, а звезды, темные и невидимые, сойдут со своих орбит». Вместе с тем Крэмб пытался доказать принципиальное отличие Британской империи от всех остальных колониальных империй как основанной «на свободе» и ставящей целью не ограбление, а благоденствие покоренных народов³.

С наступлением общего кризиса капитализма старая, открыто апологетическая трактовка колониальной политики стала терять прежние господствующие позиции и после второй мировой войны сменяется «новой» формой идейной защиты и обоснования колониализма в буржуазной историографии. В английской разновидности этой «переходной» историографии неоднократно указывалось,

¹ R. Delavignette, *Christianisme et colonialisme*, Paris, 1960, p. 31.

² Однако именно в силу откровенности, обнаженности своих империалистических взглядов реакционные историки той поры, не гтаясь, говорили о многих фактах колониальной политики, которые тщательно скрывает новейшая буржуазная историография.

³ J. Cramb, *The Origin and Destiny of Imperial Britain*, London, 1915, p. 5, 10—20, 64, 67—69, 83, 100—101, 146, 177, 226 а. о.

что империя — это якобы сила, обеспечивающая между-народный мир, что «Британскую империю можно смело рассматривать как главный фактор в развитии человечества»¹. Первоначально акцент делался как на подчеркивании постепенного превращения Британской империи в «Британское содружество наций», так и на том, что Англия не должна поспешно отказываться от своего «долга» в отношении входивших в него стран².

По справедливому замечанию одного английского исследователя, большинство этих книг «базировалось на прямо не выраженном предположении, что та или иная форма европейской власти над колониальными территориями, особенно в колониальной Африке, сохранится на неограниченный период времени»³. «Фактически имеются все данные, — писал известный колониальный администратор Ф. Легерд, давая оценку положения в Индии, — показывающие, что, если английское правительство сложило бы с себя обязанности по опеке, результаты были бы губительными не только для индийского народа, но и для всего мира»⁴. В этой литературе говорилось о возникновении самоуправления в «белых

¹ *B. G. Montgomery*, *Pax Britannica*, London, 1928, p. 234.

² *H. E. Egerton*, *British Colonial Policy in the XXth Century*, London, 1928, p. 228 а. о. Книга Эгертона по истории колоний в XVII—XIX вв. переиздавалась и после второй мировой войны (12-е издание — в 1952 г.). В числе апологетических работ «переходного характера» можно отметить, напр., *H. D. Hall*, *The British Commonwealth of Nations. A Study of Its Past and Future Development*, London, 1920; *H. Gunn*, *Makers of the Empire*, London, 1924; *H. L. Jones*, *A History of the British Colonies*, 2 ed., London, 1928; *W. H. Woodward*, *A Short History of the Expansion of the British Empire*, 6th ed., Cambridge, 1931; *M. Perham*, *Native Administration in Nigeria*, London, 1937; *D. C. Sommervell*, *The British Empire*, 4th ed., London, 1938; *A. P. Newton*, *A Hundred Years of the British Empire*, London, 1940; *H. Wood Jarvis*, *Let the Great Story be Told. The Truth about British Expansion*, London (1946), и многие другие.

В этой переходной литературе не только сохраняются, напр., упреки по адресу либералов XIX в. (*W. P. Hall*, *Empire to Commonwealth, Thirty Years of British Imperial History*, New York, 1928, p. 15), но и намечается уже и их апология (*W. P. Morrell*, *British Colonial Policy in the Age of Peel and Russell*, Oxford, 1930, p. 527 а. о.).

³ *T. Hodgkin*, *Nationalism in Colonial Africa*, London, 1958, p. 9.

⁴ *F. D. Lugard*, *The Dual Mandate in British Tropical Africa*, Edinburgh and London, 1923, p. 292.

доминионах» и на этом основании безоговорочно объявлялось об осуществлении Англией миссии «создавать и развивать свободные учреждения в ее заморской империи»¹.

Преимственность между этой литературой и новейшей реакционной историографией ярко проявляется в переиздании «переходных» работ с дополнительными неокOLONИАЛИСТИЧЕСКИМИ главами².

Американская историография межвоенного и военного периодов, не склонная особенно скрывать своекорыстные мотивы европейской колониальной политики³, начала пополняться и работами, дающими апологетическую, неокOLONИАЛИСТИЧЕСКУЮ трактовку событий⁴.

**Цели и тактика
неокOLONИАЛИСТИЧЕСКИХ
историков**

Новейшая империалистическая историография, исходя из современных интересов монополистического капитала, должна делать вид, что «преодолела» старую реакционную историографию, подобно тому как «новый» колониализм изображает себя как преодоление «старого» колониализма. Идеологи реакции не скрывают своей тревоги в связи с тем, что наука стран Азии и Африки все более порывает с концепциями империалистической историографии. «История переписывается, чтобы восстановить престиж колониального народа», — отмечал Дж. Дженнингс⁵. В Индии переписывают историю, чтобы «дискредитировать английские достижения», — жаловался Д. Кэррингтон⁶. «Имеются люди, у которых «сознание вины» (если они англичане) или сознание оскорбленной расовой гордости (если они неевропейцы) является почти патологиче-

¹ С. М. MacInnes, An Introduction to the Economic History of the British Empire, London, 1935, p. V, Preface.

² R. E. Roberts, History of British India under the Company and Crown, 3d ed., Completed by T. G. P. Spear, Oxford University Press, London, 1952. Выше приводился пример переиздания книги Г. Эгертона.

³ M. E. Townsend, European Colonial Expansion, New York, 1941.

⁴ M. E. Wilbur, The East India Company and the British Empire in the Far East, New York, 1945; R. Schuyler, The Fall of the Old Colonial System. A Study in British Free Trade. 1770—1870, London, 1945.

⁵ I. Jennings, The Commonwealth in Asia, Oxford, 1951, p. 114.

⁶ C. Carrington, The British Overseas. Exploits of a Nation of Shopkeepers, Cambridge, 1950, p. 951.

ским, — писал известный английский консервативный историк В. Хэрлоу. — Поэтому борьба между объективностью и предвзятостью в области колониальной истории носит жаркий характер. Например, ныне усиливается требование, особенно среди африканцев и индусов, создания ими самими собственных работ по истории. Во многих случаях это определяется не стремлением к объективному анализу, а к такому изображению прошлого, которое помогло бы защитить нынешние требования уважения и соответствующего статуса»¹. Видный французский специалист по колониальной истории А. Брюншви́г высказывал те же мысли. «Последовательное достижение независимости заморскими странами, — писал он, — сопровождается созданием многочисленных работ в новых государствах. Молодые народы желают иметь историю, причем историю, независимую от истории их бывших метрополий»². В этих высказываниях выражено осознание крайне неприятного для империалистических держав факта — стремления народов бывших колоний опровергнуть искаженное изображение их прошлого, созданное империалистической историографией.

Не трудно догадаться, насколько критика империалистических концепций, разоблачение истинной роли колониализма во всех его формах препятствуют осуществлению неоколониалистских планов империалистических государств. Понятно поэтому, что современные реакционные историки пытаются возвести свои теории в ранг единственной научной интерпретации истории колониализма, отвергающей не только старую реакционную историографию, но и работы прогрессивных историков, будто бы необъективные вследствие «чувства вины» перед народами бывших колоний, а главное — «националистические мифы», якобы созданные историками в странах Азии и Африки. Однако «преодоление» и «националистических мифов», и прогрессивных западных трудов, и старой империалистической историографии, как это открыто признают часть реакционных историков,

¹ V. Harlow, *The Historian and British Colonial History*, Oxford, 1951, p. 10.

² H. Brunschwig, *La politique coloniale de l'Angleterre du XVIII-e siècle à la veille de la guerre de 1914*. «Revue historique», 1961, Octobre — Décembre, p. 441.

производится для защиты «достоинств» колониализма. «Мы говорим о них не в духе старых защитников колониализма, неисправимых твердолобых империализма, — декларируется в коллективной работе западных ученых, задуманной как своего рода манифест неоколониалистской историографии. — Однако, учитывая поток нападок на старую Европу, мы не должны также замалчивать их. Уже в течение ряда десятилетий для усталых интеллигентов стало своего рода общественной игрой заниматься самообвинениями и оклеветанием самих себя. Настоящий поворот — а в нем ощущалась и ощущается необходимость — открывает дорогу для освещения и справедливой оценки прошлого»¹.

В реакционной историографии усиленно доказывалось, что «самоликвидация» колониализма позволяет западным, т. е. реакционным, исследователям быть беспристрастными в освещении его истории², что они могут теперь дать объективную картину ранее находившейся в пренебрежении истории народов Африки и других колониальных территорий, истории взаимоотношений этих народов и т. д.³ Так, говоря об освещении истории завоевания Родезии в научных исследованиях, Ф. Мэзон пишет: «История Лобенгулы (вождя племени мотабеле. — Е. Ч.) ранее сообщалась обычно кем-нибудь, кто смотрел на нее глазами Родса, или Джемсона, или Привилегированной компании, или Лобенгулы. Я попытался рассмотреть ее последовательно с разных точек зрения...»⁴

Одним из показателей «беспристрастия» объявляется свойственный многим новейшим работам отказ от евро-

¹ W. Kāgi, Die rechtliche Entwicklung vom Kolonialregime zur nationalen Unabhängigkeit. «Europa und der Kolonialismus», Zürich und Stuttgart, 1961, S. 159. Следует напомнить неоколониалистским авторам, что подобными обвинениями в адрес «усталых интеллигентов» в свое время отличались как раз «твердолобые империализма», и особенно германские фашисты.

² P. Woodruff (Mason), The Men Who Ruled India, London, 1954, p. 11.

³ W. M. Macmillan, The Road to Self-Rule. A Study in Colonial Evolution, London, 1959, p. 26—27. В связи с этим Уинстон Черчилль в предисловии к одной неоколониалистской книге многозначительно подчеркнул, что история колониальной политики Англии пока слабо изучена и плохо понята (H. Ingrams, Uganda. A Crisis of Nationhood, London, 1960, p. VII).

⁴ P. Mason, The Birth of a Dilemma. . . , p. 9.

поцентризма. Что означает этот отказ на деле, можно показать на примере американского специалиста по истории Юго-Восточной Азии Д. Холла. «Чтобы избежать искажения исторической перспективы, вызванного огромным обилием исторического материала на европейских языках, и европоцентризма европейских авторов, — пишет он, — надо не терять из виду тот факт, что европейское владычество в Юго-Восточной Азии было большей частью чрезвычайно кратковременным...» Политическое господство якобы быстро исчезло, но возникшее на его основе западное воздействие осталось и даже усилилось, поскольку азиатские народы «взяли в свои руки контроль над процессом модернизации, начатым их бывшими господами»¹. Так «отрицание» европоцентризма непосредственно ставится на службу неокOLONIALИЗМУ.

К числу доказательств преодоления европоцентризма относят также так называемый би-расовый подход к истории Азии и Африки, т. е. исследование не только деятельности, в частности завоеваний, европейцев, но и реакции на нее и взглядов «туземного населения»². На деле этот путь закрыт для неокOLONIALИСТИЧЕСКИХ авторов хотя бы потому, что они на девяносто девять сотых используют лишь материалы, исходящие от колонизаторов, даже в тех случаях, когда имеется масса «туземных» источников (например, индийских — по истории английского завоевания Индии и его социальных последствий для страны). На практике «би-расовый» подход, даже когда он не является лишь закамуфлированным расизмом³, сводится к проповеди теории «взаимодействия культур», с помощью которой реакционеры пытаются отыскать доказательства «прогрессивности» колониализма⁴.

¹ D. G. E. Hall, *Looking at Southeast Asian History*. «Journal of Asian Studies», May 1960, v. XIX, N 3, p. 253.

² «XI-e Congrès International des Sciences Historiques», Reports, v. V, Stockholm, 1960, p. 23.

³ Разумеется, сохраняется совершенно различное отношение к колонизаторам, в действиях которых все считается важным, достойным внимания, и «туземцам»; даже голодная смерть миллионов жителей колоний приравнивается к случайным эпизодам, второстепенным по значению событиям.

⁴ P. Spear, *India. A Modern History*, Ann-Arbor, 1961, p. 231; P. Mason, *The Birth of a Dilemma...*, p. 10; P. Griffiths, *The Bri-*

Европоцентризм издавна был характернейшей чертой буржуазной исторической науки. Еще в 1948 г. немецкий историк Г. Фрейер мог назвать свою работу «Всемирной историей Европы»¹. В новейшей буржуазной историографии проявляется стремление под флагом критики европоцентризма просто вывернуть его наизнанку и таким путем «доказывать», что законы истории, открытые основоположниками марксизма-ленинизма, якобы являются неправомерным обобщением исторического опыта Западной Европы, развитие которой протекало в «исключительных», «уникальных» условиях. Такая критика «абсолютизации» исторического пути Европы² была, в частности, отчетливо выражена в выступлениях ряда известных буржуазных историков (Р. Палмер, В. Конце, Т. Шидер, Д. Талмон и др.) на XI Международном конгрессе исторических наук в Стокгольме³. Нечего говорить, что буржуазные историки здесь сознательно смешивают две разные вещи — специфические черты перехода в западноевропейских странах от феодального строя к капиталистическому, нашедшие отражение, например, в знаменитой 24-й главе «Капитала», - которую сам Маркс охарактеризовал как исторический очерк возникновения капитализма в Западной Европе, и открытые классиками марксизма законы раз-

tish Impact on India, London, 1952, p. 15. Среди других подобных работ выделяются: *A. J. Hanna*, *The Beginnings of Nyasaland and North East Rhodesia 1859—1895*, Oxford, 1956; *C. Leys*, *European Politics in Southern Rhodesia*, Oxford, 1958; *L. H. Gann*, *The Birth of a Plural Society*, Manchester, 1958; *D. E. Apter*, *Gold Coast in Transition*, Princeton, 1955; *D. Apter*, *The Political Kingdom in Uganda*, Princeton, 1961; *W. E. Ward*, *A History of Ghana*, London, 1957; *J. E. Flint*, *Sir George Goldie and the Making of Nigeria*, Oxford, 1960; *F. M. Bourret*, *Ghana. The Road to Independence. 1919—1957*, London, 1960; *T. Franck*, *Race and Nationalism: the Struggle for Power on Rhodesia-Nyasaland*, New York, 1960; *H. Smith*, *The New Nigerian Elite*. Stanford University Press, 1960; *R. Van Niel*, *The Emergence of the Modern Indonesian Elite*. The Hague, 1960; *M. Crowder*, *Senegal*, London, 1962.

¹ *H. Freyer*, *Weltgeschichte Europas*, Wiesbaden, 1948, Bd. I—II.

² *B. F. Hoselitz*, *Sociological Aspects of Economic Growth*. Glencoe (Ill.), 1960, p. 58 f.

³ «XI-e Congrès International des Sciences Historiques. Stockholm, 21—28 Août 1960. Actes du Congrès», Stockholm, 1962, p. 35, 57, 59, 61 а. о. Cp. *G. Masur*, *Distinctive Traits of Western Civilization Through the Eyes of Western Historians*. «American Historical Review», 1962, April.

вития всех общественно-экономических формаций и капиталистической формации в особенности. «Би-расовый» подход к истории стран Азии и Африки в реакционной историографии является помимо всего прочего также неокOLONIALИСТСКИМ ответвлением указанной тенденции.

Борьба с европоцентризмом, однако, отлично уживается с пропагандой пресловутой теории «Атлантической цивилизации», выдвинутой в современной реакционной историографии для «исторического» обоснования агрессивного Североатлантического блока. Многочисленные поборники этой теории — от известного английского ученого А. Тойнби до американца Р. Палмера и француза Ж. Годшо, авторов доклада «Проблемы Атлантики», прочитанного на Международном конгрессе исторических наук в Риме¹, — доказывают существование, по крайней мере в последние два-три столетия, единой цивилизации, к которой принадлежали и принадлежат страны Западной Европы и Америки, расположенные по обе стороны Атлантического океана. Эта антинаучная конструкция, включающая, в частности, искусственное противопоставление западноевропейских и восточноевропейских стран, обнаруживает несуществующее «единство» с помощью введения самых произвольных критериев этого единства. Критикуя псевдонаучные приемы сторонников существования «Атлантической цивилизации», английский историк Э. Хобсбаум иронически посоветовал определить ее как область, в пределах которой с XV по XVIII столетие систематически преследовали и сжигали «ведьм»².

Однако имелась если не исключительная, то действительно характерная особенность, присущая группе стран, которых относят к «Атлантической цивилизации», и благоразумно замалчиваемая проповедниками этой теории. В эту группу входили все (кроме Японии) основные колониальные державы, и большинство государств, включенных в ее состав, принимало прямое или косвенное участие в эксплуатации колоний. Это была как раз та горстка «цивилизованных» государств, монополистический капитал которых в эпоху империализма превра-

¹ «X Congresso Internazionale di Scienze Storiche», Firenze, 1955, Relazioni, v. V, p. 173—239. Ср. также С. Delmas, *L'Alliance Atlantique*, Paris, 1962, p. 30 f.

² «Atti del X Congresso Internazionale», Roma (1957), p. 572.

тился в эксплуататора более миллиарда людей в колониях и зависимых странах, подавляющего большинства человечества, и которые во второй половине XX в. являются главными вдохновителями сохранения в неоколониалистской форме ограбления молодых независимых стран Азии и Африки. Проповедь исключительности «Атлантической цивилизации» дополнительно характеризует суть показной борьбы с европоцентризмом и «би-расового» подхода к колониальной истории у реакционных ученых.

Конечно, неоколониалистская историография не подчинила и не могла подчинить себе в наше время историческую науку в молодых государствах Азии и Африки. Но многие из тезисов этой историографии все же проникли в некоторые работы национальных историков, особенно той части из них, которая по своим взглядам близка к консервативным силам в этих странах.

Более заметного успеха достигла неоколониалистская историография на внутреннем фронте, где она пытается завоевать монопольное право на освещение проблем колониализма в рамках буржуазной исторической науки. Неоколониалистские авторы использовали старые апологетические работы доимпериалистической эпохи точно таким образом, как новейшая реакционная историография в целом — прежнюю буржуазную историческую литературу по истории капитализма. Отвергнув изображение «старого» капитализма XIX в. как естественного строя, соответствующего природе человека, признавая его исторически преходящий характер и нередко классовую сущность тогдашнего буржуазного государства, новейшая историография в то же время не только продолжает восхвалять достоинства либерализма прошлого столетия, но даже подчеркивает, что они будто бы позволили ему стать орудием превращения капиталистического строя в «строй благосостояния». Точно так же неоколониалистская историография заимствует все, что возможно, из апологии колониализма XIX в., содержащейся в работах историков той эпохи, и уверяет, будто «антиколониализм», гуманные и филантропические мотивы, которые якобы направляли тогда колониальную политику (пусть не всегда свободную от классового эгоизма и заботы о материальных выгодах), позволили, мол, впоследствии направить ее на путь

«добровольного ухода» из колоний. Вместе с тем теория перерастания капиталистического строя в «строй благосостояния» создает для реакционной историографии возможность проявлять «гибкость», иногда повышая дозировку критики капитализма и колониализма XIX—начала XX в., когда это нужно для апологии неокOLONиалистской политики нашего времени.

Новейшие реакционные работы тысячами нитей преемственной связи соединены со старой, откровенно империалистической историографией конца XIX — начала XX в. Если взять наиболее показательный пример — Англию, то в работах историков и социологов того времени типа Д. Крэмба или Б. Кидда можно найти даже любимую идею новейшей историографии об изменении характера британской колониальной политики в последние два десятилетия XVIII в., которая якобы стала с той поры определяться не корыстолюбием, а «имперским идеалом», т. е. заботой о процветании и свободе туземцев. НеокOLONиалистские историки лишь развили этот апологетический миф, добавляя, что целью колонизаторов была не только «свобода» туземного населения, но и наделение колониальных стран независимостью. Ярким примером этой преемственности могут служить работы известного английского историка Реджинальда Купленда, еще в двадцатые годы третировавшего историю народов Африки и Азии с откровенно расистских позиций, а после второй мировой войны ставшего рупором неокOLONиалистских идей в историографии (с образчиками работы этого апологета британского империализма нам еще не раз придется познакомиться ниже).

Современная реакционная историография не потому критически настроена в отношении старых буржуазных работ, что стремится написать в отличие от них правдивую историю колониальной системы, а потому, что она пытается продолжить вспять крайне идеализированное изображение неокOLONиализма, трактуемого как антиколониализм. С этой целью буржуазные историки стремятся обнаружить и максимально раздуть значение тех элементов колониальной политики, которые можно как-то представить в виде зародышей неокOLONиализма, а также не только противопоставить их остальным действиям колонизаторов, но и выдать за самое главное

и основное в колониальной системе. Кратко говоря, новейшая историография продолжает прежнее восхваление колониализма как первого этапа на пути его якобы добровольной самоликвидации, как предтечу неоколониализма.

В старой буржуазной литературе наряду с основным направлением — апологией колониальной политики — существовало второе направление — либерально-реформистское, мелкобуржуазное осуждение колониализма. Это была, употребляя слова В. И. Ленина, «литература, стоящая на *буржуазной* точке зрения и дающая все же приблизительно правдивую картину и — мелканскую, конечно, — критику финансовой олигархии»¹. Если от первого, открыто апологетического направления неоколониалистские историки заимствуют его суть, хотя и облекают ее в новые формы, то от второго они берут форму, вытравя существо. Неоколониалистская историография сохраняет видимость критического отношения к старому колониализму, воспроизводит те части либерально-реформистской критики, которые вытекали из непонимания связи колониальной политики с природой капиталистического строя, а в империалистическую эпоху — монополистического капитализма. Воспроизводя мелкобуржуазные доводы о «нерентабельности», «невыгодности» колониализма, новейшая историография, как мы убедимся ниже, решительно отвергает подробно аргументированный в старой либеральной и реформистской литературе факт существования экономических причин колониальной политики. Неоколониалистские авторы стараются ниспровергнуть как раз то, что было научно ценного в старой литературе: признание — пусть частичное и поверхностное — связи между монополиями и колониальной экспансией в конце XIX — начале XX в., социальных последствий колониальной политики для стран-метрополий, роли борьбы за колонии в возникновении мировых войн. Неоколониалистских историков не устраивает не только научное представление о колониальной системе империализма, но даже социал-реформистское изображение колониализма просто как распространённой политики финансового капитала. (Очень характерно, что под давлением буржуазной идеологии

¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 27, стр. 344.

современные социал-реформисты также отказались от этого ранее защищавшегося ими тезиса.)

Неоколониалистская историография лишь модернизировала обветшалые мифы открыто империалистического направления и усвоила из либерально-критического направления только то, что можно было использовать для обновления старых апологетических легенд. Ей удалось, сохранив суть старой империалистической литературы, поглотить противостоявшее ей критическое направление. Это поглощение, произведенное под видом усвоения всего рационального в прежней критике, на деле свелось к превращению ее в апологетическую критику, или, иначе говоря, критику, поставленную на службу апологетике¹.

Степень заимствования критики из старых работ зависит от политической окраски различных течений в рамках неоколониалистской историографии (откровенно реакционного, либерального, правосоциалистического, католического или вообще клерикального), от особенностей колониальной политики данной страны в прошлом и настоящем, а также развития исторической науки вообще и особенно историографии колониализма в этой стране. Однако степень заимствования не меняет его характера и целей. Нечто подобное происходит с поглощением небезызвестной современной «школой историков бизнеса» старых исследований, критиковавших монополистический капитал с буржуазных позиций. Все же эта придворная историография финансовых магнатов более однородна, чем внешне довольно пестрая, разношерстная в политическом отношении неоколониалистская литература.

Нет никакого основания для того, чтобы считать неоколониалистскую историографию «объективным» синтезом достижений исторической науки в области изучения колониализма. Известно, что объективизм является отнюдь не надклассовым, как утверждают его сторонники, а чисто буржуазным мировоззрением, качественно уступающим марксизму в глубине познания и объектив-

¹ Неоколониалистская историография сделала шаг назад и в отношении старой исторической литературы 20—30-х годов, в которой нередко признавались экономические корни колониализма (Напр., *A. Birnie, An Economic History of Europe, 1st ed., London, 1930*).

ности отражения действительности. Характеризуя различия между этими системами воззрений, В. И. Ленин в своем знаменитом определении объективизма писал: «Объективист говорит о необходимости данного исторического процесса; материалист констатирует с точностью данную общественно-экономическую формацию и порождаемые ею антагонистические отношения. Объективист, доказывая необходимость данного ряда фактов, всегда рискует сбиться на точку зрения апологета этих фактов; материалист вскрывает классовые противоречия и тем самым определяет свою точку зрения. Объективист говорит о «непреодолимых исторических тенденциях»; материалист говорит о том классе, который «заведует» данным экономическим порядком, создавая такие-то формы противодействия других классов. Таким образом, материалист... последовательнее объективиста и глубже, полнее проводит свой объективизм. Он не ограничивается указанием на необходимость процесса, а выясняет, какая именно общественно-экономическая формация дает содержание этому процессу, *какой именно класс определяет эту необходимость*»¹.

Однако даже буржуазный объективизм — недоступная ступень объективности для неокOLONиалистской (как и вообще для новейшей реакционной) историографии. НеокOLONиалистские историки способны носить лишь маску объективистов, но стремятся свести к минимуму свою дань объективности; к этому их принуждает логика занимаемой ими позиции. Апология колониализма невозможна без прямой, пусть изощренной и тщательно скрываемой, фальсификации истории. Для неокOLONиалистского историка уже недостаточно апологетически писать о «непреодолимых исторических тенденциях», как это могли делать буржуазные ученые в период подъема капитализма. Место восхваления реальной исторической необходимости заняло отрицание самого ее существования. «Социальный заказ», выполняемый неокOLONиалистской историографией, требует отрицания либо искажения подлинных исторических тенденций или замены их фальшивыми тенденциями, изобретенными в апологетических целях реакционной наукой.

Маска объективизма, которую носят неокOLONиалистские историки, не сопровождается даже внешним копи-

¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 1, стр. 418

рованием приемов старых буржуазных историков. Этим последним нередко отказывают даже в той доле объективности, на которую они имеют основания претендовать. Это делается с целью возвести в ранг объективности неоколониалистскую фальсификацию. С той же целью у старых историков признают объективность только там, где ее не было. Маска «модернизированного» объективизма, которую носят неоколониалистские историки, заставляет их порой делать чуть ли не марксистски звучащие признания, касающиеся, однако, лишь «старого» капитализма и «старого» колониализма, при одновременном подчеркивании якобы существующего принципиального отличия между ними и современным «демократическим» капитализмом и неоколониализмом.

Таким образом, в послевоенный период, когда потерпела крушение колониальная система, произошли серьезные сдвиги и в реакционной историографии колониализма. По существу возникла неоколониалистская историография, пытающаяся «переписать» историю колониализма под углом зрения современных интересов империалистических держав, которые стремятся опутать новыми цепями экономической зависимости молодые государства Азии и Африки.

Глава II

МИФ ОБ АНТИКОЛОНИАЛЬНОМ КОЛОНИАЛИЗМЕ

**Колониализм
как «свойство
природы человека»
и «форма
распространения
цивилизации»**

Буржуазная историография ведет упорную борьбу против научной марксистской концепции истории колониализма, пытается оторвать колониальную политику от ее социальной почвы, от породившего ее экономического строя и тем самым отрицать ее эксплуататорскую суть. Колониальная политика изображается следствием не природы общественного строя, а неизменной природы человека. «Биологизация» причин колониальной экспансии, даже если это преподносится в обрамлении, лишенном откровенно расистских черт, служит орудием изображения ее в качестве извечной и единственно возможной движущей силы развития человечества, точнее, как процесса распространения благ, связанных с общественным прогрессом (в других случаях вообще отрицаемое реакционными историками понятие!)¹.

«Содержанием истории колонизации, — уверяет Г. Люти, — являются не возникновение и падение колониальных империй, политическое господство над чужими странами. Это всегда было преходящим. Колонизация является и являлась с начала истории громадным

¹ Певцы колониализма даже именуют колониальную экспансию «мировой революцией!» (H. Lüthy, *Colonisation and Making of Mankind*. «Journal of Economic History», 1961, December, p. 486; «The New Cambridge History», v. XI, Cambridge, 1962, p. 640).

процессом, в ходе которого мир был открыт, сделан доступным для человека и обжит... Можно сказать, что история колонизации является историей самого человечества»¹. «Империализм великих держав нового времени был, собственно говоря, не чем иным, как действием старого инстинкта всех государств, а именно непреодолимого желания роста, расширения и господства», — писал германский историк и публицист П. Зете. В другом случае Зете замечал, что колониализм представлял собой «смесь из первоначальных инстинктов, стремления к власти и господству, идеалистического сознания великой исторической миссии и потребностей экономического укрепления и расширения»². Колониализм изображают «внешним выражением национальной энергии», «регулярно повторяющимся историческим явлением»³. В действительности существование колониальной политики в различных социально-экономических формациях с антагонистическими классами менее всего может служить основанием для выведения ее из «первоначальных инстинктов» людей или даже государств (если не подразумевать под этим действительной функции эксплуататорского государства к расширению территории для «своего» господствующего класса). Это сохранение колониальной политики в разных формациях говорит лишь о том, что неизменной оставалась ее эксплуататорская, грабительская основа, хотя в ходе исторического развития ее носителями выступали различные эксплуататорские классы⁴.

Буржуазная историография либо предполагает, либо прямо декларирует, что колониализм якобы был (исторически или даже логически) единственно возможным путем относительно быстрого развития, что сохранение самостоятельности обрекало бы поработенные народы на отсталость. Осуждение колониализма, по мнению П. Гриффитса, означает «осуждение того главного процесса, с помощью которого распространялась цивилизация»⁵. По мнению Р. Эмерсона, крайне сомнительно,

¹ «Journal of Economic History», 1961, December, p. 485.

² P. Sethe, Deutsche Geschichte im letzten Jahrhundert, Frankfurt a. M., 1961, S. 185, 187.

³ P. Griffiths, The British Impact on India, p. 15.

⁴ См. В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 27, стр. 379.

⁵ P. Griffiths, The British Impact on India, p. 15.

чтобы «неевропейские народы можно было бы побудить, не прибегая к принуждению, в любой аналогичный отрезок времени произвести такие революционные изменения в их общественном укладе, которые повлекли бы за собой отказ от существовавшего образа жизни»¹. А. Хэнна уверяет, что, если бы не колониализм, в Африке за последнее столетие вообще бы ничего не изменилось. Конечно, рассуждает он, может, было бы лучше, если бы носителем прогресса выступил не колониализм (поскольку колонизаторы руководствовались своими политическими выгодами, а забота о благоденствии туземного населения играла подчиненную роль), а, скажем, Организация Объединенных Наций, но ведь такой международной организации не было в XVIII—XIX вв., да и она не могла справиться с кризисом в Конго!² Раз народы не хотят возвращения к доколониальным порядкам, твердят реакционные историки, это ли не признание, пусть невольное, заслуг колониализма³. Для доказательства этой сильно отдающей расизмом теории нередко делаются ссылки на отсталость тех народов Азии и Африки, которые сохранили независимость⁴.

Несостоятельность подобного «доказательства» бьет в глаза. Ведь якобы «сохранившие независимость» страны либо были полуколониями капиталистических держав, либо являлись небольшими островками среди массы колониальных территорий. Колонизаторы широко использовали имевшиеся у них возможности для изоляции отстоявших свою независимость народов и племен в целях сохранения их отсталости. Мы уже не говорим здесь, что многие из завоеванных колонизаторами стран находились на относительно более высокой ступени общественного и культурного развития (например, Индия

¹ R. Emerson, *From Empire to Nation. The Rise of Self-Assertion of Asian and African Peoples*, Cambridge (Mass.), 1960, p. 8. Подобный прием применяет и М. Перхем, разъясняющая, что еще рано давать оценку исторической роли колониализма (в Африке), но всей своей работой приводящая читателя к апологетическим выводам (M. Perham, Lugard. *The Years of Adventure 1858—1898*, London, 1956, p. 713).

² A. J. Hanna, *European Rule in Africa*, London, 1961, p. 12—13.

³ «Journal of Economic History», December, 1961, p. 493.

⁴ H. Brunschwig, *Mythes et réalités de l'imperialisme colonial français 1871—1914*, Paris, 1960, p. 187.

в XVIII — начале XIX в.) и имели условия для быстрого прогресса. Один пример Японии, сохранившей в силу ряда причин независимость и использовавшей возможности, которые она создавала для быстрого экономического подъема, решительно опровергает точку зрения неокOLONИАЛИСТИЧЕСКИХ ИСТОРИКОВ.

Отвергая обычно идею исторической закономерности, буржуазные историки неожиданно апеллируют к ней, выхолащивая, разумеется, ее научную суть, когда пытаются доказать «неизбежность» повторения в колониях таких явлений, характерных для западноевропейского капитализма XVIII — первой половины XIX в., как законодательно не ограниченная эксплуатация рабочих, в том числе женщин и детей, насильственный сгон массы крестьян с земли и т. п. Реакционные историки умалчивают о том, что не «неизбежные издержки» экономического развития, а прежде всего колониальный режим вызвал наиболее чудовищные формы эксплуатации народов колоний.

Искажая влияние общемирового развития на положение в колониях, реакционная историография пытается нащупать еще один способ реабилитации исторической роли колониальной системы. В данном случае для этого нужно доказывать, что Восток должен идти по пути Запада. В XIX в. буржуазные либералы твердили, что Азия и Африка должны в конечном счете пойти по стопам Западной Европы, используя ее «помощь». С наступлением эпохи империализма стал модным тезис, что Запад и Восток «никогда не сойдутся», который и служил обоснованием пресловутой концепции «бремени белого человека» и необходимости увековечивания колониального гнета. В современную эпоху неокOLONИАЛИСТИЧЕСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ, впитав в себя все эти «достижения» реакционной мысли, в целом вернулась к исходному пункту. Уверая, что странам Востока надлежит двигаться по пути Западной Европы и США, реакционная историография хочет доказать тем самым, что они не должны идти по пути Советского Союза и других социалистических государств; а, напротив, избрать дорогу капиталистического развития под руководством империалистического Запада.

В старой буржуазной историографии было широко распространено ненаучное смешение колониальной

политики в различные эпохи¹. Однако уже тогда параллельно проявлялось стремление проводить абсолютное различие между колониальной политикой нового времени и предшествующих эпох. Эта тенденция завоевала господство в неоколониалистской историографии, стремящейся не к выявлению действительных различий между колониальной политикой в эпоху капитализма и в эпоху предшествующих ему общественно-экономических формаций, а к доказательству якобы неэксплуататорского характера колониализма XIX—XX вв.²

Колониальная политика осуществлялась в разные эпохи под разными идеологическими предлогами («цивилизаторская миссия», «распространение христианства», «бремя белого человека», «борьба с рабством», «внедрение свободы» и т. п.). Подчеркивая разницу в этих идеологических обоснованиях, неоколониалистская историография и пытается подвести читателя к убеждению в «исключительности» колониализма нового и новейшего времени (или колониализма страны, адвокатом которого выступает данный историк).

Колониализм
без колониального
грабежа?

Неоколониалистская историография рисует картину экономического развития колониальных и зависимых стран, полностью абстрагируясь от наиболее существенных свойств и антагонизмов, связанных с их колониальным положением. Сам же колониализм предстает отделенным от его эксплуататорской сущности как от чего-то наносного и второстепенного по значению. «Подвергаясь или не подвергаясь эксплуатации, — пишет А. Брюншвиц, — колониальные народы были цивилизуемы и перевоспитаны по западному образцу (*occidentalisés*)»³. То обстоятельство, что благодаря огромному военно-техническому превосходству колонизаторам удавалось делать завоевания со сравнительно малыми силами, приводится в качестве дополнительного доказательства достоинств колониализма. «Какими бы жестокими и кровавыми ни были отдельные эпизоды в истории колонизации, — уверяет Г. Люти, —

¹ *Earl of Cromer, Ancient and Modern Imperialism, London, 1910; C. P. Lucas, Greater Rome and Greater Britain, Oxford, 1912.*

² *P. Woodruff, The Men. . . , v. II, p. 358—359 a. o.*

³ *H. Brunschwig, Mythes et réalités. . . , p. 187.*

роль силы в этой мировой революции была удивительно небольшой; со смехотворно малыми материальными средствами Европа изменила мир»¹. «Была масса недо-разумений и ошибок, — добавляет еще один неоконилистский апологет. — Нельзя приготовить яичницу, не разбив яйца. Во время процесса, растянувшегося на 400 лет, происходили события, о которых мы сожалеем, совершались ошибки, тяжелые ошибки и нелепости, и это будет продолжаться при таких взаимоотношениях до конца света... Но они ничего не стоят в сравнении с великим благом, которое принесло европейское, в особенности английское, влияние»².

Такими розовыми красками рисуется капиталистический прогресс в колониях, которого, даже в тех случаях, когда он действительно имел место, буржуазия достигла, по словам Маркса, заставляя народы идти тяжким путем крови и грязи, нищеты и унижений³. Погоня за прибылями была не привходящим моментом, а подлинной движущей силой колониальной политики на всем протяжении истории колониализма. «Обеспечьте 10 процентов, — писал один английский буржуазный автор, цитированный Марксом, — и капитал согласен на всякое применение, при 20 процентах он становится оживленным, при 50 процентах положительно готов сломать себе голову, при 100 процентах он попирает все человеческие законы, при 300 процентах нет такого преступления, на которое он не рискнул бы, хотя бы под страхом виселицы»⁴. Жестокости, кровавый разбой колонизаторов не сводились к отдельным «случайным эпизодам», а были той формой, в которую неизбежно отливались капиталистическая эксплуатация, ненасытное стремление к извлечению богатств из покоренных стран, неутолимая жажда наживы с помощью любых средств.

Некоторые неоконилистские авторы предпочитают занять более гибкую (т. е. менее противоречашую общеизвестным фактам) позицию, подчеркивая, что экс-

¹ «Journal of Economic History», 1961, December, p. 489.

² G. Laithwaite, The Impact of the Commonwealth on Asia. «Royal Central Asian Journal», 1960, July—October, v. XLVII, part III a. IV, p. 248; J. T. Shotwell, The Long Way to Freedom. Indianapolis — New York, 1960, p. 546.

³ См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., изд. 2, т. 9, стр. 228.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., изд. 2, т. 23, стр. 770.

плуатация была не столь уж велика, а блага, которые колониализм якобы принес народам, были несравнимо более значительными, что колонизаторы не только расхищали естественные богатства покоренных стран, но и ввели охрану лесов и т. п.¹ Низкие темпы экономического развития они рисуют следствием нежелания колониальных властей навязывать свои порядки, ломать традиционный образ жизни народов колоний. Разве не известно, уверяет английский историк Х. Сетон-Уотсон, что «терпимость к чужим привычкам и верованиям является частью теории либеральной демократии»?²

Любопытно, что многие империалистические идеологи осознают недостаточность подобной прямолинейной апологетики, примитивизм которой очень слабо маскируется признанием «частных» недостатков колониализма. Однако такой авторитетный рупор идеологии современного империализма и неоколониализма, каким является Консультативная ассамблея Европейского совета, мог выдвинуть взамен лишь уже известный нам «би-расовый подход», оказывающийся в данном случае новым изданием старинного католического учения о двойственной истине, а также ссылку на то, что окончательный вердикт вынесет будущее. В специальной публикации Консультативной ассамблеи, посвященной взаимоотношениям Европы и Африки, говорилось, что европеец рассматривает время колониальной политики как «начало периода, когда он передал свою цивилизацию, свои технические достижения и некоторые свои культурные идеалы почти всем народам мира. С другой стороны, африканец будет, безусловно, главным образом вспоминать определенные лишения и несправедливость, которые были распространены в Африке с XVI в. и которые все слишком часто носят европейскую печать».

Однако при этом остается все же неясным, чем в действительности являлась колониальная эпоха: «европейская» или «африканская» интерпретация событий правильно отражает историческую действительность. «Была ли колонизация не чем иным, как полностью

¹ Ханп., *A. Crofts, P. Buchanan, A History of the Far East*, New York, 1958, p. 230.

² *H. Seton-Watson, The New Imperialism*, London, 1961, p. 124.

несправедливым процессом' эксплуатаций, — задается риторический вопрос в заявлении Консультативной ассамблеи, — или, напротив, это было дело развития, которое в общем и целом принесло Африке больше выгод, чем невыгод? Те, кто на той или другой стороне считают, что могут свести проблему взаимоотношений между Европой и Африкой к немногим простым лозунгам, создают прямую угрозу будущему этих отношений, препятствуют развитию атмосферы, при которой может начаться искренняя дискуссия между континентами. Любая подобная позиция предвосхищает решение, которое должно принадлежать будущим историкам»¹. Попытки (в случае если апологетические «ответы» слишком неубедительны) объявить равноправными различные, в том числе и восхваляющие колониализм, точки зрения или отнести вопрос к компетенции ученых будущего, как мы убедимся ниже, являются приемом, часто применяемым в неоколониалистской историографии.

«Теория вакуума» Сколь бы усердно современная реакционная историография ни твердила о принципиальном различии между капитализмом XIX и капитализмом XX столетия, она чувствует единство природы капиталистического строя на всем протяжении его существования и пытается найти «оправдания» для всех стадий его развития. Точно так же постоянно твердя о «старом» и «новом» колониализме, о трансформации прежней политики в колониях в политику «самоликвидации» колониализма, реакционные авторы пытаются всячески возвеличить и «раннюю» политику, показать, что в ней уже находились семена этого последующего превращения, что все пороки колониализма не имели отношения к его сущности. В попытках оторвать колониализм от его классово-основы реакционные историки не ограничиваются ссылками на человеческую природу. Тот же Люти не прочь набросить на процесс создания и развития колониальной системы покров мистической непознаваемости. «Силы, которые снова и снова приводили в движение этот процесс, — пишет он, — остаются большей частью таинственными»².

¹ «Europe and Africa With a Foreword by Mr. Per Federspiel, President of the Consultative Assembly of the Council of Europe», Strasbourg, 1960, p. 9—10.

² «Journal of Economic History», 1961, December, p. 486.

По разъяснению Д. Лэндса, колониальная экспансия является «использованием в различных формах повсюду имеющейся возможности, возникающей из различия в силе. В том месте и в то время, когда возникает подобное различие, народы и группы лиц готовы использовать создающееся преимущество. Приходится с сожалением отметить, что в природе животного, именуемого человеком, притеснять себе подобных, находящихся вокруг него, или спасти их душу, или «цивилизовать» их в зависимости от того, какой представится случай». В этом смысле экспансия XIX в. была, по мнению Лэндса, лишь последней стадией тысячелетнего столкновения Азии и Европы. В конечном счете все дело было «в балансе сил между Европой и остальным миром. А сила подобно природе не терпит пустоты»¹.

Теория «вакуума сил», как уже сказано, сопровождается в новейшей историографии ссылками на «неизменную человеческую природу», взятую напрокат у просветителей XVIII в. Эта теория, в которой подчеркнуто издевательски упоминаются «традиционные» объяснения («цивилизаторская миссия», «миссионерский фактор»), направлена на спасение репутации не колониализма, а капитализма с явной целью создания подходящего «психологического климата» для неоколониалистской политики США, чем так озабочена ныне реакционная американская историография.

О роли колониальной системы в генезисе капитализма Реакционные историки не хотят видеть теснейшей связи между возникновением колониальной системы в XVI—XVIII вв. и генезисом капиталистического способа производства. В свое время это отрицание было связано с пресловутой «теорией воздержания», с помощью которой вульгарная политэкономия XIX в. пыталась объяснить возникновение капиталистической собственности. Как известно, эта теория подверглась уничтожающей критике Маркса, после чего она

¹ D. Landes, Some Thoughts on the Nature of Economic Imperialism. «Journal of Economic History», December 1961, p. 510—512. Эта же «теория вакуума» помогает реакционной историографии «опровергать» тот факт, что борьба за колонии, за передел мира являлась причиной империалистических войн (Напр., W. Rostow, The Stages of Economic Growth, Cambridge (Mass.), 1960, p. 121).

возрождались лишь в замаскированной форме, например выпячивания более «благовидных» источников так называемого первоначального накопления (Зомбарт), «духовных причин» появления капиталистических отношений (М. Вебер). Наконец, широкое распространение получила теория «вечности капитализма» (разносчиком ее одно время рьяно выступало американское «Общество истории бизнеса»), которая по сути дела вообще объявила несуществующим вопрос о происхождении капиталистического строя.

В последние два десятилетия теория «старого» и «нового» капитализма начала окрашивать и освещение проблемы генезиса капиталистического способа производства. Этот процесс рассматривается как появление на исторической арене «старого» капитализма, принципиально по своей природе отличного от буржуазного строя XIX в. Наряду с этим появились характерные попытки объяснить рождение даже этого «старого» капитализма мальтузианскими доводами о необходимости прокормить растущее население (Ф. Хайек и др.), геополитическими аргументами («традиционное», т. е. докапиталистическое, общество, по мнению У. Ростоу, ликвидируется просто из страха перед угрозой подчинения иноземцам¹) и т. д. Апология истории генезиса капитализма важна, как подчеркивают реакционные историки, для пропаганды капиталистического пути развития стран Азии и Африки. «Доводы в пользу американского капитализма как исторического явления, если они приведены должным образом, содержат много важных уроков для современного мира, — писал видный американский историк Л. Хекер. — Мы не должны забывать, что его ранние проблемы — это проблемы новой и слаборазвитой страны»².

Некоторые буржуазные историки (тот же Ростоу и др.) вообще предпочитают абстрагироваться от капиталистического характера возникавшего тогда строя и говорить просто о быстром развитии в этот период производительных сил, создающих новое общество. В то же время нередко самое понятие капитализма как строя объявляется марксистским вымыслом, отражающим

¹ W. Rostow, *The Stages of Economic Growth*, p. 26—27.

² «Capitalism and the Historians», Chicago, 1954, p. 90.

более психологическую, чем экономическую, реальность¹. Роль колоний как якобы случайного фактора подчеркивается обычно, лишь когда буржуазные историки начинают критиковать факт закономерной смены общественно-экономических формаций и настаивать на «исключительности» исторического пути западноевропейских стран.

В целом же в концепциях буржуазных ученых нет места ни для выявления роли колониальной системы в генезисе капитализма, ни для капиталистических корней колониальной политики в эпоху так называемого первоначального накопления и в последующие исторические эпохи. Напротив, уже упомянутый Люти пытается использовать для сокрытия связей между капитализмом и колониализмом даже то обстоятельство, что колониальный грабеж был одним из главных источников «первоначального накопления» капитала. Это, как известно, было еще сто лет тому назад подчеркнуто Марксом². Между тем, преподнося этот факт чуть ли не в виде собственного открытия, Люти готов его изобразить как... опровержение марксизма. Он торжествующе разъясняет, что «марксистская концепция роста капиталистической системы как локального западноевропейского явления, позже, в последней стадии, распространившегося по земному шару в форме колониального империализма (концепция, как следует напомнить, созданная не Марксом, а новейшими марксистами), является просто историей, написанной в обратном порядке»³. По странной «логике» реакционного историка если колониальная политика, проводившаяся до победы капитализма, когда он существовал в виде уклада в рамках феодального общества, способствовала утверждению капиталистического строя в Европе, то в дальнейшем он не мог в свою очередь служить основой для колониальной политики в новую капиталистическую эпоху.

¹ R. Tucker, *Philosophy and Myth in Karl Marx*, Cambridge (Mass), 1961, p. 234.

² См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., изд. 2, т. 23, стр. 760.

³ «*Journal of Economic History*», 1961, December, p. 489. H. Lüthy, *L'impérialisme ou les martyres posthumes de Karl Marx*, «Preuves», Juillet, 1960, p. 41.

Колониальная
политика —
особенность феодализма
и неразвитого
капитализма?

Следует напомнить, что и в XVI—XVII вв. колониальная политика порождалась самыми основами капиталистического строя. В мануфактурный период капитализма торговая гегемония обеспечивала промышленное преобладание, что определяло решающую роль, которую в то время играла колониальная система. Столь же «логично» обвинение О. Тейлором «современной неомарксистской, или коммунистической, теории» в том, что она считает колониализм следствием развитого капитализма, а не раннего капитализма (XVI—XVII вв.)¹. Как будто бы одно исключает другое и как будто в произведениях классиков марксизма-ленинизма не содержится характеристики колониальной системы домонополистического капитализма, так же как и колониальной системы империализма! В эпоху промышленного капитализма колониальная политика вызывалась в конечном счете интересами эксплуатации колоний как рынков сбыта и источников сырья. На последней, империалистической стадии развития капитализма колониальная политика целиком диктовалась и диктуется монополистическим капиталом, дополнявшим прежние формы выкачки богатств новыми методами ограбления и эксплуатации.

Австрийский социолог И. А. Шумпетер еще в 1919 г. опубликовал работу, в которой объявлялось, что внешняя (особенно колониальная) экспансия в эпоху капитализма — это пережиток докапиталистического общества². Теория Шумпетера получила широкое распространение в реакционной историографии после второй мировой войны, иногда с добавлением, что эта экспансия не связана вообще ни с каким общественным строем и может осуществляться при любой социальной системе³. (Это должно служить «научной» основой для

¹ O. H. Taylor, A History of Economic Thought, Social Ideals and Economic Theories from Quesnay to Keynes, New York, 1960, p. 400.

² J. A. Schumpeter, Zur Soziologie des Imperialismus. «Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik», Bd. XLVI, Dezember 1918, Juni 1919.

³ Ханп., E. M. Winslow, The Pattern of Imperialism. A Study in Theory of Power, New York, 1948; E. M. Winslow, Who Are the Economic Imperialists Now («Harvard Business Review», 1960, March — April, v. 38, N 2).

клеветы в адрес социалистических стран и молодых государств Азии и Африки.) Стремление к колониальным захватам «было наиболее сильным в старых, докапиталистических и деспотических обществах», — уверяет О. Тейлор. Главные колониальные захваты якобы осуществлялись только в XVI—XVII вв. Это, правда, было время торгового капитализма. Но это был ранний капитализм, который еще не выработал либеральные идеалы свободы, справедливости и независимости народов. Поэтому господствовали «реалистические», воинственные взгляды. Всюду у власти стояли феодалы, и принципы меркантилизма — господствовавшей тогда системы взглядов и экономической политики, частью которых была колониальная экспансия, — являлись, оказывается, принципами «подчинения экономики борьбе держав на международной арене»¹.

Меркантилизм и колониальная политика предстают, таким образом, не как отражение материальных интересов капитализма в период его мануфактурного развития, а как орудие феодалов и их политики, оторванной от каких-либо материальных интересов. В действительности меркантилизм и колониальная политика являлись прямым порождением мануфактурного периода в развитии капитализма². Купеческий капитал осуществлял эксплуатацию колоний не только в форме прямого грабежа и неэквивалентной торговли, но и в форме подчинения сельскохозяйственного и ремесленного производства интересам колонизаторов.

Неоколониалистской историографии «проще» отрицать связь между колониализмом и капиталистическим строем, так как буржуазная историческая наука «традиционно» изображает период мануфактурного развития капитализма как время продолжающегося господства ремесленного и кустарного производства. Поскольку капитализм на этой стадии развития широко прибегает наряду с экономическими к внеэкономическим формам принуждения, отрицается его связь с капитализмом XIX

¹ О. Н. Taylor, *A History...*, p. 400. Порой признаются экономические основы колониальной политики, но только для мануфактурного периода развития капитализма. См., напр., *L. Lipson, The Great Issues of Politics*. 2d ed., Englewood Cliffs, New York, 1960, p. 379—380.

² См. К. Маркс и Ф. Энгельс, *Соч.*, изд. 2, т. 23, стр. 763.

и тем более XX в. Кроме того, реакционная историография, поскольку речь идет об Англии, явно недооценивает или вообще не признает буржуазный характер английского государства после «славной революции» 1688 г., когда основные правительственные должности находились в руках обуржуазившейся земельной аристократии, которая, однако, делила власть с верхушкой банкиров и купцов и в конечном счете осуществляла политику, отвечавшую интересам буржуазии в целом. Игнорируя этот факт кардинальной важности для понимания сущности английского государственного строя в период от переворота 1688 г. до парламентской реформы 1832 г., неокOLONиалистским историкам нетрудно утверждать, что и государство, и Ост-Индская компания с ее узким членством и привилегиями, мол, вовсе не представляли ни буржуазии, ни капиталистического строя. Если в других случаях английские историки (например, М. Постен) готовы открыть буржуа в средневековых лордах XV в., то здесь неокOLONиалистские авторы отказываются увидеть буржуа или представителей буржуазии в вигских и торийских политиках второй половины XVIII в., в «набобах» или директорах Ост-Индской компании.

НеокOLONиалистские историки не хотят признавать связь колониальной политики с капитализмом не только на его мануфактурной стадии, но и в период промышленного переворота. «Широко распространенный популярный миф, — пишет американский историк М. Д. Моррис, — приписывает установление британского владычества в Индии объединению политической силы и силы конкуренции, созданных промышленной революцией. Однако популярные мифы часто ложны. Британская гегемония в Индии была эффективно установлена в течение шести десятилетий, последовавших за битвой при Плесси, в период до того, как главное воздействие промышленной революции проявилось на международной арене. Не паровая машина и фабричная система доставили Великобритании власть. Ответ находится совсем в другом месте. Если имеется единый общий фактор, который объясняет триумф европейцев в Азии и англичан в Индии, его вероятнее всего можно отыскать в той более высокой организации, которую европейское общество смогло создать не только на полях сражений, но

и в области торговли и политического управления (government)»¹.

Согласимся с Моррисом, что на международной арене главное влияние английской промышленной революции сказалось не в шестидесятилетие после битвы при Плесси (1757 г.), хотя это утверждение нуждается в существенных оговорках. Напомним хотя бы, что именно промышленная революция позволила Англии в это время победить ее сильнейшего торгового соперника — Францию. Однако нелепо было бы думать, что «более высокая организация» Европы в экономической и государственной областях не была связана и не определялась развитием капитализма сначала на его мануфактурной стадии, а потом в период промышленного переворота. В частности, экономическая и государственная «организация» Великобритании целиком вытекала из развития английского капитализма. Между тем как раз это и хотел бы замолчать американский историк, пытаясь разорвать связь между капитализмом и колониализмом.

Переход в Англии постепенно после 1832 г. власти от аристократии и привилегированных буржуазных слоев к промышленной буржуазии рисуется как утверждение преобладания «средних классов», т. е. буржуазии вообще. При этом как раз указанным периодом, как мы увидим, неоколониалистская историография датирует окончание всякого ограбления британских колоний. По существу в данном случае (как и в ряде других, особенно когда речь идет о политике континентальных государств в XIX и начале XX в.) из факта существования добуржуазных пережитков в общественном и государственном устройстве, сознательно консервируемых буржуазией, выводится небуржуазный характер наиболее одиозных сторон капиталистического государства. Установление зависимости между колониальной политикой и буржуазной государственной надстройкой капиталистического общества используется реакционной историографией не для вскрытия, а, напротив, для маскировки связи между ограблением колоний и капиталистическим базисом, между колониализмом и капитализмом.

¹ «Journal of Asian Studies», 1960, November, v. XX, N 1, p. 79.

В той мере, в какой признается эксплуататорский характер колониальной политики, отрицается связь ее с капитализмом. В той мере, в какой признается связь капитализма с колониальной политикой, отрицается ее эксплуататорский характер. Ради этого реакционным историкам приходится даже проводить различие между капитализмом как строем и «конкретными» капиталистами, между колониализмом как системой и «конкретными» колонизаторами. Не надеясь на общее отрицание связи капитализма и колониализма, А. Брюншви́г пытается привести читателя к мысли о коренном различии и многообразии причин колониальной экспансии каждой из великих держав в XVII—XVIII вв. Во всяком случае, по его мнению, для Франции в XVII в. основную роль играло не стремление к материальной выгоде, а забота о престиже. В XVIII в., правда, усилился интерес к торговле, и «бездоходные» колонии типа Канады были легко уступлены Англии. Во время французской революции конца XVIII в. колонии перестали рассматриваться с точки зрения престижа (он целиком определялся успехами или неудачами в Европе) и это вызвало падение внимания к колониям. Если некоторые из них после 1815 г. были вновь заняты, то опять-таки только из тех же престижных соображений¹.

**Отрицание связи
между капитализмом
и колониализмом**

Усиленно подчеркивая мнимое принципиальное различие между «старым» и «новым» капитализмом, реакционная историография отлично

сознает всю шаткость этого искусственного построения. Она не упускает никакой возможности к спасению репутации и «старого» капитализма и с этой целью так ревностно старается доказать некапиталистический характер колониального грабежа в XVII—XVIII вв.

Вместе с тем, восхваляя колониализм, буржуазная историография сама не верит в эффективность этой аполгии, в свою способность убедить читателя. Именно

¹ *H. Brunschwig, Mythes et réalités...*, p. 10—13. Cp. *B. Schaper, A propos de la doctrine de la politique coloniale de Richelieu. «Revue d'histoire des colonies», 1954, p. 314—328.* Cp. с более реалистическими старыми работами, напр., *H. J. Priestley, France Overseas. A Study of Modern Imperialism, New York, 1938; H. J. Priestley, France Overseas through the Old Régimes. A Study of European Expansion, New York, 1939.*

поэтому она ставит своей главной задачей скрыть связь между колониализмом и столь же апологетически рисуемым капитализмом. В этом сказывается вполне правильный с точки зрения интересов империализма классовый инстинкт неоколониалистских историков. Связь с капитализмом компрометирует колониализм, так как она обнажает истинную эксплуататорскую подоплеку колониальной политики. Связь с колониализмом компрометирует капитализм, так как она вскрывает ответственность капитализма за все злодеяния колонизаторов.

В реакционных работах преобладает то стремление отделить колониализм от капитализма, то, наоборот, в центр ставится задача доказать, что капиталистический строй не имел ничего общего с колониальной системой. Люти поднимается на вершины патетики, чтобы достойно воспеть всемирное благотворное значение колониализма, при котором совершенно ничтожной оказывается роль, сыгранная всякими «низменными» экономическими мотивами, всякими попытками эксплуатации колониальных народов. А его коллеги (например, О. Тейлор) подходят к решению той же задачи с другого конца. С меньшей патетикой они восхваляют экономическое сближение Запада с Востоком, оказавшее, мол, невиданно благотворное влияние на колониальные народы. О. Тейлор пишет, что «экономическое проникновение, происходившее в течение столетий, совпало и часто в значительной степени взаимодействовало с внешнеполитическими и военными авантюрами, которые предпринимались правительствами западных стран и которые одни только и составляли действительный империализм». Экономические интересы, мол, редко играли главную роль, основное значение имели другие факторы: «честолюбивое стремление политических и военных лидеров, правящих групп и классов и патриотически настроенных лиц из всех классов к увеличению национальной, личной или принадлежащей определенной группе власти и славы, чистый авантюризм, идеологическая миссионерская или крестоносная лихорадка, попытки завоевания и «цивилизации» территорий и населения, «живущего в темноте», и, главное, соперничество между великими державами»¹. Легко отметить далекую от

¹ О. Н. Taylor, A History. . . , p. 398—399.

почтительности оценку Тейлором колониализма, вызывающего восторженные песнопения Люти. Общим является отчаянное желание разорвать связь между капиталистическим строем и колониальной системой.

При освещении доимпериалистического периода акцент в целом делается на отделении колониализма от капитализма, при изложении истории конца XIX — начала XX в. — на отделении капитализма от колониализма. Это легко понять. Неоколониалистским историкам важно оторвать колониализм от «старого» капитализма, недостатки которого они готовы до известных пределов признать. Точно так же с точки зрения реакционной историографии особенно необходимо порвать связи между «новым» (в ее изображении «народным», «демократическим» и т. п.) капитализмом и колониальной системой. Этой расстановке акцентов не мешает даже то, что «старый» колониализм тоже признается имеющим теневые стороны, тогда как «новый» колониализм — в основном лишенным этих недостатков. Отдельные реакционные историки готовы допустить, что «старый» капитализм привел к возникновению не самого колониализма, а некоторых из его недостатков. Но все реакционные историки согласны в том, что «новый» капитализм вызвал к жизни не колониализм XX столетия, как таковой, а только его мнимые достоинства. Отрицая связь капиталистического строя и колониальной системы, буржуазные историки готовы признать воздействие развития капитализма на развитие колониализма, в корне искажая, однако, действительную картину этого воздействия. Не соглашаясь с тем, что капиталистический строй породил колониализм, буржуазные историки готовы согласиться, что капитализм породил «самоликвидацию» колониализма.

Может показаться, что одни реакционные историки, такие, как Люти, отчасти готовы пожертвовать репутацией капитализма, а другие подобно О. Тейлору — репутацией колониализма. Но это лишь оптический обман, прикрывающий отчаянные попытки апологии и капитализма и его колониальной системы. Недаром неоколониалистская историография в целом стремится отделить и от капитализма, и от колониализма наиболее жестокие и кровавые злодеяния колонизаторов (работоторговлю, неприкрытое ограбление колоний в XVI—XVIII вв.,

истребление целых народов и т. д.). В этом процессе «размежевания» между капитализмом и колониализмом легко обнаружить, так сказать, две ступени. Во-первых, капитализм отделяется от колониализма, как такового, но не от экономического прогресса, достигнутого в колониях в значительной степени вопреки колониальному режиму, не от мнимой «самоликвидации» колониализма. Во-вторых, сам колониализм отделяется от порожденных им «отрицательных» явлений, но в то же время объявляется опять-таки причиной и прогресса экономики, и пресловутой «самоликвидации». В результате и капитализм, и колониализм отгораживаются от их тождественных следствий для колоний и зависимых стран и объявляются причиной не ими вызванных или вовсе не существовавших явлений¹.

Значительная часть реакционных историков пытаются для отделения капитализма от колониализма использовать также еще один прием. Эти историки изображают эксплуататорскую сущность колониализма, выдаваемую ими за специфику определенного периода колониальной политики, как следствие не сущности капитализма, а особенностей его развития в этот период (например, в XVII—XVIII вв., в конце XIX в.). И напротив, особенности колониальной политики на определенном этапе развития капитализма (в десятилетия наибольшего расцвета свободной торговли) отождествляются с ее сущностью и рисуются следствием сущности капитализма, а не специфики его развития на этом этапе.

Еще более часто реакционные историки находят выгодным для себя выдавать сущность колониализма за специфические особенности колониальной политики определенной страны. В свою очередь эти особенности могут объясняться расистскими доводами (например, так трактуются порой преступления японских империалистов в захваченных ими странах), наличием в стране-

¹ Порой это «отделение» и «присоединение» приобретают гротесковые формы, когда, напр., английских плантаторов на Цейлоне, объявленных до этого никак не повинными в нищете обезземеленных ими крестьян и батраков, рисуют благодетелями населения, поскольку они якобы «приняли на себя» удары мирового экономического кризиса 1929—1933 гг. (*P. Knaplund, Britain, Commonwealth and Empire, 1901—1955, London, 1956, p. 243*).

метрополии остатков феодализма в виде сохраняющей значительные права монархии, привилегированной военной касты и т. п.

Более того, даже в тех довольно редких случаях, когда признается, что те или иные действия империалистических стран были прямо продиктованы монополиями, тут же разъясняется, что это являлось следствием не природы финансового капитала, а опять-таки национальных особенностей, политических традиций страны, вызвавших подобную позицию монополий (германских стальных и угольных магнатов, японских дзайбацу и т. д.). Напротив, действительные особенности колониальной политики определенной страны (например, США, склонных широко использовать скрытые формы колониального порабощения), поданные, разумеется, в апологетическом свете, объявляются сущностью колониальной системы в целом.

Смешение сущности колониализма и специфических черт колониальной политики отдельной страны используется и для критики «чужого» колониализма. Оно позволяет делать вид, что при осуждении «чужого» колониализма нисколько не затрагивается сущность колониальной системы. Правда, следует подчеркнуть, что одна из наиболее заметных черт неоколониалистской историографии — это тенденция к нивелировке особенностей составляющих ее школ и течений (идет ли речь об особенностях, вызванных различием общенациональных и политических взглядов, или же отражении «национальной» специфики в позиции историков). Сейчас скорее в виде исключения публикуются работы, построенные на прославлении колониализма одной из стран за счет резкого обличения колониальной политики соперничающих с ней держав, что было так характерно, например, для американской и английской историографии накануне второй мировой войны, не говоря уже о книгах германских и итальянских фашистских историков. С одной стороны, тут сказывается влияние идеологии «интегрированной» Западной Европы и попыток осуществления «коллективного» неоколониализма, с другой — это результат прямых соглашений, заключенных между буржуазными историками США и различных стран Западной Европы (в частности, ФРГ, Англии, Франции, Италии, Бельгии и других) для координации

принципов освещения прошлого этих стран в преподавании истории, но сильно окрашивающих также и исследовательскую работу¹.

Тем не менее, например, в английской неокOLONИАЛИСТСКОЙ историографии, усердно прославляющей «исключительность» Британской империи, порой фигурируют в качестве причин падения Португальской колониальной империи в Индии в XVII в. «религиозная нетерпимость», «отсутствие действенного общественного мнения в стране»² и другие недостатки, от которых, как должен догадаться читатель, была вполне свободна колониальная политика Великобритании. Официальная точка зрения салазаровской Португалии, нашедшая отражение в реакционной историографии этой страны, также основана на идее исключительности, но, конечно, португальского колониализма. Излагая эту «историческую концепцию» под свежим впечатлением от изгнания португальских колонизаторов из Гоа и других колоний в Индии, салазаровский министр иностранных дел Ф. Ногейра квалифицировал это изгнание как «империализм». При этом Ногейра разъяснил, что другие колониальные империи (хотя они и принесли блага туземцам) все же были созданы из своекорыстных экономических расчетов. Напротив, «отличительной чертой Португальской Африки является первостепенное значение, которое мы придавали и всегда будем придавать повышению ценности и достоинства человека вне зависимости от цвета кожи и от веры»³. В португальских колониях в Африке действительно всегда придавалось «первостепенное значение повышению ценности человека», потому что они в течение более чем четырех столетий являлись центрами обширной работорговли. Да и поныне они вполне сохраняют эту роль, будучи центрами покровительствуемого государством, едва прикрытого рабства жителей Анголы и Мозамбика⁴.

¹ Весьма показательно также издание в Южно-Африканском Союзе целого ряда исторических работ (С. Р. Уэлча и др.), прославляющих колониальную политику Португалии, Бельгии, Голландии и т. д.

² P. Griffiths, *The British Impact on India*, p. 45 а. о.

³ «Life» (International), 21.V.1962, p. 72.

⁴ См. «Правда», 1, 24 декабря 1961 г. Об истинном положении в португальских колониях пишут даже некоторые буржуазные

В английской историографии принято критиковать германскую колониальную политику, в том числе действия «традиционного» героя немецких шовинистов К. Петерса, в результате которой от пуль и голода погибли сотни тысяч африканцев, и противопоставлять ей якобы либеральную политику Англии¹. Западногерманские историки, напротив, как мы убедимся ниже, любят подчеркивать «малое» участие Германии в колониализме. Английские историки склонны критически относиться к французской политике «ассимиляции» как якобы недостаточно проникнутой идеями антиколониализма, хотя и приведшей к современной политике «ассоциации» Франции с ее бывшими колониями. Противоположностью объявляется обладающая «антиколониальными» качествами английская политика «косвенного управления» в Африке. Французские неоколониалистские историки занимают, разумеется, прямо противоположную позицию. Наконец, американские реакционные историки продолжают по традиции критиковать отдельные стороны европейской колониальной политики, противопоставляя ей якобы традиционный антиколониализм США. В целом же критика «чужого» колониализма полностью основывается на любимой идее реакционной историографии об отсутствии органической связи между капиталистическим строем и колониальной системой.

**Спекуляция
на прогрессивности
капитализма в эпоху
его подъема**

Несмотря на отрицание связи между капитализмом и колониальной политикой², буржуазная историография хотела бы из прогрессивной роли, сыгранной капитализмом в эпоху его подъема и утверждения в качестве господствующего общественного строя, вывести прогрессивность колониальной системы.

авторы, не только иностранные, но также португальские из числа противников режима Салазара (*A. De Figueiredo, Portugal and Its Empire: the Truth, London, 1961*). Надо напомнить, что за десятилетие с 1952 г. колонизаторы убили 55 тыс. жителей Анголы.

¹ *Z. Marsh, G. Kingsnorth, An Introduction to the History of East Africa, Cambridge, 1957, p. 209.*

² Надо добавить, что, отгораживая колониализм от породившего его капитализма в странах-метрополиях, реакционные историки готовы признать порожденным от него капитализм в колониях, хотя развитие его там сковывалось как раз колониальным режимом.

В этой связи стоит заметить, что в своем походе против марксизма новейшая реакционная историография, в том числе и неоколониалистские историки, пытается, подражая в этом отношении давнишнему приему оппортунистов, заимствовать из марксистского идеологического арсенала то, что в нем приемлемо для буржуазии, — критику феодальных порядков, выявление прогрессивной роли капитализма и капиталистической демократии на определенном этапе исторического развития. (Новым является признание пороков «старого» капитализма.) Вместе с тем неоколониалистские историки стремятся поставить без всякого на то права знак равенства между колониализмом и капиталистическим развитием колоний. Следуя любимому приему буржуазных фальсификаторов, неоколониалистские историки пытаются в данном вопросе противопоставить Маркса Ленину и изобразить основателя научного коммунизма, всегда выступавшего суровым обличителем колониальной системы, чуть ли не признававшим прогрессивность колониальной политики на том «основании», что он отмечал прогрессивность развития капитализма в колониях. В. И. Ленин, по уверению буржуазных историков, якобы отошел от позиции Маркса, поскольку счел возможным «использовать» восточные национальные движения для борьбы против Запада.

Не останавливаясь пока на рассмотрении всей цепи подлогов, из которых состоит приведенная выше «теория» неоколониалистских историков, следует отметить, что приписывание колониализму прогрессивности, свойственной некогда капиталистическому строю, несостоятельно хотя бы по той причине, что оно совершенно игнорирует, что колониальная система сковывала экономическое и социальное развитие закабаленных народов, т. е. прямо играла реакционную роль. Нечего говорить уже о том, что большая часть народов, подпавших под иго колонизаторов, была порабощена в период, когда исторически прогрессивная роль капитализма была сыграна и он превратился в главный тормоз общественного прогресса.

Частным случаем этой спекуляции на прогрессивности капитализма в прошлом является попытка сыграть на прогрессивности буржуазных революций (нидерландской, английской, французской конца XVIII в.), которые,

мол, тоже вели колониальную политику. При этом игнорируется, что буржуазия борющаяся резко отличается от буржуазии победившей, превратившейся в господствующий класс, а участники буржуазной революции — от послереволюционных буржуазных политиков, хотя некоторые из первых могут оказаться в числе вторых.

Наиболее реакционные круги историков пытаются использовать тот факт, что в период победы капиталистического строя он способствовал быстрому развитию производительных сил, для фантастического утверждения, будто капитализм... не разорял мелких производителей. Пролетариат якобы возник за счет той части населения, которая обрекалась ранее на голодную смерть вследствие низкого развития техники производства. Пролетариат, мол, возник не из разоренных капитализмом людей, а, напротив, из спасенных им от неминуемой гибели¹. Эта схема полностью торжествует, когда дело касается истории колониализма. Все элементы общественного прогресса, связанные с развитием капитализма и возникавшие нередко вопреки деятельности колонизаторов, безоговорочно относятся за счет колониального режима. Напротив, ответственность за оборотную сторону капиталистического прогресса снимается и с колониализма, и с капитализма, когда речь идет о капитале стран-метрополий, и возлагается на общественные условия, существовавшие до колониального завоевания. Если поверить реакционным историкам, даже все добытое народом в борьбе против колониального угнетения и капиталистической эксплуатации также следует засчитывать в актив колониализма, который, мол, создал условия, сделавшие возможной самую эту борьбу, и материальные ресурсы для удовлетворения требований трудящихся масс.

О «закономерности» колониализма Капитализм, таким образом, связывается или не связывается с колониализмом в зависимости от того, как выгодно в данном случае буржуазным историкам.

Колониализм в новое время случаен в том смысле, что капитализм как система мыслим без колоний, т. е. продукт капиталистического производства, теоретически говоря, может быть полностью реализован в рам-

¹ «Capitalism and the Historians», p. 15—17, 102 а. о.

ках капиталистического общества. Поиски внешних рынков (также вызываемые не мнимой безусловной невозможностью реализации общественного продукта в капиталистической среде, а диспропорциями в развитии промышленности и другими причинами исторического свойства¹), в частности поиски рынков в некапиталистических, отсталых странах в доимпериалистическую эпоху, не обязательно должны были вести к колониальному закабалению этих стран. Вместе с тем колониализм не случаен, поскольку капитализм не мог не стремиться к колониальному грабежу, а исторические условия XVII—XIX столетий создавали возможность для удовлетворения этого стремления. Конкретно-историческое развитие капитализма сопровождалось созданием и эксплуатацией огромной колониальной периферии. Более быстрое экономическое и техническое развитие Западной Европы давало в руки буржуазии этих стран материальные средства, необходимые для завоевания и порабощения народов других континентов.

В изображении неоколониалистской историографии все это ставится с ног на голову. Колониализм случаен, говорят реакционные историки, потому что он не связан с природой капитализма (а некоторые даже добавляют — по существу с капиталистическим строем вообще). Колониализм в то же время не случаен, потому что является единственным эффективным способом неизбежного втягивания отсталых стран в развитие индустриального общества. А для того чтобы доказать «историческую необходимость» колониальной системы, последовательно применяется один фальсификаторский метод: история хозяйничанья колонизаторов изображается таким образом, что все их действия преподносятся как решение самых назревших и насущных вопросов развития колониальных стран. «Историческая закономерность» колониализма под пером апологетов оказывается связанной не с природой капитализма, а с необходимостью для неевропейских стран приобщения к благам западной цивилизации или в самом крайнем случае не с нуждами европейского капитализма, а с необходимостью развития капиталистического строя в других странах и материках. «Столкновения между

¹ См. В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 3, стр. 56—58.

Востоком и Западом, между Британией и Индией, — уверяет Д. Бирс, — были географическим выражением значительно более глубокого столкновения между старым и новым, между средневековым аристократическим обществом, которое существовало свыше тысячи лет в медленно изменявшемся мире, и орудиями нового образа жизни, науки, индустриализма и либеральной демократии, которые должны были в XIX веке создать динамическое новое общество»¹. Вдобавок, нередко сознательно смешивая понятия буржуазно-демократических свобод и национальной независимости, неоколониалистские историки доказывают, что Азия и Африка не потеряли «свободы» от европейского завоевания, которое, напротив, привело к постепенному внедрению этой «свободы»².

Исторической предпосылкой капиталистической колониальной политики было, как уже указано, большее или меньшее отставание стран Азии, Африки и Америки в их социально-экономическом и научно-техническом развитии от стран Западной Европы. В изображении реакционной историографии колониализм поэтому был вызван этим отставанием, а не природой капитализма, колониальная система оказывается «исторически необходимой» с точки зрения поработенных стран и народов, а не западноевропейских держав-метрополий.

Здесь «историческая закономерность» в освещении реакционных историков прямо смыкается с «теорией вакуума». «Пассивная способность неевропейских народов быть колонизованными, — пишет Люти, — была столь же основным фактором владычества Европы на земном шаре, как и сам европейский экспансионистский порыв. Фактически нигде колонизаторы не возвышались за счет политических образований и социальных порядков, имевших внутреннюю способность к сопротивлению, за счет народов, которые жили с сознанием обладания свободой и независимости, стоящих того, чтобы их защищать, или которые придавали много значения тому, будут ли сменены их правители»³.

¹ *G. Bearce*, *British Attitudes towards India. 1784—1858*, Oxford, 1961, p. 7.

² *P. Griffiths*, *The British Impact on India*, p. 487.

³ «*Journal of Economic History*», 1961, December, p. 490.

В этих утверждениях несостоятельно всё — от заведомой фактической неправды до фальшивой трактовки некоторых, формально правильно отмеченных явлений. Совершенно ложным «обобщением» является тезис, что колонизаторы захватывали лишь внутренне разложившиеся, не имевшие воли к сопротивлению народы и страны. Наоборот, учитывая огромное военно-техническое превосходство колонизаторов, разобщенность, феодальные и племенные усобицы, приходится поражаться, насколько длительным, упорным, порой исключительно героическим было сопротивление народов Америки, Азии и Африки наступлению колониальных хищников. Достаточно напомнить, что покорение Индии заняло у Великобритании целое столетие, что один Майсур в течение ряда десятилетий сопротивлялся натиску английских войск. Еще меньше стоят рассуждения об отсутствии «сознания свободы» — в переводе на обычный язык это означает лишь, что неевропейские народы, находившиеся на докапиталистических стадиях общественного развития, не жили в условиях буржуазно-демократических порядков и соответствующей им идеологии, которые утвердились в Западной Европе и США после буржуазных революций XVI—XIX столетий. Вывод же, что в силу этого неевропейским народам было с исторической неизбежностью предопределено нести ярмо колониализма, характеризует не историческую реальность, а лишь воззрения неоколониалистских историков. «Историческая необходимость» в работах апологетов, сомкнувшаяся с «теорией вакуума», как и следовало ожидать, носит неизгладимое, несмотря на всю маскировку, клеймо расизма.

В критике марксистской концепции наряду с использованием откровенно геополитической и расистской «теории вакуума» реакционные историки щедро прибегают также к доводам, заимствованным от «географического направления» в буржуазной социологии. Несомненно, что географические условия наряду с чисто историческими факторами способствовали более быстрому вызреванию в Западной Европе капиталистического уклада. «Не области тропического климата с его могучей растительностью, а умеренный пояс был родиной капитала, — отмечал К. Маркс. — Не абсолютное плодородие почвы, а ее дифференцированность, разно-

образе ее естественных продуктов составляют естественную основу общественного разделения труда; благодаря смене тех естественных условий, в которых приходится жить человеку, происходит умножение его собственных потребностей, способностей, средств и способов труда»¹. Однако буржуазные историки менее всего заинтересованы в выяснении тех причин, которые привели к тому, что именно в Западной Европе впервые получили развитие капиталистические отношения. Наоборот, ссылаясь на малоизменчивую географическую среду реакционные историки хотели бы придать характер постоянства исторически объясняемому временному отставанию стран Азии, Африки, Америки от Западной Европы и оправдать на этом основании колониализм.

В буржуазной историографии нередки случаи использования в целях апологии колониализма известной теории американского историка Ф. Д. Тернера о роли «подвижной границы» (движения на западные земли) в истории США². Эту теорию стараются применить для объяснения причин большого количества исторических явлений во все эпохи — от древней истории Греции, Рима, Китая и Индии до крестовых походов и великих географических открытий. Иногда такие попытки связаны с добросовестным стремлением изучить роль столкновений и взаимодействия между различными ступенями социального и политического развития³, хотя эти попытки также могут во многом вызывать серьезные критические возражения. Однако у ряда реакционных историков эта теория превращается в универсальное орудие, с помощью которого они стремятся «ниспровергнуть» материалистическое понимание истории и снять с капитализма ответственность за войны, милитаризм,

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., изд. 2, т. 23, стр. 522.

² Об этой теории Ф. Тернера см. А. В. Ефимов, Проблема существования различных способов производства в работах Ф. Д. Тернера. «Вопросы философии», 1956, № 5; «Свободные земли» Америки и историческая концепция Ф. Д. Тернера». «Из истории общественных движений и международных отношений». Сб. статей в память акад. Е. В. Тарле, М., 1957; Н. Н. Болховитинов, О роли «подвижной границы» в истории США (Критический анализ концепции Ф. Тернера). «Вопросы истории», 1962, № 9.

³ Напр., О. Lattimore, *The Frontier in History*. «X Congresso Internazionale di Scienze Storiche», Relazioni, v. I, Firenze, 1955.

национальный гнет, а также за колониальную экспансию и эксплуатацию поработенных народов.

В связи с этим надо упомянуть и еще об одном апологетическом приеме — попытке представить европейскую колонизацию (явление, связанное с колониальной системой, но, поскольку речь идет о странах Азии и Африки, несравнимо меньшее по масштабам и значению, чем эта последняя) как главное, всеобъемлющее событие, а колониализм — привходящим, дополнительным эпизодом, мало что меняющим в характере и исторической роли колонизации. Сама же колонизация давно уже рисовалась в американской буржуазной историографии таким образом, чтобы обосновать тезис об «исключительности» США и о превосходстве американского народа, якобы образовавшегося из «элиты» европейских наций, эмигрировавшей за океан. Теперь эта концепция распространена на все районы европейской эмиграции и с помощью несложного лингвистического трюка (отождествления понятий колонизации и колониализма) использована для исправления исторической репутации колониальной системы. Люти уверяет, «что взгляд на европейскую экспансию как серию завоеваний слабых и миролюбивых стран немногими империалистическими государствами является ужасающе поверхностным. Колонизация была прежде всего делом не правительств и государств, а сотен тысяч колонистов, пионеров и авантюристов, элиты или людей, поставленных вне закона и принадлежавших ко всем европейским нациям. Вспышка избыточной энергии была той движущей силой, под ударами которой дали трещину и рухнули примитивные, находящиеся в упадке или загнивании общества неевропейского мира»¹.

Чтобы окончательно затемнить вопрос, Люти различает не колонизацию, т. е. заселение европейскими поселенцами «пустых» (отобранных у «туземцев») земель, и колониализм, т. е. подчинение и эксплуатацию сотен миллионов «туземного» населения, а «активность» отдельных лиц и действия правительств. Между тем очевидно, что как государственная власть, так и активность частных лиц могла быть связана как с тем, что буржуазная

¹ «Journal of Economic History», 1961, December, p. 490—491. Ср. W. M. Macmillan, *The Road...*, p. 16, 22.

наука именуется колонизацией (например, в английских колониях в Северной Америке), так и с колониализмом (в Индии, Индонезии, Западной Африке и т. д.). Понятно, что, когда Люти в завершение своей цепи фальсификаций разъясняет, что принятие европейскими государствами власти над территориями, где ранее действовали частные лица, было вызвано просто необходимостью «направить мировую революцию (т. е. колонизацию. — Е. Ч.) на путь упорядоченного развития»¹, он просто пытается в последний раз запутать и окончательно сбить с толку своих читателей.

**Возвеличение
фритредерского
«антиколониализма»**

Неоколониалистские историки постоянно подменяют сущность и классовое содержание колониальной экспансии как политики буржуазии капиталистических стран, направленной на захват и эксплуатацию других стран и народов, формами, в которых осуществлялся этот захват, т. е. применяемыми методами (прямая аннексия, установление протектората, неравноправные договоры, капитуляции, селтльменты и т. п.), дипломатической тактикой (например, отказ от преждевременных, неподготовленных аннексий). Иногда это содержание отождествляется даже с идеологической оболочкой, в которую облакалась колониальная политика. В реальной жизни антиколониалистская фразеология прикрывала политику колониальной экспансии, а в писаниях реакционных историков колониальная экспансия предстает формой осуществления антиколониальных устремлений правящих кругов.

Переписывая историю в духе теории «старого» и «нового» капитализма, современная буржуазная историография должна была вывернуть наизнанку общепризнанные догмы буржуазного мировоззрения XIX в. Взамен возведения законов капитализма в ранг вечных законов пришли отрицание объективных закономерностей в развитии общества и тезис о возможности для буржуазно-демократического государства менять по своему произволу эти законы. На место ложного утверждения об экономической невозможности повышения уровня заработной платы пришла демагогическая теория неизбежности почти автоматического повышения заработной платы и

¹ «Journal of Economic History», 1961, December, p. 491.

даже уравнения богатств при буржуазно-демократическом строе. Таким же образом прежние утверждения о жизненной необходимости колоний для капиталистических стран сменила теория, согласно которой колонии никогда не играли существенной роли для метрополий, а распадение колониальной системы оказалось чуть ли не благом для капитализма (который даже слишком мало, по разъяснению У. Ростоу, интересуется слаборазвитыми странами) ¹. При этом в отличие от других вопросов новейшая историография формально имеет здесь предшественников в буржуазных критиках колониальной политики. Однако они являются не мнимыми, а действительными предшественниками новейшей реакционной историографии лишь в той мере, в какой они были не действительными, а мнимыми противниками колониализма. Легко догадаться, что неоколониалистская историография не могла не ухватиться за антиколониалистские высказывания буржуазных деятелей первой половины XIX в.

Освещение истории колониальной политики, особенно политики важнейшей колониальной державы — Великобритании, должно подкрепить миф о существовании издавна буржуазно-либерального антиколониализма и тем самым исторических корней для якобы происшедшей в современную эпоху «самоликвидации» колониальной системы. Одновременно оно призвано по расчетам неоколониалистской историографии опровергнуть марксистскую концепцию истории колониальной системы как порождения капитализма. С этой целью реакционная историография в Великобритании (а вслед за ней неоколониалистская историография вообще) усердно коллекционирует немногочисленные высказывания колониальных администраторов типа М. Элфинстона, Т. Монро, У. Меткафа, Д. Малколма, служившего в Индии историка Маколея и других о возможности предоставления самостоятельности колониям, особенно Индии, разумеется, в неопределенно отдаленном будущем ².

¹ W. Rostow, *The Stages...*, p. 156. Ср. «Europe and Africa», p. 11.

² P. Griffiths, *The British Impact on India*, p. 245; P. Knaplund, *Britain...*, p. 63, 189; R. Coupland, *India. A Re-Statement*, London, 1945, p. 73; P. Mason, *The Birth of a Dilemma...*, p. 5; M. Edwards, *The Necessary Hell. John and Henry Lawrence and the Indian Empire*, London, 1958, p. 20.

Вместе с тем совсем оставляется в тени, что в сфере реальной политики те же лица выступали за всяческое расширение колониальной империи и всемерное укрепление британского владычества. Объективно эти высказывания были весьма полезны английскому правительству и с дипломатической точки зрения и, главное, для оправдания действий колонизаторов в глазах общественных кругов, критически настроенных в отношении тех или иных сторон колониальной политики. Лишь много позднее их стали использовать в борьбе против национально-освободительного движения.

Однако «антиколониализм» первой половины XIX в. был более серьезным явлением, чем просто не имевшие практического применения высказывания отдельных колониальных сановников¹. Когда реакционные историки в стремлении оторвать колониализм от капиталистического строя пытаются уверять, что колониальная политика не велась в интересах буржуазии в целом, они, бесспорно, искажают историческую правду. Но это искажение является в данном случае не просто игнорированием реальности, а абсолютизированием, выпячиванием того факта, что даже в Англии в эпоху «первоначального накопления» и первых десятилетий промышленного переворота непосредственно от колониальной политики выигрывала прежде всего дворянская аристократия, державшая в своих руках все важные посты в государственном аппарате, и находившиеся в тесном союзе с ней привилегированные слои буржуазии. (Было, правда, одно важное исключение — работоторговля, на которой обогащались сравнительно более широкие буржуазные круги.)

Приход к власти буржуазии как класса и ее главного отряда — промышленной буржуазии сопровождался борьбой как раз с теми кругами, которые были особенно заинтересованы в колониальной империи. Эта борьба велась под лозунгом свободы торговли и включала как «позитивные» требования допуска к участию в ограблении колоний и перехода к эксплуатации их методами

¹ Следует вообще отметить, что неоколониалистские историки нередко придают чрезмерное значение словесным разногласиям между буржуазными деятелями, сознательно не замечая за ними единую по существу политику этих лиц.

промышленного капитализма, так и «негативную» программу — критику политики противников промышленной буржуазии, иногда облекавшуюся в форму антиколониализма. Идеологию «антиколониализма» питали и настроения, вызванные утверждением в середине XIX в. промышленной гегемонии Великобритании, уверенностью британских фритредеров, что английские товары и без дорогостоящей колониальной политики и колониальных войн завоюют рынки азиатских и африканских стран. К тому же логика политической борьбы заставляла буржуазных фритредеров в своем словесном отрицании колониальной политики далеко выходить за рамки того, что они считали целесообразным осуществлять на практике. Необходимо было зайти в «отрицании» значительно дальше того, чего требовали интересы промышленной буржуазии, чтобы прочно обеспечить проведение тех мер, которые были необходимы для обеспечения этих интересов. Вместе с тем это идейное «перехлестывание» за реально планируемые меры в силу относительной самостоятельности надстройки вообще и идеологии в особенности продолжало существовать и даже окрашивать политические действия, по сути дела прямо противоположные фритредерскому «антиколониализму».

Свою цель — свободу торговли — английские фритредеры понимали, по словам Маркса, как беспрепятственное движение капитала, освобожденного от всяких политических, национальных и религиозных пут, и как устранение *faux frais*, всех излишних, необязательных издержек производства. Этими *faux frais* считались королевский двор, дворянство, палата лордов, государственная церковь, громоздкая судебная система. К *faux frais* фритредеры относили также постоянную армию и войны. Но их пацифизм имел весьма прозаическую подоплеку — не ненависть к войне, а убеждение, что Англия с меньшими затратами, не прибегая к дорогостоящим военным действиям, сможет эксплуатировать чужие страны¹. Из тех же источников происходил и антиколониализм английских фритредеров. Он представлял собой не протест против колониального грабежа, а уверенность, что его можно осуществлять чисто экономическими средствами, без затрат на колониальную политику, на

¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., изд., 2, т. 8, стр. 359—360.

содержание больших армий и административного аппарата.

Буржуазный антиколониализм и пацифизм, пропагандировавшиеся вождями фритредеров-манчестерцев Р. Кобденом и Д. Брайтом, никогда не превращались в практическую программу действий ни для одной из партий и политических группировок английской буржуазии, в руках которых находилась власть. В то же время реальные руководители английской политики действовали вполне по формуле Пальмерстона: «Постоянно претендовать, все брать, ничего не отдавать» («*Toujours prétendre, tout prendre, rien rendre*»). А Дизраэли даже говорил, что Англия «должна» увеличивать свои владения. (Эти заявления настолько точно отражали цели английской политики, что о них не забывали в дипломатических кругах на протяжении многих десятилетий!¹) Ни одна из двух сменявших друг друга у власти партий — тори и виги — с их различными фракциями, ни один из ответственных политических деятелей серьезно не обсуждали вопроса об «уходе» из колоний. Политика колониальной экспансии никогда не встречала сколько-нибудь значительного сопротивления со стороны какой-либо группы буржуазии². В этих условиях понятно, что такие либеральные органы печати, как известное «Эдинбургское обозрение», называя порой в пылу полемики колонии «проклятием», в других случаях с восторгом восклицали: «Мы можем извлекать из Индии — этого самого великолепного украшения (*appendage*), когда-либо захваченного современным государством в итоге завоевания, — почти неограниченные ресурсы богатства и мощи»³. Не мудрено, что, описывая антиколониализм английских

¹ См., напр., Архив внешней политики России (далее — АВПР), ф. Средне-Азиатский стол, 1908 г., д. 947, л. 109.

² См., напр., *K. Knorr, British Colonial Theories, Toronto, 1944, p. 407, 412.*

³ «*Edinburgh Review*», 1825, January, N 82, p. 483; 1825, August, N 84, p. 302—303; 1831, June, N 106, p. 439. Цит. по кн.: *Н. А. Ерофеев, Народная эмиграция и классовая борьба в Англии в 1825—1850 гг., М., 1962, стр. 277—285.* Лучший в литературе анализ вопроса об отношении классов и партий к колониальной проблеме см. *Н. А. Ерофеев, Колониальный вопрос в политической жизни Англии 30—40-х годов XIX в. «Ученые записки по новой и новейшей истории Института истории АН СССР», вып. II, М., 1956, стр. 207—247.*

политиков, неоколониалистские историки постоянно оказываются в таком же затруднительном положении, в каком очутился осмеянный Марксом историограф вигов Кук, заявлявший, что, хотя партия вигов и опирается на ряд «либеральных, нравственных и просвещенных принципов», ей, к величайшему сожалению, за все время ее существования каждый раз, когда она была у власти, что-нибудь мешало провести эти принципы в жизнь¹.

Сами лидеры фритредеров, входя в правительство, никогда не шли дальше выступлений против отдельных колониальных экспедиций, не обещавших прямых экономических выгод в обозримом будущем. Мнимый антиколониализм сводился к столь же мнимому стремлению проводить в старых и вновь захватываемых колониях либеральную политику и поощрять «местное самоуправление». И разве не символическим было то, что лицом, развязавшим вторую опиумную войну и приказавшим бомбардировать раскаленными ядрами жилища жителей Кантона, был один из лидеров английских фритредеров, секретарь манчестерского Общества мира Джон Боулинг!

Следует также учесть, что маска антиколониализма оказалась очень удобной и для тех английских политиков, которые несколько не разделяли воззрений манчестерцев по вопросу о колониях. Она должна была стать свидетельством мнимой чистоты намерений английских правящих кругов, доказать «вынужденность» английских колониальных захватов, что было весьма удобно, когда приходилось отвечать на критику со стороны внутренней оппозиции и возражения со стороны других держав, соперничавших с Англией. В английской дипломатической практике давно вошло в обычай так вести официальную переписку между министерством иностранных дел и послами, чтобы ее можно было в любой момент представить для публичного обсуждения в парламенте. Все документы, вскрывающие подлинные мотивы английских действий, посылались по неофициальным каналам и, как правило, не были опубликованы. Аналогичную практику усвоило и колониальное ведомство. «Вследствие природы имперских интересов в восточных колониях, — пишет английский историк Ковен, — обсу-

¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., изд. 2, т. 8, стр. 355.

ждения вопросов высокой политики в этой области проводились обычно министрами частным образом, а не в официальных документах, поэтому лишь немногие материалы до сих пор увидели свет»¹. Между тем именно на основе некритического использования этой фальсифицированной официальной переписки (как опубликованной, так и неопубликованной) в значительной мере и обнаруживаются «антиколониальные основы» английской политики не только в середине XIX в., но и в последующий период вплоть до наших дней.

К тому же вскоре обнаружилось, что если фритредерская идеология не была всегда удобной для оправдания новых колониальных захватов, то она зато оказалась идеально подходящей не только для саботирования рабочего законодательства в самой Англии, но и для отказа под флагом государственного невмешательства в хозяйственную жизнь от любых мер в пользу населения колоний, начиная от строительства ирригационных сооружений и кончая борьбой с голодом. Стоит отметить еще один факт, который сознательно игнорируется неокOLONИАЛИСТСКОЙ историографией. Если в метрополии фритредерство было идеологией, утверждающей буржуазно-демократические порядки, то в британских колониях оно превратилось в идеологию, оправдывающую сохранение феодализма и его пережитков, княжеского деспотизма, попрания самых элементарных демократических принципов.

НеокOLONИАЛИСТСКАЯ литература в целом не оспаривает буржуазного характера теории *laissez-faire*, иногда даже не отрицает классовых мотивов, скрывавшихся за отношением английских лидеров к колониям, особенно к Индии². Но вместе с тем фритредерство настолько сплавляют с «гуманистическими устремлениями», которые выдаются за вполне самостоятельный и мощный стимул колониальной политики³, с религиозным рвением помочь «туземцам» (евангелизм и т. д.), настолько выдают слова за дела, так смешивают антиколониализм и пожелания проведения либеральных реформ в колониях,

¹ C. D. Cowan, *Nineteenth Century Malaya. The Origins of the British Political Control*, London, 1961, p. 266.

² C. Bearce, *British Attitudes...*, p. 178 а. о.

³ Ханр., H. *Brunschwig*, *Mythes et réalités...*, p. 20 f.

что классовый характер теории *laissez-faire* почти полностью ступшевуется. После этого фритредерские теории противопоставляются меркантилизму уже не как ступень в развитии буржуазной идеологии, а как принципиально, качественно новое явление, заключающее в себе семена будущей «надклассовой», «антиколониалистской» политики XX в.¹

«Антиколониализм» английских фритредеров прикрывал колониальную экспансию Великобритании так же, как во второй половине XX в. словесный антиколониализм империализма является маской для неоколониалистских тенденций. Реакционная историография пытается мнимый антиколониализм фритредеров выдать за свидетельство истинности столь же мнимого антиколониализма неоколонистов. Освещение всей колониальной политики эпохи промышленного капитализма проводится новейшей реакционной историографией с постоянными ссылками на ее якобы скрытые и пусть даже трудно различимые, временами вовсе исчезающие с поверхности, но подспудно, мол, всегда существовавшие антиколониалистские основы, мотивы или хотя бы потенциальные возможности. Например, А. Брюншвиц так пишет о британском колониализме прошлого столетия: «Если попытаться охарактеризовать в двух словах эту британскую экспансию XIX века — создание белых колоний в умеренном климате, торговых факторий, морских баз и станций, которые организовывали миссионеры и филантропы в жарких странах, — ее следует назвать антиколониалистской колонизацией (*une colonisation anti-colonialiste*)»².

Конечно, далеко не всегда эта тенденция проявляется в неоколониалистской историографии в столь откровенном виде, с такой прямолинейной навязчивостью, как в работах А. Брюншвица. Неоколониалистские историки —

¹ С. *Bearce*, *British Attitudes...*, p. 360 а. о.

Во Франции антиколониализм родился как один из элементов идеологии Просвещения (хотя он не встречал поддержки у значительной части просветителей) — идеологии борьбы против феодально-абсолютистского строя, при котором ограбление колоний осуществлялось в интересах господствующего дворянства и верхушки буржуазии. Этот антиколониализм в какой-то мере сохранялся до окончательного утверждения буржуазии как господствующего класса, не имея, впрочем, особо серьезного политического значения.

² Н. *Brunschwig*, *Mythes et réalités...*, p. 10.

великие мастера по части дипломатичных оговорок, осторожных ограничительных примечаний, двусмысленных формулировок, глухих ссылок на «множественность факторов», определявших колониальную политику, которые служат не только для сокрытия действительно решающих ее причин, но и для того, чтобы сделать правдоподобной «удобную» версию о главных причинах этой политики. Так, П. Нэплэнд в своей монографии о Джеймсе Стеффене, английском политическом деятеле первой половины XIX в., подчеркивает некоторые реальные причины «антиколониальной» тенденции (борьба промышленной буржуазии против монополий на торговлю с колониями, против протекционистских тарифов и других остатков меркантилистской системы, ориентировка преимущественно не на колониальный, а на внешний рынок, в том числе рынок освободившихся от английской зависимости США и т. п.)¹. Однако Д. Стеффен, по мнению Нэплэнда, мечтал о времени, когда английские колонии станут союзниками Англии, он «рассчитывал, что они достигнут политического равноправия с ней»².

В период расцвета промышленного капитализма, в середине XIX в., Англия обладала неоспоримой колониальной гегемонией. Владения Франции не шли ни в какое сравнение с английскими. Остальные страны со значительными колониями — Голландия, Испания, Португалия — давно лишились положения великих держав и сохранили часть своих бывших владений только потому, что это не противоречило, а в известной мере даже соответствовало интересам Великобритании. Политика свободной торговли, которой придерживалась Англия, была следствием промышленной гегемонии Англии. Поэтому те неоколониалистские историки, которые говорят о том, что в середине XIX в. в результате фритредерской политики борьба за колонии и владение колониями перестала играть прежнюю роль³, явно ставят вещи с ног на голову.

В отличие от них другие неоколониалистские историки, как, например, М. Перхем, упоминают, что промышленное могущество Англии сделало ненужной колони-

¹ P. Knaplund, James Stephen and the British Colonial System 1813—1847, Madison, 1935, p. 253—255.

² Там же, стр. 278.

³ «Economic History Review», 1961, N 2, p. 201.

альную экспансию для развития торговли. М. Перхем отмечает далее, что не оказывали влияния и другие факторы, порождавшие эту экспансию, — колонизация и филантропия (они действовали отдельно), стратегические мотивы (не было крупных войн!) и, наконец, соображения престижа, так как не было острого соперничества в захвате колоний¹. Однако тем более показательно, что колониальная экспансия Англии продолжалась и в этот период, когда факторы, настойчиво выдвигаемые буржуазной наукой для объяснения колониальной политики, не могли играть существенной роли. В тех редких случаях, когда реакционные историки готовы признать, что причины колониальных захватов следует искать в странах-метрополиях, все дело сводится к интересам отдельных узких групп, случайностям развития политической борьбы и идеологии, честолюбию отдельных лиц; особенно высших колониальных чиновников. Чаше причины обнаруживаются в самих колониях — в необходимости защиты границ уже существующих владений («старые» завоевания считаются безусловно законными, так же как и любые меры для обеспечения их безопасности).

Поэтому полным извращением истины является утверждение, что колониальная политика середины XIX в. была чуть ли не прямым путем к предоставлению независимости колониям². Более того, и об этом полностью молчат буржуазные историки, сама политика фритреда в большой мере могла возникнуть не только потому, что в этот период была еще слабой концентрация капитала и не было еще монополий, но и вследствие существования еще не поделенных территорий. Как отмечал Ленин, «свободная торговля и мирная конкуренция были возможны и необходимы, пока капитал мог беспрепятственно увеличивать колонии и захватывать в Африке и т. п. незанятые земли...»³.

На заре империалистической эпохи, в конце XIX — начале XX в., реакционная историография пережила

¹ М. Perham, Lugard. The Years of Adventure. 1858—1898, p. 60 f.

² См., напр., «New Cambridge Modern History», v. X, «Zenith of European Power», ed. by J. P. T. Bury, Cambridge, 1960, p. 351—352.

³ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 26, стр. 231.

период нескрываемого преклонения перед силой, открытого признания примата силы во взаимоотношениях между капиталистическими государствами, между метрополиями и колониями. Это был, употребляя слова Ленина, сказанные в адрес империалистов США, «совершенно нагой империализм, который не считает даже нужным облачить себя во что-нибудь, думая, что он и так великолепен»¹.

В нашу эпоху подобная циничная откровенность давно вышла из моды у буржуазных историков. Они, правда, охотно пишут о «балансе сил», о борьбе за власть как первопричине колониализма, когда стремятся скрыть связь колониализма с капиталистическим строем. Однако, когда речь заходит о колониальной политике, они делают все, чтобы скрыть, в какой мере господство колонизаторов покоилось на грубой силе, а не на праве или по крайней мере создании ими «цивилизованного правопорядка» в своих владениях. Более того, отказ империалистического государства от применения в том или ином случае силы (подразумевая под этим вооруженную силу), когда оно могло ее использовать, объявляется очередным «опровержением» марксизма-ленинизма. Таким опровержением считаются «отказ» Англии от занятия ряда территорий в Азии и Африке, которые она могла бы аннексировать в середине XIX в., «отказ» США от захвата Центральной Америки и т. д. Реакционные историки приводят и «причины» этого «отказа», призванные подкрепить «опровержение», выдвигая на первый план идеологические моменты, второстепенные обстоятельства дипломатической борьбы, парламентской грызни между партиями, личные мотивы и т. д. Поскольку все это совмещается с идеализированным изображением колониальной политики как системы, требовавшей жертв от метрополии для развития колоний, то упомянутые причины еще дополняются незаинтересованностью капитализма в колониях, нежеланием идти на жертвы, связанные с их обладанием. Реальные причины «отказа» либо не упоминаются вовсе, либо оттесняются на задний план, либо, наконец, вдвигаются в рамки тенденциозной концепции, о которой говорилось выше.

¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 42, стр. 63.

Временный отказ от аннексий той или иной территории, который мог быть вызван самыми различными причинами — отсутствием перспективы быстрого экономического освоения этой территории, мотивами финансового характера, дипломатической обстановкой, внутривнутриполитической борьбой в метрополии, в частности требованиями части правящих кругов сосредоточить силы на захватах в других районах, возможностями более легкого превращения данной области в полуколонию и т. п., — безоговорочно записывается в актив скрытой «антиколониалистской» основы колониальной политики¹. В действительности же нередко якобы добровольный отказ был следствием сопротивления народов Азии и Африки, значительно более сильного, чем его хотели бы изобразить реакционные историки.

Неоколониалистские историки уверяют, что английское правительство в XIX в. не стремилось к новым колониальным завоеваниям, поскольку они влекли за собой дополнительные расходы для казны и тем создавали опасность новых социальных потрясений². (Это не мешает тем же историкам при изложении истории «социалимпериализма» писать о благотворном влиянии колоний, в частности вывоза туда капиталов, на положение трудящихся масс метрополий.)

**Другие
мнимые корни
антиколониализма**

В свое время, в XIX в., многие буржуазные английские политики с присущим им ханжеством делали вид, что существуют лишь переселенческие колонии и что остальные владения Британской короны являются просто дополнением к «плантациям», населенным белыми колонистами. На смену этому в конце XIX — начале XX в. у расистски настроенных империалистических политиков и историков пришло резкое деление Британской империи на «белые» колонии, способные к самоуправлению и входящие в избранный круг «высшей» англосаксонской расы, и «цветные» колонии, где британцам предназначено главенствовать, неся «бремя белого человека». Неоколониалистские историки

¹ См., напр., *E. A. Walker, The British Empire, Its Structure and Spirit 1497—1953*, London, 1953, p. 49 f.

² Напр., «*Cambridge History of the British Empire*», v. III, p. 128—129.

вынуждены занять другую позицию. Нередко, сознательно подводя под одну общую рубрику английские колониальные владения, новейшая буржуазная историография склонна распространять на всю политику Англии ее уступки и компромиссные соглашения, заключенные с переселенческими колониями и относившиеся только к этим последним. Между тем переселенческие колонии развивались совсем в отличных условиях, хотя в течение длительного времени и они подвергались эксплуатации со стороны Великобритании. Достаточно напомнить, например, что вывоз капитала в переселенческие колонии имел существенные особенности (в этих колониях обычно сохранялись вся прибавочная стоимость и сам капитал, служивший там целям национального производства)¹.

В то же время, когда речь идет об истории переселенческих колоний, всячески смягчается картина угнетения, а иногда полного истребления местного населения (в английских колониях в Северной Америке, Новой Зеландии и др.). При описании колонизации преуменьшается значение связи ее с крупным капиталом, резко усилившейся в конце XIX в. (расселение европейцев в ряде стран Африки под эгидой привилегированных монополистических компаний). В 1895 г. Энгельс отмечал, что колонизация «ныне находится просто на службе биржи, в интересах которой европейские державы несколько лет назад поделили Африку...»².

История колоний излагается таким образом, что все необходимое буржуазии метрополии оказывается якобы необходимым также коренному населению. Сначала завоевание для ликвидации «хаоса», достижения единства страны, потом экспроприация земель для белых поселенцев или для усиления налогового гнета (как в Индии), втягивание в обмен товарами с метрополией, еще позже привлечение иностранных капиталовложений или превращение в страну экспортной монокультуры и т. д.

Все элементы капиталистического развития, пусть замедленного и изуродованного колониализмом, запи-

¹ См. М. Драгилев, Г. Руденко, *Монополистический капитал* (Очерки основных черт капитализма), М., 1961, стр. 233.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, *Соч.*, изд. 2, т. 25, ч. II, стр. 486.

сываются в актив колониализма, а обратная сторона этого буржуазного прогресса, в огромной степени усиленная колониальным гнетом, относится на счет особенностей колониальных стран и населяющих их народов. При этом, разумеется, по мере возможности маскируется и вся картина грабежа колоний, что также необходимо для выявления «антиколониалистских корней» колониальной политики.

Широко применяется метод сравнения положения в колониях накануне их освобождения с тем, которое существовало до их захвата колонизаторами, т. е. в XVI—XIX вв.¹ (иначе говоря, опять-таки весь общественный прогресс, замедлявшийся колониализмом и происходивший вопреки колониальному гнету, объявляется следствием колониальной политики, невозможным без нее!). Все это дополняется апологетическим оправданием «недостатков» прежней колониальной политики, доводами от буржуазного лжеисторизма², ссылками на «условия эпохи» и на то, что эти недостатки были неизбежными отклонениями, никак не связанными с сущностью колониализма (и капитализма), и были устранены в результате развития колониального режима³.

На протяжении истории колониализма по мере развития капиталистического способа производства одни формы экономической эксплуатации колоний сменялись другими. Пытаясь сыграть на этом, буржуазные историки, во-первых, идут на осуждение старых форм эксплуатации, но таким образом, чтобы оно служило возвеличению новых форм колониального грабежа, и, во-вторых, объявляют достоинством колониализма, что он «не сразу» применил все формы эксплуатации (на деле он просто-напросто не имел возможности до поры до времени этого сделать). Происходившее в действительности усиление колониальной эксплуатации в ходе развития капитализма и ее частичная ликвидация в результате национально-освободительной борьбы подменяются лживой схемой постепенного ослабления и

¹ Напр., *P. Griffiths, The British Impact on India*, p. 233, 477—478; *C. Carrington, The British Overseas...*, p. 144.

² Вопрос о современном буржуазном лжеисторизме рассматривается автором в книге «Историография против истории», М., 1962.

³ *P. Mason, The Birth of a Dilemma...*, p. 5.

полного исчезновения колониального грабежа по инициативе самих колонизаторов.

Антиколониалистские корни обнаруживаются реакционными историками во всем, что бы ни делали колонизаторы: в колониалистской практике и антиколониалистской теории фритредеров, в колониальных захватах и в воздержании от аннексий, в развитии капитализма и сохранении феодальных пережитков, в отсутствии и наличии стимулов для колониальной политики, в проведении реформ и отказе от реформ и во многих других, казалось бы, прямо противоположных вещах. Антиколониализм видят и в мнимом создании в колониях «западной законности и порядка».

Реакционная историография, как уже указывалось, стремится замаскировать тот бесспорный факт, что господство колонизаторов всегда покоилось на грубом насилии. Она пытается сводить к минимуму роль силы и в истории создания колониальной системы, и в истории ее крушения. Но особенно ярко эта тенденция проявляется в освещении истории колониальной администрации и в легенде о создании «правового» государства в колониях. Конечно, наибольшие возможности с точки зрения неоколониалистской историографии и созданной ею легенды о «правовом государстве» заключаются в акцентировании «либеральных» мероприятий колониальных властей, т. е. использовании того факта, что для укрепления своего господства колонизаторы наряду с политикой неприкрытого насилия проводили политику маневрирования, наделения привилегиями определенной части колониального общества и создания пополняемых из ее состава административных кадров низшего и среднего звена.

Напротив, все самые отвратительные злодеяния колониальных властей, включая расстрелы мирных демонстраций, произвольные аресты, сечение, пытки и казни политических противников, попрание элементарного человеческого достоинства и прав полицейским сапогом, реакционная историография склонна изображать лишь случайным отклонением от «нормального правопорядка». На деле эти эксцессы, носившие массовый характер, были показателем истинно колонизаторских норм, колониальным «правом» в действии, проявлением подлинного колониалистского «порядка», который были призваны

скрывать всяческие конституционные формы и украшения. В. И. Ленин справедливо характеризовал колониальную политику, которую проводили в Азии и Африке Англия, Франция, Германия и другие капиталистические государства, как политику захватов, расстрелов целых народностей, неслыханных зверств¹.

**Колониализм
и страны-
метрополии**

Среди узловых вопросов истории колониализма, извращаемых в реакционной историографии, есть и проблемы, в отношении которых главным оружием фальсификации избран настойчивый, редко нарушаемый заговор молчания. К числу таких проблем, безусловно, принадлежит вопрос о влиянии колониальных империй на историческое развитие и особенности классовой борьбы в странах-метрополиях. Эту проблему предпочитают обходить как в работах по истории Западной Европы и США, так и в исследованиях, посвященных колониальным темам, и касаются только для голословного «опровержения» марксизма или столь же бездоказательных апологетических утверждений по отдельным, сравнительно частным вопросам.

Как уже отмечалось выше, в современных буржуазных концепциях капитализма нет места для коренящихся в капиталистическом строе причин колониальной экспансии. Однако столь же отсутствует в этих концепциях и освещение вопроса о влиянии колониальной системы, ограбления колоний на ускорение генезиса, развитие и утверждение капиталистического способа производства. Говорится лишь о воздействии развития колоний на изменения в колониальной политике метрополии, да и то в крайне искаженном виде (колониальная политика рисуется ведь «ответом» на нужды народов колоний). Так, например, излагается история генезиса английского капитализма, промышленного переворота в Великобритании и ее превращения в середине XIX в. в «фабричную мастерскую мира». Если в каких-то частных случаях признается значение притока капиталов от торговли с Востоком в английскую промышленность, то эта торговля в изображении реакционных историков лишается ее неэквивалентного, эксплуататорского характера, а другие формы колониального грабежа в данной

¹ См. В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 32, стр. 86.

связи обычно не упоминаются вовсе. «У многих индийских историков признается за символ веры, что индийский рынок являлся ключом к промышленному росту и процветанию Великобритании и даже что «эксплуатация» Индии была причиной промышленной революции», — пишет американский историк Д. Лэндс¹. Он стремится опровергнуть это ссылаясь на сравнительно незначительный (до 1814 г.) удельный вес вывоза английских товаров в Индию в общей сумме британского экспорта. Однако весь период до 1814 г. как раз и характерен тем, что эксплуатация Индии осуществлялась не столько путем торговли, сколько при помощи простого грабежа и налоговых вымогательств, спекуляции продовольствием на местах в голодные годы и тому подобными методами «первоначального накопления». А значение индийского рынка для Англии после 1814 г. не в состоянии отрицать и Лэндс.

При изложении истории промышленного переворота в других европейских странах, например во Франции, вопросу о значении ограбления колоний, как правило, уделяется совсем уже ничтожное место (говорится просто о «торговых связях» с этими странами)².

Отрицая эксплуататорский характер колониальной политики и доходность большинства колоний, многие реакционные авторы вместе с тем постоянно пишут о том, что владение колониями было выгодно для народа метрополии. Это никак не соответствует историческим фактам. В Голландии, являвшейся образцовой капиталистической страной XVII в. и первой страной, полностью развившей колониальную систему, народные массы как раз в это время, по характеристике Маркса, «больше страдали от чрезмерного труда, были беднее и терпели гнет более жестокий, чем народные массы всей осталь-

¹ D. Landes, *Some Thoughts on the Nature of Economic Imperialism*. «Journal of Economic History», 1961, December, p. 505. Это широко распространенное убеждение в Азии (С. Bowles, *Ambassador's Report*, New York, 1954, p. 52). Позднее отмечается значение для английской торговли индийского рынка, вложений в железнодорожное строительство Индии, которое, мол, было одновременно весьма выгодно и для этой страны (напр., J. R. T. Hughes, *Fluctuations in Trade, Industry and Finance. A Study of British Economic Development 1850—1860*, Oxford, 1960, p. 25—26, 46—47 а. о.).

² Напр., W. O. Henderson, *The Industrial Revolution in the Continent. Germany, France, Russia. 1800—1914*, London, 1961.

ной Европы»¹. Не менее ярким примером может служить Англия эпохи промышленного переворота. «...Разве она не была, — писал В. И. Ленин, — страной невероятного разорения, принижения, вымирания голодной смертью рабочих масс, алкоголизма и чудовищной нищеты и грязи в бедных кварталах городов в первой половине XIX века, когда английская буржуазия так успешно закладывала основы своего теперешнего колониального могущества?»²

· Как правило, полностью игнорируется в буржуазной историографии реакционное влияние колонизаторских кругов на внутривнутриполитическое развитие стран-метрополий. А ведь колониализм был проклятием и для народов Западной Европы!

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., изд. 2, т. 23, стр. 763.

² В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 27, стр. 15. ·

Глава III

ПОХОД НЕОКОЛОНИАЛИСТСКИХ ИСТОРИКОВ ПРОТИВ ЛЕНИНСКОЙ ТЕОРИИ ИМПЕРИАЛИЗМА

Пытаясь опровергнуть марксистскую концепцию истории колониализма в целом, реакционная историография стремится с особым рвением отрицать научное освещение истории колониальной политики в империалистическую эпоху, как и все ленинское учение об империализме. Ленинская теория империализма является могучим орудием борьбы против власти монополистического капитала, против экономической эксплуатации и политического подавления трудящихся масс, против колониального гнета и грабежа как в их старых, так и модернизированных, новейших формах. Известный американский реакционный историк К. Росситер (руководитель серии фальсификаторских «исследований» по истории коммунизма в США), не скупясь на бранные эпитеты, писал недавно: «Вред, который продолжает наносить эта злостная теория нашему делу, почти не поддается учету»¹. О. Тейлор, также ополчаясь против этой, по его выражению, «возмутительной теории», подчеркивает, насколько мешает политике Запада сохранившаяся с колониальных времен ненависть народов слаборазвитых

¹ С. *Rossiter*, *Marxism: the View from America*, New York, 1960, p. 276. Подобные же жалобы на «губительные последствия» раздаются в реакционной историографии и вообще в отношении марксистского учения о прогрессивной смене общественно-экономических формаций. См., напр., *L. M. Hacker*, *The Anticapitalist Bias of American Historians*, «Capitalism and the Historians», p. 70.

стран к империализму¹. Запад все еще ищет способный убедить азиатов-некоммунистов ответ на коммунистическое осуждение «истории британского, французского, голландского, португальского и американского империализма», — пишет группа американских исследователей (поставив даже здесь из осторожности империализм США на последнее место)².

Нет ничего удивительного поэтому, что современная реакционная историография стремится организовать настоящий крестовый поход против гениальной ленинской теории, неопровержимо подтверждаемой всем ходом общественного развития в XX столетии. Д. Лэндс отмечал, характеризуя литературу, критикующую «экономическое» объяснение причин колониальной политики: «Как много уже было написано по этому вопросу. Можно было бы думать, что вся эта ученая и не очень ученая полемика решила некоторые вопросы, в особенности что массивные атаки историков, социологов и даже экономистов против экономического истолкования империализма (т. е. империалистической экспансии. — *Е. Ч.*) должны были уже давно похоронить его в могиле, где погребены исторические мифы»³. Однако, по признанию того же Лэндса, «миф» оказывается столь же полным жизни, как, например, и почти полтора десятилетия назад, когда Р. Кебнер начал очередную серию атак против этой теории, не дающей покоя реакционным историкам⁴.

«Логике марксистской интерпретации причин империалистической экспансии усвоили даже многие не являющиеся коммунистами», — писал недавно с горечью американский буржуазный исследователь Е. М. Уинслоу⁵.

Повторяется хорошо знакомая история «критики» марксизма. Еще в самом начале XX в. В. И. Ленин писал

¹ *O. H. Taylor, A History...*, p. 395, 403.

² *T. N. Bonner, D. W. Hill, G. L. Wilber, The Contemporary World. The Social Sciences in Historical Perspective.* Englewood Cliff, New York, 1960, p. 486.

³ «*Journal of Economic History*», 1961, December, p. 496.

⁴ Речь идет о статье: *R. Coebner, The Concept of Economic Imperialism.* «*Economic History Review*», 2 d Ser., II (1949).

⁵ *E. M. Winslow, Who are the Economic Imperialists Now?* «*Harvard Business Review*», March — April, 1960, v. 38, N 2, p. 113.

об этих бесконечных «опровержениях» марксистской теории: «Вот уже много лет ученые и учнейшие люди Европы важно заявляют (а газетчики и журналисты повторяют и пересказывают), что марксизм уже сбит с позиций «критикой», — и тем не менее каждый новый критик опять сначала начинает трудиться над обстреливанием этой, якобы уже разрушенной, позиции»¹.

**«Опровержение»
без опровержения**

В. И. Ленин, подчеркивая, что представители буржуазной науки являются апологетами империализма и финансового капитала, писал: «Они не вскрывают, а затушевывают и прикрашивают «механику» образования олигархии, ее приемы, размеры ее доходов, «безгрешных и грешных», ее связи с парламентами и пр. и т. д.»²

Можно без преувеличения сказать, что каждый важный этап в процессе установления все более полного и всестороннего контроля монополий над буржуазным государством сопровождался соответствующим усилением отрицания самого факта этого контроля в буржуазной науке вообще и реакционной историографии в частности. Все большее подчинение внутренней, внешней и колониальной политики целям и задачам, поставленным перед ней финансовым капиталом, находило «обратное» отражение в утверждении, что она никогда не определялась интересами монополий. Чтобы убедиться в обратном соотношении развития реальной действительности и его отражения в буржуазной историографии, достаточно сравнить, например, американские работы по истории монополий и империалистической внешней политики, изданные в начале XX в., с новейшей реакционной литературой, выходящей в США, и особенно с неоколониалистскими трудами. Современная буржуазная историография вообще свертывает изучение социальных корней внешнеполитической экспансии, хотя часто выдвигает «новые» теории, якобы призванные внести ясность в этот вопрос. «Число исследований империализма сократилось по сравнению с первыми десятилетиями нашего столетия», — констатировал один автор, изучавший буржуазную литературу по этому вопросу³.

¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 5, стр. 99.

² В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 27, стр. 344.

³ R. Nyvärinen, *Monistic and Pluralistic Interpretations in the Study of International Politics*, Helsinki, 1958, p. 93.

В новейших буржуазных работах говорится лишь о благотворной роли финансового капитала (школа «историков бизнеса» в США) или разъясняется, что хотя в XX в. и наблюдалось возрастание значения монополий, но, мол, не происходило ничего «напоминающего грубо преувеличенную картину, рисуемую коммунистическими теоретиками»¹. Голословно критикуется неопровержимо установленный Лениным факт перерастания капитализма свободной конкуренции в монополистический капитализм². Реакционная часть историков хотела бы факт роста монополий, а также «причины и результаты империализма» именовать «современным фольклором», историческими мифами и т. п.³

Поход реакционных адвокатов колониализма против ленинской теории развертывается в работах, формально посвященных самым различным темам: истории отдельных стран, общественной мысли, рабочего движения, «критике» марксизма и динамике капиталовложений, войнам и милитаризму, колониальной политике и национально-освободительному движению, международным отношениям и культурным связям, национальному характеру народов Азии и Африки и советской помощи слаборазвитым странам, а также многим другим вопросам. Этот поход ведется и в крикливых журнальных статьях, и в «солидных» академических монографиях, авторы которых нередко стараются избегать даже упоминания о марксистско-ленинской идеологии и теории империализма.

¹ О. Н. Taylor, *A History...*, p. 397.

² Напр., А. В. Ulam, *The Unfinished Revolution. An Essay on the Sources of Influence of Marxism and Communism*, New York, 1960, p. 188 f. Эту точку зрения в отношении США отстаивают американские историки Л. М. Хекер, Д. Наттер (*G. W. Nutter, The Extent of Enterprise Monopoly in the United States 1899—1939*, Chicago, 1951) и множество других. Стоит напомнить, что одновременно усердно пропагандируется и миф о «демократизации богатств», хотя, даже по официальным данным, удельный вес буржуазных верхов в национальном доходе явно возрастает. Так, в США, по данным министерства торговли, 20% американских семей получили в 1960 г. лишь 4,9% общей суммы доходов против 5,2% в 1955 г. Доля двух пятых семей, стоящих на верхних ступенях социальной лестницы, напротив, возросла за эти годы с 65,9% до 66,8%. По данным профессора Р. Лэмпмена, 1% населения в США в 1961 г. владел 28% капиталов против 24,2% в 1953 г. («Известия», 21 ноября 1962 г.)

³ «Capitalism and the Historians», p. 8—9 f.

Неоколониалистская историография постоянно проводит фальшивое отождествление между взглядами Ленина на империализм и точкой зрения буржуазного социал-реформиста и пацифиста Гобсона¹, чтобы, используя ошибки и неправильности в работе последнего, делать вид, что тем самым «опровергается» ленинская теория. Однако наряду с этим реакционные историки нападают на Гобсона именно за то научно ценное, что имеется в его работе, которая содержит «очень хорошее и обстоятельное описание основных экономических и политических особенностей империализма»². В связи с этим неоколониалистские историки усвоили по отношению к труду Гобсона «Империализм», стоящему неизмеримо выше их работ в научном отношении, позицию снисходительного превосходства, не считая нужным прибегать к обстоятельной критике этой якобы «тенденциозной» и «поверхностной» книги более чем полувековой давности. Иногда делается попытка представить труд Гобсона как просто реакцию на крайности и односторонность откровенно империалистических историков, социологов и экономистов конца XIX — начала XX в. типа Фроуда, Кидда, Крэмба и других, причем реакцию столь же крайнюю и одностороннюю. Кэррингтон, например, замечает, что Фруд представлял колониальную политику только как создание территории для эмиграции и поэтому не смог бы объяснить такое явление, как карьеру Сесилия Родса в Африке. Напротив, Гобсон изображал колонии только как территории, куда можно вывозить капитал, и, следовательно, «продемонстрировал недостаток понимания, когда намекал, что финансы «управляли» жизнями Д. Ливингстона и Ф. Легерда»³.

Конечно, даже у внешне солидных авторов нет недостатка в «критике» с помощью легковесных наскоков. Ленинская теория империализма представляет собой неразрывное целое с теорией социалистической революции; именно поэтому она столь ненавистна идеологам реакции. Реакционные авторы типа Д. Смита или известного буржуазного социолога К. Поппера демагогически уверяют, будто теория империализма являлась

¹ Напр., *E. E. Nemmers, Hobson and Underconsumption*, Amsterdam, 1956, p. 55—56.

² *В. И. Ленин*, Полн. собр. соч., т. 27, стр. 309.

³ *C. Carrington, British Overseas...*, p. 857.

результатом не научного анализа реальной действительности, а просто желания доказать правоту марксизма и совершить революцию¹. М. Блоуг уверяет в известном журнале Йелского университета в США, будто ленинская теория империализма, как и весь марксизм, — это просто «искусство приписывать капитализму все беды человечества за последние 200 лет»². Французский историк Брюншви́г, специалист по истории колониальной политики, взял в качестве эпитафии к своей книге «Мифы и реальности французского колониального империализма. 1871—1914» цитату из ленинского труда «Империализм, как высшая стадия капитализма», гласящую: «На неэкономической стороне дела остановиться, как она бы этого заслуживала, нам не придется»³. В. И. Ленин со свойственной ему исключительной научной добросовестностью указывал, что в данной его работе центральное место занимает экономическая природа империализма, а не изучение явлений, порождаемых империалистической экономикой (которые служили предметом исследования во многих ленинских трудах). Это указание является свидетельством того, какое значение придавал Ленин всестороннему изучению империализма, возможному только на марксистской, научной основе. А французский буржуазный историк хочет уверить читателя, будто Ленин признал, что в своей теории он не обращал внимания на неэкономическую сторону дела. Причем, не осмеливаясь прямо высказать свою клевету, Брюншви́г высказывает ее намеками, обиняком, что лишь дополнительно характеризует «методологию» современных критиков марксизма.

Для наилучшего «опровержения» марксизма буржуазные историки смешивают абстрактно-теоретический вопрос об исходных причинах колониальной экспансии вообще и колониальной политики в эпоху капитализма

¹ D. G. Smith, Lenin's Imperialism. A Study in Unity of Theory and Practice. «Journal of Politics», 1955, November, p. 555; K. R. Popper, The Open Society and Its Enemies, v. II, London, 1957, p. 188; A. Meyer, Leninism, Cambridge (Mass.), 1957, p. 247 f.; G. Lichtheim, Marxism, An Historical and Critical Study, New York, 1961, p. 313.

² M. Blaug, Economic Imperialism Revisited. «Yale Review», Spring 1961, p. 349.

³ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 27, стр. 310.

С конкретно-историческим вопросом о причинах аннексии определенной территории данной капиталистической страной. В своей попытке ниспровергнуть научное представление об истории колониализма реакционная историография спекулирует на различии между историческим и логическим. Логическое лишь в целом совпадает с историческим, но не воспроизводит исторический процесс в его конкретных деталях, со всеми его несущественными и случайными моментами. Логический метод исследования, как отмечал Энгельс, является по существу не чем иным, как тем же историческим методом, только освобожденным от исторической формы и мешающих случайностей, от необходимости следовать за зигзагами истории, приводить материал незначительной важности, прерывая тем самым ход мысли¹.

Марксизм, вскрывая экономическую подоплеку, классовые корни колониальной политики, дает единственно научное объяснение причин ее возникновения и закономерностей ее развития. Неоколониалистская историография, напротив, пытается выдвинуть на передний план второстепенные моменты, раздувая их значение, из наличия исключений из правила выводить отсутствие самого правила, акцентировать внимание на случайных зигзагах, которые совершенно неизбежны в ходе истории, чтобы отрицать главное направление исторического развития. Вдобавок реакционные историки пытаются подsunуть марксизму для удобства его «опровержения» ненаучное представление об истории как о процессе, развивающемся по прямой линии. Марксизму глубоко чуждо подобное представление. Как указывал В. И. Ленин, «представлять себе всемирную историю идущей гладко и аккуратно вперед, без гигантских иногда скачков назад, недиалектично, ненаучно, теоретически неверно»².

Старая империалистическая литература, маскируя подлинную экономическую основу колониальной экспансии, либо выдвигала мнимые экономические причины (например, фальшивые утверждения Кидда, Гиддингса и других о «жизненном значении» естественных богатств тропических стран для существования и прогресса за-

¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., изд. 2, т. 13, стр. 497.

² В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 30, стр. 6.

падной цивилизации)¹, либо отрицала любые экономические мотивы и изобретала социал-дарвинистские, расистские или мистико-религиозные «обоснования» империалистических захватов. Эта литература иногда даже провозглашала мнимую биологическую неизбежность исчезновения «цветных» народов от соприкосновения с западной цивилизацией, а в других случаях, наоборот, велеречиво расписывала благодеяния, которые должен принести империализм народам не только метрополий, но и колоний. Из этого наследия старой империалистической историографии неокOLONиалистские историки взяли прежде всего два тезиса: о неэкономических корнях колониальной политики и о ее якобы благотворном влиянии на порабощенные народы.

**Отрыв
империалистической
политики
от экономики**

Один и тот же экономический базис с точки зрения его основных свойств вследствие крайнего различия природных, исторических и прочих условий, внешних влияний и т. п. проявляется в бесконечном разнообразии вариантов, которые можно понять только путем их конкретного рассмотрения. НеокOLONиалистские авторы пытаются здесь обнаружить возможность для отрицания существования единого капиталистического базиса в разных буржуазных странах и его влияния на надстроечные явления.

Они стараются играть на относительной самостоятельности надстройки по отношению к экономическому базису, особенно используется то обстоятельство, что некоторые элементы надстройки порождаются не непосредственно самим базисом, а другими частями той же надстройки. Один из главных методологических приемов неокOLONиалистской историографии — метафизическое противопоставление экономики политике. Политика — это концентрированная экономика, иначе говоря, «концентрированное выражение экономики»². Но неизбежное приспособление политики к экономике происходит не сразу и не гладко, не просто и не непосредственно³. Это обстоятельство и пытаются эксплуатировать реакционные историки. Сложное диалектическое соотношение

¹ Напр., *Б. Кидд*, Социальная эволюция, СПб., 1897, стр. 41 и сл.

² *В. И. Ленин*, Полн. собр. соч., т. 42, стр. 278.

³ См. *В. И. Ленин*, Полн. собр. соч., т. 30, стр. 51.

Между политикой и экономикой извращается ими для отрицания экономических корней политики. «Политика в представлении буржуазного мирозерцания, — подчеркивал В. И. Ленин, — была как бы оторвана от экономики»¹. Такой же разрыв был характерен для реформистского мышления, что лишний раз выявляло сущность оппортунизма как буржуазного влияния на пролетариат (достаточно вспомнить стремление Каутского оторвать политику империализма от его экономики²). Новым в современной буржуазной идеологии и ее частном проявлении — неокOLONиалистской историографии — являются лишь попытка откеститься от массы материалов, подтверждающих марксистское учение о соотношении экономики и политики, фальсификаторское рвение и изощренность в «опровержении» того, что подтверждено жизнью и историей.

Буржуазная историография цепляется за определенные империализма только как системы внешнеполитической экспансии. Известный американский социолог Г. Моргентау в книге «Политика наций» (1948 г.) предложил именовать империализмом политику, целью которой является изменение статус-кво. Подобное словопотребление соответствует попыткам отрыва империалистической политики вообще и особенно колониальной экспансии от их экономической основы.

Реакционная историография в своих тщетных напаках на марксистское объяснение причин колониальной экспансии и колониальной политики делает вдобавок вид, что «опровергает» ленинскую теорию империализма в целом. Эти притязания, однако, лишь подчеркивают всю несостоятельность неокOLONиалистской критики незыблемо установленных фактов. Отрывая империалистическую политику от развития монополистического капитализма, а порой и колониализм от империалистической политики и в то же время смешивая его с колонизацией, буржуазная историография намеренно или бессознательно создает терминологическую путаницу, которая становится почвой для самых нелепых утверждений и теорий, объединяемых лишь их апологетическими мотивами. Достаточно привести, например, цитату

¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 41, стр. 406.

² См. В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 27, стр. 390—392.

из книги уже упоминавшейся известной английской исследовательницы Макмиллан «Путь к самоуправлению»: «Иронией положения, — пишет она, — является то, что империализм, вдвойне осуждаемый (как империализм и колониализм. — *Е. Ч.*), прямо заимствован из традиционной индийской практики. Британское правление в Индии никогда не было колониальным, еще менее Индию рассматривали в качестве колонии. Королева Виктория как императрица Индии была отнюдь не первой (хотя более близкой к последнему) из иностранцев, возложивших на себя индийскую имперскую корону. Индийская империя стала управляться весьма малочисленной английской бюрократией, которая руководила издавна существовавшими учреждениями, укомплектованными индийским персоналом. Министерство по делам Индии и британская гражданская администрация в Индии по рангу далеко превосходили аналогичные учреждения для управления колониями»¹. Вряд ли подобное «опровержение» империалистического и колониального характера английского владычества в Индии (в обычном понимании этих терминов) требует особых комментариев!

В буржуазной историографии широко распространена точка зрения, согласно которой в период новой и новейшей истории происходит уменьшение влияния «экономических» причин на ход исторического процесса. (Это «опровержение» исторического материализма еще накануне первой мировой войны было выдвинуто буржуазными идеологами, например известным американским экономистом Зелигменом².) Буржуазные историки пытаются доказать рост влияния оторванных от экономики «социальных» причин, а то и прямо волонтаристских «факторов»³, чтобы опровергнуть историческую неизбежность крушения капитализма, однако одновременно эта эклектическая «теория» используется и как основание для игнорирования экономических корней наиболее одиозных сторон империалистической политики, в том числе колониальной экспансии и ограбления

¹ *W. M. Macmillan, The Road. . .*, p. 26.

² См. *Л. Б. Альтер*, Буржуазная политическая экономия США (На основных этапах развития американского капитализма), М., 1961, стр. 322.

³ *R. H. S. Crossman, Government and the Governed. A History of Political Ideas and Political Practice*, London, 1958, p. 231—232.

народов колоний и зависимых стран. Эти авторы готовы доказывать, что удельный вес экономических мотивов колониальной политики, первоначально преобладавших, начал непрерывно снижаться еще со времени Семилетней войны (1756—1763) ¹.

Экономическое объяснение колониализма, утверждают обычно реакционные историки, следуя за буржуазными социологами, предполагает существование класса буржуазии, а такого вовсе не существует, имеются лишь многочисленные группы с противоречивыми интересами ².

Не надо думать, что отрыв колониализма от его экономической подоплеки всегда находит открытое, прямое выражение в новейших работах буржуазных историков.

В современной реакционной историографии стала модной очередная разновидность «экономического материализма», приверженцы которой пытаются непосредственно выводить политику различных стран из уровня развития производительных сил.

В результате колониализм отделяется от капиталистического строя и превращается в роковую неизбежность, связанную с развитием производительных сил общества. Вместе с тем, когда им это выгодно, те же историки переходят на позиции волюнтаризма, объявляя уровень развития производительных сил лишь предпосылкой для «свободного» выбора политическими деятелями одного из различных путей развития. Колониальная экспансия и в таком случае оказывается оторванной от капиталистической экономики.

Имеются и не придерживающиеся этой теории неоколониалистские историки, которые готовы признать экономические мотивы более или менее решающей причиной колониализма. Скрывая обычно экономические мотивы под их политической оболочкой, эти авторы порой занимают прямо противоположную позицию, подменяя экономическими мотивами политические причины тех

¹ «Economic History Review», 1961, N 2, p. 200. Ср. W. Rostow, *The Stages...*, p. 109—110.

² «Journal of Economic History», 1961, December, p. 498—499. Критический разбор этих вымыслов см. в кн.: В. Семенов, *Проблема классов и классовой борьбы в современной буржуазной социологии*, М., 1959.

или иных действий колонизаторов¹. Такая «подстановка» нередко проводится, например, для объяснения английской агрессии в Африке до 70-х годов XIX в., тогда как в отношении последующего периода акцент делается как раз на сокрытии экономических причин борьбы за завершение раздела и передел мира. Однако, признавая роль экономических причин как раз там, где действовали мотивы политического характера, реакционная историография и здесь по существу скрывает подлинную экономическую подоплеку событий. Во-первых, сами экономические причины нередко изображаются в конечном счете следствием определенной политики европейских правительств. Не трудно заметить, что и в данном случае неокOLONиалистская историография тенденциозно использует работы мелкобуржуазных критиков империализма начала XX в., считавших его простым отклонением от «нормального» капитализма свободной конкуренции. Во-вторых, и это главное, вместо глубинных экономических интересов, концентрированным выражением которых являлись политические мотивы действий колониальных властей, причиной объявляются преходящие, несущественные или во всяком случае неглавные экономические интересы, порой действительно являвшиеся внешне благовидным прикрытием аннексионистских притязаний.

Даже в тех случаях, когда реакционная историография ссылается на экономические мотивы политических действий, они не связываются ни с подлинной природой и закономерностями капиталистического способа производства, ни, разумеется, с планами экономической эксплуатации, поскольку отрицается и неэквивалентность торговли со слаборазвитыми странами, и тем более роль инвестиций как рычага для безудержного грабежа естественных богатств и населения этих стран. Более того, выдвигая экономические причины, реакционные историки стремятся обнаружить объективную благотворность их действия для аннексируемых территорий. Экономические мотивы, являвшиеся прикрытием хищнической политической экспансии, изображаются как форма, в которую облекались, пусть не всегда с полным бескорыстием, филантропические планы и предприятия. Так,

¹ S. C. Easton, *The Twilight of European Colonialism*, London, 1961, p. 25.

защита «торговых интересов» в ряде стран Африки, являющаяся по сути дела лишь предлогом к захвату англичанами этих стран в период завершения раздела мира, неизменно рисуется как филантропическое стремление заменить работоторговлю «нормальной» торговлей между жителями Африки и европейскими купцами.

Желанием окончательно запутать вопрос об экономических корнях, о классовых основах колониальной политики вызвана и фальсификация классового анализа, к которой нередко прибегает неоколониалистская историография. Действия, предпринимавшиеся в интересах буржуазии как класса, объявляются направленными на защиту лишь определенной группы буржуазии, которая вдобавок даже не признается частью этого класса (как, например, обуржуазившаяся дворянская аристократия в Англии). В то же время политика, продиктованная интересами части буржуазии, особенно финансовой олигархии, выдается за политику, осуществляемую ради всей буржуазии или даже всех классов общества и в метрополии, и в колониях. Столь же нередко действия, предпринимавшиеся непосредственно в пользу той или иной группировки, в частности привилегированных торговых компаний, но в конечном счете в интересах всего капиталистического класса, рисуются как политика, связанная с интересами только данной группы и не имеющая ничего общего с капиталистическим строем в целом. То, что делалось в коренных классовых интересах буржуазии, — колониальная экспансия и колониальная политика, изображается как удовлетворение случайных проходящих интересов, и напротив, действия, связанные с временными, второстепенными обстоятельствами (например, отказ от отдельных аннексий в силу случайностей политической борьбы, дипломатической нецелесообразности, финансовых соображений и т. п.), оцениваются как выражение коренных интересов буржуазии.

**Неоколониалистский
вариант «теории
факторов»**

Буржуазная историография выступает против научного монистического объяснения причин колониализма. Апологетические задачи толкают буржуазную историческую мысль к защите эклектической «теории факторов», каждый из которых якобы мог приобрести решающее влияние на определенном этапе исторического развития. Делая из нужды добро-

детель, многие буржуазные ученые склонны изображать монистическую интерпретацию общественных явлений как пройденную стадию развития науки¹. Подобно тому как буржуазная политэкономия стремится за ценой не заметить стоимость, а буржуазная социология за идеологическими, национальными, религиозными и т. п. конфликтами — классовую борьбу, реакционная историография за непосредственными причинами колониальной политики (все равно, экономического или политического характера) стремится просмотреть капиталистический строй. Ради этого нередко не только непосредственные причины, но и прямо поводы или предлоги для колониальной экспансии и осуществления колониальной политики возводятся в ранг их конечной, исходной причины. В этой тактике неоколониалистской историографии ярко проявляется столь характерный для реакционных ученых отказ от научных обобщений, стремление «спрятаться от всяких «законов» исторического развития, загородить лес — деревьями»².

«Теория факторов» при объяснении причин колониальной политики (как, впрочем, и таких связанных с ней явлений, как империалистические противоречия, национальный гнет и т. д.) давно уже использовалась многими реакционными авторами для того, чтобы защитить буржуазию своей страны от подозрения в своекорыстных мотивах и в то же время обличить подобные мотивы у буржуазии враждебных стран. Это тем более удобно делать для буржуазных историков, что значительная часть из них защищают модный ныне среди реакционных идеологов тезис, будто в различных капиталистических странах господствуют совершенно различные социально-экономические системы. Обычно приводится длинный список стратегических, гуманистических, идеологических, психологических, демографических, экономических и других причин колониальной экспансии на заключительном этапе раздела мира в конце XIX в.³ Иногда буржуазные

¹ R. Hyvärinen, *Monistic and Pluralistic Interpretation in the Study of International Politics*, p. 94.

² В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 25, стр. 44.

³ Напр., «Europa und der Kolonialismus», S. 168—172; M. Lazarus, M. Coppel, *The Making of the Modern World*, Melbourne, 1961, p. 213—215; E. A. Walker, *The British Empire. Its Structure and Spirit 1497—1953*, p. 131.

историки уверяют, что «экономический колониализм» представляет собой лишь частный случай в истории колониализма¹.

В определении удельного веса каждого из факторов особенно сказываются общеисторические взгляды и политические симпатии историков. Нередко реакционные историки отбирают одни факторы для «своей» страны и другие для некоторых или всех остальных колониальных держав. Степень объективности, соблюдаемую при этом отборе, можно хорошо проиллюстрировать на примере характеристики англичанином А. Коэном борьбы европейских держав за Африку. «Гуманистические цели, дипломатическое соперничество, коммерческие интересы — все они способствовали разделу Западной Африки между Великобританией, Францией и Германией, — пишет Коэн. — Однако в той мере, в какой это касается Великобритании, именно движение против рабства — гуманистический фактор — привело к тому впутыванию в дело, за которым последовало все остальное»². У. Макмиллан пытается доказать справедливость этого тезиса утверждением, будто торговые мотивы всплыли вследствие чрезвычайно быстрого достижения гуманистических целей (уничтожения рабства), что, мол, и вводило в заблуждение впоследствии критиков колониальной политики относительно ее подлинных причин³.

Теория филантропического, альтруистического характера колониальной политики, целиком заимствованная из наиболее ханжеских и лицемерных работ в старой империалистической историографии, давно служила предметом язвительной критики в исследованиях либеральных авторов. «Это альтруизм, и очень агрессивный альтруизм, потому что он означает использование силы, грубой силы для наделения непокорных туземных народов благами французской, немецкой, английской или американской цивилизации, — писал в 20-е годы XX в. американский профессор П. Т. Мун. — Более того, этот альтруизм простирается до того, что нации, занятые цивилизаторской миссией, не только готовы выстре-

¹ «Journal of Economic History», 1961, December, p. 496.

² A. Cohen, *British Policy in Changing Africa*, Evanston, 1959, p. 10.

³ W. M. Macmillan, *The Road...*, p. 157, 162.

лами загонять индусов, зулусов, филиппинцев или мексиканцев в лоно культуры, но и подвергаться тяготам войны с другими, не менее ревностно преданными делу цивилизования нациями или даже призывать, как они это сделали в 1914 г., дикарей из Африки для участия в сражениях за превосходящую остальные разновидности европейской цивилизации»¹.

Однако, подменяя в целом монистическое объяснение вульгарной «теорией факторов», неоколониалистские авторы готовы порой в ряде конкретных случаев свести к единственной конечной причине многочисленные непосредственные причины того или иного явления в истории колониальной политики. Это делается с очевидной целью преуменьшить или вовсе отрицать значение причин, способных бросить тень на рисуемый в идиллических тонах колониализм. Искусственный характер выхватывания и выпячивания одной (действительной или мнимой) причины из ряда непосредственных причин иногда даже не скрывается, а напротив, право на произвольный выбор прямо и открыто обосновывается с позиций исторического субъективизма. В полном соответствии с традиционными приемами адвокатуры «дискредитирующие» причины признаются лишь для сокрытия других, еще более дискредитирующих причин, вина менее важных объектов апологетики не отрицается только в том случае, если это помогает скрыть ответственность самого капитализма и основных институтов буржуазного общества за колониализм и его преступления перед человечеством.

Как уже отмечалось, наличие специфических особенностей колониальной политики в различные эпохи (сколь бы ни искаженным было отражение этих особенностей в реакционной историографии) дает неоколониалистской историографии повод отрицать отсутствие единой эксплуататорской сущности у колониализма на всем протяжении его существования и вообще возможности монистического объяснения его причин². Однако наряду с этим мы находим в этой же историографии и попытку

¹ P. T. Moon, *Imperialism and World Politics*, New York, 1947, p. 74.

² См., напр., H. Brunschwig, *Mythes et réalités...*, p. 10; O. H. Taylor, *A History...*, p. 398.

обнаружить подобное монистическое объяснение, но не экономического, а биологического, геополитического, мальтузианского характера, которое отрицает специфику природы колониальной политики в разные эпохи истории человечества. По сути эти объяснения являются лишь «прокинутыми в прошлое» реакционными теориями, стремящимися представить колониализм лишь как систему политического господства, оторванную от экономической основы, и таким образом отрицать само существование неоколониализма¹. «Причинами», искусственно вырванными из общего ряда, могут быть объявлены деятельность отдельных лиц, тех или иных политических групп или торговых компаний, в крайнем случае особенности роста капиталистического строя, которые всегда, однако, изображаются в отрыве от природы капитализма. Иногда причиной оказываются нужды развития «индустриального общества» или вообще производительных сил, заботливо отделенных от капиталистических производственных отношений.

Как и вся реакционная историография, неоколониалистские работы используют то обстоятельство, что буржуазные деятели сплошь и рядом не осознают правильно общественных корней, смысла и последствий своих действий, для того чтобы подменять субъективными мотивами этих лиц объективные причины колониальной политики. Иногда, напротив, объективные причины выдаются за субъективные мотивы, не отражающие реального положения дел. Реакционным историкам отлично известно, хотя они чаще предпочитают не упоминать об этом, что многие буржуазные политики конца XIX — начала XX в. не считали нужным скрывать причины колониальной экспансии. Так, в 1893 г. один из организаторов захвата Восточной Африки, Ф. Легерд, писал: «Драка за Африку... вызвана растущим торговым соперничеством, которое заставило цивилизованные нации осознать жизненную необходимость обеспечения за собой еще оставшихся областей для промышленного предпринимательства и экспансии»². Неоколониалист-

¹ Об этих теориях см. *Е. Д. Модржинская, Идеология современного колониализма, М., 1961, стр. 81, и др.*

² *L. Woolf, Empire and Commerce in Africa. A Study in Economic Imperialism, London (s. d.), p. 26.*

Интересно отметить, что тот же Легерд впоследствии уже

ской историографии не остается ничего другого, как объявить все это иллюзиями или даже сознательным обманом со стороны поборников активной колониальной политики. Так, А. Брюншви́г разъясняет, что сторонники колониализма говорили о его выгодности лишь для отвода глаз, для прикрытия своих подлинных мотивов (национализм, забота о престиже и т. д.). Напротив, противники колониальной политики осуждали ее как якобы предиктованную капиталистами, жаждущими прибылей от эксплуатации новых владений. Отсюда, мол, и пошло поверие о том, что экономические мотивы находились в основе колониальной политики¹. А. Хэнна пишет: «Действительно, о перспективах расширения возможностей для торговли и инвестиций капитала часто говорилось и писалось в восторженных тонах в эпоху раздела мира. Однако призывы политиков к избирателям или деловым людям не обязательно являются несомненным доказательством стихийно возникших стремлений, желаний народа, к которому обращены эти призывы. Попытки организовать поддержку нельзя неправильно представлять как уступку давлению. Безусловно, подобные призывы были совершенно искренни, но оптимизм, превращавший неопределенные перспективы в твердую надежду, был сам порожден неэкономическими соображениями»². Об этом же пишет американский историк Р. Беттс в книге, посвященной французским теориям колониальной политики³. В рецензии на эту книгу в журнале Американской исторической ассоциации Е. Вебер писал: «Она доказывает относительно несущественную

скрывал истинные пружины колониальной политики. Через тридцать лет, в 1923 г., Легерд прежде всего доказывал, что колониальные захваты в Африке производились вопреки государственным деятелям и отнюдь не благодаря финансистам. «Только инстинкт британской демократии, — добавлял он, — заставил нас взять нашу долю» (*F. Lugard, The Dual Mandate in British Tropical Africa*, p. 616).

¹ *H. Brunshwig, Mythes et réalités...*, p. 186.

² *A. J. Hanna, European Rule in Africa*, p. 3—4. Об этом же пишут известные английские историки Р. Робинзон и Д. Галлахер, утверждающие, что ссылками на экономические мотивы (рынки и пр.) дипломаты прикрывали подлинные, чисто политические причины своих действий («*The New Cambridge Modern History*», v. XI, Cambridge, 1962, p. 616).

³ *R. F. Betts, Assimilation and Association in French Colonial Theory*, New York, 1961.

роль экономических мотивов, выдвинутых для оправдания менее рациональных или более частных настояний»¹. А. Хэнна ссылается на пример Ферри, стремившегося восстановить величие Франции после поражения при Седане, или С. Родса. Характеризуя в другой книге деятельность Родса, Хэнна замечал: «Его вера в то, что британская цивилизация, с которой он связывал и США, должна стать спасением мирового порядка, была главным мотивом во время всей его карьеры. И хотя он мог быть циничным, бессердечным и чрезвычайно неприятным, и хотя его идеалы тускнели от слишком частого столкновения с низкими сторонами природы человека, эта вера оставалась главной движущей силой (master influence) в течение всей жизни Родса, силой, которой были подчинены все эти личные честолюбивые планы»².

Специальные исторические исследования уже давно раскрыли подлинные мотивы действий Родса, нажившего многомиллионное состояние на расхищении естественных богатств Африки, о чем деликатно умалчивает Хэнна, и ярого поборника колониального грабежа Ферри. Но на минуту согласимся с мнением Хэнна о мотивах, которыми якобы руководствовались Ферри и Родс. Ведь и в этом случае неоколониалистский критик может выдвинуть против исторического материализма лишь доводы, которые были исчерпывающим образом разобраны и опровергнуты К. Марксом более ста лет тому назад в его труде «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта». Маркс указывал, что каждый общественный класс творит целую надстройку различных и своеобразных чувств, иллюзий, образов мыслей и мировоззрений, формируя все это на почве своих материальных условий и соответствующих общественных отношений. Отдельное лицо, которому эти чувства и воззрения передаются по традиции и в результате воспитания, может вообразить, что именно они и образуют действительные мотивы и исходную точку его деятельности. Если даже в обыденной жизни проводят различие между тем, что человек думает и говорит о себе, и тем, что он есть и что он делает на самом деле, тем более следует проводить подоб-

¹ «American Historical Review», 1962, January, p. 480.

² A. J. Hanna, *The Beginnings...*, p. 139. Эта точка зрения развивалась еще в работе B. Williams, *Cecil Rhodes*, London, 1926.

ное различие между фразами и иллюзиями политических деятелей и партий и их реальной сущностью¹. К тому же менее всего следует полагать, что деятели, осуществлявшие колониальную политику, непременно сами должны были быть предпринимателями, торговцами или биржевыми спекулянтами, непосредственно наживавшимися на грабеже колоний. Маркс подчеркивал, например, что отнюдь не надо думать, будто все представители мелкобуржуазной демократии были лавочниками или поклонниками лавочников. «По своему образованию и индивидуальному положению они могут быть далеки от них, как небо от земли. Представителями мелкого буржуа делает их то обстоятельство, что их мысль не в состоянии преступить тех границ, которых не преступает жизнь мелких буржуа, и потому теоретически они приходят к тем же самым задачам и решениям, к которым мелкого буржуа приводит практически его материальный интерес и его общественное положение. Таково и вообще отношение между *политическими* и *литературными представителями* класса и тем классом, который они представляют»². Новейшие «открытия» Хэнна и его единомышленников менее всего в состоянии опровергнуть эти неопровержимые выводы исторического материализма.

Очень часты «традиционные» в буржуазной историографии ссылки на роль бюрократии, чиновничества, якобы проводивших «свою» политику, определявшуюся их собственными интересами, или, как пишут особо ревностные апологеты, интересами населения колониальных стран. При этом забывается давно установленная наукой истина, что бюрократия всегда была теснейшим образом связана в капиталистическом обществе с буржуазией и являлась прямым исполнителем ее воли и ее политики. Как указывал В. И. Ленин в полемике против русских народников, не понимавших роли чиновничества, «всякая бюрократия и по своему историческому происхождению, и по своему современному источнику, и по своему назначению представляет из себя чисто и исключительно буржуазное учреждение...»³.

¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., изд. 2, т. 8, стр. 145.

² Там же, стр. 148.

³ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 1, стр. 440.

На основе того, что активными поборниками колониальной экспансии на политической арене вовсе не обязательно выступали деятели, лично заинтересованные в эксплуатации колоний, делается вывод, что эта экспансия, как и весь колониализм, не была порождена экономическими интересами. А. Брюншви́г приводит данные, показывающие, что в составе «колониальной группы» французской палаты депутатов были адвокаты, промышленники, торговцы, врачи, профессора, инженеры, бывшие чиновники и что состав группы в социальном отношении совпадал с составом всей палаты в целом (если не считать социалистов да еще немногих бонапартистов), и, следовательно, добавляет он, «нельзя в любом случае утверждать, что колониальная группа была созданием представителей экономических интересов»¹. Между тем если что и доказывают данные Брюншви́га, так это то, что колониальная группа — слепок с палаты депутатов — отражала так же классовые интересы буржуазии, как и вся палата в целом. Между тем весьма банальные факты, приводимые Брюншви́гом, уже возведены в ранг глубоких открытий. «Его выводы, в случае если они обоснованы, устанавливают ложность характеристики Лениным империализма как порождения зрелого капитализма», — писал торжествующе орган Американской исторической ассоциации². Дело, однако, лишь за «небольшим», а именно за тем, что выводы Брюншви́га совершенно необоснованны и что они обречены оставаться таковыми, несмотря на все старания реакционной историографии.

Для оправдания колониального режима буржуазная историография широко прибегает к новейшей разновидности «биографического метода», активным поборником которой в Англии выступает так называемая школа Нэмира. Критикуя старую («вигскую») историографию, обращавшую, мол, внимание лишь на «идеологию», на слова, на декларации государственных деятелей, школа Нэмира выводит их политику из семейных связей, личных имущественных интересов, т. е. в конечном счете, так же как и критикуемые ею историки, скрывает классовую основу политической жизни и борьбы. Таким

¹ *H. Brunschwig, Mythes et réalités...*, p. 114—115.

² «*American Historical Review*», 1961, January, p. 447.

путем нередко удается подыскивать внешне благовидные мотивы деятельности самых отъявленных колонизаторов, грабителей и эксплуататоров угнетенных народов в тех случаях, когда эти люди были не обыкновенными авантюристами, а политическими деятелями и иногда не извлекали личной материальной выгоды из своих действий. Нередко тут же делается «подстановка» в том смысле, что подобным же бескорыстием отличалась вся политика колонизаторов в целом. С помощью «биографического метода» колониализм изображается в виде героического и основанного на чистом идеализме служения народам Азии и Африки¹.

Когда низость, личное своекорыстие тех или иных руководителей колониальной политики являются общеизвестным и неопровержимым фактом, в ход пускается не только метод лжеисторизма, но и ссылки на якобы благотворные объективные последствия деятельности этих лиц, что в свою очередь выводится из вымысла о благодетельной роли колониального режима вообще. Вдобавок протаскивается и тезис о непрерывном улучшении колониальной администрации.

Нередко те или иные агрессивные действия, ответственность за которые неоколониалистская историография пытается снять с господствующих классов и правящих кругов капиталистических стран, с колониализма как режима, изображаются результатом инициативы отдельных колониальных чиновников и военных. В английской империалистической историографии и литературе со времен Киплинга было модным противопоставление сильных и волевых колониальных администраторов и офицеров — «строителей империи» — мягкотелым либералам из лондонских правительственных канцелярий. В неоколониалистской историографии это знакомое противопоставление повторяется, но с «обратным знаком»: с английского правительства, якобы выступавшего в роли противника аннексии, снимается ответственность за действия его отдельных агрессивно настроенных представителей.

Конечно, неоколониалистские историки понимают, что было бы слишком наивным «отвлекаться» от обществен-

¹ См., напр., *M. Edwards. The Necessary Helf. John and Henry Lawrence and the Indian Empire, p. XXI a. o.*

но-политических условий, сделавших возможными безответственные поступки чиновников и военных на местах. Однако реакционная историография в извращенном свете рисует эти условия. Так, например, излагая историю аннексии Англией территории Малайи в последней трети XIX в., английский историк Ковен подчеркивает рост заинтересованности торговых кругов в Малайском полуострове. Однако тут же «разъясняется», что распад местной малайской государственности, бывший в действительности результатом действий колонизаторов, побуждал «британские поселения» (Сингапур и др.) предпринять шаги против якобы возникавших угроз для их безопасности. Тем не менее, мол, антиколониалистски, антианнексионистски настроенное правительство в Лондоне продолжало колебаться. Эти колебания, однако, дали возможность для решительных губернаторов в Сингапуре В. Джервойза и А. Кларка действовать по своему усмотрению. «Обстановка в Малайе привела к возникновению условий для интервенции, а то, как это дело рассматривалось в Лондоне, создало возможность для самостоятельных действий на месте. Таким образом, настоящей причиной английских аннексий в Малайе были с этой точки зрения характер и честолюбие Кларка и Джервойза»¹.

**Монополии
и колониальные
захваты
конца XIX —
начала XX в.**

Как уже говорилось выше, главный тезис, который противопоставляет неоколониалистская историография марксизму, — это утверждение, что колониализм не был исторически связан с капитализмом. Однако особое усердие проявляют неоколониалистские историки в попытках доказать, что колониализм не был связан с монополиями и капитализмом XX в. (эти историки отрицают, что он является монополистическим капитализмом). Каким же образом объяснить в таком случае ту отчаянную борьбу за раздел мира, которой было ознаменовано перерастание «свободного» домонополистического капитализма в империализм в конце XIX в.?

Здесь стоит отметить одну тенденцию новейшей историографии, тесно связанную с «критикой» ленинской

¹ C. D. Cowan, *Nineteenth Century Malaya. The Origins of British Political Control*, p. 263—267.

теории империализма. Это — несколько неожиданное подчеркивание тезиса о континуитете (непрерывности) в колониальной политике. Хорошо известно, что идея континуитета издавна выдвигалась для принижения или отрицания прогрессивной роли революций в жизни общества. Однако при освещении истории колониальной политики реакционным авторам было не очень выгодно проводить идею континуитета. Удобнее было защищать тезис об изменении в методах колониальной политики, чтобы отмежеваться от тех кровавых злодеяний, которыми в прошлом был отмечен путь колонизаторов в Америке, Азии и Африке. Однако, не отказываясь от этого приема, буржуазная историография, особенно в изложении истории Британской империи, вновь с особой настойчивостью выдвигает идею континуитета¹.

В известном смысле этот континуитет действительно существовал именно в английской политике. Стоит напомнить, что «две крупные отличительные черты империализма имели место в Англии с половины XIX века: громадные колониальные владения и монопольное положение на всемирном рынке»². Континуитет сохранялся прежде всего в непрекращающейся экспансии и в колониальном ограблении³. Однако смена методов этого грабежа и резкое усиление экспансии в конце XIX в. отражали качественный сдвиг, колониальная политика финансового капитала качественно отличается от колониальной политики на предшествующих стадиях развития капитализма.

Буржуазная историография, говоря о континуитете, менее всего собирается касаться этого. Континуитет ей нужен, во-первых, для изображения «антиколониалистских» тирад буржуазных радикалов и либералов-фритредеров в качестве доказательства, что уже тогда началось движение за «самоликвидацию» колониализма, которая,

¹ J. Gallagher and R. Robinson, *The Imperialism of Free Trade*. «Economic History Review», 1953, N 1; J. S. Galbraith, *Myth of «Little England» Era*. «American Historical Review», 1961, October; H. Brunschwig, *La politique coloniale...* «Revue historique», Octobre — Décembre 1961, p. 453, 460.

² В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 27, стр. 404—405.

³ В политической области фритредерские настроения уже в 70-е годы стали уступать место требованиям имперского единства. См. J. E. Tyler, *The Struggle for Imperial Unity (1868—1895)*, London, 1938.

мол, и происходит в наши дни. Во-вторых, и это главное, с помощью идеи континуитета реакционная историография хочет представить резкое усиление колониальных захватов в последней трети XIX в. и последующую борьбу за передел мира как простое продолжение давно идущего процесса, никак не связанного ни с перерастанием доминирующего капитализма в империализм, ни с природой самого империализма. При этом в работах, трактующих вопросы колониальной экспансии или тесно связанные с ними проблемы (распределение заграничных инвестиций и т. п.), нападки на ленинскую теорию империализма вообще и на объяснение колониальной политики приобретают более прямой характер, хотя опять-таки далеко не всегда из осторожности упоминается объект критики.

Следует лишь оговориться, что иногда высказывается и внешне противоположная точка зрения, которая, однако, по существу направлена на достижение той же цели. Колониальные захваты конца XIX в. изображаются, например Д. Филдхаузом, не следствием развития капитализма, а временным возвратом к колониализму XVIII в.¹ О. Тейлор усиленно доказывает, что стремление к колониальной экспансии в Англии во второй половине XIX в. было свойственно только партии тори и ее лидеру Дизраэли, т. е. партии, опиравшейся на поддержку поземельного дворянства с его феодальными традициями. Тори якобы не обращали внимания на экономические аргументы противников колониальной политики, руководствовались прежде всего романтической склонностью к сохранению «традиционного величия и славы Англии и говорили об ее всемирной цивилизаторской миссии»². (На деле партия тори в это время все более становилась партией крупного капитала, возглавляемой представителями вполне и до конца обуржуазившейся дворянской аристократии, партией, выражавшей экспансионистские стремления английской буржуазии.) Еще ранее А. Лабуре пытался, исходя из подобной же точки зрения, построить периодизацию колониальной политики нового времени. До конца XVIII в., по его мнению, сохранялось господство меркантилизма, в XIX в. (до 1875 г.) — либе-

¹ «Economic History Review», 1961, N 2, p. 208—209.

² О. Н. Тейлор, *A History...*, p. 401.

рализма, с последней четверти этого столетия и до конца первой мировой войны — нового меркантилизма, а с 1919 г. (Лига наций, система мандатов и пр.) — нового либерализма, равнозначного антиколониализму¹. Так отрицание связи между монополистическим капиталом и колониальной политикой и здесь становится на службу легенде о «самоликвидации» колониализма.

Целям апологетики служат даже столь модные в современной буржуазной историографии попытки объединения со смежными науками — политэкономией и конкретной экономикой, социологией, демографией, психологией и т. д., т. е., разумеется, не само объединение, а те формы, в которых оно осуществляется, что приводит к широкому заполнению буржуазной исторической науки апологетическими концепциями, господствующими в этих науках (например, теории Кейнса). Еще более важно, что само это объединение происходит в рамках буржуазных философских воззрений, в корне ненаучного представления о соотношении между различными факторами общественного развития, отрицания решающей роли способа производства, значения классовой борьбы, народных масс в историческом процессе. Понятно, что при таком объединении усилий различных научных дисциплин вполне возможен и постоянно имеет место разрыв между исследованием экономических корней колониальной политики (пусть исследуемых тоже с апологетических позиций) и самого колониализма. Вследствие этого данные об экономическом разделе капиталистического мира между монополиями, о роли крупнейших трестов в формировании колониальной политики империалистических держав и т. п. сохраняются, правда и здесь в изуродованном, нередко фрагментарном виде, лишь на страницах узкоспециальных экономических работ и не допускаются в современную реакционную историческую литературу.

**Экспорт капитала
и колониальная
экспансия**

В неоколониалистской историографии часто применяется тактический ход, прямо рассчитанный на полную неосведомленность читателя: вульгаризаторски выхватываются отдельные черты монополистического капитализма и доказывается, что, поскольку

¹ *H. Labouret, Colonisation, colonialisme, decolonisation, Paris, 1952, p. 19.*

ими нельзя объяснить «всю» колониальную политику, марксистское объяснение слишком «узко». Неправильно, разъясняет нам Р. Земмел, принимать часть за целое. «Марксисты с их утверждением, что современный империализм порожден исключительно потребностью экспортировать капитал, более всех грешат в этом отношении»¹. Конечно, было бы напрасно спрашивать при этом американского историка, где он обнаружил странных «марксистов», считавших колониальную политику «исключительно» результатом экспорта капитала.

Любимым приемом опровергателей является, как уже отмечалось выше, приписывание марксизму вульгарно-механистического представления о соотношении базисных и надстроечных явлений. Так, видный английский реакционный автор У. К. Хенкок сделал «открытие», разъяснив, почему вывоз капитала не мог лежать в основе колониальной политики. Утверждавшие это «марксисты», оказывается, не учитывали, что... мир был поделен еще до эпохи империализма². И это серьезно приводится в качестве опровержения ленинской теории, которая, как хорошо известно, включает завершение раздела мира в качестве одного из важнейших признаков наступления империалистической эпохи! Кроме того, быть может, У. К. Хенкок считал, что экспорт капитала не имел значения, в частности для английской буржуазии, в последнюю треть XIX в.? Если это так, то ему следовало бы просто обратиться к одной из многочисленных работ, приводящих цифры вывоза капитала. У Хенкока есть и еще одно «возражение» под стать первому: империалистическую политику проводили и страны вроде Италии и царской России, ввозившие капитал³. Доказывать английскому историку «возможность колониальной эксплуатации» странами, в какой-то степени в свою очередь являвшимися объектом эксплуатации со стороны других империалистических хищников, — значит просто повторять общеизвестные факты, которые можно забыть

¹ R. Semmel, *Imperialism and Social Reform. English Social Imperial Thought 1895—1914*, Cambridge (Mass.), 1960, p. 142.

² W. K. Hancock, *Wealth of Colonies*, Cambridge, 1950, p. 11.

³ Там же, стр. 14. У. К. Хенкок занимал ряд крупных научных и административных постов, связанных с изучением и осуществлением колониальной политики, в том числе пост директора Института исследований проблем Содружества (*Institute of Commonwealth, Studies*).

лишь в азарте «опровержения», которым был охвачен Хенкок.

Другие авторы поступают много тоньше. А. К. Кейрнкросс в своем высоко ценимом буржуазными историками труде «Внутренние и внешние капиталовложения 1870—1913» как будто совершенно не касается ни ленинской теории империализма, ни колониальной политики. Он лишь подбирает материал для критиков, подчеркивая, что английские капиталовложения за рубежом приносили «в среднем» лишь немногим более высокие прибыли, чем инвестиции внутри страны, что сравнительно мало вкладывалось капитала в большинство британских колоний¹. Разумеется, среди этих цифр мы не найдем данных, позволяющих составить представление о заинтересованности в колониях крупнейших английских банков, монополистических групп, стоявших за многими действиями британского правительства.

Другие авторы начинают там, где Хенкок и Кейрнкросс кончают. Д. Филдхауз приступает к «опровержению» следующим образом: «Главной особенностью «империализма», в зависимости от которой определяется сам факт его существования, служит утверждение, что империи (колониальные.— Е. Ч.), созданные после 1870 г., были для экономически передовых стран Европы и Америки результатом не свободного выбора, а необходимости; что капиталистическое общество вследствие избытка произведенного внутри страны капитала вынуждено экспортировать капитал в слаборазвитые районы мира и что только эти инвестиции — как уже сделанные, так и те, которые можно будет осуществить в будущем, — являлись мотивом приобретения новых колоний»². Не трудно заметить, что в утверждении Филдхауза имеется целый ряд передержек. «Старые» мотивы колониальной политики вовсе не исчезают с наступлением эпохи империализма. Напротив, к этим многочисленным «старым» монополистический капитал прибавил ряд новых мотивов³. Не «избыток» капитала, а погоня за сверхприбылями прежде всего гонит капитал в колониальные

¹ А. К. Cairncross, *Home and Foreign Investment 1870—1913*, Cambridge, 1953, p. 185 f, 327.

² D. K. Fieldhouse, *Imperialism: An Historiographical Revision*. «*Economic History Review*», 1961, N 2, 2d Ser., v. XIV, p. 195.

³ См. В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 27, стр. 421—422.

и зависимые страны. Погоня не только за сферами приложения капитала, но и за монопольным обладанием источниками сырья, рынками сбыта, за хозяйственной территорией вообще, за возможностями «сверхнормальной эксплуатации» десятков и сотен миллионов колониальных рабов — вот что питало колониальную экспансию. «На размер колониальных владений, — указывал В. И. Ленин, — кроме чисто экономических условий, и на базе их, оказывают влияние условия географические и пр.»¹ Большую роль играла борьба между капиталистическими державами, являвшаяся в конечном счете концентрированным выражением столкновения экономических интересов.

Неоколониалистская историография рьяно пытается доказывать, что не существует причинной связи между вывозом капитала и колониальной экспансией. «Ничто на рынке капиталов Атлантического мира и его торговых партнеров, — уверяет Ростоу, — не дает чисто экономических оснований для большого шума вокруг колоний, скажем, с 1873 г. до 1914 г.»² Б. Уорд пишет, что вопреки утверждениям марксистов западные инвестиции якобы не всегда, а лишь в особых случаях вели к колониальным захватам³.

Филдхауз подчеркивает чуть ли не как открытие новейшей историографии выявление факта, что основная масса английских инвестиций вкладывалась не в недавно захваченные тропические области Африки, а в переселенческие колонии (Австралия, Канада) и даже США⁴. Это широко распространенный «аргумент», который, как мы видели, выдвигал и А. Кейрнкросс. Об этом же писали Р. Нэрски, Блоуг, Г. Сегал и М. Симон, А. Хэнна и др.⁵ Прежде всего следует отметить, что эти утверждения основываются на хорошо известных данных Г. Пейша⁵. Эти данные дополнены новыми, более точ-

¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 27, стр. 378.

² W. Rostow, *The Stages of Economic Growth*, p. 110.

³ B. Ward, *India and the West*, London, 1961, p. 74.

⁴ «*Economic History Review*», 1961, N 2, 2d Ser., v. XIV, p. 199.

⁵ R. Nurske, *The Problem of International Investment Today in Light of Nineteenth-Century Experience*. «*Economic Journal*», v. LXIV, December 1954, p. 750; cp. Idem, *Pattern of Trade and Development*, Stockholm, 1959; H. H. Segal, M. Simon, *British Foreign Capital Issues 1865—1894*. «*Journal of Economic History*»,

ными подсчетами, которые, однако, не вносят принципиальных изменений в картину распределения английских инвестиций. С работой Пейша¹ был хорошо знаком В. И. Ленин, использовавший в своих трудах «Крах II Интернационала» и «Империализм, как высшая стадия капитализма», а также в «Тетрадах по империализму» различные подсчеты английского статистика, в частности таблицу, на которую ссылаются неоколониалистские историки.

На деле вывоз английского капитала в тропические колонии в Африке имел большее значение, чем это можно представить себе только сравнением данных о британских инвестициях в различных частях света. Все дело в том, что при таком сравнении игнорируется роль основных банков и капиталистических концернов в заграничных инвестициях, роль финансового капитала. Полвека тому назад К. Каутский, ссылаясь на пример Египта, заявлял, что колониальные аннексии якобы слабее стимулируют вывоз капитала, чем «мирная демократия». Критикуя это утверждение Каутского, от которого лишь один шаг до новейших «открытий» реакционной историографии, Ленин писал: «Чтобы рассуждать о значении финансового капитала в деле вывоза и т. п., надо уметь выделить связь вывоза специально и только с проделками финансистов, специально и только со сбытом картельных продуктов и т. д. А сравнивать попросту колонии вообще и не колонии, . . . одну полуколонию или колонию (Египет) и все остальные страны значит обходить и за-тушевывать как раз *суть* дела»².

Буржуазные историки пытаются играть на особенностях империализма, формировавшегося в главных странах Западной Европы. Так, если, с одной стороны, быстрое развитие финансового капитала во Франции в последние два десятилетия XIX в. стимулировало колониальную экспансию, то, с другой — ростовщический характер складывавшегося французского империализма, получение французскими капиталистами огромных доходов от займов различным государствам Европы при-

December 1961, p. 574—576; M. Blaug, Economic Imperialism Revisited. «Yale Review», Spring, 1961, p. 341—342.

¹ G. Paish, Great Britain's Capital Investments etc. «Journal of the Royal Statistical Society», v. LXXIV, 1910—1911.

² В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 27, стр. 414—415.

водили к тому, что размеры инвестиций и финансирование торговли с колониями первоначально не приобретали сравнительно больших размеров¹. Тем не менее эти размеры росли, и, что особенно важно, в экономическом ограблении колоний растущая роль стала принадлежать крупнейшим банкам — «Креди лионнэ», «Сосьете женераль» и др.²

Отрицая связь колониальных захватов с усилением вывоза капитала, реакционная историография стремится в то же время придать ему характер «патриотического» начинания, благотворного как для стран-кредиторов (нетрудно обнаружить здесь влияние идей Кейнса), так и для стран-должников, любыми средствами отрицать тот бесспорный факт, что заграничные инвестиции монополий являлись «паразитизмом в квадрате», средством жесточайшей эксплуатации большинства человечества. Зарубежные инвестиции приравниваются к вложениям в добывающую промышленность и сельское хозяйство метрополии³. Вывоз капитала рисуется как новая прогрессивная стадия колониальной политики. Если ранее, мол, торговля со слаборазвитыми странами редко влияла на территории за пределами береговой линии, то теперь благодаря инвестициям капитала развитие охватило и внутренние районы отсталых стран⁴.

Буржуазная историография нередко пытается представить вывоз капитала в колонии не как следствие внутренних противоречий капиталистического способа производства, а, наоборот, как результат якобы произошедшей ликвидации антагонизмов буржуазного общества, достижения общего благоденствия и в связи с этим стремления с помощью новых инвестиций удовлетворять более неотложные нужды, оказывать более важные услуги в слаборазвитых странах, что, конечно, должно приносить и более высокие доходы. Подобно тому как

¹ На этом обстоятельстве, в частности, пытается сыграть Брюншви́г (H. Brunschwig, *Mythes et réalités...*, p. 141).

² В. А. Субботин, *Колониальная политика Франции в Западной Африке (1880—1900)*, М., 1959, стр. 67 и сл.; *его же*, *Французская колониальная экспансия в конце XIX в. (Экваториальная Африка и острова Индийского океана)*, М., 1962, стр. 98 и сл.

³ D. K. Fieldhouse, *Imperialism...*, p. 198.

⁴ L. M. Hacker, *The Anticapitalist Bias of American Historians. «Capitalism and the Historians»*, p. 67.

мелкобуржуазные теоретики пытались убедить всех, что капиталистам «выгодно» повышать заработную плату, так как это расширяет рынок, современные реакционные историки применяют аналогичные доводы для апологии колониализма. Только, мол, подняв уровень жизни в колониях, можно было обеспечить выгодные условия для капиталовложений. «Картина, изображающая жадно стремящихся к прибылям, вторгающихся в колонии западных капиталистов, которые рисуются отъявленными угнетателями и эксплуататорами, является нелепостью, — пишет Тейлор. — Конечно, они не были все сплошь милостивыми, мудрыми, чистой воды благодетелями, но во всяком случае никогда не давали основания или повода для роста враждебного отношения к ним со стороны туземного населения»¹.

Новейшие реакционные историки не могут не знать, что их вымыслы не имеют ничего общего с действительностью, что этим выдумкам противоречит буквально вся история колониализма. Но реакционные историки предпочитают тем не менее повторять эти выдумки, сваливая в то же время вину за общеизвестную отчаянную нищету в колониях на какие угодно силы, особенно на рост населения, чтобы спасти репутацию капитала и колониализма.

Буржуазные историки любят говорить о противоречивости картины колониализма, рисуемой марксистской теорией. С одной стороны, капитал заинтересован в расширении рынка, с другой — он сам препятствует этому расширению, разоряя народные массы. Однако это не противоречие теории, а отражение противоречия реальной действительности. Развитие колониализма (как и капитализма) не может происходить, не порождая целого ряда противоречий, существование которых указывает на исторически преходящий характер колониальной системы и неизбежность ее крушения.

В неоколониалистской историографии широко применяется и еще один прием, заимствованный у идеологов реформизма, в частности у Каутского. Империализм постоянно порождает капитализм (из натурального хозяйства колоний и отсталых стран), снова и снова вызывает переход от мелкого капитализма к крупному, от слабого

¹ О. Н. Taylor, A History... , p. 396—398.

товарообмена к развитому и т. д.¹ Расписывая эти факты «здорового» и «мирного» экономического развития, буржуазные историки противопоставляют его таким якобы случайным явлениям, как финансовый грабеж, ограбление естественных ресурсов колоний, использование колониального аппарата в качестве орудия монополистического капитала и т. д.

Наряду с отрицанием роли вывоза капитала неокониалистская историография доказывает, что и торговля с колониями имела второстепенное значение. Об этом, в частности, пишет один из авторов «манифеста» неокониалистской историографии — В. Бикель, уверяющий, будто колониальные рынки сбыта и источники сырья не представляли особой важности для мирового капитализма². Но ведь такой довод рассчитан на столь легковерного читателя, который поверит и другому утверждению Бикеля, будто В. И. Ленин был сторонником неправильной теории Розы Люксембург об «автоматическом крахе» капитализма и что, следовательно, ход событий «опровергнул» ленинизм!

Для придания правдоподобия тезису о малой значимости колониальной торговли обычно берутся данные о торговых связях с колониями, захваченными «впрок» и еще экономически не освоенными. В частности, В. Репке «доказывает» этот тезис на примере африканских колоний Великобритании³, а А. Брюншви́г — Франции⁴. Последний даже ссылается на тот факт, что торговля иностранных государств с некоторыми французскими колониями возрастала быстрее, чем торговля самой Франции⁵, — это ли, мол, не доказательство, что монополистический капитал вовсе не нуждается в колониях. Опровергая совершенно аналогичное рассуждение Каутского, кивавшего на то, что торговля Германии с Египтом в конце XIX — начале XX в. увеличивалась быстрее, чем торговля Англии, Ленин писал: «Если Германия быстрее развивает свою торговлю с английскими колониями, чем

¹ См. В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 28, стр. 91.

² W. Bickel, Wirtschaftliche Aspekte des Kolonialismus im Zeitalter des Imperialismus und in der Gegenwart. «Europa und der Kolonialismus», S. 172—177.

³ W. Röpke, L'économie mondiale aux XIX-e et XX-e siècles. Genève — Paris, 1959, p. 26.

⁴ H. Brunschwig, Mythes et réalités. . . , p. 91.

⁵ Там же, стр. 101.

Англия, — это доказывает лишь, что германский империализм свежее, сильнее, организованнее, выше английского, но вовсе не доказывает «перевеса» свободной торговли, ибо борется не свободная торговля с протекционизмом, с колониальной зависимостью, а борется один империализм против другого, одна монополия против другой, один финансовый капитал против другого. Перевес немецкого империализма над английским сильнее, чем стена колониальных границ или протекционных пошлин. . . »¹

Для подкрепления своих теорий буржуазная историография проталкивает мысль о малом и уменьшающемся значении колоний для экономики метрополий. При изложении истории XX в. из двух равно ложных версий — благотворного воздействия колоний на экономическое развитие метрополий как дополнения к процветанию самих колоний или, напротив, отрицания всякого влияния — буржуазные историки предпочитают, как правило, последнюю. И это не случайно: как ни скрывать эксплуататорскую сущность колониализма, она все равно выпирает наружу, и поэтому заверения в равных выгодах от «экономического партнерства» колоний и метрополий слишком явно повисают в воздухе.

Миф о перерастании «старого» капитализма в «новый», оказывается, для реакционных авторов явно удобнее излагать в отрыве от оценки роли колониального грабежа, хотя бы трактуемого в самых апологетических тонах². К тому же это замалчивание позволяет отрицать значение распада колониальной системы для углубления общего кризиса капитализма. «Недавние события, связанные с ликвидацией империализма, — пишет, например, Д. Кэди, — явно показывают, что жизнеспособная экономика Западной Европы никогда не зависела в сколько-нибудь значительной степени от эксплуатации колониальных владений»³. Более того, У. Росту,

¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 27, стр. 412.

² Напр., А. J. Youngson, *The British Economy 1920—1957*, London, 1960.

³ «*American Historical Review*», 1961, January, p. 447. В специальных экономических исследованиях иногда прорываются признания, напр., что владение Индией имело, даже по официальным данным, в начале XX в. решающее значение для сохранения Англией благоприятного платежного баланса и т. п. («*Economic History Review*», 1954, August, p. 65).

Д. Стречи, Б. Уорд и другие пытаются выдать крушение колониализма, поскольку оно не сопровождалось экономическим крахом на Западе, за доказательство того, что колониальная система все более теряла значение для капитализма, так как вместе с «ростом» жизненного уровня масс быстро расширялся внутренний рынок. Для доказательства незначительности влияния колоний на метрополии приводятся ссылки на то, что жизненный уровень в таких странах, как Дания, Швеция, Норвегия, Швейцария, был не ниже, чем в Голландии и Бельгии¹, как будто не известно, что в силу определенных исторических причин и государства, не владевшие колониями (или имевшие незначительные колонии), могли различными путями получать свою долю в эксплуатации колониальных и зависимых стран.

Характерен пример Дании, обладавшей небольшими колониальными владениями. «Специфической чертой датского империализма, — писал в 1916 г. В. И. Ленин, — является . . . получение сверхприбыли вследствие монопольно-выгодного положения рынка молочных и мясных продуктов: сбыт самым дешевым морским путем в Лондон, самый крупный рынок мира. Благодаря этому датская буржуазия и датские богатые крестьяне . . . превратились в «процветающих» захребетников английской империалистической буржуазии, в участников ее особо спокойных и особо жирных прибылей»². Другим примером может служить никогда не имевшая колоний Швейцария. Капиталисты Швейцарии уже ко времени первой мировой войны вложили за рубежом 3 млрд. фр. В. И. Ленин отмечал, что «швейцарский банковый капитал теснейшим образом связан и переплетен с банковым капиталом великих держав, что «*Fremdenindustrie*»³ в Швейцарии и т. д. знаменует постоянный *раздел* империалистского богатства между великими державами и Швейцарией»⁴.

В фальшивой картине истории колониальной политики, которую рисуют буржуазные авторы, пытаются «опровергнуть» ленинскую теорию империализма, важную

¹ Напр., К. Popper, *The Open Society and Its Enemies*, v. II, p. 189.

² В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 30, стр. 194.

³ «Промышленность по обслуживанию иностранцев». — *Ред.*

⁴ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 30, стр. 337.

роль играет ложное освещение роли полуколоний (или по крайней мере большинства из них). Вся концепция колониализма как системы политического подчинения и отрицание самого факта экономического грабежа колоний в эпоху промышленного капитализма и империализма приводят к тому, что полуколонии порой вообще механически исключаются из колониальной системы и борьба за преобладание в полуколониях — из борьбы за раздел и передел колониальной добычи. Исключение делается лишь в тех случаях, когда «узкое» понимание колониализма как системы политического подчинения подменяется на время более широким, но столь же фальшивым пониманием его как системы контактов между народами Запада и Востока и благотворного влияния западной культуры, науки и техники на развитие отсталых стран. Полуколонии приводятся также для доказательства того, что нередко туда вывозилось капиталов более, чем в некоторые колонии, и на этой основе отрицаются экономические причины колониальных захватов. В то же время снимается ответственность с колониализма, как такового, за эксплуатацию и ограбление сотен миллионов людей в полуколониях.

Полуколониальные формы зависимости (в той мере, в какой они пусть искаженно, но все же освещаются буржуазными учеными) упоминаются в трудах по дипломатической истории, в специальных экономических исследованиях, но не в работах по истории колониализма. Типичным примером может служить работа английского историка Г. С. Фернса «Великобритания и Аргентина в девятнадцатом веке». Как известно, английский капитал захватил сильные экономические позиции в Аргентине, что позволяло ему широко эксплуатировать эту страну. Факт эксплуатации не отрицала даже часть старой буржуазной литературы об империализме. «В литературе об империализме, — писал В. И. Ленин, — вы встретите на каждом шагу такие, например, указания, что Аргентина есть на деле «торговая колония» Англии, что Португалия есть на деле «вассал» Англии и т. п. Это верно: экономическая зависимость от английских банков, задолженность Англии, скупка Англией местных железных дорог, рудников, земель и пр. — все это делает названные страны «аннексией» Англии в экономическом смысле, без нарушения политической независимости этих

стран»¹. Фернс ополчается на старую литературу, доказывая, что Аргентина, мол, могла запретить вложения английского капитала, выплату процентов по внешним долгам и т. д. По мнению Фернса, не Аргентина зависела от Англии, а, напротив, Англия от Аргентины, нуждаясь в аргентинском рынке. Английские инвестиции шли якобы лишь в менее «привлекательные» отрасли хозяйства, в которые аргентинцы не хотели вкладывать собственный капитал. Что же касается замедленного роста промышленности, то это, мол, уж никак не было связано с зависимостью от английской биржи, просто Аргентина решила сосредоточиться на развитии сельского хозяйства. «Таковы факты, — в заключение торжествующе объявляет Фернс, — которые показывают нелепость легенды о британском империализме и Аргентине как полуколонии великого и могущественного государства»². На деле легендой является не английский империализм, а мнимые «факты» Фернса. Доводы английского историка построены на попытке игнорировать те рычаги влияния, которые получал английский капитал в результате захвата им сильных экономических позиций в Аргентине. Приводя данные об английских капиталовложениях в начале XX в. в этой стране, В. И. Ленин добавлял: «Нетрудно себе представить, какие крепкие связи получает в силу этого финансовый капитал — и его верный «друг», дипломатия — Англии с буржуазией Аргентины, с руководящими кругами всей ее экономической и политической жизни»³.

Примечательны также попытки неоколониалистской историографии доказать, что иностранный монополистический капитал не только способствовал «процветанию» зависимых стран (как и колоний), но и якобы нисколько не мешал развитию национальной промышленности, не приводил к разорению миллионов кустарей и ремесленников, выкачке богатств из этих стран. «Опровержению» этих истин, давно незыблемо установленных марксистской наукой и давно признанных подлинными учеными во всех странах, неоколониалистские историки посвя-

¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 30, стр. 95.

² H. S. Ferns, *Britain and Argentina in the Nineteenth Century*, Oxford, 1960, p. 488—490.

³ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 27, стр. 383.

щают специальные исследования, в частности на материале истории иностранных капиталовложений в Китае¹.

Пытаясь отрицать связь между экспортом капитала, экономическими интересами монополий вообще и колониальной экспансией, реакционные историки в первую очередь стремятся к апологии капитализма и колониализма. Однако одновременно этот же аргумент находит применение для клеветы на страны, недавно вставшие на путь независимого развития. Поскольку империалистическая политика преследует цели чисто политического характера, уверяют буржуазные историки, такую политику «могут» проводить и «бедные капиталом» слаборазвитые страны². Вместе с тем аргумент, что склонность к колониализму якобы наблюдается в наибольшей степени у стран, находящихся на докапиталистических стадиях развития, также используется для фальшивого освещения политики молодых независимых государств Азии и Африки. Наконец, историки типа У. Ростоу, выводящие, когда им это выгодно, внешнюю политику государства непосредственно из степени развития производительных сил, «абстрагируясь» от социального строя, разъясняют, что различные страны проводят империалистическую, экспансионистскую политику, руководствуясь экономическими мотивами, когда находятся на таком уровне промышленного развития, который США и западноевропейские государства уже давно миновали, но на котором еще остаются многие страны Азии и Африки³.

Реакционные историки об окончании раздела мира в конце XIX в. Что же пытается противопоставить неоколониалистская историография марксистско-ленинскому объяснению причин колониальной экспансии конца XIX — начала XX в.?

Д. Филдхауз, как и большинство реакционных историков, сведя «марксистское объяснение» к тезису о вывозе «избыточного» капитала как единственной причине

¹ *Che-Ming-Hou*, The Oppression Argument on Foreign Investment in China 1895—1937. «Journal of Asian Studies», August 1961, v. XX, N 4, p. 435—448. Автор этой статьи признает, что его «опровержение» нужно для борьбы с противниками вторжения американских монополий в слаборазвитые страны (там же, стр. 448).

² *E. M. Burns*, Ideas in Conflict. The Political Theories of the Contemporary World, New York, 1960, p. 513—514.

³ *W. W. Rostow*, The Stages. ., p. 114 f., 152 a. o.

колониальной политики, так объединяет «опровержение» этого тезиса и построение «собственной» интерпретации причин колониализма. Во-первых, мол, марксистское объяснение вызывает недоверие, как и любые «всеохватывающие исторические формулы», сводящие множество факторов воедино; во-вторых, оно отрывает экспансию после 1870 г. от прежней экспансии, нарушает «континуитет», и, наконец, в-третьих, оно не соответствует фактам¹.

«Всеохватывающую историческую формулу» оставим на совести неоколониалистских историков, которыми она рождена для вящего удобства «опровержения» марксизма. Выпады же против монистического воззрения и ссылки на ненаучную теорию факторов, которыми тут дополнительно оперирует Филдхауз, также мало что прибавляют к солидности аргументации «опровергателя», а упоминание об игнорировании «континуитета» — и того меньше. Совершенно отсутствует даже видимость логики и в другом, уже знакомом нам «повороте» того же аргумента: если, мол, колониальная политика существовала и до эпохи монополистического капитализма, значит, она (или, как «сужает» вопрос Филдхауз, «вывоз капитала») не является причиной колониальной политики в конце XIX и в XX в. Что же касается «несоответствия фактам», то и здесь доводы Филдхауза не блещут оригинальностью. Египет? Его просто заняли для защиты Суэцкого канала, т. е. по чисто политическим мотивам (о том, что сам Суэцкий канал был важен как короткий путь в Индию и на Дальний Восток, а Индия и Юго-Восточная Азия нужны были английской буржуазии отнюдь не только по «политическим причинам», Филдхауз предпочитает умолчать). Трансвааль? Можно было обойтись и без захвата его, английские золотопромышленники хорошо наживались там и до аннексии. Захват Родезии? Разве здесь не играли роль другие факторы, кроме нажима со стороны миллионера Сесилия Родса? А острова Фиджи, Новая Гвинея, Верхняя Бирма? Зачем было их занимать, раз они явно не могли стать сферой крупных капиталовложений?

Поразительно, как буржуазная мысль вынуждена возвращаться вновь и вновь к старым возражениям

¹ D. K. Fieldhouse, *Imperialism...*, p. 195.

против ленинской теории империализма, как в претендующих на оригинальность «новейших» изысканиях реакционных историков пережевываются обветшалые аргументы, несостоятельность которых была неопровержимым образом доказана Лениным почти полвека тому назад. Ленин отмечал уже тогда тенденцию буржуазных и реформистских авторов ссылаться на то, «что сырье «можно бы» достать на свободном рынке без «дорогой и опасной» колониальной политики... Но такие указания превращаются в апологетику империализма, в прикрашивание его, ибо они основываются на забвении главной особенности новейшего капитализма: монополий. Свободный рынок все более отходит в область прошлого, монополистические синдикаты и тресты с каждым днем урезают его...»¹. Ленин подчеркивал также, что в этих условиях для финансового капитала были важны не только открытые, но и возможные источники сырья, что при быстром развитии техники непригодные сегодня территории могут оказаться пригодными завтра, что поэтому финансовый капитал вообще стремится захватить как можно больше земель каких бы то ни было, где бы то ни было, боясь отстать в бешеной борьбе за раздел и назревавший передел мира². Логика империалистической борьбы усиливала экспансионистскую горячку. Но, только ставя факты с ног на голову, можно утверждать, что захват колоний был в конечном счете исключительно результатом политического соперничества великих держав.

По мнению Д. Лэндса, захваченные тропические страны Африки (кроме Конго и Южной Африки) принадлежали к числу «наименее доходных территорий на свете»; значительная часть буржуазии выступала против колониальных аннексий, были случаи оставления уже занятых территорий в Африке; влиятельные капиталистические круги долго не откликнулись на предложение бельгийского короля Леопольда об «освоении» Конго; торговые палаты Гавра, Нанта, Марселя проявили равнодушие к захвату Гвинеи; наконец, в колонии проникал и иностранный капитал — не для него же старались! Поэтому, мол, ясно, что не экономика определяла пути

¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 27, стр. 381.

² См. там же.

дипломатов, не интересы буржуазии — действия правительств, а как раз наоборот¹.

Стоит ли разбирать в отдельности каждый из этих примеров? О некоторых уже говорилось выше. Часть из них (например, утверждение относительно тропических колоний в Африке) попросту фактически неверна. Другие содержат частицу правды, призванную, однако, затуманить историческую истину. Третьи фактически правильны, но вырваны из конкретно-исторических условий, и потому им придано совершенно ложное толкование. Наконец, оппозиция колониальной политике со стороны части буржуазии менее всего способна опровергнуть экономические корни этой политики, связь колониализма и капитализма.

Неоколониалистские историки любят, как мы видели выше, ссылаться на пример Италии: мол, бедная страна, ввозящая капитал, где уж тут найти экономические мотивы империалистической экспансии. Действительно, Италия конца XIX — начала XX в. была бедной страной, в которой 40% населения оставалось безграмотным, откуда миллионы людей должны были эмигрировать в поисках работы и куска хлеба. «Итальянский империализм, — писал В. И. Ленин, — прозвали «империализмом бедняков» (*l'imperialismo della povera gente*), имея в виду бедность Италии и отчаянную нищету массы итальянских эмигрантов»². Однако бедность страны, узость внутреннего рынка лишь подталкивали итальянский крупный капитал к поискам внешних рынков, к стремлению не упускать своей доли при территориальном разделе мира, при дележе источников сырья и сфер влияния. Наличие в стране огромных масс «избыточного» населения, резкое обострение классовых противоречий также побуждали правящие классы к поискам новых территорий, куда можно было направить эмиграционный поток, что разрядило бы обстановку внутри страны и вместе с тем создало бы опорные пункты для дальнейшего укрепления и расширения позиций итальянского империализма. Отсутствие необходимых капиталов итальянская буржуазия пыталась восполнить еще большим усилением эксплуатации своих колониальных рабов.

¹ «*Journal of Economic History*», 1961, December, p. 498—509.

² В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 27, стр. 16.

(Подобную же картину можно наблюдать в африканских колониях Испании и Португалии.) Легко догадаться, как препарируют все эти реальные процессы в своих работах неоколониалистские историки, пытаясь опровергнуть марксизм-ленинизм. «Итальянские попытки создания империи, — заявляет А. Хэнна, — были просто следствием беспокойного и разочарованного в своих надеждах национализма. Бедная страна, внутренне ослабляемая неумолимой ненавистью Ватикана¹, получившая из любезности статус великой державы, но без действительного международного веса, Италия желала завоевания престижа еще более, чем выгоды. Колониальные приобретения, даже если они состояли главным образом из пустыни, могли стереть из памяти тот факт, что в войнах против австрийцев Италия всегда терпела поражения и что их изгнание с ее территории было осуществлено иностранцами»².

Неоколониалистские историки, например тот же Филдхауз, готовы ухватиться за любые аргументы против ненавистного им марксистского объяснения. Фигурируют и ссылки на «национальные особенности»: у крупнейшей колониальной державы — Англии якобы «почти» отсутствовали монополии. В действительности в Великобритании с ее системой свободной торговли лишь несколько позже произошло рождение монополий из концентрации производства, а крупный промышленный и банковский капитал и до этого играл решающую роль в экономике и политике страны, в том числе в колониальной политике³. Обыгрывается, конечно, и тот факт, что в силу ряда конкретно-исторических причин крупнейший центр монополистического капитализма — США имели меньше колоний, чем другие державы⁴. Видимо, чувствуя полную бездоказательность этих аргументов, неоколониалистские историки вновь обращаются к «дово-

¹ Имеется в виду острый конфликт, возникший между Италией и римским папой, который в результате объединения страны был лишен ранее принадлежавшей ему власти над Римом и другими итальянскими землями.

² A. J. Hanna, *European Rule in Africa*, p. 9.

³ См., напр., Г. А. Усов, О роли монополий в колониальной политике Англии в начале XX века. «Новая и новейшая история», № 2, 1958, стр. 102—114.

⁴ D. K. Fieldhouse, *Imperialism...*, p. 196—197. См. подобные же доводы у R. Semmel, *Imperialism and Social Reform*, p. 144—145.

дам» Кейрнкросса, о несостоятельности которых говорилось выше.

Филдхауз стремится, правда, поправить дело, выдвигая «собственную» интерпретацию событий. К чему она сводится? К попыткам доказать, что политические и стратегические нужды исчерпывают число мотивов, вызывавших захват той или иной территории, и что, «следовательно», нет нужды искать какие-то еще экономические причины. «В основном эти аннексии, — пишет Филдхауз, — демонстрировали факт, известный прошлым векам, что колонии, существующие в районе вакуума силы, имеют тенденцию к медленной экспансии, пока не встречаются непреодолимые политические и экономические препятствия, и что правительство метрополии мало что может поделать с этим, кроме замедления темпов движения»¹.

Своей «теорией» Филдхауз стремится разом добиться всего: доказать неприемлемость «узкого объяснения Лениным»² причин колониальной экспансии, снять вину за нее и с монополий, и с капитализма, и с правящих кругов стран-метрополий, возложив эту ответственность на «непреодолимые» естественные факторы и даже сами колониальные народы. Эта «теория» построена на искусственном отрыве политических, стратегических и прочих мотивов от их в конечном счете экономической основы. Даже если на минуту согласиться с Филдхаузом, что многие из указанных им случаев аннексии порождены были не непосредственными экономическими причинами или же перспективами экономической эксплуатации территорий, о которых идет речь, то и тогда будет очевидно, что эти захваты были призваны обеспечить экономическую эксплуатацию уже ранее занятых владений. Они могли также служить осуществлению таких проектов, как выдвинутый С. Родсом план создания непрерывной цепи британских владений от Кейптауна до Каира. Это должно было кроме всего прочего сделать возможным выгоднейшее для английских капиталистов строитель-

¹ *D. K. Fieldhouse, Imperialism...*, p. 201. Cp. *G. S. Galbraith, The Turbulent Frontier as a Factor in British Expansion. «Comparative Studies in Society and History»*, v. II, 1960, p. 150—168.

² *D. K. Fieldhouse, Imperialism...*, p. 195, 197; *W. M. Macmillan, The Road...*, p. 140.

ство железнодорожной магистрали, пересекающей с севера на юг весь Африканский континент. Но в действительности имелись прямые экономические мотивы для аннексий. Да и смешно представить себе, что территории в Азии, населенные десятками миллионов людей, были захвачены просто для «исправления» границ, что почти половина Индии была аннексирована для обеспечения «безопасности» другой половины, что Африканский континент был занят для удобства управления торговыми факториями на западном побережье этого материка, что раздел мира в эпоху промышленного капитализма и перехода к империализму был просто следствием обороны и укрепления владений, перешедших под власть европейцев еще в эпоху «первоначального накопления». Ведь именно в этот абсурд и хочет заставить поверить своих читателей Д. Филдхауз, и в этом стремлении он далеко не одинок среди неокOLONиалистских историков.

Во многом близкую точку зрения пытается обосновать и А. Хэнна, подчеркивающий, что английское министерство финансов выступало решительным противником новых колониальных захватов на всем протяжении периода раздела Африки, а сторонники экспансии не были столь сильны и единодушны, чтобы преодолеть эту отрицательную позицию «казначейства». Объяснение «парадокса», что тем не менее Англия произвела обширные захваты, заключается, по разъяснению Хэнна, в том, что аннексии производились поблизости старых английских владений (например, англичане имели фактории на Золотом Береге еще с XVII в., Бечуаналенд и юг Родезии потребовались Капской колонии и т. д.). В других случаях захваты подталкивались филантропическими мотивами, а также опасением, что давние интересы Великобритании в различных районах Африки потерпят ущерб в случае занятия этих районов другими державами, и т. д.¹

Эта теория, приобретающая все большее распространение в современной буржуазной историографии, представляет собой лишь наукообразное обобщение версий, выдвигавшихся в свое время английскими властями для оправдания агрессивной политики. (Аналогичные «объяснения» давали своим действиям также французские и

¹ A. J. Hanna, *European Rule in Africa*, p. 9—11.

другие колонизаторы.) Один из либеральных критиков колониальной политики более чем сорок лет тому назад так саркастически писал об этих шаблонных попытках прикрыть агрессию: «Европейское государство всегда должно, во-первых, наказывать кого-то за то, что они не европейцы и не цивилизованы (военные карательные экспедиции), или, во-вторых, защищать кого-то уже завоеванного и приобретенного от дурных примеров, подаваемых нецивилизованными и незавоеванными соседями (военные карательные экспедиции), или, в-третьих, отомстить за оскорбление флагу (сентиментальные соображения, престиж), или же, в-четвертых, защитить и способствовать экономическим интересам европейских подданных государства»¹. К этому перечню стоит лишь добавить, что первые три мотива являлись лишь предложениями для сокрытия подлинной причины экспансии. Таким образом, в данном случае новейшие концепции реакционных историков являются лишь слегка подновленным повторением старых, давно опровергнутых вымыслов колониальных властей.

В этой связи если ранее буржуазная историография обходила смущавшие ее «еретические» антиколониальные взгляды либералов прошлого века и подтягивала их к уровню сторонников неограниченных захватов, так называемой школы движения вперед, то новейшие реакционные авторы готовы превратить даже активных членов этой «форверд скул» в тайных антиколониалистов. Именно таким рисует Э. Стокс в статье «Милнеризм» губернатора Южной Африки в конце XIX в. ярого экспансиониста А. Милнера, поскольку тот выступал против еще недостаточно подготовленных авантур (захвата ряда районов Центральной и Юго-Западной Африки)². Стокс здесь повторяет то, что было намечено в ряде предшествующих работ. Об антиколониализме Милнера писал В. Гальперин³. Э. Крэнкшоу, разъяснив, что Милнер, как никто другой, пострадал от «всеобщего непонимания его мотивов и идей», утверждал, что этот английский коло-

¹ *L. Woolf*, *Economic Imperialism*, London — New York, 1920, p. 17.

² «*Historical Journal*», 1962, N 1.

³ *V. Halperin*, *Lord Milner et l'évolution de l'impérialisme britannique*, Paris, 1950, p. 226 e. a.

низатор хотел превратить империю в орудие равноправного сотрудничества народов и мира¹.

Неоколониалистская историография совершенно оставляет в тени деятельность «форверд скул» в целом, ее постоянную проповедь все новых и новых захватов, не прекращавшуюся в течение ряда десятилетий, ее воздействие на политику Англии, осуществлявшуюся в большинстве случаев как раз представителями этой откровенно агрессивной школы. Пропаганду захватнической политики с особой откровенностью и без дипломатического камуфляжа, к которому прибегали в Лондоне, вела английская печать в колониях, в частности в Индии. Так, одна из ведущих тамошних английских газет, «Advocate of India», в самый разгар «либеральной эры», предшествовавшей первой мировой войне, провозглашала в связи с агрессивными действиями англичан в Белуджистане: «Белуджистан дает историку лишний пример того, что наш национальный талант к построению империи не спит и еще позволит нам воспользоваться удобным случаем для увеличения наших владений в будущем»².

**Использование
теории
«равновесия сил»**

Чрезвычайная уязвимость всех приведенных выше теорий побуждает многих авторов искать дополнительные благовидные причины того, почему «округление» колониальных владений европейских держав пошло быстрыми темпами именно в последнюю четверть XIX в., иначе говоря, найти удобную причину резкого усиления колониальной экспансии, которое было связано в действительности с переходом от домонополистического капитализма к империализму. По мнению Д. Филдхауза, этой причиной были обострение после 1871 г. соперничества европейских стран, раскол континента на две коалиции. Инвеститоры капитала, спекулянты, торговцы, миссионеры якобы не диктовали проведение внешней экспансии, а, наоборот, сами являлись орудием в руках политиков, преследовавших свои чисто политические цели. Бисмарк решил приобрести колонии как карту в дипломатической игре, его действия вызвали цепную реакцию. Даже фритредерская Англия будто бы

¹ E. Crankshaw, *The Forsaken Idea. A Study of Viscount Milner*, London, 1952, p. IX а. о.

² АВГР, Средне-Азиатский стол, 1908 г., д. 947, л. 109.

нехотя должна была встать на путь аннексий. Погоня за колониями была-де попыткой изменить баланс сил в Европе, «в условиях политической напряженности страх оказаться обделенным при разделе мира взял верх над всеми практическими соображениями»¹. «В этом соревновании (за захват колоний. — *Е. Ч.*), в ходе которого все рациональные, экономические или гуманные мотивы превратились в простые предлоги, — вторит Филдхаузу Люти, — каждая нация выкроила для себя огромные куски неведомых земель, которые, как мы ныне знаем, она никогда не могла реально колонизовать, организовать или эксплуатировать»².

Сослаться на временную «нерентабельность» некоторых из этих приобретений, использовать то, что непосредственные причины некоторых захватов были неэкономического характера, всячески выпятить тот факт, что аннексии производились в условиях бешеной внешнеполитической борьбы между капиталистическими державами и часто ускорялись, стимулировались ею, и на этом основании отрицать связь монополистического капитализма и колониальной политики, эксплуататорскую, грабительскую основу капитализма — вот к чему на деле сводится суть идеалистической, антинаучной методологии Филдхауза, Люти и им подобных неоколониалистских историков. В этом их готов поддержать и Хэнна, который утверждает, что колониальная экспансия 80—90-х годов в Африке была «не быстрым следствием экономического развития или других событий в самой Европе, а кульминационным пунктом длительное время проявлявшейся тенденции в отношениях Великобритании, Франции и Португалии с Африкой, наступление которого было ускорено вмешательством двух новых сил — бельгийского короля и бисмарковской Германии»³.

Следует учитывать, что и «неэкономические» по своим непосредственным мотивам захваты вовсе не были

¹ *D. K. Fieldhouse, Imperialism. . .*, p. 202—206. У. Ростоу также считает, что колонии просто стали тогда общепризнанным символом величия, вопросом престижа (*W. Rostow, The Stages. . .*, p. 110).

² «*Journal of Economic History*», 1961, December, p. 488.

³ *A. J. Hanna, The European Rule in Africa*, p. 11. Ср. также *J. F. Cady, The Roots of French Imperialism in Eastern Asia*, New York, 1954; «*Cambridge History of the British Empire*», v. III, p. 120—121 a. o.

случайностью, а проистекали из логики соперничества и борьбы между капиталистическими странами. Как особо отмечал Ленин, «для империализма существенно соревнование нескольких крупных держав в стремлении к гегемонии, т. е. к захвату земель не столько прямо для себя, сколько для ослабления противника и подрыва его гегемонии...»¹. Реакционные историки не хотят видеть того, что сама эта борьба и ее «законы» порождались столь не любезной для них «экономикой», иначе говоря, сущностью капиталистического строя. «Колониальная политика и империализм — вовсе не болезненные, исцелимые, уклонения капитализма..., а неизбежное следствие самых основ капитализма, — писал В. И. Ленин в 1915 г., — конкуренция между отдельными предприятиями ставит вопрос только так — разориться или разорить других; конкуренция между отдельными странами ставит вопрос только так — остаться на девятом месте и вечно рисковать судьбой Бельгии² или разорять и покорять другие страны, проталкивая себе местечко среди «великих» держав»³.

Некоторые неоколониалистские историки пытаются объединить ссылки на соперничество великих держав с доказательствами «неизбежности» колониальной экспансии в целом и оправдать таким путем захватнические действия каждой из западноевропейских стран. Они, мол, аннексировали лишь то, что все равно должно было быть занято какой-либо из этих стран, а то и вообще «бесконтрольно действующими авантюристами»⁴. О. Тейлор тоже рисует колониальную экспансию результатом политического соперничества великих держав, даже вынужденного, оборонительного характера захватов перед лицом вызова со стороны Германии, страны с сильными «добуржуазными» пережитками деспотизма. Он также пишет, что капиталисты чаще были не силой, вызывающей аннексии, а лишь подсобными ее участниками. Однако О. Тейлор идет еще дальше, противопоставляя внешнее соперничество европейских держав, порожден-

¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 27, стр. 389.

² В. И. Ленин подразумевал здесь оккупацию Бельгии германскими войсками во время первой мировой войны.

³ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 27, стр. 15.

⁴ М. Perham, Lugard, The Years of Adventure. 1858—1898, p. 713.

ное бисмарковской Германией, тенденциям внутреннего развития капитализма в этих странах, в результате которого происходил постепенный упадок «национального стремления» к созданию колониальных империй. «И те западные страны, в которых, как во Франции, эта тенденция проявилась в меньшей мере, чем в Англии, были как раз менее развитыми и современными капиталистическими странами, более слабо внутренне перестроенными в соответствии с идеалами классического либерализма»¹.

Отрывая внешнюю политику капиталистических держав от их внутреннего развития, Тейлор рисует выдуманную от начала до конца растущую тенденцию к отказу от колоний. Попытка проиллюстрировать, хотя бы одним примером, этот вымысел сразу приводит к нелепости. Утверждать, что Франция в период Третьей республики была менее капиталистически развитой страной, чем Англия, — значит путать две различные вещи — уровень промышленного развития, по которому Великобритания по-прежнему обгоняла свою соседку за Ламаншем, и степень развития капиталистических производственных отношений, которые занимали господствующее положение и в той и в другой стране. (Этого ни в коей степени не менял факт существования в Англии старого помещичьего землевладения при новой, чисто капиталистической аренде, а во Франции — крестьянского землевладения.) Что же касается государственного строя, то как раз в Англии пережитков феодализма было значительно больше, чем во Франции (монархия, верхняя наследственная палата, остатки сословных привилегий дворянства, архаическое законодательство и т. п.). Правда, в отношении развития местного самоуправления Англия более соответствовала теориям либералов, чем Франция, но следует отметить, что бюрократическая централизация во Франции была целиком и полностью делом буржуазии, осуществленным ею после того, как в ходе революции 1789—1794 гг. она сломала государственный аппарат феодально-абсолютистской монархии. К тому же как раз с 1870 г. тенденция к централизации начинает заметно проявляться и в Англии, чтобы завоевать полное господство в последующую империалистическую эпоху.

¹ *O. H. Taylor, A History...*, p. 401.

Во Франции последней трети XIX в. столь же сильно, как и в Англии (наиболее аннексионистской державе того времени!), проявилась не мифическая склонность к отказу от колоний, а резкое усиление колониальной горячки. Причем эту горячку питало не якобы слабое развитие капитализма, а, напротив, то, что на смену промышленному капиталу приходил финансовый капитал, что домонополистический капитализм перерастал в империализм. «Не случайность, — отмечал В. И. Ленин, — что во Франции как раз особо быстрое развитие *финансового* капитала, при ослаблении промышленного, вызвало с 80-х годов прошлого века крайнее обострение аннексионистской (колониальной) политики»¹.

В попытках защитить монополии от обвинения, что они являются источником империалистической экспансии, американский историк прибегает к разграничению вывоза капитала как чего-то «положительного» — и «отрицательного» колониализма. «Коммунистический миф, что империализм коренится или свойствен, и притом исключительно, природе полностью развитого капитализма, — пишет он, — и смешение в коммунистической теории brutального, причиняющего зло и устанавливающего господство империализма в собственном смысле этого слова со всяким участием западных деловых людей и инвесторов капитала в экономическом развитии слаборазвитых стран являются одновременно и сильнодействующими, и ложными, и дьявольскими частями мировоззрения или мифологии, против которой мы боремся»².

Постоянно ссылаясь на политическое соперничество, на напряженность в отношениях между европейскими державами как первопричину колониальной экспансии последней четверти XIX — начала XX в., неоколониалистские историки вместе с тем выдвигают нелепый тезис, что, напротив, борьба за колонии всерьез не усложняла международную обстановку. Широко используются ссылки на Бисмарка, подталкивавшего Францию к захвату Туниса, чтобы отвлечь ее внимание от Европы. (Это происходило до вступления Германии на путь

¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 27, стр. 389.

² О. Н. Taylor, The Classical Liberalism. Marxism and the Twentieth Century, Cambridge (Mass.), 1960, p. 85.

активной колониальной политики.) «Международные кризисы являлись исключением, — утверждает Брюншви́г. — Фашода, Агадир к тому же в действительности не угрожали миру в Европе»¹. Не нужно быть знатоком истории международных отношений для понимания того, что «в действительности» дело обстояло, как это исчерпывающе доказано в марксистской литературе, совсем наоборот.

Некоторые буржуазные историки идут дальше, спекулируя на факте соглашения между различными империалистическими державами о размежевании сфер влияния (часто являвшегося союзом против других империалистических группировок) вроде англо-японского союза, Антанты и т. п. Американский историк Рудин, признавая, что «по видимости» борьба за колонии подводила к войне, уверяет, будто на деле все обстояло как раз наоборот, что возможность занимать новые земли и взаимное признание прав державами на аннексированные ими владения, обмен территорий и т. п. ослабляли вражду: «В самом реальном смысле это империалистическое соперничество способствовало миру в Европе»². Это старый апологетический прием буржуазной историографии, восходящий еще к консервативному немецкому историку середины XIX в. Л. Ранке, объявившему «равновесие сил» в Европе необходимым условием развития цивилизации. Его многочисленные ученики в конце XIX в. оправдывали раздел Африки ссылками на эту «необхо-

¹ *H. Brunschwig, Mythes et réalités.*, p. 70. Эти утверждения тесно увязаны с еще одним настойчиво пропагандируемым тезисом реакционной историографии, что все (или почти все) крупные войны XIX и XX вв. не имели экономических причин. См., напр., *W. Röpkе, L'économie mondiale.*, p. 25, статьи западногерманских историков Г. Риттера и Э. Хельцле в «*Historische Zeitschrift*», 1962, Bd. 194, Hf. 3, S. 646—668; «*Das historisch-politische Buch*», 1962, Hf. 3, S. 65—69. Впрочем, часть буржуазных историков признает, что такие кризисы, как Фашода, подводили Европу к грани войны. См., напр., *J. F. Fuller, The Conduct of War. 1789—1961. A Study of the Impact of the French, Industrial and Russian Revolutions on War and Its Conduct*, London, 1961, p. 132—133.

² *H. R. Rudin, The History of European Relations in Africa*, In: *C. W. Stillman, Africa in the Modern World*, Chicago, 1955, p. 21. «Вопреки Ленину» западным странам удалось избежать войн из-за раздела Африки и Китая, в отношении последнего удалось даже договориться о принципе «открытых дверей», уверяет Б. Уорд (*B. Ward, India and the West*, p. 74).

димось» поддержания равновесия между европейскими державами¹.

Все же, до тех пор пока оставались огромные куски неподделанных территорий, соглашения между европейскими державами о дележе колониальной добычи еще могли нередко достигаться без военного конфликта. Иным стало положение в эпоху империализма, когда началась борьба за передел в основном уже поделенного мира. Говоря, в частности, как раз о Фашоде (1898 г.) и Агадире (1911 г.), В. И. Ленин писал, что «Англия на волос от войны с Францией (98)», «на волос от войны из-за Марокко (1911) (Англия, Франция, Германия)»².

Различные концепции буржуазной историографии, рисующие мировые войны XX в. следствием не империалистических противоречий, а случайных причин, геополитических факторов (нарушение баланса сил в определенном районе и другие), так же как и фальсификация истории колониальной системы, направлены своим острием против ленинской теории империализма. Совершенно очевидно, что в рамках реакционных концепций истории войн нет и не может быть места для показа роли империалистической борьбы за колонии и сферы влияния в происхождении первой и второй мировых войн. При освещении предыстории первой мировой войны значение этой борьбы сводится к жесткому минимуму³, что вполне соответствует уже известному нам изображению колониального соперничества не как причины, а лишь как одного из следствий напряженности в отношениях между европейскими державами. При изложении же истории второй мировой войны борьба за колонии⁴ подается в искаженном, однобоком виде. Разумеется, не

¹ Существование такой апологетики признают и некоторые буржуазные историки (*G. Barraclough, History in a Changing World, Oxford, 1957, p. 170*).

² *В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 28, стр. 492, 494.*

³ Так, Г. Риттер утверждает, что борьба за колонии не играла существенной роли в возникновении первой мировой войны («*Internationales Jahrbuch für Geschichtsunterricht*», Bd. IV, Braunschweig, 1955, S. 244—245).

⁴ Об англо-германских противоречиях и их действительной роли в возникновении второй мировой войны см. *А. М. Некрич, Политика английского империализма в Европе (октябрь 1938 — сентябрь 1939)*, М., 1955, стр. 129—141, 159—181 и др.

стрицается стремление держав фашистского блока к захватам колоний, но источником этого стремления объявляется не капитализм, а лишь фашистский режим (опять-таки отделенный от призвавших его к власти монополий), иногда, наконец, военная каста, национальные особенности немцев или японцев и т. д.

Даже мюнхенскую политику умиротворения агрессоров Б. Уорд объявляет доказательством незаинтересованности колониальных держав (и вообще капитализма) в колониях. Недаром, мол, они были «готовы» уступить некоторые из своих колоний странам фашистского блока. За спиной же завоевательных планов гитлеровцев стояли не монополии, а только «атавистический расовый инстинкт»¹, и конечно, факт участия колониальных держав в антифашистской коалиции подается как свидетельство того, будто военные цели правящих кругов этих стран не включали укрепление и расширение их колоний, системы империалистического грабежа:

Абсолютизируя роль политического соперничества, апологеты колониализма, конечно, не могут пренебречь и таким «достижением» реакционной историографии, как теория «народного национализма», с помощью которой они пытаются свалить на трудящиеся массы ответственность за бедствия, переживаемые человечеством по вине капиталистического строя². Филдхауз разъясняет, что экономически несостоятельная колониальная политика проводилась во многом именно вследствие «народного национализма»³. Брюншви́г, напротив, уверяет, что массы в Англии были настроены в духе фритредерского антиколониализма, а империалистические доктрины исповедовал лишь кружок интеллигентов⁴. Часть буржуазных историков из теории «народного национализма» делают космополитический вывод о том, что источником всех общественных бедствий, в частности мировых войн XX в., было само существование национальных государств. Отсюда выводится не только «доказательство» невиновно-

¹ B. Ward, *India and the West*, p. 76.

² Об этом автору приходилось более подробно писать в уже упомянутой книге «Историография против истории».

³ D. K. Fieldhouse, *Imperialism...*, p. 207.

⁴ «Revue historique», 1961, Octobre — Décembre, p. 452.

сти капиталистического строя в колониальной политике¹, но и порой бескорыстия самого колониализма. Так, один из виднейших буржуазных историков США писал о разделе Африки, «что это был почти неразвращенный империализм и что это было распространение на Африку того соперничества внутри системы национальных государств, которое держало Европу в состоянии временно приостановленной анархии»². Рисуя идиллическую картину трансформации капитализма в конце XIX в. в «строй благосостояния» и усиления тенденций к «самоликвидации» колониализма, реакционные историки все-таки чувствуют необходимость как-то объяснить факт ускоренного нарастания колониальной экспансии в этот период, увеличения числа колониальных держав, обострения борьбы за раздел, а потом и передел мира. Помимо ссылок на «традиционное» соперничество европейских держав у них остается один выход — утверждать, что колониальная экспансия была побочным продуктом демократизации европейских государств, так как вследствие этой демократизации выросла политическая роль мифического «народного национализма».

Добавим, между прочим, что из-за той же теории «старого» и «нового» капитализма объективность буржуазной науки в освещении различных периодов колониальной экспансии находится в обратной пропорции к хронологической близости данного периода к современности. Степень приукрашивания колониальных захватов в конце XIX в. является значительно большей, чем апология «подвигов» колонизаторов в XVI—XVIII столетиях. А в действительности злодеяния захватчиков в конце XIX — начале XX в. были несколько не меньшими, чем в более ранние периоды колониальной политики³.

¹ О. Н. Taylor, *The Classical Liberalism...*, p. 84.

² J. T. Shotwell, *The Long Way to Freedom*, p. 544.

³ Это относится не только к более известным зверствам немецких колонизаторов, но и, в частности, к французской военщине, завоевавшей огнем и мечом новые территории в Азии и Африке (см., напр., В. А. Субботин, *Колониальная политика Франции в Западной Африке (1880—1900)*, стр. 14 и сл.). Впрочем, некоторые из колониальных расправ, как правило, замалчиваются и для более раннего периода, напр. уничтожение коренного населения Новой Зеландии, несмотря на то что его еще более ста лет назад описал У. Хоуит (*W. Howitt, Colonisation and Christianity. A Popular History of the Treatment of the Natives by the Europeans in All Their Colonies*, London, 1838, p. 480 f.).

Это не мешает реакционным историкам писать о колониальных захватах последней трети XIX в., что «ни одно из предшествовавших завоеваний со времени Александра Великого не было столь быстрым и бескровным»¹. Вместе с тем колониальные захваты нередко оправдываются, а борьба народов Азии и Африки против порабощения принижается с помощью аргументов, которые еще Д. Гобсон иронически именовал «доктриной ретроспективного согласия». В конце XIX в. ее защищал, в частности, Ф. Гиддинс в книге «Империя и демократия», «доказывавший», что правомерность захвата территорий нисколько не умаляется сопротивлением живущего там «варварского народа», если существует вероятность того, что впоследствии, приобщившись к цивилизации, этот народ даст разумное согласие на произведенный ранее захват.

Реакционные историки пытаются показать в своих работах, что метрополия в XX в. не получала от владения колониями никаких выгод, которые не могли бы при прочих равных условиях извлечь от экономических связей с этими колониями другие страны. Нечего говорить, что эта схема полностью противоречит исторической истине. «Финансовый капитал — такая крупная, можно сказать, решающая сила во всех экономических и во всех международных отношениях, что он способен подчинять себе и в действительности подчиняет даже государства, пользующиеся полнейшей политической независимостью. . . — писал В. И. Ленин. — Но, разумеется, наибольшие «удобства» и наибольшие выгоды дает финансовому капиталу *такое* подчинение, которое связано с потерей политической независимости подчиняемыми странами и народами»². Политическая власть дает возможность ограбления колоний с помощью налогов, конфискации земли, введения монокультур и развития резко неэквивалентной торговли, эксплуатации принудительного труда и т. д. Как подчеркивал Ленин, при политической аннексии экономическая часто удобнее, дешевле, спокойнее — легче подкупить чиновников, добиться концессии, провести выгодный закон и пр.³

¹ J. F. Fuller, *The Conduct of War.*, p. 134.

² В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 27, стр. 379.

³ См. В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 30, стр. 95.

В попытках отрицать эксплуататорскую суть колониальной политики эпохи империализма большинство неоколониалистских историков особенно охотно обращаются и к неомальтузианским «аргументам», иногда сдабривая их расистскими добавлениями. Нищета колониального населения, по мнению этих историков, — результат не колониальной эксплуатации, якобы не существовавшей или игравшей небольшую роль, а, напротив, реальных благ, которые принес колониальный режим «отсталым» странам и вызвал там быстрый рост населения¹. Чтобы убедиться в социальных, а не «биологических» причинах нищеты населения в колониях, достаточно привести следующие официальные данные по Индии. За 30 лет (1911—1941 гг.) население возросло на 85 млн. человек, а численность лиц, занятых в промышленности (включая кустарей и ремесленников), сократилась на 1,1 млн. Число разорвавшихся кустарей и ремесленников далеко превышало число лиц, которые могли быть вовлечены в крупную промышленность, сравнительно медленно развивавшуюся из-за препятствий, которые были созданы колониальным режимом.

Переход капитализма в его монополистическую стадию повсеместно сопровождался возрастанием реакционности и шовинизма буржуазии, разгулом колониального грабежа, зверским подавлением и ограблением других народов и стран. Внеэкономическая надстройка, вырастающая на основе финансового капитала, усиливала стремление к колониальным завоеваниям². Отрывая надстройку от базиса, Филдхауз заявляет, будто «ясно, что империализм (империалистическая экспансия. — Е. Ч.) не может быть просто объяснен в терминах экономической теории и путем выведения из природы финансового капитализма. В зрелой форме империализм можно лучше всего охарактеризовать как социологическое явление, имеющее корни в политических фактах. Его можно правильно истолковать, оперируя понятием той же самой социальной истерии, которая с тех пор породила и другие, еще более губительные формы агресс-

¹ Напр., *W. Thompson, Population and Progress in the Far East, Chicago, 1959, p. 401—402.*

² См. *В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 27, стр. 382.*

сивного национализма»¹. В переводе на обычный язык это просто означает, что в колониализме виноваты сами народы, «охваченные социальной истерией», которая, по любезному разъяснению реакционной историографии, оказывается, породила «агрессивный национализм» фашизма и... национально-освободительных движений!

Выше упоминалось о довольно распространенном утверждении, будто эксплуатация колоний была лишь следствием недостаточного развития капитализма и буржуазной демократии. Разновидностью этой же «теории» является точка зрения, особенно усердно проповедуемая в реформистской и ревизионистской литературе. Как писал английский лейборист Д. Стречи, «ленинская модель» империализма и колониальной политики, может быть, и отражала положение дел до 1914 г., но якобы совершенно не имеет отношения к современному капиталистическому строю². «Закон развития империализма был выведен Лениным из изучения стадий капиталистического развития, приходящейся на три или четыре десятилетия перед 1914 годом... — пишет Б. Уорд. — Между 1880 и 1914 годами положение в мире в известной степени давало основание для ленинского анализа»³. Это, мол, было просто обобщение явлений, свойственных кратковременному развитию капитализма до достижения им стадии «строя благосостояния»⁴. А. Д. Л. Шоу разъяснял, что «империализм в марксистском смысле постепенно исчезает, он подходит только к особым обстоятельствам, как и столь многие другие марксистские догмы, он применим лишь к специфическим условиям частновладельческого капиталистического предпринимательства во время промышленной революции»⁵. В конечном счете эта концепция опирается лишь на хорошо известную лжетеорию мнимой трансформации капитализма в «строй благосостояния» и «самоликвидации» колониализма.

¹ D. K. Fieldhouse, *Imperialism...*, p. 209.

² J. Strachey, *The End of Empire*, London, 1959, p. 117 f.

³ B. Ward, *India and the West*, p. 72.

⁴ Там же, стр. 75.

⁵ A. G. L. Shaw, *A Revision of the Meaning Imperialism*. «Australian Journal of Politics and History», 1961, November, p. 213.

Концепция
Д. Галлахера
и Р. Робинсона

Специально стоит остановиться на «опровержениях» марксистско-ленинской концепции истории колониальной политики империализма, в которых приводится внешне обильная конкретно-историческая аргументация. Среди них прежде всего выделяются работы английских историков Р. Робинсона и Д. Галлахера. Эти историки доказывают, что все английские захваты были по существу защитой старых колоний, прежде всего в Индии, что усиление британской экспансии после 1880 г. было результатом ослабления мировых позиций Великобритании и необходимости укрепить оборону империи¹. Английские фактории и крепости в Африке изображаются не базами для дальнейшей агрессии, а потерявшими значение и ставшими в тягость старинными владениями, которые, однако, приходилось из соображений престижа не только защищать, но даже расширять территориально, оккупируя прилегающие области. Как писала газета «Таймс», подытоживая точку зрения сторонников этой концепции, англичане во второй половине XIX в. «вынуждены были приобрести новую империю для защиты старой»². Журнал Американской исторической ассоциации особо подчеркивал направленность теории английских историков против марксизма и идеологии национально-освободительного движения: «Картина Британии, принужденной к приобретению империи, может показаться удивительной для африканского националиста и экономического детерминиста, но Робинзон и Галлахер отстаивают свою интерпретацию»³. Эта «интерпретация» получила окончательный вид и вместе с тем полное признание в одном из наиболее авторитетных изданий буржуазной историографии — «Новой Кембриджской новой истории». В XI томе, опубликованном в 1962 г., Робинзону и Галлахеру принадлежит специальная глава «Раздел Африки», на которой поэтому стоит остановиться несколько подробнее.

Однако прежде всего поинтересуемся, как освещался этот вопрос о разделе «черного континента» в старом (пер-

¹ R. Robinson, J. Gallagher, *Africa and the Victorians*, London, 1961.

² «Times Literary Supplement», 11.VIII.1961.

³ «American Historical Review», 1962, June, p. 1021.

вом) издании «Кембриджской новой истории». В XII томе (1910 г.) Е. А. Бенианс прямо признавал экономические причины колониальной политики европейских держав в конце XIX в., разумеется широко развивая и знакомый нам тезис об их «цивилизаторской роли» в колониях¹. Конечно, при этом и речи не было о капитализме как источнике колониальной политики, говорилось лишь об экономических нуждах человечества. «Необходимость того, чтобы тропические районы мира в большей мере участвовали в удовлетворении экономических потребностей, — писал Бенианс, — вызвала к жизни великое колонизационное движение, которое подчинило европейским державам Африку с ее миллионами жителей, находящимися на различных ступенях прогресса»². Надо добавить, что много позднее Е. А. Бенианс в качестве редактора «Кембриджской истории Британской империи» вполне перестроился в духе концепций неокониалистской историографии.

В главе о разделе Африки в «Новой Кембриджской новой истории» доказывается нечто прямо противоположное тому, в чем уверяла читателей старая «Кембриджская новая история». Никакая «необходимость», никакие «экономические нужды» не были причиной раздела Африки между европейскими державами, да и главные причины этого раздела находились вовсе вне Европы. «Бисмарк и Ферри, Гладстон и Солсбери всерьез не верили в создание империй в Африке, — пишут Робинзон и Галлахер. — Они насмеялись над этими планами как чем-то напоминающим фарс. Рискованная затея в джунглях или кустарниках могла интересовать бедного короля вроде Леопольда II или еще только выдвигавшегося политика типа Криспи, но главные участники раздела в 80-е годы не руководствовались в своих действиях какой-либо великой имперской идеей. Они не нуждались в африканских колониях, отражая в данном случае безразличие, которое испытывали к этому все, кроме сумасшедших (lunatic fringe), среди деловых и политических кругов. Историки раздела должны присоединиться к этому взгляду. Несмотря на все последующие мудрствования исследователей социальных проблем,

¹ «Cambridge Modern History», p. 658 f.

² Там же, стр. 665.

не имелось исчерпывающей причины или мотива для раздела. В обширных анналах империализма раздел Африки является удивительной ненормальностью. Немногие события, вовлекшие в революционные изменения целый континент, возникли столь случайно»¹.

Оглушив читателя подобными утверждениями, перевтывающими вверх ногами все общеизвестные факты, сделав выпад по адресу отсталых «исследователей социальных проблем», не постигнувших новой теории «случайности» раздела мира, английские историки не ограничиваются ссылками на то, что лишь «сумасшедшие» среди буржуазии и буржуазных политиков интересовались колониальной экспансией. Галлахер и Робинзон подчеркивают, что капитал обходил колонии в Африке, да и в 80-е годы еще, мол, не было никакого народного движения в поддержку этой экспансии, которое появилось в последнее десятилетие XIX в., когда раздел был завершен. Только после раздела возникла «мифология империи. Определяя империализм как движение белых людей с целью преобразования африканского общества, подобно тому как было преобразовано общество в Индии, следует признать, что он не был причиной раздела. Империализм был одним из побочных результатов этого раздела»².

В этих немногих фразах объединено такое количество искажений реальной действительности, что потребовалось бы много места для их подробного рассмотрения. Здесь достаточно перечислить главные из них, поскольку к ним не раз придется возвращаться в последующем изложении. Отсутствие «народного национализма» (который не существовал ни в 80-е годы, ни позднее) объявляется доказательством случайности колониализма, который сам лишается всяких связей с социальной почвой, рисуется как неопределенная «преобразовательная» деятельность и в конечном счете оказывается следствием... колониальной политики, т. е. самого себя! Но это еще только начало приключений, в которые вовлекают своих читателей Робинзон и Галлахер, «опровергая» ленинскую теорию империализма и защищая колониализм.

¹ «The New Cambridge Modern History», v. XI, p. 593.

² Там же, стр. 594.

Установив, какие силы не были причиной раздела Африки, авторам надо было выявить те, пусть случайные, причины, которые все же привели к этому разделу. Главные из них, по объяснению этих историков, лежали не в Европе, а во внутренних процессах, происходивших в самой Африке. Английские историки развивают одну из разновидностей уже знакомой нам «теории вакуума», согласно которой не колонизаторы вторгались в страны Азии и Африки, а эти страны сами чуть ли не насильно «притягивали» к себе иноземных порабощителей. Надо отдать должное изощренности, проявленной Робинзоном и Галлахером в попытках сделать правдоподобной придуманную ими версию.

Все дело заключалось, как выясняется, в падении старых центров власти на севере и на юге Африканского континента, которое развязало два не связанных между собой процесса раздела. На юге он был порожден борьбой между колониальными властями (в Капской колонии) и бурами, стремившимися освободиться от английской власти, что вызвало территориальные захваты вплоть до озера Ньяса, а впоследствии привело к набегу Джеймсона и к англо-бурской войне. Второй процесс был создан подрывом власти египетского хедива, следствием чего были революционные события 1879—1882 гг., во время которых столкновения англичан с ранним египетским национализмом волей-неволей привели их на берега Нила. Это, мол, и оказалось решающим.

Мы не будем пока останавливаться на полном искажении Робинзоном и Галлахером причин английской экспансии в Южной Африке и Египте (об этом будет подробнее говориться ниже). Здесь же достаточно подчеркнуть, что с помощью передержек Робинзон и Галлахер хотят скрыть не столько причины захватов в этих районах Африки, сколько раздел всего континента в целом. В их освещении вся Европа оказалась в столкновении с ранним египетским национализмом и «возрождением ислама» в Судане (т. е. движением махдистов), что и вызвало экспансию европейских держав. Фактически это был якобы не колониализм, а «вынужденная реакция» Европы на ранний национализм поборников ислама. Захват не только Египта Англией, но и Туниса Францией был ответом на мусульманские восстания. Однако ни Англия, ни Франция, собственно, не желали

приобретать эти территории, на которые они уже в течение трех четвертей века оказывали влияние без прямой аннексии и связанных с нею расходов. Занятие Туниса было отчасти следствием длительного процесса движения французов из Алжира. Англичане не могли оставить Египет из-за угрозы со стороны махдистов. Еще большее значение имело соперничество между Англией и Францией, которая не желала помириться с потерей своих позиций в Египте, рассматривавшейся как самое сильное поражение после Седана. Это соперничество «более, чем что-либо другое, привело к разделу Восточной и Западной Африки». Если раньше столкновения между купцами из различных стран по джентльменскому соглашению между Лондоном и Парижем не служили поводом для захватов, то теперь это соглашение было нарушено. Франция своей экспансией стремилась нарушить британские интересы в еще не занятой части Африки.

Разъясняя далее свою теорию, Галлахер и Робинзон пишут, что Англия и Франция должны были вследствие своего соперничества искать благосклонности Бисмарка, а тот, напротив, стремился увековечить это соперничество. Германский канцлер хотел побудить побежденную в 1870—1871 гг. Францию к сближению не с Россией, а с Германией. Для этого он афишировал, даже изобретал споры с Англией, которые должны были показать Парижу, что существует реальная основа для союза с Берлином. Так возникла Берлинская конференция 1884—1885 гг., приведшая к занятию европейцами Конго. Бисмарк стал захватывать колонии опять-таки, чтобы доказать Франции свою враждебность Англии. Поскольку он, однако, реально не считал эти колонии полезными, предпринимались попытки передать их экономическое использование в руки частных лиц. То же самое сделало и английское правительство Солсбери, узаконившее привилегированные монопольные компании. Не хотели захвата колоний и в Париже. Разделив в 80-е годы Африку на карте, дипломаты и правительства менее всего стремились реально занять их (этого хотели только отдельные торговцы и миссионеры, но не они делали политику). Лишь в 90-е годы началась реальная оккупация Африки, и на этот раз вызывавшаяся, с одной стороны, борьбой Англии и Франции из-за Египта, а с другой — «столкновением между европейской, африканской, христианской

и мусульманской экспансией при попытке установить контроль над Северной и Центральной Африкой». И так, заключают свое причудливое построение Робинзон и Галлахер, не капиталисты, не миллионеры, не «строители империй» начали раздел Африки, а дипломаты, используя его в качестве подсобного средства для решения вопросов в других частях света. Раздел начался как «штопанье» старых империй. Потом он стал реальностью в результате борьбы против раннего национализма и религиозных распрей. «Последовательность событий была прямо противоположной той, которую постулируют традиционные теории. Империализм не является причиной раздела. Он был результатом». В заключение своей главы, написанной со всеми претензиями на исследовательский характер (архивные сноски и т. д.), Робинзон и Галлахер, для приличия неодобрительно упомянув другие буржуазные теории, прямо указывают главный объект своей критики — «легковерную историографию», считавшую такие «мишурные создания», как колонии, необходимым следствием «высшей стадии капитализма»¹.

Р. Д. Гаммонд
против марксизма

Подобно Робинзону и Галлахеру
Р. Д. Гаммонд из Стенфордского
университета хотел бы использовать

для нападок на ленинскую теорию империализма материал по колониальной политике последних двух десятилетий XIX в. в Восточной Африке. Однако прежде всего Гаммонд выдвигает довольно оригинальный методологический принцип. Общеизвестно, что отдельные надерганные примеры, отдельные факты еще ничего не доказывают. Доказательством может служить лишь сумма основных, наиболее существенных фактов, взятых в их необходимой связи. Гаммонд же пытается уверить читателя в чем-то, по сути дела, прямо противоположном: «Одно дело нагромождать любое количество (!) единичных примеров предосудительного поведения европейцев, некоторые из которых, безусловно, действовали, исходя из стремления к прибылям для себя и своих компаний. Однако совсем другое дело возводить это в систему и объявлять движущей силой империализма»².

¹ «The New Cambridge Modern History», v. XI, p. 594—640.

² R. J. Hammond, Economic Imperialism: Sidelight on a Stereotype. «Journal of Economic History», 1961, December, p. 585.

Итак, Гаммонда не убедит «любое количество единичных примеров», к тому же теоретически осмысленных, в том, что колониальная политика вытекает из природы капитализма. Вряд ли в этом повинны факты. Посмотрим; однако, что Гаммонд хочет противопоставить «любому количеству» неудобных для него фактов. Начинает он с признаний. Да, в 80-е годы можно отметить в Восточной Африке много отличительных признаков «экономического империализма»: привилегированные компании вроде Британской Южно-Африканской компании Сесилия Родса, Мозамбикской компании и других — о них имеется подробный рассказ в старой работе Д. Грина¹. Деятельность большинства из этих компаний представляла собой смесь филантропии и торговли. В этом не видели ничего дурного. Ловелл Кэмерон, путешественник, активный борец с рабством, был директором и акционером ряда компаний, добывавшихся концессий в районах реки Замбези, в Португальской Ньясе, в «свободном государстве Конго». Еще более яркий пример — бельгийский король Леопольд II, основатель этого государства. Таким образом, факты, которые для каждого непредубежденного человека являются ярким свидетельством того, насколько буржуазная филантропия являлась орудием крупного капитала и его экспансии, выдаются Гаммондом за доказательство неэкономического происхождения колониальной политики конца XIX в.

Разумеется, вытаскивается на свет и теория экспансии как формы борьбы с рабством. Сорок лет назад в известной монографии Л. Вулфа, посвященной критике колониальной политики, так оценивалась деятельность Легерда: «Наведенные справки убедили его, что будет таким же добрым делом расстреливать охотников за рабами на озере Ньяса, как абиссинцев в Абиссинии, бирманцев в Бирме, африканцев в Судане или афганцев в Афганистане»². Гаммонду очень не нравится это слишком верное объяснение «подвигов» Легерда. Сравнение неправильно, уверяет он. Ведь в Ньясе Легерд действовал не против туземцев, а против арабов, охотившихся за рабами. Поэтому сравнение, мол, бьет мимо цели.

¹ Имеется в виду *J. E. S. Green, Rhodes Goes North*, London, 1936.

² *L. Woolf, Empire and Commerce in Africa*, p. 273.

Однако внимательный читатель сразу убедится, что мимо цели бьет не сравнение, а возражения против него, приведенные в работе Гаммонда. Ведь слишком очевидно, что экспедиции Легерда против арабских работорговцев проводились во имя не борьбы против рабовладения, а эксплуатации местного населения и богатств страны английским капиталом.

В антиимпериалистической литературе не раз описывалась история известного английского ультиматума в 1890 г. и вскрывалась роль С. Родса, стремившегося захватить обширную территорию в Ньясе, на которую зарылись португальские колонизаторы. Гаммонд решительно выступает против такой интерпретации событий. Дело обстояло, по его разъяснению, совсем иначе: «Помешал британскому правительству уступить Ньясаленд португальцам не Сесиль Родс, а призрак Дэвида Ливингстона»¹. Речь, как легко догадаться читателю, далее пойдет у Гаммонда о роли «миссионерского фактора», оценить которую так, как этого хотелось бы реакционным историкам, действительно невозможно, не прибегая к помощи «призраков». Гаммонд считает, что лорд Солсбери не уступил португальцам спорные территории, потому что там, в Блантире, уже находилась миссия шотландской церкви. (О том, не было ли подлинное соотношение между причиной и следствием в общем и целом как раз обратным, Гаммонд, конечно, не допускает и мысли.) Решение Солсбери было, мол, принято еще до очередного приезда С. Родса в Лондон — это тоже считается аргументом. В Лондоне Г. Джонсон убедил Родса финансировать установление британского контроля севернее Замбези, чтобы обойти таким образом возражения казначейства и парламентской оппозиции.

Допустим на минуту, что события в данном случае происходили именно так, как это рисует Гаммонд, тем более что в 1890 г. Сесиль Родс еще далеко не приобрел того влияния, которое он имел впоследствии. (Отметим только, что созданная Гаммондом картина весьма плохо вяжется с обычным утверждением реакционной историографии, будто само британское правительство неизменно выступало против аннексии и лишь скрепя сердце соглашалось на нее вследствие давления со стороны

¹ R. J. Hammond, *Economic Imperialism*. ., p. 586.

«посторонних» сил.) Они показали бы только, что идеологические и политические представители определенного класса — а никто не сможет отрицать, что консервативное правительство Солсбери отражало как раз интересы и взгляды крупного капитала, — часто видели быстрее и лучше, в чем заключаются интересы данного класса, чем непосредственно заинтересованные лица. Английская буржуазия (и обуржуазившаяся дворянская аристократия) ставила у власти людей, которые в большой мере обладали накопленным политическим опытом, «искусством управлять», будь то вопросы внутренней, внешней и колониальной политики. В это искусство входили как отчетливо осознанная ловкая защита классовых интересов буржуазии, так и не менее изощренное умение находить благовидные прикрытия для самых коварных и низменных действий.

Были ли интересы Южно-Американской компании «разъяснены» Родсом английскому кабинету или «угаданы» Солсбери, имеет самое малое значение и несколько не меняет «экономических» мотивов действий правительства. Однако при всем этом более чем сомнительно, чтобы события происходили именно так, как утверждает Гаммонд, который искусственно выделяет один эпизод из цепи взаимоотношений крупных капиталистических компаний и правительства. При таком выделении очень легко представить правительственные меры, являвшиеся логическим следствием действий, произведенных благодаря «предшествовавшему» давлению со стороны финансовых и промышленных кругов, за исходный пункт, за первопричину позиции кабинета в данном вопросе. Даже не предпринимая специального конкретно-исторического исследования, ясно, что слишком многие из действий кабинета Солсбери были продиктованы этим давлением со стороны «привилегированных компаний» и крупного капитала вообще¹. Как и все реакционные историки, Гаммонд, охотно разыскивающий различные общественные группировки, якобы из чисто идеальных побуждений требовавшие от правительства активных действий, становится неожиданно глухим и слепым, когда речь идет о

¹ Об активности компании Родса в Машоналенде и поддержке ее правительством см. *А. Б. Давидсон, Метабеле и Машона в борьбе против английской колонизации. 1888—1897, М., 1958.*

крупном капитале и привилегированных компаниях. Гаммонд утверждает, что Родс был привлечен к делу только с целью избежать государственных затрат, связанных с аннексией спорной территории, что он лишь помог обеспечить средства для осуществления политики Солсбери, «которая в данном случае может быть названа скорее не экономическим империализмом, а империализмом с соблюдением экономии (economical rather than economic imperialism)»¹.

Стоит добавить, что Гаммонд лишь повторяет оценку роли привилегированных компаний, содержащуюся в работах ряда неокOLONиалистских историков. По их мнению, создание привилегированных компаний (Королевской, Нигерийской, Британской южноафриканской, Имперской британской восточноафриканской) было просто попыткой обойти нежелание казначейства финансировать расходы по колониальным предприятиям, переложив эти расходы на частных лиц². Случаи, когда Лондон из дипломатических и других соображений колебался с выдачей хартий привилегированным компаниям, неокOLONиалистские историки (например, Ф. Парсонс в статье «Северо-западноафриканская компания и английское правительство в 1875—1895 гг.»)³ выдают за неопровержимое свидетельство господства антианнексионистских настроений. Опять доказательством антиколониализма объявляются обе взаимоисключающие противоположности — и поддержка привилегированных компаний, и отказ в этой поддержке; неокOLONиалистская историография в очередной раз демонстрирует отнюдь не «диалектические» противоречия своей не брезгающей никакими средствами апологетики. У. Макмиллан, между прочим, даже пишет, что сами привилегированные компании были созданы из антиколониалистских мотивов. Английское правительство, мол, менее всех стремилось к колониальной экспансии, придерживаясь взгляда, что нужно лишь оказывать просто поддержку торговой активности частных лиц. Учитывая, однако, чрезвычайный риск, с которым была связана торговля во многих райо-

¹ R. J. Hammond, *Economic Imperialism.*, p. 586—587.

² «Cambridge History of the British Empire», v. III, p. 168; A. J. Hanna, *European Rule in Africa*, p. 9—11.

³ «The Historical Journal», 1958, № 2.

нах Африки, консервативный кабинет во второй половине 80-х годов предоставил трем привилегированным компаниям монопольные права и административную власть в определенных районах. «Все эти сферы влияния были обозначены красной краской¹ даже еще до того, как они в конце концов перешли под прямой контроль правительства. Тем не менее, однако, создание привилегированных компаний было первоначально попыткой избежать этой необходимости, а не заговором с целью расчистить путь для имперской экспансии»².

Если в других случаях неокOLONиалистская историография, как указывалось выше, выдает заинтересованность части буржуазии в экспансии за доказательство незаинтересованности буржуазии в целом, и особенно правящих кругов, то в данном случае реакционные авторы идут еще дальше. Они предлагают поверить, что заинтересованность части буржуазии в экспансии поддерживалась буржуазией в целом и правящими кругами, как раз дабы самим не стать заинтересованными в этой экспансии. Но вернемся к Гаммонду.

Быть может, для опровержения его «концепции» стоило бы привести данные (частично они уже давно известны в литературе) о конкретных интересах привилегированных компаний в спорных территориях. Однако это было бы излишним, так как реакционный историк, опасаясь таких роковых для него возражений, сам скороговоркой признает наличие подобных интересов, чем благополучно разрушает карточный домик своих критических построений. «Правда, компания (С. Родса. — Е. Ч.), — пишет он, — имела весьма определенные экономические интересы в Машоналенде, которым угрожало продвижение португальцев, правда, что она использовала преимущества ситуации, созданной ультиматумом, чтобы захватить Монику (именно это имел в виду Вулф)»³. Если обычно реакционные историки пытаются отрицать существование серьезных экономических интересов в районах колониальной экспансии, то Гаммонд дошел уже до утверждения, что английское правитель-

¹ Так на английских картах обозначались владения Великобритании.

² W. M. Macmillan, *The Road...*, p. 158.

³ R. J. Hammond, *Economic Imperialism...*, p. 586—587.

ство действовало вопреки или по крайней мере невзирая на эти интересы. Этот столь «правдоподобный» результат критического энтузиазма обосновывается ссылкой на то, будто Солсбери и сменивший его Розбери при окончательном разграничении с Португалией действовали с умеренностью, не удовлетворив некоторые из пожеланий Родса¹. Допустим опять, что события происходили в действительности именно так, как утверждает Гаммонд. Это было бы лишь свидетельством трезвого учета английским кабинетом не только интересов одной, пусть очень важной, привилегированной компании, но также интересов других компаний, в частности ведущих торговлю с Португалией, наконец, общих интересов капиталистической Англии, которая в условиях острого соперничества с другими державами не могла не заботиться о сохранении своего влияния в Лиссабоне.

Р. Гаммонд, конечно, мобилизует и все знакомые нам доводы: захватывались земли, которые были явно малопривлекательны как рынки и сферы приложения капитала; даже перспективные с этой точки зрения португальские колонии Мозамбик и Ангола хронически страдали от недостатка капиталовложений; инвесторами выступали не солидные фирмы, а спекулянты типа американского полковника Макмердо, которые скорее хотели грабить не туземцев, а других акционеров или получить правительственные субсидии. Привилегированные компании нередко несли убытки. Акции многих привилегированных компаний, включая компанию Родса, свободно котировались на международном рынке, пайщиками были не только англичане, но и граждане других стран. В то же время немецкий капитал шел охотнее в золотодобывающую промышленность Южной Африки, чем в германские колонии. Капиталисты были, мол, просто «обозниками», которые тянулись за правительствами, приобретающими колонии из соображений высокой политики. Предположение, что «политики калибра Солсбери или Бисмарка руководствовались какими-либо мотивами, кроме политических соображений, выглядит весьма неправдоподобным». (Правда, в другом месте своей работы Р. Гаммонд, забыв об этом последнем аргументе, признает, что как раз политик такого «калибра»

¹ R. J. Hammond, *Economic Imperialism...*, p. 587—588.

Джозеф Чемберлен неоднократно подчеркивал, что новые аннексии — это новые рынки¹.)

Большинство из этих аргументов Гаммонда повторяют уже разобранные выше. Ссылки на то, что колониальные земли привлекали преимущественно спекулянтов, верны лишь в том смысле, что в колониальных делах не всегда было возможно отличить действия самых беззастенчивых авантюристов от активности наиболее солидных английских банков и фирм. А ограбление вкладчиков нисколько не исключало эксплуатации туземцев. То, что германский капитал, обходя все рогатки, воздвигнутые британскими властями, шел в более богатые английские, а не немецкие колонии, свидетельствует лишь об обострении борьбы за раздел и передел мира, а не об отсутствии «экономических мотивов» у колониальной политики. Еще менее об этом может говорить участие (к слову сказать, относительно очень ограниченное) иностранного капитала в британских привилегированных компаниях, являвшееся, как и другие соглашения капиталистов разных стран, лишь перемирием в борьбе, а иногда и прямо формой этой борьбы. Гаммонд приводит пример англо-германского договора 1898 г. о разделе португальских колоний, который даже в буржуазной литературе считался образчиком империалистической дипломатии. На деле, разъясняет Гаммонд, страх перед необходимостью давать компенсацию Германии, как это предусматривал договор, сковывал английские аннексионистские планы, если бы они и были². Читатель должен на этом примере еще раз убедиться, что колониальная политика европейских держав не имела экономических корней и целиком вызывалась заботой о поддержании равновесия сил в Европе.

В действительности линия английской дипломатии определялась тем, что колонии Португалии, экономически зависимой от английского капитала, и так находились в сфере британского влияния. Предоставлять их, хотя бы частично, германскому сопернику, что сильно укрепило бы его позиции в Африке, не было никакого расчета, но поманить его этой перспективой оказалось очень полезным в ходе сложной игры, которую вело бри-

¹ R. J. Hammond, *Economic Imperialism*., p. 588—591, 593—594, 596.

² См. там же, стр. 592—593.

танское правительство незадолго до развязывания империалистической англо-бурской войны¹. После всего вышеизложенного можно по достоинству оценить вывод отрицателя экономической подоплеку колониальной политики, что пресловутая «драка за захват Африки» была сравнительно «благопристойным и достойным делом»².

**Версия
А. Брюншвига**

Наконец, еще один «опровергатель» — уже знакомый нам А. Брюншвиг. Этот историк, изобретавший, как отмечалось выше, самые различные «неэкономические» причины французской колониальной политики XVII—XVIII вв., продолжает эту линию и в отношении XIX столетия. Если, мол, в Англии в 30—40-е годы этого века колониальная политика имела торговые цели, то во Франции она была просто средством, с помощью которого правительства, не уверенные в прочности их положения, пытались повысить свой авторитет. К тому же эти правительства постоянно стремились отказаться полностью или частично от уже сделанных колониальных приобретений, приносивших лишь убытки (в 1830 г. — уйти из Алжира, в 1828—1852 гг. — из Сенегала, в 1862—1864 гг. — из Камбоджи, в 1871 г. покинуть Берег Слоновой Кости). Правда, колонии все же не были оставлены, но только из соображений престижа, оспаривания у Англии морского господства. Если англичане захватили огромные владения в период, когда считали колонии бременем, то французы завоевали заморские территории, когда их внешняя торговля сократилась до минимума и население не выказывало ни малейшего интереса к колониальным владениям³.

С серьезным видом изображая создание английской и французской колониальной империи в виде случайности или даже печального исторического недоразумения, Брюншвиг уверяет далее, что после поражения во франко-прусской войне Франция осуществляла колониальные аннексии лишь для доказательства, что она осталась

¹ О реальной истории договора 1898 г. см. А. С. Ерусалимский, *Внешняя политика и дипломатия германского империализма в конце XIX века*, изд. 2, М., 1951, стр. 444—458. Ср. Н. Drechsler, *Deutsche Versuche...* «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft», 1961, Hf. 7, S. 1619—1631.

² R. J. Hammond, *Economic Imperialism...*, p. 595.

³ H. Brunschwig, *Mythes et réalités...*, p. 13—16.

великой державой. Когда экономические интересы просто нельзя замолчать (как в случае с занятием Туниса), он приводит набор высказываний, призванных служить доказательством того, что решение об аннексии было вызвано другими мотивами или по крайней мере что интересы финансовых кругов, настаивавших на захвате, лишь ускорили осуществление уже принятого решения¹. Да и разве вообще мыслимо, чтобы небольшая группа финансистов продиктовала курс, связанный с большими бюджетными расходами!² «Ничего не понимает в колониальном империализме тот, кто изображает его как охоту за добычей капиталистов, жадно стремящихся к подчинению богатых территорий и беззащитного населения. Колониальный империализм, как и национализм, из которого он проистекал, был добродетелью. Его поборники служили великим идеалам эпохи — национальному и гуманистическому идеалам»³.

Многие идеи, развиваемые Брюншвигом в отношении истории французского колониализма, можно найти и у других неоколониалистских историков, например у А. Хэнна. Он также подчеркивает различие причин колониальной политики в разное время. Алжир был занят по приказу дворянского правительства Реставрации, думавшего будто бы лишь о приобретении славы для престола и церкви. Только из боязни унижения, такого же как поражение при Ватерлоо, только из-за престижа Алжир был сохранен буржуазным правительством Луи-Филиппа. Позднее это приходилось делать ради чести армии. Федерб, губернатор Сенегала, расширял его территорию в борьбе против работорговли и для создания большей экономической устойчивости колонии. После 1870 г. экспансия «частично была почти автоматическим продолжением дела, начатого Федербом». Другим фактором было стремление заглушить горечь поражения во франко-прусской войне⁴.

В отличие от многих своих коллег Брюншви́г учитывает, что «опровержение» марксизма путем доказатель-

¹ *H. Brunshwig, Mythes et réalités. .*, p. 60—61. Cp. *J. Ganiage, Les origines du protectorat français en Tunisie (1861—1881)*, Paris, 1959, p. 656.

² *H. Brunshwig, Mythes et réalités. .*, p. 154.

³ Там же, стр. 173.

⁴ *A. J. Hanna, European Rule in Africa. .*, p. 5—6.

ства, что не всякая аннексия вызывалась исключительно и непосредственно экономическими причинами, носит слишком уж легковесный характер. Поэтому французский историк пытается доказывать, что вся колониальная политика велась в надежде на будущие доходы, а в действительности влекла за собой лишь новые и новые расходы (завоевание, сооружение железных дорог и т. д.), что фактически «беспрерывно спекулировали на будущем и эта спекуляция в конечном счете привела к тому, что колонизатор снабжал оборудованием население (колонии. — Е. Ч.), вместо того чтобы просто и исключительно его эксплуатировать»¹. Хотя Брюншви́г рисует в данном случае куда менее благовидными мотивы колонизаторов, чем это делает он сам в других местах своего исследования, да и неоколониалистская историография вообще, ему кажется, что на этот раз найдено окончательное опровержение марксистской теории и факта экономической эксплуатации колоний. Но он забывает упомянуть, что вся эта «спекуляция на будущем» сама по себе являлась золотым дном для финансового капитала и что она несколько не опровергает ни факта существования неэквивалентной торговли, ни экспроприации земель у населения колоний, ни грабежа естественных богатств порабощенных стран и т. п.

Брюншви́г дает понять, что такая «спекуляция на будущем», являвшаяся чуть ли не простым недомыслием, явным противоречием, никак не могла породиться капитализмом, но разве не ясно, что она была средством «вторичной» эксплуатации населения капиталом (точно так же как, например, гонка вооружений, растущий милитаризм в эту эпоху)! То, что целью колониальной политики было ограбление колоний, является фактом. Противоречие между этим фактом и тем, что в известных случаях она могла больше стоить, чем приносила дохода, — это еще одно противоречие не теории, а реальной жизни, при этом добавим: «противоречие», вполне соответствовавшее интересам финансового капитала. Известный американский историк Д. Ф. Кэди (J. F. Cady) спешит со ссылкой на Брюншви́га уверить читателя, что «французские колонии были предметами роскоши, дорого стоявшими и мало способствовавшими и торговле,

¹ *H. Brunshwig, Mythes et réalités. . .*, p. 100.

и процветанию. Торговля сама действовала как цивилизующий фактор»¹. Но радость неокOLONиалистского историка мало обоснована — его французский коллега в своей книге, разумеется, не доказал ни одного из этих утверждений.

Если буржуазная наука в конце XIX — начале XX в. утверждала, например, устами английских социологов Кидда и Гиддинса (и с ней вполне соглашались фабианские сторонники колониальной политики), что Европе «необходимо» с экономической стороны захватить владения в тропиках, то ныне реакционная наука пытается защищать прямо противоположный тезис об экономической нецелесообразности этих завоеваний, тезис о «нерентабельности» захваченных колоний, о том, что порой на завоевание их и администрацию тратилось едва ли не больше, чем получалось доходов. Этот тезис является перепевом давнишних утверждений либеральных и реформистских критиков колониальной политики (Норман, Энджелл и др.). В основе этих утверждений лежит по сути дела молчаливо предполагаемое представление о надклассовом характере государства. На деле государство творило волю крупного капитала, который получал доходы от эксплуатации колоний, тогда как все расходы оплачивались налогоплательщиками.

Нередко неокOLONиалистские авторы пытаются противопоставить ограблению колоний это «ограбление бюджета», точнее говоря, налогоплательщика в метрополии. При этом «грабителями» выступают не столько промышленники и финансисты, сколько авантюристы и чиновники, заинтересованные в расширении государственных ассигнований на колониальную экспансию. Одновременно вновь заботливо подчеркиваются «неэкономические» корни самой экспансии: мол, просто все указанные категории лиц «использовали в своих целях энергию, которая была создана гуманными и националистическими идеалами эпохи»². В действительности нелепо противо-

¹ «American Historical Review», 1961, January, p. 446. Кэди уверяет даже, что «гуманизм взял империализм своей незаконной любовницей» (см. там же). Невольно напрашивается мысль, что подобная «незаконная», но прочная связь установлена между неокOLONиалистской историографией и фальсификацией исторической правды.

² Н. Brunshwig, *Mythes et réalités...*, p. 170.

поставлять эти две «линии» ограбления. Государственные расходы становились дополнительным источником дохода прежде всего для крупного капитала, который в первую очередь наживался от эксплуатации колоний. Так, например, государственное субсидирование железнодорожного строительства во французских колониях в Африке (например, в виде правительственной гарантии высоких доходов) было по существу формой создания за счет налогоплательщика условий для последующей более эффективной эксплуатации этих колоний финансовым капиталом¹. В. И. Ленин отметил то место из книги Гобсона, где указывалось: «При осуществлении империалистских мероприятий государственные расходы явятся еще одним гигантским источником наживы для этих людей, выступающих в качестве финансистов, устраивающих займы, судостроителей и судовладельцев, получающих субсидии, поставщиков и фабрикантов оружия и прочего снаряжения для империализма»².

Все это понимали и некоторые либеральные историки в период между первой и второй мировыми войнами. Профессор Колумбийского университета П. Т. Мун в своей известной работе «Империализм и мировая политика», первое издание которой было опубликовано в 1926 г., писал: «Скептик может спросить, не является ли «национальное богатство» только фразой; безусловно, что обитатели лондонских трущоб не получали доли от доходов Сесилия Родса и дивиденды от мексиканской нефти не распределялись равномерно среди американского народа. Можно пойти дальше и задать вопрос, не являлась ли война с бурами, приносящая прибыли владельцам рудников, в действительности потерей денег для основной массы английских налогоплательщиков»³. Однако теперь многие неоколониалистские историки хотели бы забыть эти не столь уж сложные истины. В борьбе против ленинской теории империализма А. Брюншвиц пытается обыграть и некоторые другие ничего не доказывающие факты, в частности что не все группировки господствующих классов были в равной мере заинтере-

¹ См. об этом, напр., В. А. Субботин, Колониальная политика Франции в Западной Африке (1880—1900), стр. 64 и сл.

² В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 28, стр. 390; см. также стр. 392.

³ P. T. Moon, Imperialism and World Politics..., p. 71.

сованы на определенном этапе в политике колониальных захватов вообще и особенно колониальной экспансии в определенной области (которая нередко сужала возможности действий в других районах мира).

Попытки буржуазной историографии «опровергнуть» ленинскую теорию империализма отнюдь не ограничиваются только стремлением найти приемлемые для реакции причины империалистической экспансии и колониальной политики, особенно в конце XIX — начале XX в. Этой задаче объективно подчинены все содержание неоколониалистских работ вне зависимости от их тематики, вся рисуемая в них картина развития колониальной системы, экономической истории колоний и зависимых стран, действий колонизаторов и национально-освободительной борьбы угнетенных народов. Стремление, не считаясь с очевидными фактами, доказать, что исторический процесс развивался «не по Марксу» и «не по Ленину», пронизывает все сочинения реакционных историографов вообще и неоколониалистских авторов в особенности.

**Еще раз о методах
неоколониалистской
историографии**

Стоит вспомнить историю буржуазной историографии капитализма и колониализма. В начале эпохи промышленного капитализма она отождествляла простое товарное и капиталистическое производство, в начале эпохи империализма — капитализм свободной конкуренции и монополистический капитализм. В период развитого промышленного капитализма капиталистический строй был объявлен строем, соответствующим природе человека, точно так же как через сто лет, в современную эпоху, империализм изображается «строем всеобщего благосостояния». Итак, в начале каждого периода развития капитализма (вне зависимости от того, был ли это прогрессивный или реакционный период, поскольку каждый этап был ступенью усиления капиталистической эксплуатации и обнажения сущности капитализма) его «растворяли» в предшествующем этапе, чтобы возвести в дальнейшем в венец общественного развития. Однако эта линия была возможна в отношении капиталистического строя, игравшего прогрессивную роль в период своего подъема и утверждения.

Иной была линия в отношении колониализма. Его грабительская сущность была слишком очевидной, чтобы не вызывать попыток ее маскировки даже на ранней

стадии развития колониальной системы. Поэтому здесь линия буржуазной историографии заключалась постоянно в апологии данной стадии колониальной политики путем проведения мнимого принципиального различия с прежними стадиями и спасения из прошлых оценок главным образом того, что не слишком противоречило накопленным в науке фактам. Совершенно очевидно, что эти апологетические задачи влекли не к постижению сущности, не к выявлению общего, а, наоборот, к возведению явления в ранг сущности, подмене внутреннего — внешним, поверхностным, главного — второстепенным, необходимого — случайным.

Апологетические цели неоколониалистской историографии порождают порочный путь формирования ею понятий, которыми она оперирует. Это путь выделения в предмете либо несущественных или случайных признаков, либо не всех существенных признаков, а также искажения соотношения между ними, введения мнимых признаков, утверждения о якобы существующей неизменности этих признаков, когда они изменчивы, и, наоборот, об изменчивости, когда они относительно устойчивы. При образовании понятия, как правило, оставляются в стороне те признаки, которые определяют действительное место исторического явления в цепи закономерного процесса и характеризуют это явление по отношению к основным факторам общественного развития, прежде всего классовая борьба, капиталистическая и империалистическая эксплуатация и т. д. Таким путем искажается содержание понятия, т. е. совокупность существенных признаков явления, мыслимых в понятии. Одновременно фальсифицируется, т. е. неправомерно сужается или, напротив, расширяется объем понятия, иначе говоря, совокупность предметов, мыслимых в этом понятии.

Любое научное понятие отражает лишь часть, определенную сторону содержания исторического явления. При этом оно должно отражать существенную часть признаков явления (или определенной стороны этого явления). В подлинно научном исследовании при образовании понятия его содержание, как правило, зависит от его объема. Напротив, в апологетической историографии объем понятия зависит от его содержания, иначе говоря, содержание не определяется, а определяет объем понятия. Таким образом, не изучение конкретного истори-

ческого материала образует соответствующее понятие, а сам материал подгоняется под понятие, полученное либо путем оформления в научном термине апологетических установок, либо деформацией опытным путем возникающего термина под углом зрения ненаучных целей. Одним из следствий этого является искусственное объявление тождественными различных явлений и, напротив, тождественных — различными.

Характерно понятие «колониализм» в буржуазной историографии. Оно зыбко, то включая, то не включая многие «неудобные» случаи. «Правило» образования этого понятия настолько неопределенно, что оно несколько не позволяет отличить все возможные частные случаи колониализма от неколониалистских связей между странами и народами и в то же время явно включает в себя часть этих неколониалистских связей. Следует добавить, что «рыхлость» терминологии не только плод буржуазного индивидуализма в науке (его бы не потерпели в естественных науках), а постоянно используемый прием фальсификации истории. Нередко осуществляется перенос определенного понятия из одной системы общественных явлений в другую без учета тех изменений, которые претерпевает указанное понятие, и того нового значения, которое оно приобретает в другой системе. Достаточно напомнить о неправомерном отождествлении роли капитализма метрополий и развивающегося капитализма в колониях. Надо отметить также сознательное игнорирование в апологетических целях изменения удельного веса политического господства среди других рычагов, с помощью которых осуществлялся колониальный грабеж в различные исторические эпохи.

Колониализм как определенная система под влиянием различных общественных сил преобразует свои «составные части», отраженные в понятиях, изменяет их место в ряду связей и зависимостей этой системы. Игнорирование или искаженное воспроизведение этого процесса также входит в число методов реакционной историографии.

Буржуазная историография, когда ей выгодно, закрывает глаза на специфичность понятия, давая ему ложную количественную и качественную характеристику, а в других случаях, наоборот, не желает замечать реально существующего единства определенных понятий. Широко

применяется подмена основных понятий производными, широких — узкими, общих — частными, определенных — неопределенными и, наоборот, в зависимости от объекта фальсификации в данном конкретном случае.

Реакционная историография широко использует те «преимущества», которые она может извлечь из метафизического подхода к историческому материалу. Этот подход фактически приводит к рассмотрению общественных отношений как простого механического агрегата тех или других институтов, простого механического сцепления тех или других явлений. Скрывая таким образом невыгодные для нее связи и взаимодействия явлений (например, между колониальным режимом и феодально-ростовщической эксплуатацией крестьянства), реакционная историография в то же время выпячивает роль малозначительных связей или просто изобретает мнимые связи, призванные доказать благотворную роль колониализма для порабощенных им стран Азии и Африки. Типичным примером является не только освещение различных явлений экономической и политической жизни колониальной страны вне их реальных связей (железнодорожное строительство, «независимый суд» и т. п.), но и переплетение метафизического подхода с ненаучным использованием доказательства по аналогии (т. е. попытки идентифицировать роль одних и тех же экономических и социально-политических институтов в колониях и метрополии), а также попытками выдать целое за его часть и отдельные части явления — за целое.

В то же время не менее характерным является использование ложной характеристики различных исторических эпох, являющейся одним из главных орудий искажения истории колониализма. Понятие эпохи включает сумму разнообразных типичных и нетипичных явлений. Реакционные историки выпячивают нетипичные, неглавные явления и отодвигают на задний план главные, типичные, одновременно искажая эти последние. Здесь может вообще отрицаться специфика эпохи или, наоборот, эпоха наделяться спецификой, которой она не обладала, могут на основе произвольных критериев выделяться периоды, не имеющие специфических отличий, и т. д. Только правильная оценка определенной исторической эпохи может послужить базой для учета ее более детальных

особенностей, специфики той или иной страны, того или иного социального, экономического и политического явления. Фальсифицированное освещение этой «базы» служит основой для искажения как истории колониальной системы в целом в данную эпоху, так и более частных проблем колониальной политики различных стран. Определенное явление берется либо в рамках ложно освещаемой и трактуемой исторической эпохи, либо вообще при фактическом отвлечении от этой последней. И в том, и в другом случае это явление рассматривается вне реальных взаимосвязей и переплетений исторической действительности.

Пределом ненаучного подхода является «методологическая» предпосылка, положенная в основу неоколониалистской историографии. Конечный результат диалектически противоречивого процесса, к тому же искаженно представленный («самоликвидация колониализма»), фактически опрокидывается в прошлое, вся история колониализма оказывается лишь историей этого якобы добровольного отказа колонизаторов от власти, а силы, противодействовавшие достижению конечного результата, чудесным образом превращаются в факторы, обеспечившие это достижение.

Фальсификация реальных причинных связей: выдача существенных связей за несущественные и наоборот; искажение соотношения между причиной исторического явления и условиями, делающими возможным его возникновение; подмена внутренних противоречий внешними и внешними внутренними; выдача содержания явления за его форму и формы за содержание, единичного за общее и, наоборот, общего за единичное; извращение всех законов, категорий и элементов диалектики, спекуляция на гибкости форм, взаимопереходе одной диалектической категории в другую для софистических выводов — все это характерные черты новейшей реакционной историографии.

Для буржуазной историографии характерна не только нередкая подмена формы содержанием и содержания формой, сущности явлением и, наоборот, явления сущностью, но и, так сказать, «парная» подстановка, когда подобная фальсификация производится в отношении обеих противоположностей (сил, тенденций, партий и т. п.), сталкивающихся в развитии общества.

Путь реакционной историографии прямо противоположен пути познания подлинных закономерностей общественного развития. Не только «социальный заказ», но и внутренняя логика движения буржуазной исторической мысли толкают ее либо к полному отрицанию существования закономерности в истории, либо к изображению фальшивых закономерностей, являющихся, как правило, прямыми антиподами подлинных законов развития общества. В развитии каждого явления сталкиваются, переплетаются, усиливают или ослабляют друг друга действия многих законов. Закономерное вследствие действия одного или части этих законов является случайным в силу влияния других законов. Здесь кроется одна из возможностей отрицания исторической закономерности, которая постоянно используется реакционной историографией.

Нередко «изгибы», «изломы» истории ломают прямую линию исторического развития. Абсолютизируя эти отклонения, неокOLONIALИСТСКАЯ историография приобретает новое орудие фальсификации. Формы проявления закона отрываются реакционными историками от самого закона (например, разрыв связи между капитализмом и колониальной экспансией). Нередко в закономерной причине явления видят не причину существования этого явления, а лишь причину, определяющую его величину, удельный вес, размеры (колониализм и колониальный грабёж). Там же, где закономерная причина определяет величину явления, вовсе отрицается ее действие (колониализм и особо жестокие формы эксплуатации пролетариата и крестьянства в колониях и полуколониях).

В изучении процесса развития явления составляющие его элементы не берутся в связи с историческими условиями, в которых он протекает. Одновременно буржуазные историки часто смешивают необходимые и случайные условия, пренебрегают необходимыми условиями, к числу условий подключают факторы, вообще не имевшие существенной связи с изучаемым процессом, отождествляют условия существования процесса с условиями, определяющими его форму, длительность и т. д.

Реакционная историография спекулирует и на том обстоятельстве, что исторические законы носят во многих случаях характер тенденций, которые наталкиваются на действие других тенденций. Нередко действие закона

выступает в отклонении от него единичных фактов как от некоей средней в ту или другую сторону. Это также объявляется свидетельством отсутствия исторической закономерности. Наконец, закон обычно выявляет лишь наиболее глубокое основание, а не более непосредственную причину (или причины) данного явления. Непосредственная причина в освещении реакционных историков не связывает, а отгораживает историческое явление от исторического закона и превращается в средство отрицания существования этого последнего. Для этой цели используются сложность и многогранность диалектической связи необходимого и случайного в историческом процессе, то, что случайность иногда лежит в основании необходимости, что, несмотря на внутренний характер необходимости, для проявления ее нередко требуются внешние основания, что необходимая причина может порождать различные следствия, что отнюдь не всегда однозначной является связь между необходимостью и ее проявлениями (например, экономической основой колониализма и колониальной политикой) и т. п.

Неоколониалистской историографии свойственны также следующие тесно переплетающиеся между собой пути искажения истины: 1) отказ от сведения индивидуального к его социальным истокам; 2) выведение для индивидуального фальшивой социальной родословной (это нередко сопровождается конструированием социальных групп по произвольным признакам при замалчивании, преуменьшении значения или фальсификации основного классового деления общества); 3) отождествление индивидуального с социальным как раз в тех случаях, когда это индивидуальное нетипично, не вытекает из данного социального или даже прямо противоречит этому последнему; 4) превращение социального в индивидуальное, причем в нетипичное индивидуальное, и вместе с тем игнорирование типичных проявлений социального через индивидуальное. С логической стороны все это построено на фальсифицированном отражении диалектических связей между общим и единичным, изображении единичного вне связи с общим, а общего вне связи с единичным или же, напротив, на их внешнем, искусственном объединении.

К неоколониалистской историографии вполне применима характеристика, данная Марксом вульгарной

политической экономии, которая «толчется лишь в области внешних, кажущихся зависимостей... с целью дать приемлемое для буржуазии толкование, так сказать, наиболее грубых явлений экономической жизни и приспособить их к домашнему обиходу буржуа»¹. Подобно вульгарным экономистам реакционные историки принципиально противопоставляют видимость явлений их сущности, т. е. выдают видимость за конечное. Видимость имеет объективное существование, это одна из сторон объективного мира². Она в какой-то мере отражает сущность, но вместе с тем есть нечто такое, что необходимо «преодолеть» для достижения сущности. Этим видимость отличается от явления, которое может быть познано только через осознание сущности. В реакционной историографии видимость становится не путем к сущности, а путем от сущности, путем ее сокрытия.

В капиталистическом обществе, как это показал Маркс в знаменитом разделе первой главы I тома «Капитала» «Товарный фетишизм и его тайна», отношения между людьми приобретают видимость отношений между вещами. Апологеты капитализма часто обыгрывали это обстоятельство, чтобы изображать отношения буржуазного общества как естественный, природный порядок вещей. Неоколониалистская историография также широко использует данное обстоятельство для извращения картины экономических взаимоотношений между метрополиями и колониями, для отрицания факта колониальной эксплуатации. В обществе, где процесс производства господствует над людьми, в обществе, основанном на товарном производстве, товарный фетишизм — объективно существующая видимость («опредмечивание» общественных отношений происходит в результате непосредственного действия экономических законов, и эта видимость находит отражение в сознании людей)³.

Напротив, товарный фетишизм неоколониалистской историографии представляет собой не «объективную видимость», прямо порождаемую производственными отношениями общества, основанного на товарном произ-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., изд. 2, т. 23, стр. 91.

² См. В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 29, стр. 89.

³ Ср. Л. А. Маньковский, Логические категории в «Капитале» К. Маркса. «Ученые записки Московского государственного педагогического института им. В. И. Ленина» № 179, М., 1962, стр. 236.

водстве, а «субъективную видимость», вызванную к жизни апологетическим стремлением к сокрытию вмешательства политической власти колонизаторов в общественные отношения для усиления эксплуатации и перераспределения прибавочной стоимости, полученной от ограбления колоний, в пользу иностранного капитала. Видимая, эмпирически данная последовательность исторических явлений может быть отличной от действительной последовательности процесса развития или даже противоположной ей¹. Это обстоятельство также широко используется фальсификаторами историй, в частности для сокрытия причин колониальной экспансии, национально-освободительного движения и т. д. Таким образом, методы неоколониалистской историографии столь же ненаучны, как и защищаемые ею концепции истории колониализма.

¹ См. об этом *Б. А. Грушин*, Очерки логики исторического исследования (процесс развития и проблемы его научного воспроизведения), М., 1961, стр. 33 и сл.

Глава IV

НЕОКОЛОНИАЛИСТСКОЕ ИСКАЖЕНИЕ ИСТОРИИ КОЛОНИАЛИЗМА В АЗИИ

**Восхваление
английской
Ост-Индской
компании**

В истории капитализма и его колониальной системы исключительно большое значение имело английское ограбление Индии.

В искажении истории этого грабежа неоколониалистские авторы опираются на многое, уже сделанное в старой буржуазной литературе. «Антиколониалистские тенденции» колониальной политики, которые с таким усердием разыскивает новейшая реакционная историография, являются продуктом апологетической фантазии. На деле существовали лишь «антиколониалистские» прикрытия для колониальной политики и для борьбы между различными фракциями правящих классов метрополии за долю участия в колониальной добыче. В этом смысле у неоколониализма действительно существовали предшественники. Тем более это следует сказать о неоколониалистской историографии.

В главной колониальной державе — Великобритании наряду с откровенно колониалистской литературой¹ еще в начале XIX в. появлялись буржуазные исторические работы, критикующие различные стороны колониальной политики, в частности в Индии, но «доказывающие» неизбежность и благодетельность английского завоевания для Индии². В конце XIX — начале XX в. при пре-

¹ Напр., *R. Orme, A History of the Military Transactions of the British Nation in Indostan*, 3^d ed. 1780, 3 vls.

² *J. Mill, The History of the British India*, London, 1826, 3^d ed. 6 vls. (Первое изд. вышло в 1818 г.); *J. Malcolm, Political History*

обладании империалистической и расистской литературы существовали работы либеральных и социал-реформистских критиков империализма и его колониальной политики¹.

Явно «неоколониалистские тенденции» в трактовке многих аспектов истории Британской империи стали проявляться в английской буржуазной историографии в период между первой и второй мировыми войнами. Вводились уже и элементы лжеисторизма².

Посмотрим теперь, как освещается история английского завоевания и ограбления Индии и других британских колоний в новейшей реакционной литературе.

Буржуазные историки ставят в большую заслугу английской Ост-Индской компании, что она почти полтора века (т. е. до середины XVIII столетия) не пыталась, за отдельными исключениями, осуществлять завоевание в Индии и ограничивалась «мирной торговлей»³. Однако эти «исключения» (война в 1686—1690 гг.) доказали, что компания попросту тогда еще не имела ни сил, ни материальных ресурсов для завоевательной политики и любые попытки в этом отношении (особенно до начала распада империи Моголов) могли привести только к полному изгнанию англичан из Индии⁴.

Несостоятельно и утверждение неоколониалистских историков, что «мирная торговля» компании благотворно сказывалась на развитии экономики Индии⁵. Эта «мирная торговля» английской Ост-Индской компании и ее голландских и французских конкурентов носила неэквивалентный характер, лишала Индию возможности развивать собственный торговый флот и служила под-

of India from 1784 to 1823, London, 1826, 2 vls; *J. C. Grant Duff*, *A History of the Mahrattas*, London, 1826, 2 vls; *T. B. Macaulay*, *Critical and Historical Essays*, London, 1843, 3 vls; *J. D. Cunningham*, *History of the Sikhs*, London, 1849.

¹ Напр., *W. Digby*, «Prosperous» British India. A Revelation from Official Records, London, 1901.

² «Cambridge History of India», p. 151, 180, 344—346, 557 а. о.

³ *R. Coupland*, *India...*, p. 16—17.

⁴ См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*, Соч., изд. 2, т. 9, стр. 154.

⁵ *R. Coupland*, *India...*, p. 17; *P. Griffiths*, *The British Impact on India*, p. 361; Ср. статью Фишеля в «*Journal of the Economist and Social History of the Orient*», 1960, v. III, pt. I, и рецензию на нее А. И. Чичерова («Вопросы истории», 1961, № 4).

готовкой к последующим захватническим действиям колонизаторов.

Английские историки немало пишут о том, что английские фактории были очагами спокойствия, центрами, где «твердо поддерживались законы и порядок, и когда с конца XVII в. по всей Индии начались бури, знаменовавшие падение империи Моголов, эти поселения стали небольшими гаванями мира и безопасности»¹. В действительности же мнимые очаги «мира и спокойствия» были плацдармами для будущих завоеваний, опорными пунктами, откуда плелись колонизаторами бесчисленные интриги против индийских государств.

Первую половину XVIII в., когда происходило быстрое падение авторитета центрального правительства Моголов, буржуазные историки склонны изображать как время, когда английские власти оказались в затруднении, не зная, как действовать в условиях воцарившегося хаоса, и только и думали о желательности единой крепкой власти, при которой можно было бы продолжать «тихую торговлю»². На деле к 1750 г. у компании уже был за спиной солидный перечень вмешательств в борьбу между индийскими княжествами. Правда, была еще сильна и группа поборников «тихой торговли»: в то время еще не подтвердилось на практике, что обученные по-европейски сипайские войска в состоянии наносить поражение значительно более многочисленным отрядам индийских государств.

Однако эта группа была также скорее не поборницей «неучастия» в политической борьбе, а сторонницей более осторожной политики, вмешательства только в случаях, обещавших верный успех. Ее «сдержанность» определялась еще и тем, что компания не была готова к столкновениям со своим основным соперником — французской Ост-Индской компанией, а также общим политическим курсом правительства Роберта Уолпола (1721—1742). Уолпол временно избегал вовлечения в крупные вооруженные конфликты, которые могли бы помешать утверждению политического строя, созданного после переворота 1688 г., и ганноверской династии, которую «классы-союзники» — буржуазия и обуржуазившиеся

¹ R. Coupland, *India...*, p. 17, 158.

² Там же, стр. 19.

землевладельцы — призвали в 1714 г. на английский престол.

Английская историография в поисках средств оправдания Британской Ост-Индской компании пытается доказать, что позднее ее действия носили исключительно оборонительный характер в борьбе против французов¹. К тому же, оказывается, ограбление Индии и других колоний вовсе не было причиной этой борьбы; оно, наоборот, возникло как «случайный» или побочный результат длительного англо-французского соперничества в Европе.

Английское владычество утвердилось в Индии в годы Семилетней войны (1756—1763 гг.). Именно поэтому неокOLONиалистские историки пытаются рисовать эти годы временем усиления политического хаоса в Индии, от которого ее якобы спасли колонизаторы. Особенно подчеркивается значение победы афганцев над маратхами при Панипате (1761 г.): «Индия низвергалась все глубже в хаос; не было надежды на индийское политическое возрождение»². На деле же маратхи быстро оправались от последствий поражения при Панипате. Куда откровеннее был известный историк, певец империализма Д. Сили, писавший в книге «Экспансия Англии», что в XVII—XVIII вв. английская торговля в Индии закономерно приводила к войне, а война питала торговлю³.

НеокOLONиалистские историки (в отличие от своих предшественников) демонстративно подчеркивают, что, мол, английское завоевание и правление было лишь «эпизодом» в неоднократных вторжениях и завоеваниях Индии иноземцами и якобы отличалось от них тем, что взамен деспотизма принесло конституционный строй⁴. «Отрицательные стороны» английского правления в XVIII в. оправдываются тем, что, мол, империи не

¹ C. Carrington, *The British Overseas...*, p. 162; ср. P. Spear, *India. A Modern History*, Ann-Arbor, 1961, p. 180—181.

² C. Carrington, *The British Overseas...*, p. 168.

³ J. R. Seely, *The Expansion of England. Two Courses of Lectures*, Leipzig, 1880, p. 145. Это замечание было специально выписано Н. К. Крупской в конспекте книги Сили, составленном для В. И. Ленина (см. В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 28, стр. 643).

⁴ Напр., P. Spear, *India...*, p. 180—181; C. Carrington, *The British Overseas...*, p. 142—144, 168; R. Coupland, *India...*, p. 19.

создаются в белых перчатках и английская империя в Индии не представляла исключения. Это было, оказывается, неизбежным следствием природы человека, точнее, наделения людей властью без ответственности¹; последняя же возникла, когда в Англии узнали, что происходило в Индии. Последовали протесты со стороны деловых и политических кругов, а также моральный протест со стороны общества. «Из этих неприятных и часто опасных родов» суждено было с удивительной быстротой родиться совершенно иной концепции английской миссии в Индии².

Таким образом, апологетика идет сразу по нескольким направлениям: во-первых, с помощью метода лжеисторизма реакционные историки стремятся уверить читателя в «неизбежности» в условиях XVIII в. темных сторон колониальной политики³; во-вторых, идеализированная и, как мы увидим ниже, насквозь фальшивая картина английской политики в Индии в последующий период изображается в качестве оправдания «неприятного» начала британского владычества; в-третьих, буржуазные круги в Англии, которые в собственных интересах боролись против монопольных прав Ост-Индской компании, рисуются подлинными представителями английского делового мира, противниками завоеваний и «друзьями» индийского народа.

Адвокаты Клайва
и Хейстингса

В рамках этой концепции возникает и «новая» оценка традиционных героев консервативной историографии вроде Клайва. Их неприкрытое и общеизвестное хищничество («Деньги! Деньги, и без потери времени!» — таков был девиз Клайва и других подобных ему грабителей⁴) не допускает прежнего открытого восхваления. Часть буржуазных историков, как, например, Г. Фар-

¹ *R. Coupland, India...*, p. 42.

² *M. Edwards, The Necessary Hell...*, p. 16; *R. Coupland, India...*, p. 42—43; *P. Woodruff, The Men...*, p. 344.

³ Одновременно старательно отыскиваются примеры «честных» чиновников, якобы посвящавших себя заботе о благе «туземцев» и олицетворявших дух английского правления (*P. Woodruff, The Men...*, v. I, p. 179).

⁴ *N. K. Sinha, The Economic History of Bengal. From Plassey to the Permanent Settlement, Calcutta, 1956*, p. 240, Cp. *R. Dutt, Economic History of India, Delhi, 1960*, v. I, p. 23.

бер¹, предпочитают вообще по возможности уклониться от характеристики деятельности подобных хищников, сосредоточивая внимание на «регулярной», «законной» торговой политике Ост-Индской компании. Другая группа историков пытается смягчить факт этого грабительства с помощью трафаретных ссылок на «принятые обычаи эпохи»². Почти всегда цитируется известная фраза Клайва, что он был сам удивлен своей «умеренностью» при требовании денег у наваба; иногда даже добавляется, что к такой оценке присоединились бы «Чингис-хан и Тамерлан, Кортес и Писарро»³. Оправдывая колониальных хищников ссылками на нравы и обычаи эпохи, буржуазная историография, как уже отмечалось, отрывает их деятельность от основы колониальной политики — от «первоначального накопления», от господствующих позиций торгового капитала в эксплуатации колоний. «...Повсюду, где торговый капитал имеет преобладающее господство, — подчеркивает Маркс, — он представляет систему грабежа»⁴.

Более того, в неоколониалистских работах фактически нередко замалчивается или прямо отрицается, что хищническое ограбление Бенгалии и других провинций было причиной отчаянной нищеты населения, голодной смерти миллионов и миллионов индусов. С этой целью сгущаются краски при характеристике положения Бенгалии накануне английского завоевания (между тем, по мнению авторитетных индийских ученых, ослабление власти Моголов в первой половине XVIII в. благоприятно сказалось на Бенгалии, ослабив налоговый пресс в этой богатейшей провинции Индии⁵). Подводя же итоги

¹ *H. Furber, John Company at Work. A Study of European Expansion in India in the Late Eighteenth Century, Cambridge, (Mass.), 1951.*

² *P. Spear, Robert Clive of India. «History Today», 1954, January, p. 42; C. Carrington, The British Overseas., p. 165, 168.*

³ *P. Woodruff, The Men., v. I, p. 112.* Характеристики Клайва даже такими индийскими историками, которые избегают резких оценок колониального режима, все же явно отличны от этой изощренной апологетики (напр., *N. Chatterji, Clive as Administrator, Allahabad, 1955*).

⁴ *К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., изд. 2, т. 25, ч. I, стр. 364.*

⁵ *N. K. Sinha, The Economic History., p. 2—3.* Карнатик еще в 1764 г. был процветающим районом, а в 1780 г. пережил страшный голод, территория княжества была усеяна трупами погибших

правления Клайва, реакционные историки имеют смелость утверждать, что после завоевания Бенгалия вступила в полосу мира и процветания. «Английские историки предпочитают умалчивать о периоде 1757—1774 гг., — отмечает индийский ученый К. М. Паниккар. — Однако необходимо подчеркнуть, что ни в один из периодов многовековой истории Индии... население какой-либо области не влачило столь жалкого существования, как население Бенгалии при Клайве»¹. Голодные 70-е годы XVIII в. упоминаются реакционными историками главным образом для того, чтобы подчеркнуть, что это, мол, возложило на английскую администрацию и правительство ответственность за оказание помощи индийскому населению при подобных бедствиях². На деле «помощь» колонизаторов выразилась в сборе не только накануне, но и во время голода огромных налогов, производившемся с исключительной жестокостью и собственно и послужившем причиной этого бедствия³, а также в чудовищной спекуляции продуктами питания в голодные годы⁴.

Наконец, имеются и сторонники оправдания английских колониальных грабителей с помощью нэмировского «биографического метода». Особенно ярко это проявляется в освещении новейшей историографией знаменитого процесса Уоррена Хейстингса (Гастингса)⁵. Как известно, после возвращения Хейстингса из Индии его врагам — вигам (Э. Берку, Р. Шеридану, Ф. Френсису) удалось добиться привлечения бывшего губернатора к суду палаты лордов за служебные злоупотребления и недостойные действия, компрометирующие престиж Англии. Следует отметить, что судебный процесс несколько не дискредитировал Хейстингса в глазах правящих кругов. Еще совсем незадолго до начала процесса, когда были уже отлично известны выдвинутые против Хей-

индусов (*G. Sanderson, India and British Imperialism, New York, 1951, p. 106—107.*)

¹ К. М. Паниккар, Очерк истории Индии, М., 1961, стр. 269.

² *C. Carrington, The British Overseas...*, p. 169—170; *P. Woodruff, The Men...*, v. I, p. 178.

³ *R. Dutt, The Economic History...*, v. I, p. 37.

⁴ См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., изд. 2, т. 23, стр. 762.

⁵ Характеристику деятельности Хейстингса и его судебного процесса см. в кн.: К. А. Антонова, Английское завоевание Индии в XVIII веке, М., 1958, стр. 119 и сл.

стингса обвинения, в газетах открыто обсуждался вопрос о возможности нового назначения будущего «подсудимого» на пост индийского генерал-губернатора¹. Русский посол в Лондоне С. Р. Воронцов, сообщая в Петербург, что выбор пал на Корнуоллиса, многозначительно добавлял: «Иные же почитали, что г-на Гастингса должно было бы туда возвратить с прежней властью аки единого человека, коего искусство, твердость и знание тамошних дел могли бы спасти сии отдаленные, богатые и весьма нужные для Англии владения...»² Проницательные наблюдатели вроде Воронцова заранее точно предсказывали, что Хейстингсу будет вынесен оправдательный приговор³.

Либеральная историография XIX в., в частности Маколей, следуя вигской традиции, осуждала Хейстингса, хотя это осуждение носило поверхностный характер, сопровождалось ссылками на смягчающие вину обстоятельства и вовсе не касалось главного — усиления эксплуатации индийского народа в пользу английской буржуазии. В эпоху империализма взамен осуждений пришло восторженное восхваление Хейстингса как «строителя империи». Создается ряд монографий, призванных «очистить» Хейстингса от каждого из обвинений, выдвинутых против него на процессе. Еще в 1885 г. было опубликовано двухтомное исследование Д. Ф. Стефена «История Нункомара и предание суду сэра Илия Импея». В 1892 г. выходит книга Д. Стречи «Хейстингс и война с рохиллами», в 1910 г. в качестве предисловия к публикации переписки генерал-губернатора — работа Д. У. Форреста «Администрация Уоррена Хейстингса (1772—1785)», в 1918 г. — монография М. Е. Монктон-Джонса «Уоррен Хейстингс в Бенгале 1772—1774». В фундаментальной «Кембриджской истории Индии», пятый том которой вышел в 1929 г., решительно осуждалось «причинение самых незаслуженных страданий одному из величайших англичан той эпохи»⁴. В том же 1929 г. увидело свет исследование о борьбе этого героя империалистической историографии с его противниками в законодательном совете Бенгалии — монография

¹ «Morning Chronicle and London Advertiser», 26.I.1786.

² АВПР, ф. Сношения России с Англией, д. 369, л. 60.

³ АВПР, ф. Сношения России с Англией, д. 370, л. 23.

⁴ «Cambridge History of India», v. V, p. 310.

С. Вейтцмана «Уоррен Хейстингс и Филипп Френсис». В предисловии к этой работе известный английский историк Р. Мюр писал: «Искаженная картина (деятельности Хейстингса. — *Е. Ч.*), впервые созданная злобой Френсиса и потом разрисованная в трагических красках благородным, но лихорадочным гением Берка, была увековечена самодовольным догматизмом Маколея»¹.

В последующие годы оправдание Хейстингса от всех «наветов» безостановочно продолжалось; выходили новые исследования по отдельным вопросам его политики, подвергавшимся рассмотрению на процессе², и просто «общие» апологетические биографии не только в Англии, но и в США³. Вскоре после второй мировой войны П. Мун в очередной биографии, расписывая «чудеса», сотворенные Хейстингсом для укрепления английского владычества в Индии, ввел в свой рассказ неокOLONиалистские ноты: англичане, повинувшись зову истории, «полуохотно» и «полусознательно» утвердились в Индии, зато покидают ее они с полным сознанием и желанием совершить этот акт⁴.

Новейшая историография резко нападает на прежнюю либеральную критику Хейстингса, именуя ее «порочной и хныкающей»⁵. «Потомство очистило его имя от клеветы вигов», — уверяет У. Черчилль в своей книге «История народов, говорящих по-английски»⁶. Маколей, по справедливому замечанию К. Маркса, «фальсифицировал английскую историю в интересах вигов и буржуазии...»⁷. НеокOLONиалистская историография критикует его за то, что он не подделал английскую историю в пользу тори и имперских интересов.

Защита Хейстингса ведется с позиций все того же лжеисторизма. Нельзя, демагогически уверяют реакци-

¹ S. Weitzman, Warren Hastings and Philip Francis, Manchester, 1929, p. XXVIII.

² См., напр., C. C. Davies, Warren Hastings and Oudh, London, 1939.

³ См., напр., M. Davies, Strange Destiny. A Biography of Warren Hastings, New York, 1935.

⁴ P. Moon, Warren Hastings and British India, London, 1947, p. 4—5, 354 а. о.

⁵ M. Edwards, The Necessary Hell..., p. 15.

⁶ W. S. Churchill, A History of the English-Speaking Peoples, London, 1957, v. III, p. 187.

⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., изд. 2, т. 23, стр. 283.

онные историки, упрекать Хейстингса за то, что он не стремился превратить Индию в демократическую страну. Если вигские ораторы и вслед за ними либеральные историки упрекали Хейстингса в нарушении прав князей, то новейшая историография сделала «открытие», что эти насилия осуществлялись им якобы в интересах Индии, что он стремился внедрить среди служащих Ост-Индской компании «сознание ответственности перед индийским народом»¹. То обстоятельство, что Хейстингс нередко ставил на первый план не заботу о немедленном росте доходов Ост-Индской компании, а об укреплении английского господства в Индии, объявляется доказательством того, что он рассматривал Индию не как область для извлечения прибылей, а как страну, нуждающуюся в хорошей и справедливой администрации, которую он и создал вопреки всем препятствиям², что Хейстингс много сделал, дабы «принести мир ее (Индии. — Е. Ч.) враждовавшим народам»³. Лейборист Д. Стречи уверяет, что Хейстингс более искренне, чем кто-либо из его современников, сочувствовал покоренным и был озабочен обеспечением их благосостояния⁴. В то же время «несправедливый» процесс Хейстингса свидетельствовал будто бы о желании премьер-министра У. Питта построить управление Индии на основах «британских идей свободы и справедливости», к чему и было приступлено еще парламентскими актами 1773 и 1784 гг.⁵

На деле, конечно, закон 1784 г. (и тем более 1773 г.) имел совсем другие цели. Стоит отметить, что усиление контроля над компанией не имело целью даже расширение доступа к индийской торговле со стороны более

¹ P. Woodruff, *The Men.*, v. I, p. 132. Известное дело банкира Нанда Кумара (Нункомара), который был повешен по приговору английского суда, состоявшего из сторонников Хейстингса, формально за подделку векселей, а по существу за поддержку противников генерал-губернатора, трактуется не как судебное убийство, а как плата за постепенное соединение норм английского и индийского права, в конечном счете принесшее великие блага индийскому народу (J. D. M. Derret, *Nandakumar's Forgery*. «English Historical Review», 1960, April, p. 237).

² M. Edwards, *The Necessary Hell.*, p. 15; C. Carrington, *The British Overseas.*, p. 173—174.

³ «The Living Commonwealth», ed. by K. Bradley, p. 40.

⁴ J. Strachey, *The End of Empire.*, p. 47.

⁵ R. Coupland, *India.*, p. 43.

широких кругов английской буржуазии. Скорее это было перераспределение доходов от грабежа Индии среди правящей аристократии и привилегированных слоев буржуазии¹. Восхваляя акт 1784 г., неокOLONиалистские историки готовы даже всерьез цитировать содержащееся в нем заявление, что «осуществление планов дальнейших завоеваний и расширения владений в Индии противоречит чести и политике английской нации»². «Это была декларация, — с законной иронией отмечают индийские историки Н. К. Синха и А. Ч. Банерджи, — которая снискала себе славу тем, что в Индии ее чаще нарушали, чем соблюдали»³.

Надо напомнить также в этой связи, что дело Хейстингса непосредственно привело не к «очищению» администрации, а к новому разгулу коррупции, защитником которой стал первый председатель Совета уполномоченных по делам Индии, правая рука премьер-министра Г. Дандэс⁴. Оправдание Хейстингса доказало не его невиновность, как это уверяют неокOLONиалистские историки, а то, что наиболее влиятельные круги английских правящих классов отказались осудить эксплуатацию Индии методами «первоначального накопления».

Новейшей попыткой возвеличения Хейстингса методом «нэмиризма» является биография этого колонизатора, принадлежащая перу одного из наиболее известных английских консервативных историков — К. Фейлинга. Хейстингс, по мнению Фейлинга, резко осуждал недостойные действия, к которым прибегали в погоне за прибылью некоторые из его соотечественников. Он призывал к тому, чтобы быть не «господами и угнетателями», а честными купцами⁵. Если же он боролся за открытое утверждение компании как владыки Бенгалии, то «это всегда делалось с целью править Индией ради индусов»⁶. Когда же Бенгалию поразил голод, он неустанно защищал простой народ от корыстолюбивых

¹ См. *К. Маркс и Ф. Энгельс*, Соч., изд. 2, т. 9, стр. 154.

² *C. Carrington, The British Overseas...*, p. 181.

³ *Н. К. Синха, А. Ч. Банерджи*, История Индии, М., 1954, стр. 328.

⁴ См. *К. Маркс*, Хронологические выписки по истории Индии, М., 1947, стр. 90—92.

⁵ *К. Feiling, Warren Hastings*, London, 1955, p. 41, 48.

⁶ Там же, стр. 85, 86.

чиновников — сборщиков налога¹. Хейстингс был не только поборником честной администрации, но и последовательным противником агрессивных войн, жаждал мира и спокойствия для Индии². К. Фейлинг вдобавок все время подразумевает, что интересы Ост-Индской компании в отличие от интересов ее отдельных служащих-грабителей совпадали с интересами народных масс Индии! Более того, он демонстративно объявляет прямой заслугой Хейстингса даже те грабежи, вымогательства и насилия (война с племенем рохиллов и др.), за которые он был предан суду по решению палаты общин. Для всех противников Хейстингса Фейлинг не жалеет самых черных красок³.

**«Миролюбивый»
характер
английского
завоевания**

Одной из легенд, усиленно пропагандируемых неокOLONИАЛИСТСКОЙ историографией, является отнюдь не новый, а лишь слегка подновленный миф об «оборонительном характере» английских колониальных захватов. Возьмем типичный пример — работы известного буржуазного историка Р. Купленда. По его мнению, лишь агрессивные действия навабов Бенгалии и Ауда против англичан в 50—60-е годы привели к занятию их территории английскими войсками. Майсур пришлось аннексировать, чтобы воспрепятствовать наполеоновским планам завоевания Индии. Те же мотивы будто бы определяли поведение английского генерал-губернатора Уэлсли, когда он в первые годы XIX в. приступил к подчинению маратхских княжеств⁴.

Нелепость аргументации Купленда вполне в духе фантастического утверждения, которое она призвана доказать. Нисколько не придает ей правдоподобия и щедрое использование английским историком того обстоятельства, что директора Ост-Индской компании порой были недовольны расходами, которые были связаны с ведением захватнических войн, и временно

¹ К. Feiling, Warren Hastings, p. 95—96.

² Там же, стр. 95, 113.

³ Там же, стр. 126, 354, 355 и др.

⁴ R. Coupland, India., p. 20—27. Ср. C. Carrington, The British Overseas., p. 181—182. О реальной истории взаимоотношений Франции с маратхскими княжествами см. V. G. Hatalkar, Relations between the French and the Marathas (1668—1815), Bombay, 1958.

сокращали дивиденды¹. «Именованть этот процесс «империалистической экспансией», — пишет У. Черчилль, — нелепо, если под ней подразумевать сознательное приобретение политической власти над Индией. Было хорошо сказано, что Британская империя была приобретена в припадке рассеянности»². На деле на протяжении двух веков само английское правительство руками Ост-Индской компании вело в Индии агрессивные войны, которые поддерживались всеми группировками господствующих классов³.

Реакционной историографией обычно сознательно игнорируется тот факт, что оборонительные на определенной стадии в чисто военном (тактическом или даже стратегическом) отношении войны могут быть по своему характеру агрессивными и захватническими. Именно так и обстояло дело с некоторыми из колониальных захватнических войн, которые вела Англия в Азии и Африке⁴.

Иногда реакционные историки готовы пойти на признание агрессивного характера отдельных колониальных экспедиций, но тут же добавляют, что личную ответственность за эти войны несет исключительно тот или иной из генерал-губернаторов (позднее вице-королей) — Уэлсли, Окленд, Литтон⁵, действия которых якобы противоречили общему духу английской политики⁶. Достаточно привести всего несколько примеров для доказательства того, что эта якобы новейшая научная концепция представляет собой лишь слегка модернизированный вариант версии, неизменно выдвигавшейся английским правительством для оправдания своих колониальных захватов. Неоколониалистская историография вообще

¹ R. Coupland, *India.*, p. 28; M. Edwards, *The Necessary Hell.*, p. 18.

² W. S. Churchill, *A History of the English-Speaking Peoples*, v. III, p. 182, 190.

³ См. К. Маркс и Ф. Энгельс, *Соч.*, изд. 2, т. 9, стр. 155.

⁴ Р. Купленд «великодушно» готов признать, что и индусы действовали в интересах обороны, нападая на англичан, поскольку считали, что иначе будет слишком поздно отстаивать свою независимость (R. Coupland, *India.*, p. 30).

⁵ См., напр., статью М. Коулинга о второй англо-афганской войне в «*English Historical Review*», January 1961. В «Кембриджской истории Британской империи» безоговорочно одобряется даже эта война: «*Cambridge History of the British Empire*», v. III, p. 106.

⁶ P. Woodruff, *The Men.*, v. II, p. 193. Ср. P. Moon, *Warren Hastings.*, p. 2.

имеет склонность отражать современные оценки событий, когда в них утаивается истина, и, напротив, утаивать эти оценки, когда они объективно отражают ее. Так, захватническую войну против Майсура (1799 г.) оправдывали ссылкой на присутствие там «французских агентов» (Англия тогда находилась в войне с Францией), а то и просто, как передавал русский поверенный в делах в Лондоне, говорили о неизбежности конфликта «вследствие подозрительного поведения» «Типу-Саиба, всегдашнего неприятеля английской нации»¹. Войну же против маратхов (1818 г.), развязанную в условиях мира, в Лондоне объявляли чисто оборонительной мерой², а неофициально вдобавок распускали слух, что война — следствие честолюбия английского генерал-губернатора маркиза Хейстингса³.

Усердно доказывается также тезис, будто английские завоеватели (например, в Майсуре в войне против Типу-султана) просто сменили других завоевателей⁴, как будто можно ставить знак равенства между захватом власти в том или ином индийском княжестве выходцем из другой части Индии и захватом этого княжества английскими колонизаторами. На деле, как это доказано индийскими историками и советскими исследователями (И. М. Рейснер, К. А. Антонова и др.), войны Майсура против Англии, растянувшиеся на два десятилетия, носили особо длительный характер и пользовались широкой поддержкой со стороны как индусов, так и мусульман. А неокOLONиалистская историография лицемерно хвалит английские власти за восстановление на троне в Майсуре «законной» индусской династии — марионетки колонизаторов — и за «благодеяния» населению Майсура, «далеко выходящие за пределы воображения Типу», за превращение Южной Индии «в счастливую страну»⁵.

И для случаев, когда британские власти открыто провозглашали агрессивный характер своей политики,

¹ АВПР, ф. Сношения России с Англией, д. 512, л. 10. Лизакевич — Павлу I. 26 июля (6 августа) 1799 г.

² «Supplement to the London Gazette of Tuesday the 14th April (1818)» (депеша М. Элфинстона и других официальных лиц).

³ АВПР, ф. Канцелярия, 1818 г., д. 6872, л. 301, 306.

⁴ *C. Carrington, The British Overseas...*, p. 181.

⁵ Там же, стр. 182—183.

у новейшей историографии находится свое оправдание. Английские захватчики были, оказывается, обуреваемы жадой помочь «туземцам», считали, что подчинение британскому господству явится величайшим благом для местного населения. Английские аннексии были, мол, частью филантропического движения, оказавшего сильное влияние на общественное мнение Великобритании. Наконец, не могли же существовать бок о бок «просвещенный» английский режим и плохо управляемые азиатские деспотии; последние должны были подпасть под власть Англии. Поэтому все усилия англичан придерживаться миролюбивой политики в отношении маратхов в десятилетие после 1805 г. (т. е. после отзыва Уэлсли) сделали только неизбежными возобновление войны и завоевание маратхских государств¹. К тому же эти войны, оказывается, способствовали «освобождению» от маратхов ряда государств, которые «вновь обрели свободу под британской защитой»².

Если войны до 1815 г. объявляются обороной от французов, то для «удобной» интерпретации последующих захватов выдвигается старинная версия о «русской угрозе». Правда, повторять ее во всех случаях становится явно нелепым делом, поскольку она исчерпывающим образом опровергнута в ряде исследований советских и индийских историков³. Учитывая это, английская империалистическая историография прибегает обычно к более «тонкой» аргументации: не важно, была ли эта угроза реальной, пусть она была фантомом, главное, что в существование ее искренне верили английские власти (например, в 30-е годы XIX в. генерал-губернатор Индии лорд Окленд)⁴. Что же касается единства, которое,

¹ R. Coupland, *India...*, p. 29—30. Подобные взгляды, к сожалению, получили хождение и среди части индийских историков. См., напр., R. P. Massani, *Britain in India. An Account of the British Rule in the Indian Subcontinent*, Oxford, 1960, p. 13—14 а. о. Ср. также К. М. Паниккар, *Очерки истории Индии*, стр. 273.

² C. Carrington, *The British Overseas...*, p. 186.

³ Из последних по времени работ на эту тему см., напр., П. М. Шастико, *К вопросу о мифической «русской угрозе» Индии* (в сб. «Против фальсификации истории колониализма», М., 1962, стр. 182—196); H. S. Menon, *The Russian Bogey and British Aggression in India and Beyond*, Calcutta, 1957.

⁴ M. Edwards, *The Necessary Hell...*, p. 79—80; P. Woodruff, *The Men...*, v. I, p. 277—278.

как настойчиво уверяет реакционная историография, английское завоевание принесло Индии, то это было «единство» колониальной неволи. К тому же, следуя системе «разделяй и властвуй», колонизаторы поделили страну на Британскую Индию и туземные княжества. Таким образом, английское правительство «попыталось расколоть то самое единство, которое оно помогло создать»¹.

Впрочем, более дальновидные и изощренные представители неоколониалистской историографии, видимо, сознают всю уязвимость и слабую правдоподобность теории оборонительного характера английских колониальных войн. П. Гриффитс, например, избегает откровенно тенденциозных «обобщений», содержащихся в работах Купленда и множестве им подобных исследований по истории колониальной политики Великобритании. Он предпочитает давать соответствующую интерпретацию каждой аннексии или каждой серии захватов в отдельности². Гриффитс даже довольно реалистически рисует «технику» английских завоеваний. Обычно завоевание определенного княжества проводилось в четыре этапа. На первом этапе Ост-Индская компания предоставляла войска для помощи правителю этого княжества; на втором этапе английские войска вместе с войсками этого правителя участвовали в военных действиях против общего неприятеля, причем выявлялось преимущество хорошо обученных войск компании. На третьем этапе войска князя заменялись войсками компании, оплачиваемыми за счет княжества. Наконец, на четвертом этапе недоимки во внесении оплаты на содержание войск компании служили предлогом к аннексии англичанами части территории княжества. Отмечая дурные последствия этой системы (поддержка англичанами княжеского деспотизма), Гриффитс тут же находит для нее «историческое оправдание»: она, мол, вос-

¹ Дж.: Неру, Открытие Индии, М., 1955, стр. 353.

² P. Griffiths, *The British Impact on India*, p. 66, 72, 75, 78, 80, 87—88. При этом Гриффитс сохраняет даже легенду об оборонительном характере войн против сикхов, которая задолго до появления его книги была документально опровергнута в историографии (см., напр., *Jagmohan Manajan, Circumstances Leading to the Annexation of Punjab 1846—1849. (A Historical Revision)*, Allahabad and Karachi, 1949).

препятствовала появлению мощных современных армий у отдельных княжеств и проложила дорогу позднее к объединению Индии¹. Не трудно убедиться, что концепция Гриффитса, несмотря на все адвокатское искусство ее автора, столь же явно противоречит общеизвестным фактам, как и концепция оборонительного характера всех колониальных войн.

Все эти апологетические концепции попросту оставляют в стороне огромный фактический материал, свидетельствующий, что, несмотря на смену форм, в которых осуществлялась английская экспансия, и на отдельные перерывы в завоевательных войнах, политика Англии в Индии была агрессивной и захватнической на протяжении всего периода завоевания Индии. Столь же агрессивный характер носили и английские колониальные войны в Азии во второй половине XIX в. Изображать их лишь частично связанными со стремлением к захвату источников сырья, а в основном направленными на утверждение цивилизации (как это, например, делает Р. Мэзон при освещении истории третьей войны против Бирмы, которая развернулась в 1885 г.²) — значит в апологетических целях заниматься прямым искажением истории.

Некоторые неоколониалистские историки, особенно В. Хэрлоу и А. Брюншвиц³, пытаются доказать, что захватнические войны противоречили самым глубинным процессам и тенденциям в метрополии начиная с 60—70-х годов XVIII в. Уже тогда восторжествовала идея «торговой» империи без административных и военных расходов. Эта идея нашла отражение в знаменитом труде А. Смита «Исследование о природе и причинах богатства народов» (1776 г.)⁴. Англичане даже утвердились в Бенгалии якобы только для того, чтобы создать скла-

¹ P. Griffiths, *The British Impact on India*, p. 66, 72, 75, 78—80, 87—88, 90—93, 95—97; Ср. P. Woodruff, *The Men...*, v. I, p. 200, 202.

² P. Woodruff, *The Men...*, v. II, p. 123.

³ V. T. Harlow, *Founding of the Second British Empire, 1762—1793*, v. I. «Discovery and Revolution», London, 1952; «Revue historique», 1961, Octobre—Décembre, p. 459—460 e. a.

⁴ Эта идея действительно защищалась не только в книге Смита, но и в ряде других работ, напр.: J. Sinclair, *Thoughts on the Naval Strength of the British Empire*, London, 1782; R. Price, *The State of the Public Debts and Finance*, London, 1783.

дочное место для торговли с другими индийскими государствами. Поэтому якобы лишь борьба против Наполеона, интересы филантропии, потребность в морских базах воспрепятствовали созданию чисто торговой империи.

**Миф о «лучшей
в мире»
администрации**

В центре неокOLONиалистской аполoгетикИ — английская администрация в странах Британской империи, особенно Индии, в XIX в. Поголовная коррупция служащих Ост-Индской компании в XVIII в., заботившихся исключительно о личном обогащении любыми способами, не соответствовала желаниям ни самой компании, ни более широких кругов буржуазии Великобритании, заинтересованных в укреплении английского владычества в Индии и систематической «упорядоченной» эксплуатации этой крупнейшей колонии. Таковы были подлинные причины реформ английской администрации, которые стали постепенно проводить правящие круги с конца XVIII в. и которые совершенно искажаются реакционными авторами.

В неокOLONиалистской историографии, как уже отмечалось выше, в работах Фарбера, Баллачета и других реакционных историков, предпринимаются настойчивые попытки реабилитации деятельности Ост-Индской компании в конце XVIII — начале XIX в. Эта же линия настойчиво проводится в книге индуса Б. Б. Мистра «Центральная администрация Ост-Индской компании 1773—1834 гг.»¹, написанной под руководством У. Филиппса, директора Института ориенталистики и африканистики при Лондонском университете. «Славное правление» компании изображается как процесс применения самых передовых либеральных взглядов и непрерывного совершенствования административного аппарата для блага индийского народа. «Под опекой Питта, которую компания никогда не забывала, — уверяет Д. Бирс, — компания приобрела облик ответственной общественной корпорации, обеспечивающей как английские, так и индийские интересы»². Это пишется о Совете директоров Ост-Индской компании, который наряду с

¹ B. B. *Mistra*, *The Central Administration of the East India Company. 1773—1834*, Manchester, 1959.

² G. *Bearce*, *British Attitudes towards India 1784—1858*, p. 37.

Правительственным контрольным советом составлял «двойную систему управления», позволявшую английскому правительству вести захватнические войны в Индии, прикрываясь именем компании, а компании осуществлять самые грабительские и деспотические меры, прикрываясь одобрением их государственной властью. Недаром Берк выразил оценку Совета директоров словами, которые были процитированы К. Марксом в статье о деятельности Ост-Индской компании: «Эта порода пошлых политиканов — настоящие подонки рода человеческого»¹.

Неоколониалистская историография стремится оправдывать самые вопиющие злоупотребления, которые сохраняла и поддерживала высшая администрация Ост-Индской компании. Одним из них, бесспорно, был патронаж. Две тысячи акционеров компании, владевших акциями не менее чем на 1000 ф. ст. каждый, выбирали 24 директора. Избранные столь «демократическим» путем, эти правители индийского народа помимо скромного жалованья получали вознаграждение в виде права выдвигать по своему усмотрению кандидатов, из числа которых генерал-губернатор Индии и губернаторы президентств отбирали лиц для назначения на все гражданские и военные посты. Годовой доход одного директора от включения кандидатов в список редко составлял в середине XIX в. сумму ниже 14 000 ф. ст. в год². Полтора года тому назад один из директоров Ост-Индской компании, К. Фергюссон, пытался, выступая в парламенте, как-то оправдать этот рассадник коррупции, разъясняя с невольным комизмом, что, мол, «никогда еще никакой патронаж такой ценности не осуществлялся с большей добросовестностью, большим чувством чести и чистотой помыслов, чем патронаж компании»³. Трудно сказать, помнил ли неоколониалистский историк Д. Бирс эти и подобные им «объяснения», когда он с таким же нечаянным юмором уверяет: «Патронаж компании не оставался, однако, просто средством получе-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., изд. 2, т. 9, стр. 190. О двойной системе управления см. также «Новая история Индии», М., 1961, стр. 180—191.

² См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., изд. 2, т. 9, стр. 187—188.

³ «Hansard's Parliamentary Debates», 3^d Ser., v. 18, col. 784 (1833).

ния личной выгоды для директоров. Чтобы сохранить патронаж, директора должны были уничтожить коррупцию в индийской администрации и постепенно создать совершенно обученный, добросовестный гражданский и военный персонал»¹.

Далее уже совершается прямой переход к безудержным славословиям в адрес «лучшей в мире» английской колониальной администрации XIX—XX вв. Ее целью якобы стало привести Индию к независимости². Особых похвал удостоиваются выпускники колледжа в Хейли-бери как когорты рыцарей без страха и упрека. Правда, во второй половине XIX в., признает Гриффитс, среди «рыцарей» получило распространение расовое высокомерие, приведшее к разрыву всех неофициальных общественных связей между англичанами и индусами³. Отчего же произошел такой казус? Для неокOLONиалистских историков вообще нелегко объяснить крутой поворот в это время к джингоизму, вымыслам о «бремени белого человека» и т. п. «Методологической» основой объяснения у неокOLONиалистских историков являются признание случайными всех фактов, не укладывающихся в концепцию «исконного антиколониализма», изображение их временными отклонениями от прямого пути⁴. В последней трети XIX в. ранее выдвинутая перспектива наделения Индии независимостью просто временно «стала значительно менее ясной»⁵. Обычным приемом является ссылка на «народный национализм» в Англии.

Однако нередко используется и другой метод — вина за этот поворот к империализму сваливается на сами колониальные народы. Разъясняется, что благородные идеи викторианцев о наделении народов колоний независимостью оказались непрактичными при столкновении с грубой действительностью. Даже сами викторианцы

¹ G. Bearce, *British Attitudes...*, p. 38.

² «Europa und der Kolonialismus», S. 73.

³ P. Woodruff, *The Men...*, v. I, p. 113, 286, 332 а. о.; C. Carington, *The British Overseas...*, p. 195, 453; P. Griffiths, *The British Impact on India*, p. 226—230, 276—277.

⁴ См., напр., H. Ingrams, *Uganda. A Crisis of Nationhood*, p. 327.

⁵ E. W. R. Lumby, *The Transfer of Power in India. 1945—7*, London, 1954, p. 11.

должны были, мол, убедиться, что Индия еще не созрела для их представлений о демократии¹ и, чтобы исправить нравы и обычаи индусов, «требовались рука и беспощадность иноземного правителя с неограниченной властью»². Помешать утверждению «хаоса» могла только «деспотическая, но эффективная власть, которая готовила бы индусов к самоуправлению в будущем»³. Колониализм сохранял отсталость страны, а отсталость, оказывается, оправдывала сохранение колониализма, и все это к тому же именуется стремлением английских колонизаторов предоставить Индии независимость!

Для большего правдоподобия приводятся и дополнительные причины временного падения интереса к «антиколониальным» планам. Здесь фигурируют и реальные мотивы — стремление английских держателей облигаций индийских государственных займов и предпринимателей сохранить свои позиции. Но этим мотивам отводится не только второстепенное место: они тут же «растворяются» в ряде других вроде необходимости «защищать» Индию от России или Японии или усиления вражды между индусами и мусульманами, ранее как будто затихавшей⁴. А вообще медленный темп проведения реформ якобы обеспечивал мирное продвижение к политической самостоятельности⁵.

Говоря об отчуждении между англичанами и индусами, Гриффитс спешит добавить: «Этот анализ раскола между двумя общественными группами не означает осуждения английских чиновников XIX в. Философски настроенный историк может отметить, что, если небольшая кучка иностранцев хочет поддерживать свое гос-

¹ R. Coupland, *India...*, p. 81.

² M. Edwards, *The Necessary Hell...*, p. 21.

³ W. R. Brock, *Britain and the Dominions*, Cambridge, 1951, p. 179. Поэтому империалистические настроения XIX в., несмотря, мол, на их отрицательные стороны (расизм, восхваление силы), были, оказывается, благом, возбуждая интерес к «обязанностям» в отношении империи (там же, стр. 306). Ср., напр., M. Lazarus, *M. Coppel, The Making of Modern World*, p. 233.

⁴ R. B. Ecles, R. W. Hale, *Britian, Her Peoples and the Commonwealth*, New York, 1954, p. 580.

⁵ R. Coupland, *India...*, p. 82—83. Оказывается, именно «наделение» независимостью являлось решением «задачи Англии в Индии»! (H. G. Rawlinson, *The British Achievement in India*, London, 1948, p. 242.)

подство над обширной территорией, она должна держаться в отдалении, не допуская никакого равенства с подчиненным народом. Следовательно, до тех пор пока самоуправление для Индии лежало где-то в неопределенном будущем, отчужденность англичанина могла вполне основываться на неосознанной политической мудрости».

При этом, раз, мол, Индия «не созрела» для самоуправления, а английский расизм усиливал значение представителей администрации, он объявляется чуть ли не благом для индийского народа¹. Поистине трудно найти большее надругательство над исторической истиной, чем этот софизм неокOLONиалистской историографии.

Вполне в том же духе и утверждение, что «нежелание» английских властей допускать индусов на влиятельные административные посты было якобы вызвано лишь недостаточной подготовкой «туземцев» и искренней заботой английского правительства об эффективности гражданской службы. Учитывая «печальное состояние просвещения в Индии и почти всеобщую коррупцию, которая характерна для последнего периода Могольской империи, английское правительство имело законные основания для колебаний»². Итак, «законным основанием» для отстранения индусов от службы в администрации, управлявшей их родиной, объявляются не только недостатки образования, целиком являвшиеся виной этой администрации, но и распространение продажности за сто с лишним лет до этого среди сановников великого Могола и индийских князей. Почему, однако, не вспомнить, что за сто лет «почти всеобщая коррупция» существовала среди министров и членов парламента в Англии (например, в правление Роберта Уолпола), что, наконец, не меньшая продажность господствовала среди служащих Ост-Индской компании — основателей той администрации, для «чистоты» которой якобы нельзя было допускать в нее индусов! Правдой является тот факт, что недопущение индусов в состав правившей бюрократии целиком определялось страхом перед тем, что эта мера может подорвать английское

¹ P. Griffiths, *The British Impact on India*, p. 276—277.

² Там же, стр. 195.

господство, а также желанием британских правящих классов сохранить за собой весьма доходные посты в индийской администрации. (В начале XX в. 8 тыс. английских чиновников получали 13,9 млн. ф. ст., а 130 тыс. индусов, занимавших мелкие посты, — лишь 3,3 млн. ф. ст.)

Казалось бы, трудно добавить еще что-либо к апологетическим измышлениям неокOLONИАЛИСТСКОЙ историографии в этом вопросе. Но Гриффитс здесь, видимо, решил превзойти самого себя. Согласно его разъяснению, то обстоятельство, что много позднее индусов в небольшом количестве все же допустили в круг высшей администрации, заставило их особенно высоко ценить полученные должности и усвоить традиции «службы», и это подготовило их к управлению Индией после получения ею независимости. «Эта подготовленность может быть рассматриваема как один из блестящих британских успехов в Индии»¹.

Реакционная историография уверяет, будто англичане принесли в Индию дух законности, равенства перед законом, если не политическую, то полнейшую гражданскую свободу², «почти чрезмерное почтение к свободе личности», уважение человеческого достоинства, оздоровление финансов, сельского хозяйства, промышленности и торговли. Конечно, были недостатки и у английской администрации, но главным из них, мол, было то, что она оказалась уж чересчур хороша, и поэтому у индусов не было причин стремиться к развитию самоуправления³. Все это пишется об административном аппарате, обеспечивавшем ограбление Индии, установившем порядки, при которых были невозможны любые жалобы на насилия и вымогательства английских эксплуататоров. Так характеризуют администрацию, которая «изобрела» концентрационные лагеря для непокорных⁴, которая до 1862 г. даже формально сохра-

¹ P. Griffiths, *The British Impact on India*, p. 195—196.

² R. Coupland, *India...*, p. 48—49; P. Griffiths, *The British Impact on India*, p. 152—153. Ср. также K. Ingham, *Reformers in India 1793—1833*, Cambridge, 1956.

³ P. Griffiths, *The British Impact on India*, p. 230.

⁴ Нап., G. Wingate, *A Few Words on our Financial Relations with India*. 1859, p. 55—56; H. Tucker, *Memorials of the Indian Government*, London, 1853, p. 206. Цит. по кн.: G. Sanderson, *India...*, p. 89.

няла рабство на территории страны¹ (в княжествах она разрешала его вплоть до конца колониального режима²).

Массовое применение пыток при взимании непосильных налогов с индийских крестьян не отрицалось даже английскими чиновниками, включая вице-короля Далхузи³.

Когда англичане устранили индийских князей от власти и присоединяли их государства к своим владениям, это была, по разъяснению реакционной историографии, «борьба с деспотизмом». С этой целью подчеркиваются деспотизм, развращенность, все пороки феодальных правителей, владения которых были присоединены непосредственно к территории Ост-Индской компании⁴. При этом совершенно оставляется в стороне, что прямую ответственность за действия князей несли английские колонизаторы. Ведь они не только являлись фактической властью и в княжествах, но к тому же именно политика Ост-Индской компании обрекала зависимые от нее государства на нищету и деградацию.

О неискренности обличений неокOLONиалистской историографией индийских князей можно судить по тому, что, когда компания оставляла их у власти, ее действия рисуются как показатель уважения английскими властями местных обычаев, законов и культуры

¹ Не только в XVIII, но и в первой половине XIX в. английские власти санкционировали и прямо поощряли рабство в различных частях Индии. См. свидетельство официальной публикации — «Copies or Abstracts of All Correspondence between the Directors of the East India Company and the Company's Government in India since the 1st Day of June 1827, on the Subject of Slavery etc.», London, 1838, p. 1 f. Еще в 1843 г. в Индии было 9 млн. рабов. В ответ на требование уничтожить рабство английские власти объявили, что не могут нарушать «обычаи страны» (*G. Sanderson, India...*, p. 120).

² Характеристику английской администрации см. *К. Маркс и Ф. Энгельс*, Соч., изд. 2, т. 9, стр. 184—185; а также *А. И. Левковский*, Английский колониальный государственный аппарат в Индии накануне народного восстания 1857—1859 гг. «Ученые записки Института востоковедения АН СССР», т. XX, М., 1959, стр. 91—136.

³ См. *К. Маркс и Ф. Энгельс*, Соч., изд. 2, т. 12, стр. 278.

⁴ Напр., *M. Edwards, The Orchid House. Splendours and Miseries of the Kingdom of Oudh 1827—1857*, London, 1960.

Индии. На деле сохранение номинальной власти князей, как подчеркивали такие видные защитники этой системы, как герцог Веллингтон, лорд Элленборо, Джон Малколм, генерал Бригс и другие, диктовалось совсем другими соображениями. К их числу относилось желание англичан, чтобы сипайские войска вели со своими соотечественниками мелкие войны, которые помешали бы им обратить оружие против колонизаторов, чтобы в княжества уходили с территории Британской империи недовольные и беспокойные элементы, чтобы князья (в большинстве своем узурпаторы, возведенные на престол английскими интригами) являлись верными слугами колониального режима. Политическая система, созданная английскими колонизаторами в Индии, представляла собой, говоря словами Маркса, европейский деспотизм, взращенный на почве азиатского деспотизма¹.

Много говорится в реакционных работах о «просвещении», бывшем результатом английского господства. Однако совсем забывается, что власти компании десятилетиями сдерживали всякие попытки распространения образования среди индусов. Один из героев неокOLONИАЛИСТСКОЙ историографии, Т. Монро, прямо заявлял в показаниях парламентскому комитету, что распространение европейской образованности «сделает более трудным поддержание авторитета правительства»².

Не меньше пишется и о даровании «свободы слова». Опять обратимся к показаниям современника, редактора «Калькутта Джорнел» Бекингема. На основании собственного опыта он сообщил в палате общин, что в одном из трех индийских президентств власти обладают полномочиями высылать журналистов без суда, в другом президентстве — правом запрещать любое издание, в третьем попросту существовала предварительная цензура. О положении в столице Британской Индии Калькутте Бекингом рассказывал: «Они (власти. — Е. Ч.) запрещают всякое обсуждение действий правительства, так как это представляло бы опасность; они не разре-

¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., изд. 2, т. 9, стр. 131. Интересно отметить, что, по мнению многих наблюдателей (напр., епископа Хебера в 1826 г.), при всем этом даже в некоторых княжествах положение народа было лучше, чем в провинциях Британской Индии! (G. Sanderson, India., p. 114—115.)

² «Hansard's Parliamentary Debates», v. 25, col. 824 (1813).

шают упоминать имя епископа, так как это было бы оскорблением; они накладывают запрет на любую критику взглядов судей, так как это было бы вызывающим, и воспрещают абсолютно всякие дискуссии, которые могли бы иметь тенденцию к тому, чтобы вызвать разногласия в обществе, так как это породило бы неудовольствие»¹. К такому красочному описанию нечего добавить, кроме напоминания о том, что речь идет здесь даже не о бесправных «туземцах», а об англичанине, пользовавшемся достаточным весом и влиянием на родине, чтобы после возвращения домой стать членом парламента. Легко представить, какова была в этих условиях хваленая «свобода слова» для индусов!

Очень показательно, что наиболее восторженных похвал при возвеличивании английских властей удостоиваются такие «радетели интересов» индийского народа, как Джон Лоуренс и его помощники, сумевшие в 1857 г. с помощью кровавых расправ удержать в спокойствии недавно завоеванный Пенджаб и даже послать подкрепления для английской армии, осаждавшей главный опорный пункт восставших — г. Дели². Отказ от предоставления самых скромных прав самоуправления (в частности, со стороны консервативного кабинета Солсбери) объявляется свидетельством нежелания не только поколебать британское господство, но и «выдать индийское крестьянство на произвол европеизированной индийской олигархии»³.

Даже откровенный колонизатор и трубадур империализма Керзон изображается как заботливый попечитель интересов крестьянства, борец с голодом, пекущийся о счастье индийского народа, поклонник индийской культуры⁴. Керзон провел в 1904 г. для борьбы с национальным движением закон об индийских университетах, поставивший их под более жесткий английский

¹ «Hansard's Parliamentary Debates», 3^d ser., v. 18, col. 778 (1833).

² Этому восхвалению посвящены книги: *M. Edwards, The Necessary Hell.*; *H. Pearson, The Hero of Delhi. The Life of John Nicholson Saviour of India and a History of His Wars*, London, 1948, и т. д., а также специальные разделы и главы в книгах других неокOLONIALИСТСКИХ историков.

³ «Cambridge History of the British Empire», v. III, p. 148.

⁴ *P. Knaplund, Britain.*, p. 187.

контроль и еще более затруднивший доступ к образованию для малоимущих слоев интеллигенции. Кэррингтон превращает этот факт в свидетельство стремления расширить индийскую систему образования¹. Керзон якобы только и думал об улучшении положения крестьянских масс². Видимо, эта «забота» проявилась прежде всего в серии репрессивных законов против национального движения (сокращение и без того ничтожных прав индийского населения в местном самоуправлении, усиление контроля над печатью, удвоение расходов на полицию и т. д.).

В 1905 г. Керзон издал закон о разделе Бенгалии, являвшейся важнейшим центром национально-освободительной борьбы. Эта мера была направлена на обособление отдельных частей формировавшейся бенгальской нации и разжигание вражды между индусами и мусульманами для ослабления национального движения. Мотивы, которыми руководствовался Керзон при проведении этой меры, были настолько прозрачными, что они не представляли никакого секрета для современников. Русский консул в Бомбее доносил 5(18) ноября 1905 г. в Петербург: «Официально мера эта мотивирована была тем, что бенгальскому губернатору слишком трудно управлять столь обширной по площади и населению провинцией, но в сущности в основание всего дела легло желание индийского правительства расчленить эту провинцию, считающуюся, и, по-видимому, не без основания, одной из самых ненадежных в политическом отношении во всей Индии»³. П. Гриффитс пытается доказать, что объективное историческое исследование якобы опровергает наличие таких мотивов у Керзона: «В холодном свете истории легко увидеть, что обвинение было беспочвенным. В этом и большинстве других случаев единственной целью Керзона была эффективность, и самым тяжелым упреком, который может быть выдвинут против него, является то, что он более заботился о научно поставленной администрации, чем о чувствах публики»⁴. Апологетический вымысел

¹ *C. Carrington, The British Overseas. . .*, p. 935.

² Там же, стр. 934.

³ АВПР, ф. Средне-Азиатский стол, 1905 г., д. 932, л. 162 (Донесение русского консула в Бомбее от 5/18 ноября 1905 г.).

⁴ *P. Griffiths, The British Impact on India*, p. 288.

П. Гриффитса, однако, легко опровергается словами Керзона, раскрывшего в одной из речей в английском парламенте цели, которые преследовались разделом Бенгалии: «Раздел разрубал надвое политические планы тех экстремистов и агитаторов, которые в своей борьбе за политические уступки искали в будущем случае, когда они смогли бы направить против британского правительства общую силу всего бенгальского народа»¹.

Для идеологии английской (и не только английской) буржуазии конца XIX — начала XX в., особенно ее консервативного большинства, было характерным более или менее откровенное отрицание с позиций расизма способности народов Востока к демократическим формам политической жизни. Так, даже в годы пробуждения Азии после 1905 г. лидер английских консерваторов Бальфур доказывал, что «во всей истории того, что называют Востоком, вы не найдете никаких следов самоуправления»². Этот взгляд господствовал в буржуазной науке об обществе, включая историографию. По словам английского либерального журнала «Нейшн», «образованная Европа наконец убедила себя в том, что предполагаемое предпочтение Востока в пользу автократии и сильного правительства покоится скрытно где-то в окраске кожи жителей Востока или форме их черепов»³.

По самому характеру выполняемого ею социального заказа и защищаемых концепций неокOLONиалистская историография должна демонстративно подчеркивать свою враждебность расизму. В то же время расистская идеология колонизаторов изображается, как мы видели, в качестве благородного убеждения, что миссией англичан (да и вообще белых) является помощь другим народам⁴.

Однако, поскольку мнимая враждебность расизму призвана служить самым реакционным целям — апологии колониального угнетения народов, дискредитации национально-освободительного движения, обоснованию космополитических теорий, являющихся оборотной

¹ Цит. по кн.: «Новая история Индии», стр. 539.

² «The Nation», 18.VI.1910.

³ «The Nation», 28.XII.1907.

⁴ Ср. W. Macmillan, *The Road...*, p. 46.

стороной расистской идеологии, он, несмотря на всю маскировку, постоянно выпирает из концепций неокониалистской историографии. «Мы удерживаем эти страны (Востока. — *Е. Ч.*), — провозглашал в свое время Легерд, — потому что в характере нашей расы колонизовать, торговать и управлять». Но и Легерд считал нужным тут же добавить, что, разумеется, все это делается «во имя свободы и цивилизации»¹. Точно такую же расистскую линию проводит и Кэррингтон, объявляющий англичан «колониационной расой» и обнаруживший истоки британского колониализма еще в «эпоху переселения народов»². Теоретически расизм осуждается обычно как сила, препятствовавшая выявлению пресловутых антиколониалистских мотивов колониальной политики. Однако на практике неокониалистские историки осуждают расизм только тогда, когда он, по их мнению, препятствовал укреплению колониального режима³.

Неокониалистская историография ухитряется соединять признания в расистском мировоззрении английских колонизаторов со знакомыми нам уверениями, будто все действия колониальной администрации были продиктованы заботой о благе индийского народа. Между тем близко наблюдавший английских колониальных чиновников русский дипломат характеризовал их как кучку держащих в своих руках бразды правления англичан, всеми силами презирающую платящих им огромные оклады «туземцев»⁴.

«Биологический расизм» отставлен в сторону большинством буржуазных историков. Но на смену ему пришел открытый или замаскированный психорасизм, выводящий из исторических причин мнимую «неспособность» народов колоний к самостоятельности. Эти причины отбираются таким образом, чтобы доказать, будто они действовали на протяжении всей истории колониальной системы или даже продолжают действовать в современную эпоху. Так, среди английских буржуазных историков принято считать, что в Индии до завоевания ее Ост-Индской компанией наблюдался лишь слабый

¹ *F. Lugard, The Dual Mandate...*, p. 618—619.

² *C. Carrington, The British Overseas...*, p. 1.

³ *K. Harlow, The Historian...*, p. 8 f.

⁴ См. АВПР, ф. Средне-Азиатский стол, д. 958, л. 38.

политический прогресс вследствие существования каст, особенностей индийской философии и религии и других подобных «факторов»¹. На деле политический индифферентизм индийского крестьянства коренился в сельской общине с ее почти полной экономической замкнутостью, натуральным характером хозяйства, которые были разрушены развитием капитализма. Попытки же неокOLONИАЛИСТСКИХ историков преувеличить действие «исторических факторов», задерживавших у народов Азии самостоятельную выработку буржуазно-демократической идеологии, представить все эти факторы сохраняющими силу и в нашу эпоху, крайнее акцентирование их влияния на духовный склад колониальных народов и якобы наследственной передачи типичных черт этой «психологии» по существу лишь чуть прикрывают позицию «биологического расизма». Тот же психорасизм позволяет большинству реакционных авторов вроде Купленда, Кэррингтона и других изображать развитие капитализма в Индии как благодеяние английских властей. Действительно, капиталистическое развитие, пусть в уродливой и особо мучительной для масс форме, все же имело место, так как колонизаторы из собственной выгоды не могли не способствовать этому развитию путем превращения Индии в рынок сбыта и источник сырья для Англии, постройки железных дорог и т. д. Но меньше всего можно считать это плодом сознательной заботы об интересах Индии. Как отмечал Маркс, английские колонизаторы руководствовались и в данном случае «самыми низменными целями»².

Неоколониалистская историография много пишет о «британском мире», который принесло английское владычество³, забывая о почти непрерывных войнах, которые вели англичане в Индии в течение целого столетия — с середины XVIII до середины XIX в., об использовании в тот же период индийских войск и индийской территории как плацдарма для захватнических войн против Непала, Бирмы, Афганистана, Цейлона, а в последующие десятилетия — для новых военных экспедиций против Афганистана и Бирмы, для войн в Иране,

¹ Ханп., *P. Griffiths, The British Impact on India*, p. 226; *C. Carrington, The British Overseas...*, p. 144.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., изд. 2, т. 9, стр. 136.

³ *C. Carrington, The British Overseas...*, p. 183.

Китае и других странах Азии, в Египте, Южной Африке, в первой мировой войне. Ни одна из этих войн не была вызвана защитой национальных интересов Индии, все они, напротив, прямо вредили этим интересам. Английские власти привыкли смотреть на индийских солдат как на дешевое пушечное мясо. Во время захвата Египта один из английских офицеров цинично заметил в разговоре с русским военным агентом полковником Соллогубом, что, «раз наша королева теперь является императрицей Индии, эти люди обязаны сражаться за нас»¹.

К длинному списку захватнических войн англичан в Индии и военных действий, в которых индийские солдаты должны были сражаться за чуждые им интересы английских колонизаторов, надо еще добавить кровавые походы англичан для подавления народного восстания 1857 г. «Калмыцкие орды Чингис-хана и Тимура, налетавшие на города, подобно тучам саранчи, и пожиравшие все, что попадалось им на пути, были, вероятно, благодеянием для страны по сравнению с нашествием этих христианских, цивилизованных, рыцарственных и великодушных британских солдат»², — отмечал тогда Энгельс, описывая действия английских «защитников» индийского народа. Что же касается «обороны» Индии от возможного нашествия со стороны России, что также ставится в заслугу английским властям, то, даже если забыть о вымышленности этой угрозы (о чем говорилось выше), нельзя не учитывать, что колонизаторы защищали не Индию, а свое «право» на ограбление и угнетение этой страны.

Столь же мало оснований имеют рассказы о «британском мире», если говорить об империи в целом. В. И. Ленин в своем конспекте работы Гобсона выписал и подчеркнул ряд мест в том абзаце, где английский либеральный писатель насмеялся над этой выдумкой апологетов колониализма, благополучно перекочевавшей в новейшую реакционную историографию. «*Британский мир*, который всегда был *бесстыдной ложью*, за последние годы стал верхом чудовищного лицемерия, — писал Гобсон. — На наших границах в Индии, в Запад-

¹ АВПР, ф. Политархив, 1876—1882, д. 820, л. 21.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., изд. 2, т. 12, стр. 509.

ной Африке, Судане, Уганде, Родезии войны почти не прекращаются»¹.

Еще меньшего стоят разговоры о «заслугах» колониальных властей в «распространении образования» в Индии. О политике Ост-Индской компании в этом вопросе уже говорилось выше. Что же касается второй половины XIX и XX в., то даже некоторые неокOLONиалистские историки, делая, конечно, оговорки о «нехватке средств» на образование, не могут отрицать, что английский режим оставлял в темноте подавляющую часть населения страны².

Английские буржуазные историки любят ссылаться на незначительную численность войск, содержавшихся в сельских местностях Индии, как на доказательство лояльности индийского народа к завоевателям³. В действительности это говорило лишь о забитости и темноте крестьянства, способного тогда преимущественно на стихийные бунты, для подавления которых было достаточно очень немалой, впрочем, английской армии в Индии.

Кэррингтон, как бы дополняя Купленда, уверяет, что сипайские войска во-первых, отнюдь не были «наемниками», как их именовали противники колониализма (просто, мол, в Индии, в стране наследственных профессий, в армию шли лица, по наследству склонные к военной службе!); во-вторых, армия служила... своего рода начальной школой; в-третьих, хотя расходы на армию были велики (в четыре раза выше, чем в британских доминионах), это было вызвано страхом перед вторжениями⁴.

В действительности же роль армии прежде всего как орудия подавления индийского народа не подлежит сомнению для периода, когда было завершено завоевание Индии англичанами, т. е. примерно с середины XIX в.⁵ «Опровержение» факта, что это была наемная армия, ссылкой на «наследственность» военной профес-

¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 28, стр. 394.

² См. R. Coupland, India., p. 60—61. В 1931 г. в Индии 94% населения оставалось неграмотным (в Англии — 1,8%).

³ P. Woodruff, The Men., v. II, p. 180; R. Coupland, India., p. 50.

⁴ C. Carrington, The British Overseas., p. 938.

⁵ См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., изд. 2, т. 12, стр. 240—241.

сии становится особенно нелепым, если вспомнить иезуитски изоощренную систему комплектования туземных частей, в которые после восстания 1857 г. вербовались представители самых различных (хотя и строго отобранных) национальностей, религий и каст, чтобы обеспечить надежность этой главной опоры английского колониального владычества. Этой же цели служили дислокация войск, ограничение числа солдат, увольняемых в резерв («опасно» нахождение среди населения лиц, прошедших военное обучение!), ликвидация индийских артиллерийских формирований, вооружение туземных войск заведомо устаревшими ружьями, явно понижавшее боевые качества сипаев, только чтобы они не могли оказать сопротивление английским частям с их более современным стрелковым оружием¹.

Широкое, нестихавшее народное недовольство в Индии в первой половине XIX в. признавали даже влиятельные представители английской администрации вроде Д. Малколма². Об этом же говорят многочисленные волнения и выступления масс в столетие между битвой при Плесси и народным восстанием 1857 г.³ Для характеристики обстановки после восстания в 60-е годы XIX в. лучше всего вспомнить слова вице-короля Д. Лоуренса, которые приводятся Мэзоном и лучше всего разоблачают апологетические вымыслы этого и других неокOLONИАЛИСТСКИХ историков: «Да, Индия спокойна. Так же спокойна, как порох»⁴.

**Препятствовал ли
колониализм
экономическому
развитию Индии?**

Настойчивая апология английской администрации в неокOLONИАЛИСТСКОЙ историографии тесно связана с тщетными ее стараниями создать приемлемую для империализма картину социальных и политических последствий британского завоевания Индии. Реакционные авторы с

¹ См. А. А. Горбовский, Реформа 1861 года в индийской армии. «Народное восстание в Индии 1857—1859 гг.» Сборник статей к столетию восстания, М., 1957, стр. 309—326.

² W. Howitt, Colonisation and Christianity. A Popular History of the Treatment of the Natives by the Europeans in all Their Colonies, London, 1838, p. 305.

³ S. B. Chaudhuri, Civil Disturbances during the British Rule in India (1765—1857), Calcutta, 1955.

⁴ P. Woodruff, The Men., v. II, p. 233.

особым усердием стремятся представить свою якобы объективную концепцию преодолением полемической односторонности и тенденциозности как национальной индийской историографии, так и старых колониалистских работ. Перечисляя «до крайности противоположные утверждения», выдвинутые в ходе полемики, Гриффитс подчеркивает: «Нашей задачей... будет привести их в соответствие с действительностью и избавить от эмоциональной окраски»¹. По «беспристрастному» же мнению Гриффитса, «баланс» плюсов и минусов английского правления в целом сводится в пользу колониализма².

Очень характерно исследование К. Баллатчета «Социальная политика и общественные изменения в Западной Индии. 1817—1830», основанное на архиве М. Элфинстона, главы английской администрации в завоеванных маратхских княжествах. На основе тенденциозных сведений английских чиновников Баллатчет уверяет, что подавляющая часть населения якобы приветствовала приход завоевателей (хотя порой и проговаривается о грабежах и насилиях, чинившихся английскими войсками)³. Колониальная администрация выступает в его изображении как мудрый попечитель и щедрый благодетель всех классов индийского общества.

По утверждению неоколониалистской историографии, английское господство будто принесло большие преимущества для сельского хозяйства Индии и сделало все мыслимое для улучшения участи индийского крестьянства. Интересна в связи с этим оценка в новейшей литературе «постоянного землеустройства» Корнуоллиса для трех провинций — Бенгалии, Бихара и Ориссы (1793 г.), предоставившего заминдарам право собственности на земли, с которых они собирали налоги, при условии уплаты высокой ренты английским властям.

¹ P. Griffiths, *The British Impact on India*, p. 360.

² Там же, стр. 359—360, 395. Гриффитс рекомендует в качестве метода апологетики отдельно рассматривать результаты английского завоевания и воздействия на Индию «агрессивной фазы западного капиталистического и индустриального развития» (там же). Однако большинство реакционных историков не следуют этому совету.

³ K. Ballhatchet, *Social Policy and Social Change in Western India. 1817—1830*, London, 1957, p. 14, 27 a. o.

Этот грабеж общинной и частной собственности привел к ряду крестьянских восстаний¹. Определив заранее размеры налога, взимаемого с заминдаров, английские власти не установили никаких пределов для феодальной эксплуатации крестьянства. Происходил массовый сгон крестьян с земли за недоимки².

Некоторые английские историки, не осмеливаясь прямо защищать закон 1793 г., объявляют, что является спорным, принес ли он пользу или вред крестьянам³. Другие упирают на то, что Корнуоллис провел меру, которая была бы благодеянием в Англии, но в Индии не оказалась успешной из-за характера народа⁴. Третьи, например П. Гриффитс, уверяют, что если «устройство» 1793 г. и не создало «достаточных» гарантий для крестьян, то это было достигнуто дополнительными законами 1812, 1859, 1885 гг.⁵

В действительности же, создавая гарантию лишь для крупных арендаторов, упомянутые законы были рассчитаны на закрепление феодально-помещичьего землевладения, эксплуатации деревенской массы, направлены на удушение крестьянского движения. В картине, рисуемой буржуазной историографией, скрыто самое основное — размеры дани, выплачивавшейся англичанам. Последний наваб Бенгалии собирал земельный налог в размере 818 тыс. ф. ст. в год, а английские власти через 30 лет взимали уже 2 680 тыс. ф. ст.

На юге страны установилась так называемая земельная система райятвари, еще более идеализируемая реакционной историографией⁶. На практике система райятвари, введенная английскими властями исключительно для наилучшей выкачки доходов, была столь же тяжелой для крестьянства, как система заминдари⁷. По

¹ См. *К. Маркс*, Хронологические выписки по истории Индии, стр. 99—100. Ср. данные о действии этого закона: *G. Sanderson, India...*, p. 105.

² См. *А. И. Левковский*, Некоторые особенности развития капитализма в Индии до 1947 г., М., 1956, стр. 21—22.

³ *C. Carrington, The British Overseas...*, p. 181.

⁴ *G. Bearce, British Attitudes...*, p. 45.

⁵ *P. Griffiths, The British Impact on India*, p. 166—175.

⁶ *C. Carrington, The British Overseas...*, p. 183; *P. Griffiths, The British Impact on India*, p. 176—179.

⁷ См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*, Соч., изд. 2, т. 9, стр. 222. См. фактические данные у *G. Sanderson, India...*, p. 105—106, 110.

свидетельству современников, огромные районы, прежде густо населенные, обезлюдели под английским управлением¹.

Неоколониалистская историография не осмеливается повторять легенду о «легкости» поземельного налога в колониальной Индии, которую разоблачали некоторые либеральные писатели еще в прошлом столетии. Так, П. Гриффитс делает вид, что соглашается с оценкой этого налога, которую дал известный индийский историк Р. Датт. Однако на деле Гриффитс оспаривает бесспорные выводы, сделанные Даттом, и протаскивает мысль об исключительной терпимости английских сборщиков налога в Бенгалии и, главное, о постоянном улучшении положения, поскольку налог не рос или возрастал менее, чем цены на сельскохозяйственные продукты². В действительности налог, включая дополнительные сборы, составлял 60% урожая. Что касается роста цен, то он шел на пользу лишь торговцам-посредникам. Реальная тяжесть налога постоянно возрастала, поглощая все большую часть доходов крестьянства. В 1855 г. в Северной Индии налог достиг 50%, в 1885 г. — уже 60%. В центральных провинциях он равнялся 60%. В Бомбее после 1866 г. он составлял свыше 50% и в 1898 г. (после ряда увеличений) был снова увеличен сразу на 30% и т. д.³ Даже в районах, где разводился хлопок, повышение цен на него в условиях экстенсивного хозяйства не вело к росту производства и добавок вызывало подорожание продуктов питания (прежде всего зерна)⁴.

Все эти факты не помешали апологету английской земельной политики в Индии профессору Калифорнийского университета Т. Р. Меткафу объявить, что до 1857 г. эта политика была целиком направлена на защиту интересов крестьян. Правда, впоследствии английские власти в качестве кары крестьянству за участие

¹ Напр., «Hansard's Parliamentary Debates», 3^d ser., v. 18, p. 758 (1813).

² P. Griffiths, *The British Impact on India*, p. 390. Cp. R. Coupland, *India*, p. 53.

³ G. Sanderson, *India*, p. 186—190, 217—218. С нищего крестьянства собирали и другие налоги, число которых быстро возрастало.

⁴ В. И. Павлов, *Формирование индийской буржуазии*, М., 1958, стр. 243.

в восстании 1857 г., являвшемся, мол, изменой прогрессу (читай: колониализму), стали, напротив, проводить политику, целиком благоприятную помещикам¹. Сделав это признание в 1961 г., Меткаф в 1962 г. счел нужным поправиться: в новой его работе уже указывалось, что, «несмотря на опыт времен восстания... правительство Индии никогда не переставало признавать свою ответственность за защиту интересов земледельческого класса»².

Одной из настойчиво проводимых, хотя почти нигде четко не сформулированных, тенденций неоколониалистской историографии является стремление отделить английский империализм и колониальный режим от беспощадной эксплуатации индийского крестьянства ростовщическим капиталом. Многие реакционные историки пытаются вовсе уйти от вопроса о роли ростовщического капитала в деревне. Тот же Меткаф, специально занимавшийся этой проблемой, считает, что «наименее понятой стороной британского правления в Индии является его (ростовщичества. — *Е. Ч.*) влияние на структуру аграрного строя»³.

Нежелание заниматься вопросом о ростовщиках легко понять, если учесть, какие масштабы приобрел ростовщический грабеж деревенского населения. Так, например, по данным Ф. Николсона, в Мадрасском президентстве ростовщики присваивали себе 15% валового продукта крестьянского хозяйства. К 1901 г. 1/4 сельских хозяев лишилась своих владений, перешедших к ростовщикам, 4/5 хозяев находились в долгу у ростовщиков⁴. Неоколониалистская историография твердит, что ростовщичество — это старинное зло индийской жизни. Колониальные власти якобы вели борьбу с ним по мере сил и возможностей, которыми обладает правительство, не желающее вмешиваться в частную жизнь граждан. Колониализм рисуется чуть ли не антиподом и во всяком случае последовательным противником ростовщи-

¹ *T. R. Metcalf*, *The Influence of Mutiny of 1857 on Land Policy in India*. «*Historical Journal*», 1961, N 2, p. 155—156.

² *T. R. Metcalf*, *The Struggle over Land Tenure in India, 1860—1868*. «*Journal of Asian Studies*», May 1962, v. XXI, N 3, p. 307.

³ *T. R. Metcalf*, *The British and the Moneylender in Nineteenth Century India*. «*Journal of Modern History*», 1962, December, p. 390.

⁴ *G. Sanderson*, *India*., p. 219.

чества, успеху борьбы против которого мешали лишь фритредерские традиции невмешательства в экономическую жизнь¹.

Нет ничего более далекого от действительности, чем эта картина, нарисованная в розовых красках. Через посредство ростовщиков английский капитал в значительной мере и осуществлял эксплуатацию индийских крестьян². Уродливое развитие экономики Индии, бывшее следствием колониальной зависимости, с одной стороны, расширяло поле деятельности ростовщического капитала, а с другой стороны, воздвигало препятствия для превращения основной части ростовщиков в промышленных капиталистов современного типа.

Следует отметить, что на протяжении XIX в. в английских правящих кругах неоднократно обсуждался вопрос об уменьшении размера налогообложения крестьянства; некоторые колониальные чиновники предлагали снизить его до половины урожая. Однако эти планы, лицемерно прикрывавшиеся рассуждениями о благе райятов, были продиктованы английской промышленной буржуазией, нуждавшейся в расширении сбыта своих изделий в Индии, которые не было в состоянии приобретать нищее крестьянство, а также в побуждении земледельцев к выращиванию хлопка, требовавшего какого-то минимума средств. Короче говоря, речь шла об изменении формы ограбления индийского крестьянства, перераспределении прибавочного продукта между различными фракциями английской буржуазии. Характерно, однако, что нажим промышленников и их идеологов — фритредеров — оказался в этом отношении не очень сильным и отдельные меры по ограничению размеров земельного налога, проводившиеся время от времени (особенно в середине XIX в.), потом быстро сводились на нет. Буржуазные круги, заинтересованные в непосредственном административном ограблении Индии, доходы от которого перекачивались в их карманы с помощью системы государственного долга, выгодных контрактов и т. п., а также высшее чиновничество и колониальный режим в целом оказались достаточно

¹ T. R. Metcalf, *The British and the Moneylender...*, p. 397.

² См. А. И. Левковский, Некоторые особенности развития капитализма в Индии до 1947 г., стр. 203—213.

влиятельными, чтобы воспрепятствовать предложениям промышленников.

Политика английских колонизаторов, полностью пренебрегавших интересами индийского народа, была направлена на превращение Индии в аграрно-сырьевой придаток Великобритании. К этому же вела сама суть экономических связей между метрополией — Англией, с ее развитой машинной индустрией, и колониальной Индией¹.

В течение длительного времени превращение Индии в рынок сбыта для английских промышленных изделий происходило значительно быстрее, чем превращение ее в сырьевую базу, что усиливало страдания трудящихся масс, вдвойне уродовало экономическое развитие страны².

Прямым насилием над истиной является попытка реакционных историков записать в актив колониализма развитие плантаций хлопка, чая, индиго в Ассаме и других провинциях, которое было основано на принудительном полурабском труде. Стоит привести апологетические ухищрения Гриффитса на этот счет, столь типичные для «духа» неоколониалистской историографии: «Правление плантаторов в ранний период было грубоватым и часто даже жестким, и обычно именно на этой жестокости сконцентрировано внимание. Порка не была редкостью, часто с помощью ложных предлогов кули побуждали переселяться в чайные округа, и после этого им не разрешали уходить до истечения их срока. Воля плантаторов во многих случаях являлась законом. Но численность плантаторов была невелика, и неправдоподобно, чтобы небольшое количество иностранцев, опиравшихся на малые полицейские силы, могло сохранять неоспоримую власть над несколькими сотнями тысяч кули, если бы большинство их (плантаторов. — *Е. Ч.*) действий не основывалось на справедливости»³. Итак, признание, что труд на плантациях носил принудительный, полурабский характер, сделанное, правда, со многими оговорками, с отнесением этого факта в возможно

¹ См. *К. Маркс и Ф. Энгельс*, Соч., изд. 2, т. 23, стр. 461.

² См. *А. И. Левковский*, Некоторые особенности развития капитализма в Индии до 1947 г., стр. 200.

³ *P. Griffiths*, *The British Impact on India*. p. 438.

далекое прошлое. Но это признание понадобилось Гриффитсу только для того, чтобы ссылаясь на отсутствие восстаний (объясняющееся на деле темнотой и разобщенностью батраков, существованием наряду с «малыми полицейскими силами» на месте огромной армии в стране и т. д.) доказывать, будто плантаторское управление было чуть ли не благодеянием для рабочих. Стоит в связи с этим напомнить вполне документированно доказанный вывод индийского историка Б. Бхаттачария: «Британские плантаторы во второй половине XIX столетия возродили все зверства, изобретенные в самые мрачные периоды истории человечества»¹.

Совсем смехотворными выглядят упоминания таких «достижений» колониального режима, как работы сельскохозяйственного департамента в конце XIX в. по выведению новых сортов семян и лучших пород скота², если вспомнить, что все это происходило среди моря нищеты и средневековья, сохранявшихся колониализмом в индийской деревне.

**Колониальный режим
и индийская
промышленность**

Особо стараются неоколониалистские историки отметить заслуги колонизаторов в развитии индийской промышленности. Гриффитс относит к числу «заслуг» даже развитие Ост-Индской компанией в XVIII в. хлопкопрядения и ткачества. Он уверяет, «что, вероятно, ко времени правления лорда Корнуоллиса стимул, приданный компанией промышленному развитию, преодолел ущерб, нанесенный бенгальской экономике в первые годы после Плесси»³. На практике вытеснение англичанами индийских купцов — скупщиков изделий у кустарей привело к резкому ухудшению положения непосредственных производителей. В 1775 г. ткачи в Бенгалии были превращены по

¹ Б. Бхаттачария, «Восстание индиго» в Бенгалии в 1860—1861 гг. Сб. «Народное восстание в Индии 1857—1859 гг.», стр. 269. Рост плантационного хозяйства, являвшийся, как правило, одним из проявлений уродливо одностороннего развития экономики, вообще нередко безоговорочно отождествляется неоколониалистскими историками с «процветанием» страны. Так, напр., доказывается «процветание» Цейлона (*K. S. Latourette, A Short History of the Far East, 3^d ed., New York, 1957, p. 329*).

² P. Griffiths, *The British Impact on India*, p. 416—419.

³ Там же, стр. 370—371, 392 и сл.

существо в крепостных компании. Им запрещалось продавать ткани кому-либо, пока они не выполнят обязательной работы для компании и ее чиновников, причем на эту работу уходило практически все время ткачей. Для того чтобы ткачи тайно не продавали своих изделий на сторону, к ним могли быть по закону размещены на постой стражники, что означало полное разорение. Многие кустари от нестерпимого гнета бросали свои дома и бежали в деревню, пополняя ряды нищих арендаторов. В г. Титабаде в Даккском округе в 1774 г. было 900 домов прядильщиц, а к 1788 г. их число сократилось до 500.

Индийские историки разоблачили этот миф о «поощрении» компанией выделки хлопчатобумажных изделий, показав, что оно свелось к жесточайшей эксплуатации ткачей, распространению принудительного труда, резкому ухудшению к концу XVIII в. положения индийских кустарей¹. Еще в первые десятилетия XIX в. Индия почти не производила «европейских» изделий². В первой половине XIX в. поток товаров, произведенных на английских хлопчатобумажных фабриках, разорил индийских ткачей. Английский генерал-губернатор писал в 1834—1835 гг.: «Бедствию этому едва ли найдется аналогия в истории торговли. Равнины Индии белеют костями хлопчаткачей»³. А Гриффитс лишь «деликатно» отмечает, что английская конкуренция «породила значительные лишения», но зато, мол, потребитель выиграл от дешевизны тканей⁴. (Как будто этот «потребитель» не страдал от общего обнищания страны в результате разорения и голодной смерти сотен и сотен тысяч человек, гибели одной из наиболее важных отраслей экономики Индии!) Неоколониалистские историки хотели бы всерьез представить английских промышленников в виде «викторианских филантропов» и вызванное английской конкуренцией разорение миллионов индийских кустарей — лишь печальным следствием рвення

¹ N. K. Sinha, *The Economic History...*, p. 148 f., 163, 169, 226. Ср. В. И. Павлов, *Формирование индийской буржуазии*, стр. 76 и сл.; «Новая история Индии», стр. 111—112.

² «Hansard's Parliamentary Debates», v. 25, col. 877 (1813).

³ К. Маркс и Ф. Энгельс, *Соч.*, изд. 2, т. 23, стр. 442.

⁴ P. Griffiths, *The British Impact on India*, p. 399.

этих филантропов, только и мечтавших о цивилизации Индии¹.

Неоколониалистской историографии отлично известно обвинение, давно выдвинутое и доказанное с индийской стороны, что колониальное правительство ничего не делало для промышленного развития Индии². Стоит посмотреть, с какой ловкостью профессионального фокусника пытается Гриффитс опровергнуть это обвинение. «Хотя не имеется серьезных оснований — если не считать одного или двух уже упомянутых важных случаев — для утверждения, что британское правительство стремилось затруднить промышленное развитие Индии, — пишет он, — было бы в равной степени неверным хвалить британское правительство за то, что оно сознательно планировало и сильно стимулировало экономический прогресс, который имел место. Истиной будет то, что, в то время как британское правительство создало условия — безопасность, хорошую администрацию и коммуникации, вследствие чего только подобное развитие и могло иметь место, импульсом послужили пример, поданный британскими деловыми людьми, контакты через посредство Британии с внешним миром и индийский национализм нынешнего столетия»³.

Истиной является, однако, то, что английская администрация и «индийский национализм» (т. е. национально-освободительное движение) были силами прямо противоположной направленности и колониальные власти не создавали условия, а всей своей политикой — отнюдь не только «в одном-двух случаях» — воздвигали преграды для независимого экономического развития Индии. Иго колонизаторов являлось главным препятствием на пути прогрессивного развития Индии. Колониальное ограбление лишало ее капиталов, необходимых для индустриализации страны, нищета крестьянства, порожденная чужеземным ярмом, суживала внутрен-

¹ *C. Carrington, The British Overseas..*, p. 434. Если же им случается мимоходом признать, что действия «филантропов» отчасти хотя бы диктовались собственными выгодами, то тут же подчеркиваются лишь «положительные» и «благотетельные» для Индии результаты этих действий (*G. Bearce, British Attitudes..*, p. 178—179. Ср. также *E. Stokes, The English Utilitarians and India, Oxford, 1959*).

² Напр., *R. Dutt, The Economic History..*, v. I, p. 206.

³ *P. Griffiths, The British Impact on India*, p. 476.

ний рынок, политика английских властей, открывшая настежь ворота Индии для товаров метрополии, сковывала имевшиеся возможности промышленного развития. Этому способствовали также валютная политика правительства, характер железнодорожного строительства и система железнодорожных тарифов, действия колониальной администрации в экономической и правовой областях. Захвативший командные позиции в экономике Индии английский капитал душил неудобные ему зачатки тех отраслей промышленности, развитие которых могло бы помешать превращению страны в аграрно-сырьевой придаток метрополии. Английские банки и «управляющие агентства», державшие в своих руках нити народного хозяйства Индии, всячески дискриминировали неудобные им начинания индийской буржуазии в области промышленности и банковского дела. Строительство текстильных фабрик в Индии в середине XIX в. обходилось в 2—3 раза дороже, чем в Англии. В стране совсем не развивалась ведущая отрасль тяжелой промышленности — машиностроение. Зависимость от импорта английских машин стала новой цепью, приковывавшей Индию к Англии, и новым способом эксплуатации страны британским капиталом.

Весьма ярким показателем английских «достижений» в удушении индийской промышленности было наблюдавшееся в течение ряда десятилетий увеличение удельного веса населения, занятого в сельском хозяйстве¹.

Стоит упомянуть также о вполне солидарных действиях английских капиталистов и бюрократии, направленных на удушение индийского судоходства. В 1857 г. в торговле Индии были заняты индийские суда тоннажем 1 220 тыс. т и английские водоизмещением 2 475 тыс. т. В 1898 г. соответствующие цифры составляли 133 тыс. т и 7 685 тыс. т².

Все планы английских правящих кругов шли лишь по линии укрепления английской монополии на индийском рынке. В начале XX в., наводняя Индию своими

¹ *J. Beauchamp*, *British Imperialism in India*. Prepared for the Labour Research Department, London, 1934, p. 84.

² *W. Digby*, «Prosperous» *British India.*, p. 88. Этот процесс продолжался и в последующие годы. См. *А. И. Левковский*, Некоторые особенности развития капитализма в Индии до 1947 г., стр. 225.

товарами, душившими местную промышленность, новые поборники протекционизма хотели бы отгородить системой преференций индийский рынок от всех иностранных конкурентов¹. Эта политика в дальнейшем и получила осуществление в 1932 г., когда колониальные власти насильственно вовлекли Индию в систему имперских преференций вопреки резким протестам национальной буржуазии.

Колониальные условия накопления и приложения капитала, колониальная узость рынка вообще и для национальной промышленности в особенности висели тяжким грузом на экономике страны. Тот факт, что колониализм уродовал экономическое развитие Индии, придавал ему однобокое, выгодное лишь для колонизаторов направление, тормозил развитие тяжелой промышленности и вообще отраслей, способных конкурировать с индустрией метрополии, и т. д., остается бесспорным, несмотря на все «опровержения» его в реакционной историографии.

Много внимания уделяется в новейших буржуазных работах «достижениям» колониальных властей в области ирригации². Как известно, первое столетие английского господства было временем разрушения старых ирригационных сооружений. Английский чиновник доктор Спрай писал в 30-е годы XIX в., что каналы и водохранилища пришли в полный упадок³. Другой английский наблюдатель, Мартин, сообщал в 1838 г.: «В области общественных работ мы ничего не делаем для Индии». Через десятилетие Ф. Браун отмечал, что на территории Индии повсюду видны совершенно разрушенные остатки прежних водохранилищ⁴. Правда, позднее колониальные власти принялись за развитие ирригации; этого потребовали интересы английской промышленной буржуазии, нуждавшейся в дешевом сырье. Ирригация стала дополнительным средством закабаления и усиления эксплуатации многострадального индийского крестьянства. Налог на воду повышался из

¹ См., напр., *M. P. Webb, India and the Empire. Consideration of the Tariff Problem, London, 1908.*

² *R. Coupland, India...*, p. 53 f.

³ *Dr. Spry, Modern India.* Цит. по кн.: *W. Howitt, Colonisation...*, p. 307.

⁴ *G. Sanderson, India...*, p. 157.

десятилетия в десятилетие. Так, за 1851—1870 гг. в Мадраасском президентстве он увеличился в 1,8 раза.

Неоколониалистская историография, продолжая и повторяя в этом отношении старые реакционные работы, многословно восхваляет железнодорожное строительство в Индии¹. В действительности же на примере Индии с особой яркостью проявляется вся справедливость оценки железнодорожного строительства в колониях, данная В. И. Лениным:

«Постройка желдорог кажется простым, естественным, демократическим, культурным, цивилизаторским предприятием: такова она в глазах буржуазных профессоров, которым платят за подкрашивание капиталистического рабства, и в глазах мелкобуржуазных филистеров. На деле капиталистические нити, тысячами сетей связывающие эти предприятия с частной собственностью на средства производства вообще, превратили эту постройку в орудие угнетения *миллиарда* людей (колонии плюс полуколонии), т. е. больше половины населения земли в зависимых странах и наемных рабов капитала в «цивилизованных» странах»².

Железнодорожное строительство в Индии было направлено на дальнейшее превращение Индии в аграрно-сырьевой придаток метрополии. Это строительство, сопровождавшееся вакханалией капиталистического грабежа и коррупции — многие линии были куплены колониальным правительством вдвое дороже их действительной цены, а возросший в связи с этим государственный долг Индии стал еще одним источником барышей для английского капитала³, — привело к тому, что даже из отдаленных районов можно было быстро перевозить сырье в порты для вывоза в Англию и доставлять в самые глухие деревни английские промышленные товары. В то же время не существовало железных дорог, связывавших даже многие крупные провинции Индии друг с другом. Чтобы воспрепятствовать промышленному развитию Индии, английские власти, владевшие железными дорогами в Индии или контролировавшие их, ввели специальную шкалу тарифов, кото-

¹ Напр., *C. Carrington, The British Overseas...*, p. 928—929.

² *В. И. Ленин, Полн. собр. соч.*, т. 27, стр. 304—305.

³ *Q. Sanderson, India...*, p. 162—163.

рые должны были содействовать удешевлению доставки товаров от портов (т. е. импортируемых из Англии изделий) в глубь страны и в то же время мешать развитию внутренних перевозок. Для торможения связей между районами создавались линии различной ширины колеи, так что при внутренних перевозках товар приходилось по нескольку раз перегружать и столько же раз оплачивать по высоким тарифам его транспортировку. В результате в ряд провинций было дешевле завозить уголь из Англии, чем из соседней провинции¹.

Такая политика колонизаторов в железнодорожном строительстве, которое не могло не способствовать известному капиталистическому развитию Индии, уродовала это развитие, превращала целые провинции в большой мере в районы монокультур (Ассам, Бенгалия, Махараштра и др.), приводила к концентрации возникших промышленных предприятий в нескольких портовых городах, прежде всего в Бомбее и Калькутте, к усилению жесточайшего ограбления трудящихся в городе и деревне как капиталистическими, так и докапиталистическими методами эксплуатации.

В начале XX в. было отмечено характерное явление — тенденция к сокращению экспорта английского капитала в Индию (и на Цейлон). По данным статистика Пэйша, этот вывоз равнялся в 1910 г. 270 млн. рупий, а в 1913 г. — 57 млн. рупий. В то же время абсолютная величина английских реинвестиций быстро возрастала. С помощью уже захваченных позиций английские финансовые магнаты могли усиливать эксплуатацию Индии, не прибегая к экспорту капитала.

Одна из главных задач реакционной историографии — не только скрыть ответственность колониализма за нищету и страдания рабочих масс Индии и других стран Азии и Африки, но и представить его прямо-таки благодетелем пролетариата.

Колониализм неизбежно порождал наиболее грубые и тяжелые формы эксплуатации рабочего класса. Замедленное развитие и техническая отсталость индийской промышленности способствовали возникновению и кон-

¹ См. А. И. Левковский, Некоторые особенности развития капитализма в Индии до 1947 г., стр. 51.

сервации самых чудовищных форм классового гнета. Как правило, именно путем невиданной эксплуатации рабочего класса колониальная промышленность отстаивала свои позиции в конкурентной борьбе с метрополией и другими, более развитыми в экономическом отношении странами. В то же время политический строй, созданный захватчиками в колониях, облегчал претворение в жизнь этого стремления к «дополнительной» эксплуатации пролетариата. Режим политического бесправия, подавления всех форм протеста рабочего класса, полицейский террор, полная поддержка практически неограниченного предпринимательского произвола — все это бесспорные факты, характеризующие положение пролетариата в колониальной Индии. Разорение десятков миллионов крестьян в результате империалистической эксплуатации колоний, превращение их в безземельных батраков и пауперов, не находивших применения в сельском хозяйстве, создавали огромную резервную армию труда. Все увеличивавшееся относительное аграрное перенаселение в таких гигантских размерах, как это имело место в колониальной Индии, не могло не оказывать колоссального давления на рынок труда, особенно если учесть медленность развития промышленности и сравнительно небольшую численность пролетариата. К аграрному перенаселению следует добавить относительное городское перенаселение, возникшее в результате разорения миллионов городских ремесленников и кустарей под ударами фабричной конкуренции. Например, за 20 лет (1911—1931 гг.) число ремесленников и рабочих мелких мастерских сократилось почти на 3 млн., тогда как численность промышленного пролетариата увеличилась всего на 600—700 тыс. человек. Неизбежность при колониализме «дополнительного» угнетения пролетариата, нарушения «естественных» физических пределов эксплуатации, чрезвычайно низкого уровня жизни, неимоверно тяжелых условий труда и быта вытекала из самих основ колониального режима. Нищета деревни, избыток рабочих рук, налоговый гнет и ростовщическая кабала, голод, темнота, политическое бесправие и забитость рабочих, разжигание розни между трудящимися различных национальностей — эти и другие характерные черты колониального режима и были основой, сделавшей возможными нечеловеческие формы эксплуатации индийского

пролетариата¹. Рабочий день в 13—14 и более часов, широкое использование женского и детского труда, задолженность рабочих ростовщикам, невероятная скученность (в Бомбее в одной небольшой комнате размещалось по нескольку семей — 12—20 человек!), отсутствие всяких коммунальных удобств, эпидемии — такова картина жизни рабочих в промышленных центрах Индии во второй половине XIX — начале XX в. Чудовищные бытовые условия, недоедание (средний вес рабочего — взрослого мужчины в Бомбее составлял 40 кг!), непосильный труд превращали пролетария уже к 30—40 годам в инвалида².

Неопровержимы доказательства ответственности колониализма за особо жестокие формы эксплуатации индийского пролетариата. Правда, английские капиталисты не всегда выступали непосредственными эксплуататорами рабочих Индии. Однако прибавочная стоимость, извлекаемая из эксплуатации пролетариата индийскими фабрикантами, также фактически делилась между ними и английским капиталом, который получал свою долю в виде процентов на ссуженный капитал, раздутых железнодорожных тарифов, налогов, перекачиваемых с помощью системы государственного долга в сейфы крупнейших лондонских банков, и т. д. Обо всем этом молчит неоколониалистская историография.

Конечно, реакционные историки не могут отрицать неопровержимых фактов страшной участи индийских рабочих, они лишь объявляют их «прогрессом» по сравнению с судьбой крестьянских масс. Низкая заработная плата, ужасающие жизненные условия будто бы частично порождались «примитивными привычками» самих рабочих — выходцев из деревни³.

Часто ссылаются на изданные колонизаторами законы о труде. «В 1882 г., — утверждает Кэррингтон, — было положено начало законодательству с целью защиты труда женщин и детей на фабриках»⁴. Очевидно,

¹ См. *Л. А. Гордон*, Из истории рабочего класса Индии. Положение бомбейского пролетариата в новейшее время, М., 1961, стр. 7—27 и сл.; *И. Хашимов и Л. В. Шапошникова*, К истории рабочего движения в Индии, Ташкент, 1961, стр. 20—22 и др.

² *В. И. Павлов*, Формирование индийской буржуазии, стр. 212.

³ *H. G. Rawlinson*, The British Achievement in India, p. 237.

⁴ *C. Carrington*, British Overseas..., p. 932.

здесь имеется в виду закон 1881 г., запретивший наем на фабрику детей моложе семи лет. Однако этот закон тем самым легализовал эксплуатацию детей старше семи лет, рабочий день которых равнялся 12—13 часам и которым «великодушные» законодатели предписали предоставлять четыре свободных дня в месяц. В 1891 г. вопрос о детском труде был урегулирован «окончательно». На фабрики разрешался наем детей не моложе девяти лет, рабочий день для детей 9—14 лет был ограничен семью часами. Однако даже это куцее законодательство не касалось мелкой промышленности¹. В 1905 г. и последующие годы, т. е. более чем через четверть века после его введения, оно оставалось мертвой буквой. Например, калькуттские фабриканты, нанимавшие сотни детей, заявляли, что они даже и не слышали о существовании фабричных законов.

Начало XX в. было отмечено удлинением рабочего дня. Фабриканты стали вводить электрическое освещение, и прежнее естественное ограничение длительности рабочего времени — «от восхода до захода солнца» — отпало. Рабочий день достигал 14½—15 часов, а иногда даже и больше, причем дети работали на фабриках в изнурительной духоте и жаре наравне со взрослыми². В 1908 г. специальная правительственная комиссия, назначенная для расследования положения фабричных рабочих, резко выступила против распространения на них английского фабричного законодательства. Комиссия с цинизмом утверждала, что длинный рабочий день является редкостью и условия труда не вредят здоровью рабочих и работниц³.

Кэррингтон особенно нападает на фабричный закон 1911 г. как на свидетельство заботы колонизаторов об индийских рабочих. Действительно, этот закон ограничил рабочий день на фабриках 12 часами. Но неокOLONиалистский историк забывает лишь упомянуть о причинах этой неожиданной заботы — подъеме рабочего движения (бомбейская стачка 1908 г., массовые демонстрации с требованием сокращения рабочего дня и др.),

¹ См. В. И. Павлов, Формирование индийской буржуазии, стр. 211.

² L. Frazer, India under Curzon and After, London, 1911, p. 330—333.

³ «Times», 11.VII.1908,

а также нажмиме ланкаширских фабрикантов, которые начали жаловаться на конкуренцию индийских промышленников, пользовавшихся преимуществами неограниченной эксплуатации пролетариата Индии. Как здесь не повторить, что во всех своих, даже внешне благовидных действиях колонизаторы всегда руководствовались самими низменными и корыстными мотивами.

Неоколониалистская наука замалчивает все те формы угнетения, унижения, издевательств над рабочими, которые непосредственно вызывались колониальным режимом, будь то административный произвол или зверские полицейские расправы, выколачивание непосильных налогов, дискриминация по национальному и религиозному признаку, преследование народной тяги к знаниям и просвещению, все те бесчисленные случаи, когда рабочий страдал от бесправия, насилий и бесчинств колониальных властей.

**Вопрос
о «выкачке богатств»**

Неоколониалистская историография не может не коснуться широко обсуждавшегося еще в прошлом столетии вопроса о «выкачке богатств» (*drain*) англичанами из Индии. Размеры этого грабежа определялись различными авторами в разной сумме, однако во всяком случае она исчислялась многими миллионами фунтов стерлингов в год¹. Тактика, которой придерживаются большинство неоколониалистских историков, очень проста: признать неоспоримый факт «выкачки» в XVIII в., когда богатства извлекались англичанами из Индии в основном с помощью прямого административного ограбления, вымогательств со стороны отдельных чиновников, военной контрибуции и т. п., и отрицать почти все остальное. На деле же размер «выкачки» рос из десятилетия в десятилетие.

В последней трети XIX в. колониальная дань в виде выплаты дивидендов, процентов, доходов от неэквивалентной торговли, от искусственно вздутых железнодорожных тарифов и морских фрахтов, расходов на армию и полицию и т. д. превышала 100 млн. ф. ст. в год. Эта сумма вновь резко возросла в эпоху империализма.

¹ См. воспроизведение этих подсчетов в кн.: *G. Sanderson, India. . .*, p. 97—98, 128—129, 210. Ср. также *Kalikinkar Datta, Survey of India Social Life and Economic Condition in the Eighteenth Century (1707—1813)*, Calcutta, 1961, Ch. VI, p. 121—134.

Неэквивалентный характер торговли с годами не сокращался, а увеличивался, составляя все более растущий элемент «выкачки». В последней трети XIX в. отношение цен на экспортируемые Индией сырье и продовольствие и импортируемые из Англии промышленные изделия оставалось в целом стабильным. В то же время себестоимость английских изделий вследствие быстрого технического прогресса резко уменьшилась. Еще более быстрыми темпами происходил этот процесс в XX в.¹

Между тем Г. Фарбер пишет: «Совершенно очевидно, что нельзя рассматривать процесс европейской экспансии в Индии в виде «эксплуатации» честолюбивыми завоевателями миллионов обнищавших крестьян и ремесленников». Почему? Да потому, мол, что одновременно возникали экономические связи с Англией и между отдельными районами Индии, спрос на индийские товары со стороны англичан давал занятие ремесленникам². Х. Раулисон пишет о выкачке богатств: «Уплаченная сумма была небольшой сравнительно с приобретенными благами». Он демагогически утверждает, что причины нищеты индийского крестьянства коренились не в «выкачке», а в социальной структуре страны, тщательно при этом отделяя эту структуру от колониального режима³.

Показательны здесь рассуждения П. Гриффитса, концентрирующего, как обычно, все доводы неокOLONIALИСТСКИХ историков. Прежде всего он упоминает, что некоторые историки в прошлом считали постоянное превышение индийского экспорта в Англию над импортом показателем колониальной дани, уплачивавшейся Индией. Однако, добавляет он, в работе Т. Моррисона, посвященной экономическому развитию Индии⁴, показано, что это неверно — подобное превышение экспорта над импортом имели США, Австралия, Бразилия, Южная Африка и другие «чрезвычайно процветающие страны»⁵. Нечего говорить, что здесь свалены в кучу различные

¹ См. В. И. Павлов, *Формирование индийской буржуазии*, стр. 304.

² H. Furber, *John Company at Work.*, p. 311—312.

³ H. G. Rawlinson, *The British Achievement in India*, p. 234—236.

⁴ T. Morrison, *The Economic Transition of India*, London, 1911.

⁵ P. Griffiths, *The British Impact on India*, p. 399.

вещи. В каждом случае превышение экспорта над импортом было следствием совершенно различных причин. Гриффитс отлично понимает всю смехотворность предположения, что в Индии XIX в. превышение экспорта над импортом было связано с внешнеторговой экспансией или другими аналогичными причинами. Поэтому с помощью ограничений и оговорок он пытается сделать это предположение правдоподобным хотя бы для какого-либо отдельного периода истории колониальной Индии¹.

Существовала ли вообще «выкачка»? Гриффитс готов признать, что существовала. Он разъясняет, что «генезис выкачки» можно обнаружить главным образом в использовании налоговых поступлений для выплаты дивидендов акционерам компании. Этой системе был положен конец в 1813 г., когда административные и торговые функции компании были отделены друг от друга. Дивиденды теперь стали уплачиваться в основном только из торговых доходов, и «выкачка» прекратилась².

Прежде всего, говоря о периоде до 1813 г., Гриффитс «забывает» на время грабеж, в огромных размерах осуществлявшийся помимо самой компании ее служащими. Кроме того, даже «выкачка» самой компанией богатств из Индии за 55 лет (1757—1812 гг.), по заведомо преуменьшенным данным, составила более 100 млн. ф. ст.³ Гриффитс уменьшает эту крайне заниженную цифру почти вдвое — до 60 млн. ф. ст.⁴ Далее, конечно, нельзя отделять от «выкачки» и колониального ограбления Индии вообще огромные расходы, которые шли на содержание колониального аппарата управления, полиции и армии, которые частично (высокие чиновничьи оклады, контракты с английскими фирмами на поставку вооружения и т. п.) также уплывали в Англию. Все эти расходы в конечном счете производились не для блага Индии, как уверяет Гриффитс и вся неколониалистская историография, а для сохранения и укрепления колониального режима, обрекавшего страну на нищету и лише-

¹ P. Griffiths, *The British Impact on India*, p. 400.

² Там же.

³ См. А. И. Левковский, *Некоторые особенности развития капитализма в Индии до 1947 г.*, стр. 17.

⁴ P. Griffiths, *The British Impact on India*, p. 400.

ния, для новых колониальных завоеваний Англии. По отчетам Ост-Индской компании за 1849—1852 гг., из общей суммы доходов в 19,8 млн. ф. ст. на нужды Индии (строительство каналов, мостов, дорог) было истрачено 166,3 тыс. ф. ст., или 0,8%!¹ Однако, принимая во внимание и эти факторы, мы никак не получим еще полного представления о размерах колониального ограбления Индии, если не учтем все остальные виды «выкачки», прежде всего неэквивалентную торговлю, эксплуатацию местного населения английским капиталом.

Английское государство не получало непосредственных экономических выгод от владения Индией в отличие от отдельных лиц². Несмотря на чудовищные поборы с населения, Британская Индия переживала хронический бюджетный дефицит, частично покрывавшийся займами и английскими субсидиями. Объявляя бюджетные траты расходами, целиком направленными на благо Индии, неоколониалистские историки изображают английские дотации чуть ли не как дань, выплачивавшуюся Англией для благополучия индусов, которые вдобавок еще считали, что она их грабит и угнетает. На деле эти дотации были лишь свидетельством того, что колониальное ограбление Индии дополнялось грабежом английских трудящихся масс под предлогом осуществления «имперской миссии Англии», т. е. грабежом в прямых интересах английских правящих классов.

Эксплуатация Индии имела огромное значение для увеличения промышленного производства и торговли метрополии, превративших Англию в «фабричную мастерскую» мира. Этот факт, который новейшая реакционная историография считает для себя полезным не замечать, был отлично известен еще проницательным современникам³.

Даже то обстоятельство, что после ликвидации Ост-Индской компании в 1858 г. английское правительство выплатило ее пайщикам огромную компенсацию из индийского бюджета, неоколониалистские историки типа Гриффитса отказываются считать одним из видов «вы-

¹ См. *Н. А. Халфин*, *Создание и распад Британской колониальной империи*, М., 1961, стр. 23.

² См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*, *Соч.*, изд. 2, т. 12, стр. 291.

³ Об этом писал, напр., *Н. А. Добролюбов*. См. «Глазами друзей. Русские об Индии», М., 1957, стр. 164.

качки». Известный индийский историк Р. Датт писал, что «империя перешла от компании к короне, но стоимость покупки была оплачена индийским народом»¹. П. Гриффитс придерживается другого мнения: капитал компании был накоплен в результате торговли, которую в свое время (т. е. в XVII—XVIII вв.) разрешали правители индийских государств. Значит, все законно и говорить не о чем. То обстоятельство, что компания потом низвергла этих правителей, захватила и разграбила территорию этих государств, неокOLONиалистский историк опускает как несущественную «мелочь». Гриффитс лишь изображает вдобавок компенсацию, выплаченную компании, как плату за создание хорошего управления в Индии².

Чтобы как-то ослабить впечатление от страшных цифр «выкачки» богатств, многие английские авторы (например, Т. Моррисон и др.) усердно ищут финансовые преимущества, которые якобы получила Индия от своего колониального положения. Обычно ссылаются, во-первых, на то, что Индия хотя и несла расходы на армию, но была освобождена от затрат на содержание военно-морского флота. Однако слишком очевидно, что все вооруженные силы независимо от того, кто непосредственно оплачивал их содержание, служили делу порабощения Индии, и то обстоятельство, что колонизаторы предпочитали лишить ее даже флота, находящегося под командованием английских офицеров, слишком несерьезно выставлять в качестве опровержения факта колониального грабежа. Апологеты колониального режима любят также подчеркивать, что, мол, благодаря связям с Англией Индия могла получать займы на лондонском денежном рынке на выгодных условиях (3% годовых вместо 5%, которые должны были платить японцы). Но тут надо напомнить, что речь идет в огромной степени лишь о займах, размещавшихся в метрополии англо-индийским правительством преимущественно для финансирования железнодорожного строительства, которое, как уже отмечалось, было направлено на усиление экономического подчинения Индии и эксплуатации ее англий-

¹ R. Dutt, *The Economic History* . . , v. I, p. 284.

² P. Griffiths, *The British Impact on India*, p. 400—403; см. также M. Edwards, *The Orchid Family* . . , p. 202.

ским капиталом. В этих условиях издевательством над истиной звучат утверждения части неоколониалистских историков, что если и можно говорить о «выкачке», то происходила якобы «выкачка» богатств из Англии в Индию, а не наоборот, как это предполагали все до недавнего времени. П. Гриффитса коробит подобная прямолинейность его коллег, и он, по его словам, предпочитает «заключить рассмотрение вопроса общим утверждением, что связь с Англией порождала для Индии как преимущества, так и невыгоды и что «выкачка» была одной из невыгод»¹.

Стоит только еще отметить ссылки на то, что в годы второй мировой войны Индия выкупила английские капиталовложения. «Так длинный рассказ об «эксплуатации», т. е. о снабжении Индии капиталом для производительных целей, — уверяет Кэррингтон, — окончился превращением Индии из страны-должника в страну-кредитора»². Однако выкуп части английских вложений не коснулся инвестиций, позволявших британскому капиталу удерживать в своих руках важные высоты в экономике Индии³. Годы войны были временем огромного обогащения английских капиталистов в Индии, которое только при большом апологетическом усердии можно изображать как «компенсацию» для индийского народа за предыдущий двухвековой колониальный грабёж.

Кто несет
ответственность
за голод в Индии?

Одно из самых чудовищных преступлений колониализма в Индии — страшный голод десятков миллионов людей, возникавший в результате

ограбления и эксплуатации страны английскими захватчиками. Вся колониальная экономика Индии покоилась на беспощадной эксплуатации крестьянства и имела неизбежным следствием все чаще повторяющиеся голодные годы в деревне, охватывавшие все большую часть территории страны. После массового голода в XVIII столетии голод поражал в 1803—1804, 1813 и в 1824—1825 гг. Бомбейское президентство, в 1807, 1833 и 1854 гг. — Мадрас⁴. С 1803 по 1837 г. голод четыре раза

¹ P. Griffiths, *The British Impact on India*, p. 404.

² C. Carrington, *The British Overseas...*, p. 939.

³ См. А. И. Левковский, *Некоторые особенности развития капитализма в Индии до 1947 г.*, стр. 326—363.

⁴ G. Sanderson, *India...*, p. 205.

охватывал северо-западные провинции, в 1833 г. — Гуджерат, в 1832—1834 гг. — Раджпутану, Дели, Центральную Индию, в 1866 г. — Ориссу (более миллиона человек умерло в этой провинции голодной смертью, а власти пытались лишь обогатить государственную казну путем продажи голодающим продовольствия по вздутым ценам)¹, в 1874 г. — Бихар, в 1868—1896 гг. — опять северо-западные провинции, в 1868, 1876—1878, 1896, 1907 гг. — снова и снова Центральную Индию и т. д. Непосредственной причиной для распространения голода на целую провинцию часто служил неурожай, но в основе лежала нищета населения². Даже в голодные годы, несмотря на отсталость сельского хозяйства (тоже прямое следствие колониального строя), в Индии было достаточно продовольствия, чтобы прокормить все население.

Колониалисты уже давно пытаются снять с себя вину за голодную смерть миллионов индусов (этим еще усердно занималась английская администрация в Индии, например сам вице-король Керзон). Неоколониалистская историография идет здесь по проторенной дороге, лишь дополняя старую апологетику новыми вымыслами. Тщательно коллекционируются сведения о неурожаях и недостатке продовольствия в период до английского завоевания, даже в средние века (при этом для «объективности» рассказывается о мерах по борьбе с голодом, которые пытались осуществлять в Индии при Моголах)³. Между тем известно, что, например, Бенгалия до английского завоевания не знала массового голода⁴.

Реакционные историки усиленно ссылаются на климатические условия, «перенаселение», отсутствие хороших дорог, мешавшее подвозу продовольствия. Нет недостатка и в ссылках на кастовый строй, подавляющий личную инициативу, на большие расходы при свадьбах, почитание коров, мешающее развитию животноводства, и т. п.⁵

¹ См. *К. Маркс и Ф. Энгельс*, Соч., изд. 2, т. 23, стр. 762.

² *R. Dutt*, *Economic History...*, v. I, p. 36.

³ *P. Griffiths*, *The British Impact on India*, p. 180—184.

⁴ *J. Briggs*, *The Present Land Tax in India*, London, 1830, p. 108; *G. Sanderson*, *India...*, p. 102.

⁵ *R. Coupland*, *India...*, p. 61—62; *C. Carrington*, *The British Overseas...*, p. 930.

Между тем даже английские чиновники в XIX в., например У. Хантер, во время голода 1878 г. вынуждены были признать, что главная причина голода заключалась в высоких налогах на крестьянство¹ (и следует добавить — во всей колониальной эксплуатации Индии в целом). По словам Дональда Смитона, члена Бомбейского законодательного совета, «голод в Индии был вызван недостатком не продовольствия, а денег, поскольку туземцы не в состоянии приобретать необходимые им продукты питания... в 1880 г. смертность в Индии составляла двадцать один на тысячу человек, а в 1900 г. она возросла до сорока на тысячу»².

Неоколониалистская историография идет порой на резкую критику английских властей, которая, однако, по сути дела также служит оправданию колониализма. Авторы новейших работ вполне готовы признать, что английские власти (особенно до второй половины XIX в.) очень мало делали для борьбы с голодом, для помощи голодающим, и приводят тут же в качестве смягчающего вину обстоятельства неопытность, недостаток сил и средств³. В результате такой критики создается впечатление, что колониализм виновен не в самом голоде, а лишь в недостаточной первоначально помощи жертвам не им вызванного голода.

К 1893 г. правительство наконец выработало подробную точную инструкцию, как вести себя властям во время чрезвычайных обстоятельств, и с тех пор, по мнению Кэррингтона, «голод стали держать под контролем»⁴. К чему привел этот контроль, выразительно говорят следующие факты.

Даже по английским подсчетам, за первые три четверти XIX в. в Индии умерло от голода 6,2 млн. человек, а в последнюю четверть — 26 млн.⁵; в 1800—1825 гг. голод четыре раза поражал Индию, а в 1875—1900 гг. — уже двадцать шесть, причем даже Керзон назвал последний из них (1900—1901 гг.) «самым страшным го-

¹ *G. Sanderson, India...*, p. 197.

² «Justice», 27.II.1904.

³ *P. Griffiths, The British Impact on India*, p. 185—186.

⁴ *C. Carrington, The British Overseas...*, p. 931.

⁵ *H. G. Goddard, Racial Supremacy, being Studies in Imperialism*, London, 1905, p. 21. За 1896—1909 гг. только чума унесла 6 млн. жертв (*W. Chirol, Indian Unrest*, London, 1910, p. 3).

лодом века». В Индии постоянно голодало минимум 70 млн. человек¹.

Характерной чертой голода в Индии в конце века, особенно в 1896—1897 гг., было то, что он охватывал почти всю страну. Столь же неблагоприятными были и первые годы XX в.² По данным лидера Независимой рабочей партии Кейр Гарди, опубликованным в его книге «Индия», как раз в эти годы крестьяне уплачивали в качестве налогов центральному правительству 50—65% всего урожая (а считая и местные налоги — даже 75%). В это же время в Англии считалось обременительным налогообложение, если оно изымало 5% прибыли. Средний доход индуса в начале XX в. составлял, по различным расчетам, от 12 шилл. до 2 ф. ст. в год, а в Англии — 42 ф. ст. При этом в Индии происходило постоянное снижение дохода на душу населения. В 1850 г. средний ежедневный доход индуса равнялся 2 пенсам, в 1882 г. — 1½ пенса, в 1900 г. — уже менее ¾ пенса³.

Голод чаще, чем раньше, сопровождался эпидемиями, не только характеризующими степень нищеты Индии, но и бросающими яркий свет на мнимые «достижения» здравоохранения при колониальном режиме. Так, во время эпидемии чумы в конце XIX — начале XX в. (до июня 1911 г.) было зарегистрировано 7530 тыс. заболеваний (на деле их было много больше). Один современник, апологет политики вице-короля Керзона, должен был признать: «Со времени черной смерти в четырнадцатом столетии не было такой смертности от чумы, какая отмечена в Индии в наше время»⁴. Очень показательны и для беспомощности, и для равнодушия администрации, что с годами цифры смертности от чумы не падали, а возрастали. В мае 1905 г., через много лет после начала эпидемии, в среднем за неделю от чумы умирало 34 тыс. человек⁵. Через два года за неделю — с 7 по 13 апреля 1907 г. — число умерших достигло 75 тыс. В Пенджабе, где эпидемия вспыхнула позже, чем

¹ W. Digby, «Prosperous» British India., p. 17, 21 ff.

² D. R. Gadgil, The Industrial Evolution of India in Recent Times, Madras, 1924, p. 97, 102—103, 105.

³ W. Digby, «Prosperous» British India., p. 17.

⁴ L. Fraser, India under Curzon and After, p. 267. Cp. W. Chitrol, Indian Unrest, p. 3.

⁵ «Independent Labour Party. Report of the Thirteenth Annual Conference», London, 1905, p. 38—39.

в ряде других провинций, до апреля 1907 г. было зарегистрировано полтора миллиона смертных случаев¹. Через десятилетие в условиях еще большего обнищания масс в Индии вспыхнула эпидемия инфлюэнцы, которая, по официальным данным, за год (июнь 1918 г. — июнь 1919 г.) унесла 7 миллионов жертв.

Реакционные историки утверждают, что колониализм никак нельзя признать ответственным за страшный голод, охвативший в 1943 г. 125 млн. человек. Доказательства очень просты: во-первых, чрезвычайные условия войны, а во-вторых, факт предоставления по конституции 1935 г. известных прав самоуправления Индии, которая, мол, и должна нести ответственность за голод. Однако «забываются» основные причины голода: продолжавшееся колониальное ограбление Индии, изъятие английскими властями продовольствия без учета нужд населения Индии, потворствование со стороны колониального аппарата спекуляции продовольствием, особенно когда ею занимались крупные английские фирмы².

Не стоит также забывать, что, даже не считая голодных лет, в колониальной Индии жило впроголодь $\frac{3}{4}$ населения, а 65% умирало, не дожив до 30 лет. Одни эти неоспоримые цифры являются лучшим опровержением той горы апологетических измышлений, которая создана адвокатами английского колониализма.

**Неоколониалистские
оправдания захвата
других стран Азии**

Завоевание и эксплуатация английскими колонизаторами Малайи освещаются теми же приемами, которые нам известны на примере Индии.

Чрезвычайно большую роль в утверждении там английского господства сыграл Стамфорд Раффлз, умный и расчетливый колониальный администратор, руководивший в первые десятилетия XIX в. английской политикой в Малайе. Это был не просто авантюрист (хотя Раффлз отнюдь не был лишен и этих черт), а честолюбивый и упорный политический деятель, твердо решивший, не гнушаясь никакими средствами укрепить позиции Англии в этом районе мира³.

¹ «Times», 19.IV.1907.

² См. А. И. Левковский, Некоторые особенности развития капитализма в Индии до 1947 г., стр. 293—294.

³ См. В. А. Тюрин, Завоевание Малайи Англией, М., 1962, стр. 81 и сл.

В неокOLONиалистской литературе можно встретить немало попыток апологетического освещения деятельности Раффлза, в том числе в виде новых биографических исследований, увеличивших немалый список прежних работ на эту тему¹. Буржуазная историография пытается изобразить Раффлза идеалистом, бескорыстно увлекающимся лингвистикой, гуманистом, стремившимся облагодетельствовать малайское крестьянство; захват территории будущего Сингапура изображается как занятие пустых земель, оказавшееся «целиком благоприятным для населения», и как мера, за которую Раффлз и другие колонизаторы «заслужили прочную признательность спасенных ими азиатских наций»². На деле этот территориальный захват и строительство Сингапура были типичным примером создания опорного пункта для последующей экспансии, эксплуатации природных ресурсов и грабежа населения, особенно путем неэквивалентной торговли. Напрасно английские историки рисуют Раффлза противником аннексий, поскольку он выступал поборником захвата многих районов Малайи, которые реально Англия решила занять лишь много десятилетий спустя.

Английское продвижение в Малайе в 20—60-е годы XIX в. осуществлялось преимущественно путем вмешательства во внутренние дела малайских султанатов и утверждения там английского влияния³. (Колонизаторы при этом натолкнулись на ожесточенное сопротивление малайского народа, вылившееся, в частности, в целый ряд народных восстаний.) Представлять эти действия как политику поддержания независимости малайских государств и отказа от их колониального подчинения — а именно так рисует дело реакционная историография — значит грубо исказить факты. Занятость в других районах, еще слабая экономическая заинтересованность в Малайе, стремление в первую очередь обеспечить там опорные пункты для торговли с Китаем, сопротивление Голландии и ряд других причин замедляли темпы английской экспансии, но нисколько не изменили ее харак-

¹ См., напр., *C. E. Wurtzburg, Raffles of the Eastern Isles, London, 1954.*

² *C. Carrington, The British Overseas...*, p. 408—409.

³ См. *В. А. Тюрин, Завоевание Малайи Англией*, стр. 89 и сл.

тера. Ее колониалистская, захватническая основа несколько не меняется и от того, что длительное время Англией руководили в ее политике в Малайе более стратегические, чем экономические, мотивы (на это обстоятельство также стремится напирать новейшая западная историография)¹. Неоколониалистские историки вдобавок уверяют еще, что в конечном счете англичане ставили себе цели, которые могли быть достигнуты только предоставлением независимости Малайе².

Очень характерно, что признанными благодетелями народов Азии объявляются наряду с политическими деятелями типа С. Раффлза откровенные авантюристы вроде Джеймса Брука (1803—1868 гг.), ставшего раджей Саравака. Последнему посвящаются и открыто бульварные сочинения³. Но дело не очень меняется, когда место подобных произведений занимают исследования, формально обладающие всеми признаками научности, вплоть до использования материалов из местных архивов⁴. Неизменным остается восхваление «белого», сумевшего захватить престол и править в восточной стране. Апологетика распространяется и на наследников Брука — его сына Чарльза и внука Вайнера, передавшего после второй мировой войны Саравак непосредственно под власть Англии.

Что самое интересное, неоколониалистские историки и здесь не отказываются от своей любимой идеи. Оказывается, и Бруки, если не основатель династии, то его сын и внук, осуществляя свою цивилизаторскую миссию, проводя политику «патернализма» — отеческой заботы и обучения туземцев, предполагали их привести к свободе и независимости. Вероятно, нельзя придумать более злую карикатуру на концепции неоколониалистской

¹ C. D. Cowan, *Nineteenth-Century Malaya. The Origins of British Political Control*, p. 262. Cp. C. N. Parkinson, *British Intervention in Malaya 1867—1877*, Oxford, 1960.

² D. P. Dartford, *A Short History of Malaya*, London, 1957, p. 191.

³ R. Payne, *The White Rajahs of Sarawak*, New York, 1960.

⁴ S. Runciman, *The White Rajahs. A History of Sarawak from 1841 to 1946*, Cambridge, 1960. О Северном Борнео см. K. G. Trenggong, *Under Chartered Company Rule. North Borneo 1881—1946*, Singapore, 1958; H. Brunschwig, *Colonisation britannique ocean pacifique et ocean indien. «Revue historique»*, 1961, Avril — juin, t. CCXXV.

историографии. Стоит добавить, что и при Бруках, и после перехода под власть Англии население Саравака так и не получило независимости. В декабре 1962 г. жители Саравака совместно с населением другого султаната — Брунея участвовали в восстании, направленном против попыток английских колонизаторов вместо предоставления независимости своим владениям в Северном Борнео вовлечь их в федерацию Малайзия. Колонизаторы ответили присылкой войск и кровавым подавлением восстания¹.

История захватов Англией Бирмы, Цейлона и других азиатских стран рисуется по уже известным нам шаблонам². Даже опиумные войны против Китая получают подобную же трактовку. В неокOLONиалистской историографии укрепилась, отчасти в связи с работами американского историка Д. К. Фэрбенка³, теория, согласно которой эти войны и навязанные Китаю неравноправные договоры были просто «ответом» на «неравноправие», которое ранее испытали иностранцы от Китая, не желавшего допускать их на свою территорию. Просто, мол, неравноправие, бывшее уделом одной стороны, теперь стало уделом другой, и вдобавок неравноправные договоры не были такими с точки зрения «Европы», да и к тому же эти договоры оказались даже полезными для Китая, приведя к расцвету Шанхая и других портовых городов, и т. д.⁴

¹ В рамках неокOLONиалистской концепции излагается буржуазными учеными и история английской колониальной политики на островах Тихого океана (см., напр., *W. P. Morrel, Britain in the Pacific Islands, New York, 1960*).

² Французскую экспансию в Юго-Западной Азии неизменно объясняют личными планами Наполеона III, обстановкой, сложившейся в связи с борьбой монархических и республиканских сил в первые десятилетия Третьей республики, и т. д.

³ *J. K. Fairbank, Trade and Diplomacy on the China Coast, Cambridge (Mass.), 1953*.

⁴ «The New Cambridge Modern History», v. X, p. 691; *K. S. Latourette, A Short History of the Far East, p. 373—376*; *A. Crofts, P. Buchanan, A History of the Far East, New York, 1958, p. 142—143, 147—149*; *J. C. Y. Hsi, China's Entrance into the Family of Nations. The Diplomatic Phase 1858—1880, Cambridge (Mass.), 1960*. Иногда оправдывается даже контрабандная торговля опиумом (см. *M. Collis, Foreign Mud, Being an Account on the Opium Imbroglia at Canton in the 1830's and the Anglo-Chinese War that Followed, London, 1946, p. 17*).

Во время опиумных войн интервенты творили кровавые расправы на захваченной ими территории¹. Весьма характерно для неокOLONиалистской историографии фактически полнейшее замалчивание этих зверств. Всячески умалчается роль США в опиумных войнах, вплоть до полного отрицания американского участия в них² (а также в подавлении восстания тайпинов, что прямо противоречит давно известным фактам, приводившимся в старых буржуазных работах)³. Более того, даже роль Англии в подавлении тайпинского восстания, трактованная еще совсем недавно как поддержка после опиумных войн покорного иностранцам маньчжурского правительства⁴, теперь получила новую интерпретацию. Английские действия были, оказывается, следствием стремления, пусть возникшего из эгоистических мотивов, сохранить Китай от развала, укрепить целостность страны⁵.

**Буржуазные
историк
отпускают грехи
голландским
колонизаторам**

При освещении реакционными авторами истории голландского господства в Индонезии по существу применяется тот же набор уже знакомых нам приемов. Эти приемы используются новейшими реакционными исследователями из различных стран (США, Англии, Голландии и др.). Отличием является лишь меньший размах деятельности неокOLONиалистских историков в этой области и вследствие этого несколько меньшая фальсификаторская изо-

¹ Факты о злодеяниях интервентов во время 2-й и 3-й опиумных войн см., напр., *Ю. П. Деметьев*, *Колониальная политика Франции в Китае и Индокитае. 1844—1862*, М., 1958.

² *E. Swischer*, *China's Management of American Barbarians. A Study of Sino-American Relations. 1841—1861, With Documents*, New Haven, 1953, p. XVI.

³ См., напр., *T. Dennett*, *Americans in Eastern Asia. A Critical Study of the Policy of the United States with Reference to China, Japan and Korea in the 19th Century*, New York, 1941.

⁴ *C. P. Fitzgerald*, *China. A Short Cultural History*. rev. ed., London, 1950, p. 574, 581—582; *W. Eberhart*, *A History of China*, London, 1950, p. 311—312; *F. Leger*, *Les influences occidentales dans la Révolution de l'Orient. 1850—1950*, Paris, 1955, v. I, p. 233—234, 239. Действительную картину событий см. в статье: *М. И. Барановский*, *Американо-английские капиталисты — душители тайпинского восстания (1850—1864 гг.)*. «Вопросы истории», 1952, № 1.

⁵ *J. S. Gregory*, *British Intervention Against Taiping Rebellion*. «Journal of Asian Studies», 1959, November, p. 11—24.

щренность, сохранение тех методов, которые характерны для «переходных» работ по истории английской колониальной политики.

«История голландского колониального хозяйства — а Голландия была образцовой капиталистической страной XVII столетия, — писал Маркс, — дает нам непревзойденную картину предательств, подкупов, убийств и подлостей»¹. Этот вывод Маркс делает, в частности, на основе известной «Истории Явы» С. Раффлза, бывшего губернатором «Голландской Индии» при оккупации ее англичанами во время наполеоновских войн².

Между тем неоколониалистская историография рисует голландские действия в виде занятия «невинной торговлей». Такой, несмотря на отдельные осторожные оговорки, предстает деятельность голландцев в, пожалуй, самой известной из новых западных работ по истории Индонезии книге Б. Флекке³ и в наиболее авторитетных сводных курсах по всеобщей истории⁴. В Индии «спокойная торговля» англичан все же длилась с перерывами полтора века. Голландцы в Индонезии сразу же приступили к значительным территориальным захватам. Поэтому когда адвокаты голландского колониализма вроде Флекке в унисон с апологетами колониализма английского начинают твердить, что войны голландцев носили оборонительный характер, что большинство завоеваний было вынужденной мерой в связи с «распадом» индонезийских княжеств, что все это делалось вопреки директорам Ост-Индской компании, заботившимся только о продолжении «невинной торговли», и т. п., то эти утверждения оказываются в кричащем противоречии с исторической правдой.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., изд. 2, т. 23, стр. 761.

² T. S. Raffles, The History of Java, London, 1817, 2 vls.

³ B. H. M. Vlekke, Nusantara. A History of Indonesia, rev. ed., 1960, Hague, Ch. V—IX.

⁴ «The New Cambridge Modern History», v. V, p. 417 f.; «Historia Mundi», Bern und München, 1959, v. VIII, p. 398—409, 416—423. Порой мягкую критику нидерландской колониальной политики XVII—XVIII вв. сопровождают восхвалением кратковременного английского правления, и в частности деятельности Раффлза на посту губернатора оккупированных голландских владений. Напр., L. Fisher, The Story of Indonesia, New York, 1959, p. 9 f.; 27 f.; о Раффлзе см. также J. Bastin, The Native Policies of Sir Stamford Raffles in Java and Sumatra, Oxford, 1957.

Впрочем, некоторые новейшие историки голландского колониализма идут еще дальше. Ведь попытался же Г. Массельман, говоря о начале голландского господства, доказать, что все дело было в прямоте и честности нидерландских купцов и аморальности местных торговцев, склонных к обману и плутням. «Голландцы прибыли в Ост-Индию (имеется в виду Индонезия. — Е. Ч.) не как завоеватели и не для распространения своей протестантской веры, а просто как купцы, готовые платить согласованные цены за товары. Если возникали разногласия, они готовы были представить спор на решение местных властей. Но вскоре они (голландцы) утратили иллюзии. Мусульманские торговцы и мелкие правители считали добродетелью обмануть неверных и знали все нужные уловки: фальшивые весы... и т. п.» Туземцы, мол, всячески затягивали продажу товаров и в последний момент требовали непомерной цены, а голландцы не могли более задерживаться, так как иначе пропустили бы попутные ветры для обратного плавания. Пришлось им волей-неволей создать фактории. Голландцы не могли допустить, чтобы плохо обращались со служащими Ост-Индской компании или обманывали их — об этом специально говорила 35-я статья устава компании. Хотя эта и другие статьи устава, как прямо указывалось в них, имели целью «только ведение торговли, учитывая обстановку в Ост-Индии, они почти неизбежно должны были проложить дорогу к территориальным приобретениям». К этому же результату вело соперничество с Испанией и Англией. Когда же жители «приобретенных» территорий восставали, то это было уже «государственной изменой, которая, согласно международному праву (!), каралась смертью»¹.

Самые чудовищные вымогательства и грабительства колониальных властей буржуазные историки, если не могут не упоминать вовсе, рисуют в таких сдержанных, осторожных тонах, что характер этих мероприятий совершенно меняется в глазах читателя, тем более когда все время подчеркивается, что полученные средства тратились на поддержание «доброкачественной» голландской администрации взамен плохой индонезийской.

¹ G. Masselman, Dutch Colonial Policy in the Seventeenth Century. «Journal of Economic History», 1961, December, p. 458, 460, 461 f., 467.

К тому же всегда отмечается, что не было худа без добра, и для этого одна легенда подкрепляется другой, выдаваемой в данном случае за непререкаемую истину. Так, для оправдания проводившегося колониальными властями в XVIII в. насильственного внедрения культуры кофе, который жители Явы были обязаны сдавать голландцам, и возникшей в связи с этим системы жестоких насилий и вымогательств (крестьян засекали до смерти за «нерадивость» в работе) выдвигается легенда о «голландском мире», которая не менее фальшива, чем известный нам миф о «британском мире» в Индии.

Голландское правление сопровождалось в течение столетий почти непрерывными войнами против сохранявших независимость малайских княжеств, подавлениями народных восстаний, карательными экспедициями для наказания районов, за которыми числились недоимки по выплате налогов, и т. д. Неоколониалистские историки, игнорируя это, твердят, что мир сам по себе был таким благом для народа, что мог вполне перевесить тягостность налогов¹. Про опиумную торговлю говорится, что голландцы лишь монополизировали продажу этого наркотика, которая, несомненно, развивалась бы и без установления монополии на нее². Даже грабительская система принудительных культур, значительно расширенная в первой половине XIX в. и проводившаяся с исключительной жестокостью, в целом критикуется очень мягко, с подчеркиванием ее якобы светлых сторон (расширение посевных площадей, увеличение импорта иностранных товаров и т. п.)³.

XIX век заполнен выступлениями народных масс Индонезии против голландского господства, важность которых не ускользнула от внимания аккредитованных тогда в Гааге русских дипломатов, специально отмечавших в своих донесениях восстания в провинции Джокьякарте и других в 1840, 1846, 1848 и 1860 гг.⁴ Большинство из этих движений либо вовсе не упоминаются буржуазными авторами, либо рисуются как результат

¹ В. Н. М. *Vlekke*, *Nusantara* . . , p. 199.

² Там же, стр. 228.

³ Там же, стр. 293 и сл.

⁴ «Политика европейских держав в Юго-Восточной Азии. 60-е годы XVIII — 60-е годы XIX в.». Документы и материалы, М., 1962, стр. 176—177, 196—197, 213—214, 228—230, 234, 274 и др.

недоразумения, как подавление голландскими войсками междоусобиц, пиратства и т. п.¹

Хотя буржуазные историки всячески обеляют колониализм XVII—XVIII вв., они готовы признать его «недостатки», которые якобы исчезли после утверждения промышленного капитализма и победы нового курса в колониальной политике в результате постепенной ликвидации системы принудительных культур и других характерных черт политики предшествующего периода. Как известно, этот «либеральный» курс восторжествовал в Голландии позднее, чем в Англии, — только в 70-е годы XIX в. В то же время споры между либералами и консерваторами, отражавшими интересы различных слоев голландской буржуазии, о способах колониального ограбления выдаются за разногласия по вопросу о том, как наилучшим образом способствовать подъему жизненного уровня индонезийского населения. «Обе партии, — пишет Флекке, — заявили о своей серьезной заинтересованности в судьбе бедных яванских крестьян и, безусловно, были совершенно искренни, делая это заявление»². Полностью осуществить свои благие намерения голландским колонизаторам помешали-де лишь господствовавшие в Европе фритредерские взгляды, идеи государственного невмешательства в экономическую жизнь.

А далее опять идут уже хорошо знакомые нам доводы: утверждение, что прекращение прямой перекачки средств из бюджета колонии в бюджет метрополии было концом экономической эксплуатации, что Голландия приносила финансовые жертвы ради благоденствия своих владений, что деятельность западного капитала была чрезвычайно полезной для страны, что правительство якобы защищало население от «свободной игры экономических сил» и т. д.

**Фальсификация
истории
американского
колониализма**

США являются главным оплотом современного колониализма. Американская буржуазная историография принимает все более активное участие в «переписывании» истории ко-

лониальной системы в интересах неоколониализма. Однако, несмотря на это, а вернее, именно вследствие этого

¹ В. Н. М. Vlekke, Nusantara..., p. 284—287, 299 а. о.

² Там же, стр. 303 и др. Ср. V. Klaveren, The Dutch Colonial System in East Asia, Rotterdam, 1952.

история американских колоний занимает весьма скромное место в неокOLONIALИСТСКОЙ историографии. Это лишь отчасти связано с тем, что США никогда не имели колоний, способных соперничать по размерам с английскими или французскими владениями. Иначе нельзя было бы объяснить явное понижение интереса к истории американского колониализма и сознательное забвение того, что было изучено в этой области в прошлом. Подобная тактика явно рассчитана на подкрепление мифа об американском антиколониализме. То обстоятельство, что американский капитал особенно широко осуществлял эксплуатацию полукOLONIALИСТСКИХ и зависимых стран, сохранявших формально политическую независимость, поставлено на службу этому мифу. Эти отношения между США и зависимыми странами освещаются преимущественно в работах по истории международных отношений, иногда в специальных экономических трудах, но не в исследованиях по истории колониализма. Поборники мифа делают вид, что истребление индейцев и расширение территории США на Американском континенте (с конца XVIII в.) более чем в 8 раз не имеет никакого отношения к колониализму. Большинство американских реакционных историков усердно доказывают якобы дружеский характер американской политики в отношении Китая (особенно пресловутой «доктрины открытых дверей», выдвинутой в конце XIX в. как обоснование попыток захватить преобладающее положение на китайском рынке) и отрицают, что колониальная политика США определялась интересами крупного капитала¹.

¹ Разоблачение этих утверждений американских историков см. в кн.: А. А. Фурсенко, Борьба за раздел Китая и американская доктрина открытых дверей. 1895—1900, М., 1956, стр. 5—6 и др.; Р. М. Бродский, Об особенностях колониальной политики американского империализма в Китае накануне и в период синьхайской революции. Сб. «Против фальсификации истории колониализма», М., 1962, стр. 28—63. О колониальной политике США в XIX столетии см., напр., Б. П. Полевой, Первые попытки США захватить Рюкю, Бонин и Тайвань (1853—1857). «Вопросы истории», 1952, № 12, стр. 117—127; А. В. Петров, Колониальная экспансия Соединенных Штатов Америки в Японии в середине XIX века, М., 1955; А. Л. Нарочницкий, Колониальная политика капиталистических держав на Дальнем Востоке. 1860—1895, М., 1956; Г. П. Куропятник, Захват Гавайских островов США, М., 1958; Н. А. Халфин, Начало американской экспансии в странах Средиземного моря и Индийского океана, М., 1958; его же, Американская экспансия

В ряде старых американских работ¹ приводился значительный фактический материал о захватнических планах США на Дальнем Востоке в XIX в. В неокOLONиалистской литературе всячески принижается значение этих фактов, все дело сводится к инициативе отдельных консулов и морских офицеров. Отказ правительства США санкционировать их планы, вызванный различными внутрИполитическими и внешнеполитическими соображениями, подается как доказательство его антиколониализма. Захват колоний после испано-американской войны (Филиппин, Гавайи, Пуэрто-Рико и т. д.) рисуется как результат преходящей «империалистической горячки». Отрицается эксплуатация колоний, особенно Филиппин, которые якобы, напротив, были облагодетельствованы американскими колонизаторами². Тем более «опровергается» ограбление Кубы и других стран Карибского бассейна, которые оккупировались американскими войсками, и стран Латинской Америки вообще³. Проводится, разумеется, мысль, что США вдобавок с самого начала собирались предоставить независимость своим колониям, особенно опять-таки Филиппинам. В связи с этим стоит напомнить недвусмысленное заявление о Филиппинах, сделанное в 1927 г. президентом США Кулиджом: «Независимость — это недостижимый идеал, последствиями которого бывают разочарования и несчастья»⁴. Именно от таких «разочарований и несчастий» американские империалисты длительное время ревностно охраняли свои колонии! Это, конечно, не мешало правящим кругам США широко использовать

в странах Азии и Африки в 40—60-е годы XIX века. «Народы Азии и Африки», 1962, № 6, стр. 67—77; А. Губер, Филиппинская республика 1898 г. и американский империализм, М., 1961.

¹ T. Dennett, *Americans in Eastern Asia*.; F. R. Dulles, *America in the Pacific. A Century of Expansion*, Boston, 1938; E. Griffin, *Clippers and Consuls. American Consular and Commercial Relations with Eastern Asia. 1845—1860*, Ann-Arbor, 1938.

² A. Crofts, P. Buchanan, *A History of the Far East*, p. 230; B. Smith, *Yankees in Paradise*, Philadelphia, 1956. Cp. W. T. Perkins, *Denial of Empire. The United States and Its Dependencies*, Leyden, 1962.

³ Об этом см. Л. И. Зубок, *Империалистическая политика США в странах Карибского бассейна, 1900—1939*, М.—Л., 1948; *его же*, *Очерк истории США (1877—1918)*, М., 1956.

⁴ J. A. H. Hopkins, M. Alexander, *Machine-Gun Diplomacy*, New York, 1928, p. 177.

антиколониалистскую фразеологию. Даже интервенцию США против Мексики в годы первой мировой войны известный американский дипломат У. Х. Пейдж объяснял как попытку «стрельбой привести людей к независимости» («shooting men into self-government») ¹.

Миф о традиционном антиколониализме США вызывает иногда возражения по различным причинам как среди американских, так и западноевропейских историков. Превращение США в главный оплот рушившейся колониальной системы и основную силу неоколониализма вызывало, с одной стороны, стремление еще более подчеркивать для дезориентации народов «антиколониалистские традиции» США, а с другой — признавать единство США не с колониальными народами, а с колонизаторами. Так, в американской историографии раздаются голоса, доказывающие, что движение американских колонистов на западные земли можно сравнивать в некоторых отношениях с европейской колониальной экспансией ² или что нет никаких причин для проведения обычных аналогий между войной английских колоний в Северной Америке за независимость, в результате которой возникли США, и освободительными войнами народов в Латинской Америке или в других районах мира ³. Более того, некоторые реакционные историки склонны намеренно подчеркивать, что и США были в прошлом колониальной державой, аннексировавшей чужие земли (часть Мексики, Кубу, Филиппины), но что это якобы было вызвано «деловым» честолюбием американского народа в целом без каких бы то ни было классовых различий, а также американским патриотизмом. По мнению этих историков, «антиимпериалистический идеализм» США (который они объявляют реальностью, тогда как в действительности это только прикрытие для неоколониалистской политики и форма защиты «старого» колониализма) мешает единству в борьбе против коммунизма, «создавая трения между Соединенными Штатами и их союзниками, которые еще обременены сохраняющимися у них империями» ⁴.

¹ P. T. Moon, *Imperialism and World Politics*, p. 74.

² W. P. Webb, *The Great Frontier*, London, 1953.

³ L. J. Halle, *American Foreign Policy*, London, 1960, p. 85 f.

⁴ O. H. Taylor, *A History of Economic Thought...*, p. 401—402.

Эти тенденции, пока что не оформившиеся в четко выраженное направление в американской буржуазной историографии, можно сравнить со взглядами историков так называемой ревизионистской школы (У. Тэнсилл, Ф. Сэнборн, Д. Моргенштерн, Г. Барнс), обвиняющих президента Рузвельта в том, что он не вступил в открытый военный союз с гитлеровской Германией и милитаристской Японией против СССР, а также отчасти с утверждениями «реалистической школы» исследователей внешней политики (Д. Кеннан, Г. Моргентгау и др.), демагогически критиковавшей действия правительства за «идеализм» и недостаточный учет реальных интересов США.

В то же время язвительные слова по американскому адресу раздаются порой из уст западноевропейских реакционных авторов, недовольных попытками США под маской антиколониализма захватить позиции в бывших колониях ее союзников по НАТО. Так, У. М. Макмиллан иронически пишет о «полностью негативном антиколониальном подходе» со стороны американцев, ныне, по видимому, забывших, «как США разрешили колониальную проблему, полностью избавившись от нее»¹ (прямой намек на истребление индейского населения). Однако в целом преобладает стремление скрыть суть неоколониалистской политики США ссылками на их мнимый «традиционный антиколониализм».

Желание замаскировать экономическую основу, длинные классовые корни колониальной политики приводит к достаточно последовательному разделению труда между неоколониалистскими историками и специалистами в области смежных научных дисциплин. Так, вопрос о роли и деятельности монополий в колониях и полуколониях почти исчезает из буржуазных исторических работ и переходит в специальные экономические исследования, в свою очередь слабо затрагивающие вопросы социально-политической истории. Отрицая или замалчивая в общеисторических работах роль монополий в экономическом ограблении колоний, буржуазные ученые не забывают о прямой апологии указанной «деятельности» финансового капитала, посвящая этому специальные работы экономического характера.

¹ W. M. Macmillan, *The Road...*, p. 25—26.

Хотя реакционные историки прилагают всяческие усилия, чтобы «размежевать» колониализм и монополии, восхваление и монополий, и колониализма проводится с помощью одних и тех же или весьма сходных средств. Особое внимание уделяется ими безудержному восхвалению деятельности нефтяных монополий в странах Ближнего и Среднего Востока, имевшей, как известно, большое значение для всего империализма в целом и вместе с тем вызывавшей массовое движение протеста в этих странах.

Характерно, что один из неоколониалистских авторов, С. Лонгригг, даже начинает свою книгу специальным предостережением читателям, что те могут усомниться в правдивости идиллической картины, нарисованной в его исследовании, но в нем сообщаются безусловные факты. И далее Лонгригг разъясняет, что «независимо от того, какие бедствия от жестокой эксплуатации могли существовать в других районах мира или в другие периоды истории, великие нефтяные компании, действовавшие в нынешнем столетии на Среднем Востоке, кажется, не могут служить примером виновников такой эксплуатации»¹.

Однако историкам-апологетам все же надо как-то объяснить, почему чуть ли не «благотворительная» деятельность нефтяных монополий, с одной стороны, приносила им сказочные доходы, а с другой — сопровождалась ростом нищеты народных масс в «облагодетельствованных» странах. На помощь приходят «доводы» от более или менее скрытого расизма, а также ссылки на сохранение на протяжении первой половины XX в. в ряде стран Ближнего и Среднего Востока полуфеодальных режимов (неоколониалистские историки лишь избегают упоминать или прямо отрицают, что эти режимы сохранялись прежде всего именно благодаря поддержке со стороны иностранного империализма вообще и «великих нефтяных компаний» в особенности). По разъяснению неоколониалистских авторов, вследствие своей «отсталости» народы Среднего Востока, в частности Ирана и других стран, не могли разумно использовать средства, которые

¹ S. H. Longrigg, *Oil in the Middle East. Its Discovery and Development*, Oxford, London, 1961, p. VII—VIII.

выделяли им нефтяные компании как плату за концессии¹.

Эксплуатация монополиями колоний и зависимых стран оказывается крайним выражением не грабежа, а антиколониализма и филантропии. Таков уж неизбежный результат «беспристрастия» неоколониалистской историографии.

¹ *B. Shwadran, The Middle East, Oil and the Great Powers, New York, 1959, p. 176.* Реальную историю вопроса см., напр., в статье М. С. Иванова «К истории ограбления Ирана Англо-Иранской нефтяной компанией». «Вопросы истории», 1952, № 5, стр. 103—116; *Р. Н. Андреасян, А. Я. Эльянов, Ближний Восток, нефть и независимость, М., 1961.*

Глава V

КОЛОНИАЛИЗМ В АФРИКЕ И ЕГО НЕКОЛОНИАЛИСТСКИЕ АДВОКАТЫ

**«Переписывание»
истории
работорговли**

Всем известно, что одной из наиболее зловещих страниц в мрачной истории колониализма являются рабство и работорговля — вывоз из

Африки на американские плантации миллионов негров, гибель еще большего числа миллионов людей в результате чудовищной охоты за рабами, которой веками занимались колонизаторы на «черном континенте». Понятны поэтому отчаянные усилия реакционных историков, выступающих поистине в роли «адвокатов дьявола», найти какие-то смягчающие обстоятельства, придать сколько-нибудь благопристойный вид этому кровавому преступлению колониализма перед человечеством.

Прежде всего всячески преуменьшаются удельный вес, историческое значение и масштабы работорговли. Так, американский исследователь Д. Эптер в своей работе, посвященной истории и современному положению Ганы, отводит рабству буквально считанные слова — значительно меньше, например, чем рассказу о «покровительстве», которое оказывали европейские фактории в Западной Африке прибрежным племенам¹. Другой буржуазный историк, Д. Фейдж, пишет: «Только в конце XVIII столетия более широкие круги, чем небольшое меньшинство европейцев, начали осознавать существование зла в деловом предприятии, заключавшемся в

¹ D. Apter, *The Gold Coast in Transition*, p. 31.

покупке рабов в Африке и перевозе их через Атлантический океан для продажи в Америке. Мужчины и женщины, привыкшие видеть, как их соплеменников казнили за мелкие кражи и заключали в тюрьму за долги, привыкшие к насильственной вербовке людей во флот, к порке, считавшейся общепринятым средством поддержания дисциплины в армии и флоте, и к высылке преступников в качестве нормального средства заселения колоний, вряд ли могли быть озабочены бесчеловечностью и несправедливостью, связанными с работорговлей и плантационным рабством»¹. А чего стоит оправдание рабства Кэррингтоном ссылками на... злодеяния фашистов?! Не нам, мол, современникам нацистских зверств и второй мировой войны, осуждать прежние поколения за их равнодушные к человеческим страданиям!

Перед нами один из ярких образчиков метода лжеисторизма, широко применяемого в современной реакционной историографии. Любое злодеяние господствующих классов оправдывается ссылками на существование в то же самое время других зверских форм угнетения и порабощения народных масс. Подобные факты, которые буржуазные историки редко вспоминают в другой связи, в данном случае вытаскиваются на свет, при этом, однако, тщательно затушевывается их связь с капитализмом как общественным строем, с сущностью капиталистического способа производства. Следует, однако, напомнить поборникам лжеисторизма, что многие гнусности эпохи «первоначального накопления» были совсем недавнего происхождения, а не наследием ушедших веков. «С развитием капиталистического производства в течение мануфактурного периода общественное мнение Европы освободилось от последних остатков стыда и совести. Нации цинично хвастались всякой гнусностью, раз она являлась средством для накопления капитала»². Вот этого как раз и не хотят видеть реакционные историки.

Ополчаясь и в теории, и на практике на идею исторической закономерности, реакционная историография при оправдании работорговли тем не менее охотно опери-

¹ *J. D. Fage, An Introduction to the History of West Africa, Cambridge, 1955, p. 98.*

² *К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., изд. 2, т. 23, стр. 769.*

рует доводом о «необходимости», «неизбежности» невольничества. Нет нужды подробно останавливаться на этом насквозь фальшивом доводе. Пределом антиисторизма является сознательное смешение античного рабства и рабства у отдельных африканских племен, действительно закономерно возникшего в условиях разложения первобытнообщинного строя, с плантационным рабством во время «первоначального накопления» и промышленного переворота. Плантационное рабство было тесно связано с развитием капитализма и поэтому принесло особо жестокие лишения и страдания народным массам.

Доказывая «необходимость» рабства в эпоху капитализма, неокOLONиалистские историки вместе с тем отрицают связь невольничества с капиталистическим строем. Между тем широкое использование капиталом докапиталистических форм эксплуатации и являлось причиной появления плантационного рабства. Оно не могло существовать без развития капиталистической промышленности в Западной Европе. Открытое рабство в Новом Свете служило фундаментом для скрытого рабства наемных рабочих в Западной Европе¹.

Следует добавить, что реакционная историография сознательно игнорирует и еще одно существенное различие между плантационным рабством XVII—XIX вв. и рабством, возникшим при ликвидации первобытнообщинного строя. При рабовладельческом строе в древности преимущественное значение имела не меновая, а потребительская стоимость продукта. Поэтому прибавочный труд ограничивался, как правило, относительно узким кругом потребностей; из потребностей производства не вытекала безграничная потребность в прибавочном труде. В древнем мире эта безграничная потребность возникала скорее в исключительных случаях, когда речь шла о приобретении меновой стоимости в ее самостоятельной денежной форме, о добыче золота и серебра. В эпоху капитализма, говоря словами Маркса, к варварским ужасам рабства присоединяется цивилизованный ужас чрезмерного труда. По мере того как увеличивался вывоз хлопка с юга США, «чрезмерный труд негра, входящий в отдельных случаях до потребления его жизни

¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., изд. 2, т. 23, стр. 769.

в течение семи лет труда, становился фактором рассчитанной и рассчитывающей системы»¹. Буржуазная наука, напротив, всячески пытается приукрасить положение рабов в новое время. Это является предметом особых усилий влиятельного направления в новейшей буржуазной историографии США. Такой же апологетический тезис защищают многие английские исследователи, касаясь истории Ямайки и Британской Вест-Индии вообще².

Поэтому очевидны весь антиисторизм и вопиющая фальшь доводов неоколониалистской историографии, пытающейся разделить вину за работорговлю между европейскими купцами и самим населением Африки. Так, английские историки З. Марш и Д. Кингснорт уверяют: «Ответственность за рабство и работорговлю лежит главным образом на самих африканцах, на арабах и странах Европы»³. «Главная вина за работорговлю, — утверждает Х. Педраза, — лежит в конечном счете не на европейцах, а на африканцах»⁴. У. М. Макмиллан, подчеркивая «туземное» происхождение африканского рабства, а также что европейские работорговцы являлись будто бы главным образом «скупщиками краденого товара», даже имеет смелость заявить: «Ныне на сознающих свою ответственность и смотрящих вперед африканцах — особенно это относится к находящимся в их новых высших учебных заведениях — лежит обязанность разъяснить всем нам дело путем изучения африканского участия в этой печальной истории»⁵. Вдобавок сообщается, что Африка якобы теряла от работорговли не более 1% населения в год. Основные районы работорговли ныне, мол, настолько густо заселены, что очевидно, что она являлась стимулом к росту населения и развитию политических учреждений. Иногда, напротив, вывоз неволь-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., изд. 2, т. 23, стр. 247.

² Напр., W. M. Macmillan, *The Road...*, p. 79 f.

³ Z. Marsh, G. Kingsnorth, *An Introduction...*, p. 25. Cp. C. Carington, *The British Overseas...*, p. 220; W. E. Ward, *A Short History of Ghana*, London, 1957, p. 70—72; M. Silberschmidt, *Das Werk der neueren Kolonialmächte in welthistorischer Sicht. «Europa und der Kolonialismus»*, S. 65.

⁴ H. Pedraza, *Borriboola-gha. The Story of Lokoja the First British Settlement in Nigeria*, London, Oxford University Press, Ibadan Accra, 1960, p. 19.

⁵ W. M. Macmillan, *The Road...*, p. 144—145.

ников включают в число «благоприятных» факторов, якобы препятствовавших еще большему росту нищеты в африканских странах¹. У. М. Макмиллан прямо объявляет, что работорговля была, безусловно, одним из средств, обеспечивавших экономический прогресс и благосостояние населения прибрежной полосы — расцвет городов, развитие судоходства и т. д.²

Та же доля ответственности за рабство, которая принимается на долю европейцев, возлагается реакционными историографами не на рыцарей «первоначального накопления», а на народные массы, которые, мол, были непросвещенными и не покончили с рабством. Напротив, отмена рабства, когда оно экономически изжило себя, целиком записывается в актив английскому правительству, господствующим классам, буржуазной филантропии³. Готовые признать экономические корни возникновения невольничества, неокOLONиалистские историки гораздо менее склонны согласиться, что причины его ликвидации также носили экономический характер⁴. Отмечают, что отмена рабства задела интересы многих богатых и влиятельных лиц, но обычно молчат о том, что она отвечала интересам промышленного капитала⁵.

Отыскивая всякие извиняющие обстоятельства для работорговли, неокOLONиалистские историки, однако, главный акцент делают на ее отмене, а также впоследствии на ликвидации рабства в колониях европейских держав и в США. Особенно широко эксплуатируется история «филантропического», точнее аболиционистского, движения в Англии, которое почти всегда излагается в отрыве от породивших его социальных корней. Филан-

¹ См. *J. D. Fage, An Introduction...*, p. 85—86.

² *W. M. Macmillan, The Road...*, p. 145.

³ *J. D. Fage, An Introduction...*, p. 98—100. Задержала же отмену рабства якобы... Великая французская революция, приведшая к восстаниям рабов в Вест-Индии, убийству белых, что напугало правящие круги (*C. Carrington, The British Overseas...*, p. 225).

⁴ См. *J. D. Fage, An Introduction...*, p. 100.

⁵ *T. R. Batten, Africa Past and Present*. 4th Ed., London, 1959, p. 38. Эту тенденцию можно отметить еще в довоенных работах. См., напр., *H. Wyndham, The Atlantic and Emancipation*, London, 1937; *G. Macmunn, Slavery Through the Ages*, London, 1938; *R. Coupland, The Exploitation of East Africa 1856—1890. The Slave Trade and the Scramble*, London (1939).

тропия выдвигается на передний план и рисуется как автономная сила, руководимая внеклассовыми, исключительно бескорыстными мотивами¹. Эту самостоятельность филантропического движения подчеркивают даже авторы, согласные вскользь признать, что теории и политика английских либералов диктовались эгоистическими мотивами (правда, как тут же добавляется, не помешавшие либеральным политикам принести великие блага «туземцам», подготовить их к независимости и т. п.)². На деле буржуазная филантропия объективно служила лишь переходу к эксплуатации колоний методами промышленного капитализма и нередко прикрытием для колониальной экспансии.

Причиной буржуазного аболиционизма (а только о нем и говорят неокOLONIALИСТСКИЕ историки, игнорируя борьбу рабочего класса против работорговли и рабства) была в конечном счете невыгодность невольничества для быстро растущего и богатевшего класса промышленной буржуазии. Рабство перестало отвечать интересам той части правящих классов Великобритании, которая все более и более завоевывала господствующие экономические позиции. Оно продолжало быть выгодным для части привилегированных слоев буржуазии — купцов и банкиров, находившихся в тесном союзе с правящей земельной аристократией, а также с влиятельными вестиндскими плантаторами-рабовладельцами. Поэтому борьба за запрещение работорговли и впоследствии за отмену рабства была упорной и длительной. И хотя часть активных аболиционистов были субъективно честными людьми, искренне стремившимися покончить с позорным институтом рабства, не они были главной пружиной, приводившей в движение партию противников невольничества³. Весьма показательны для социальной

¹ «The Living Commonwealth». Ed. by K. Bradley. Foreword by Duke of Edinburgh, London, 1961, p. 61—62. Отдельные западные историки признают, что порой филантропические мотивы прямо служили (напр., у Компании Гудзонова залива, заявлявшей, что ее цель — благодетельствование индейцев, или Новозеландской компании, прокламировавшей как свою главную задачу заботу о благополучии майори и т. п.) прикрытием своекорыстных целей (*J. S. Galbraith, Myth of «Little England»*. Era. «American Historical Review», 1961, October, v. LXII, N 1, p. 47).

² *G. Bearce, British Attitudes...*, p. 65, 178.

³ См., напр., *Э. Вильямс, Капитализм и рабство*, М., 1950,

природы движения, отражавшего интересы промышленной буржуазии, что многие его идеологи и руководители (в частности, У. Уилберфорс) выступали яркими противниками рабочего движения и социального законодательства, поборниками репрессий против профсоюзов и любых организаций английского пролетариата¹.

Но не меньшее значение, чем экономические интересы части правящих классов, имела для ликвидации невольничества героическая борьба негров-рабов за свое освобождение.

Всячески эксплуатируя в своих целях историю деятельности буржуазных аболиционистов, приписывая им всем полное бескорыстие и идеализм, реакционные авторы пытаются таким образом выдвинуть еще один фальшивый тезис, направленный на апологию колониальной политики. Не признавая колониализм ответственным за рабство и работорговлю, новейшая историография стремится изобразить его силой, которая одна только и была способна уничтожить и действительно уничтожила невольничество².

На основе этой выдумки неоколониалистские историки уверяют, что «имеются очевидные пределы действия для гладкой современной формулы «самоопределение»... Только независимый арбитр, имеющий моральный авторитет и физическую силу, может принудительно провести такую революционную перемену»³. Таким образом, отмена рабства неожиданно оказывается «доводом» против независимости угнетенных народов, в пользу колониального рабства.

Фальсификация истории работорговли и стран, откуда вывозились рабы, сопровождается искажением истории негров в тех странах, куда их вывозили для труда на плантациях. Это искажение производится в интересах колониализма и расизма. В США существует обширная литература, восхваляющая «старый» рабо-

¹ Об этом говорится в известном исследовании: *J. and B. Hammond, The Town Labourer, London, 1925.*

² *W. M. Macmillan, The Road...*, p. 60. Некоторые авторы даже восхищались «храбростью, выносливостью и предприимчивостью» рабовладельцев, которые потом удалось направить на «более достойные дела». См. *A. Mackenzie-Grieve, The Last Years of the English Slave Trade. Liverpool 1750—1807, London, 1941, p. 296.*

³ *W. M. Macmillan, The Road...*, p. 153.

владельческий Юг и клеветущая на американских негров и их борьбу за свободу¹. В XVIII — начале XIX в. в Англии издавалось немало работ, доказывавших «благодетельность» рабства для негров Вест-Индии². В слегка модернизированном виде эти доводы повторяли реакционные историки конца XIX в., апологеты английского колониализма Д. Фроуд, Д. Родуэй, А. Калдекотт³ (последний даже превосхитил аргументы новейшего лжеисторизма, оправдывая варварские расправы с рабами суровостью наказаний и существованием крепостничества в ряде стран Европы). Современные неоколониалистские работы по истории Вест-Индии, характеризуя запрещение английским парламентом работорговли как акт благородного «национального самоотречения»⁴, прославляя отмену рабства в колониях, вместе с тем стремятся свалить на пороки бывших рабов причины большинства тех экономических потрясений, которые испытали эти колонии, и нищету основной массы их населения, бывшую на деле следствием безземелья и жесточайшей колониальной эксплуатации. Дело, оказывается, вовсе не в том, что негры были лишены земли, всех средств производства, что было полностью сохранено экономическое и политическое всевластие плантаторов. Корень зла якобы в том, что слишком поторопились с освобождением, к которому негры «не были подготовлены»⁵.

С помощью «критики» вест-индских плантаторов (интересы которых далеко не всегда совпадали с интересами буржуазии метрополии), фиксирования внимания на их столкновениях с английскими властями реакционные историки стремятся создать впечатление полного

¹ См. об этом историографические обзоры Г. М. Морейса («Вопросы истории», 1961, № 7), И. П. Деметьева («Вопросы истории», 1958, № 9), а также нашу статью («Вопросы истории», 1951, № 8).

² См. *E. V. Goveia, A Study on the Historiography of the British West Indies to the End of the Nineteenth Century*, Mexico, 1956.

³ *J. A. Froude, The English in the West Indies*, London, 1888; *J. Roadway, History of British Guiana*, vol. I—III, Georgetown, 1891—1894; *A. Caldecott, The Church in the West Indies*, London, 1898.

⁴ *W. Burn, The British West Indies*, London, 1951, p. 102, Ср. *A. Burns, History of the British West Indies*, London, 1954.

⁵ *W. M. Macmillan, The Road...*, p. 60—61.

беспристрастия «надклассовой» колониальной администрации, ее неустанной заботы о всеобщем благе и особенно о судьбе бывших рабов. Именно подобными приемами пользуется У. М. Макмиллан при описании грызни английских губернаторов в 40—50-е годы XIX в. с плантаторской «генеральной ассамблеей» Ямайки, которая не вотировала необходимых ассигнований и могла привести остров к банкротству, что, мол, неизбежно повредило бы интересам «безмолвного подавляющего негритянского большинства»¹.

Колониальный аппарат, хотя он прежде всего выполнял волю английской буржуазии, достаточно чутко прислушивался к требованиям влиятельной плантаторской олигархии, тесно связанной с верхушкой правящих классов метрополии. Губернатора Ямайки в 60-е годы Д. Эйра Маркс справедливо именовал «беззастенчивым орудием вест-индских плантаторов»². Д. Эйр «отличился» кровавым подавлением восстания на Ямайке в 1865 г., что не помешало Кэррингтону так характеризовать этого палача: «Его трагедией являлось то, что он всю жизнь был гуманистом»³. У. М. Макмиллан также оправдывает все действия «гуманиста», по приказу которого было убито сначала 600 человек, а потом еще казнено 354 человека на основании приговоров им созданных военно-полевых судов⁴.

Выпячивая роль буржуазной филантропии, реакционная историография и ее спешит поставить на службу мифу об антиколониальных основах колониальной политики. Так, например, Э. Коен пишет: «В Англии моральное возмущение, которое ускорило проведение кампании против рабства, позднее проявилось в движениях, направленных на распространение в Африке западной цивилизации, еще позднее — в движениях, ставящих целью защитить народы Африки от нежелательной

¹ W. M. Macmillan, *The Road...*, p. 87.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., изд. 2, т. 16, стр. 367.

³ C. Carrington, *The British Overseas...*, p. 521. В работах по истории Вест-Индии дается весьма умеренная, по существу апологетическая «критика» действий Эйра. См. W. L. Burn, *The British West Indies*, p. 140; A. Burns, *History of the British West Indies*, p. 675—676. Ср. более старую работу W. L. Mathieson, *The Sugar Colonies and Governor Eyre 1849—1866*, London, 1936.

⁴ W. M. Macmillan, *The Road...*, p. 87—94.

эксплуатации в самом процессе возрастания их контактов с западным миром, и, наконец, в прогрессивной политике, получившей развитие в XX столетии, — политике, которая опирается на поддержку подавляющего большинства в общественном мнении Англии, во всех политических партиях»¹.

**Колониальная
экспансия или борьба
с рабством?**

Британские колонизаторы, начавшие захваты в Африке, ссылаясь на «необходимость» работорговли как важной отрасли «национальной экономики», в XIX в. интенсивно продолжали эти захваты, лицемерно изображая их «необходимыми» уже для борьбы с рабством.

Всю историю захвата Западной и Восточной Африки английскими колонизаторами в XIX в. реакционная историография рисует поэтому как освободительную миссию, борьбу против рабства, как великое благо для народов Африки: английские капиталисты аннексировали страны Западной Африки, как утверждает, для того чтобы заменить работорговлю другими видами торговой и промышленной деятельности². Если, мол, в Западную Африку англичане прибыли впервые как работорговцы, то уже в Восточную Африку они явились сразу в качестве освободителей³.

Целый ряд английских захватов стереотипно мотивируется необходимостью борьбы с рабством. Так объясняет Д. Фейдж, например, захват Нигерии. Х. Педраза именует английскую экспедицию 1841 г. в Нигерию «одним из великих крестовых походов XIX века»⁴. У. М. Макмиллан разъясняет, что для «эффективного подавления военным флотом работорговли была сочтена необходимой оккупация и в 1861 г. аннексия Лагоса»⁵. Между тем миф о том, что причиной захвата Нигерии была борьба против работорговли, разоблачен историками африканских государств⁶, показавших так-

¹ A. Kohen, *British Policy in Changing Africa*, Evanston, 1959, p. 7.

² J. D. Fage, *An Introduction...*, p. 106, 133—135, a. o.

³ «The Living Commonwealth», p. 53.

⁴ H. Pedraza, *Borriobolla-gha...*, p. 19.

⁵ W. M. Macmillan, *The Road...*, p. 143.

⁶ K. O. Dike, *Hundred Years of British Rule in Nigeria 1851—1951*, Lagos, 1960, a. o.

же, что английские колонизаторы, проявившие столь большое рвение при аннексии страны, внезапно лишились всякой инициативы и энергии, когда они формально приступили к ликвидации невольничества.

Захват всей Юго-Восточной и Восточной Африки также целиком изображается в рамках фальшивой концепции «борьбы с рабством». Освещающая историю этого захвата первая часть книги английского историка А. Хэнна так и озаглавлена: «Христианство, торговля и цивилизация против работорговли»¹. З. Марш и Д. Кингснорт на том же «основании» объявляют: «Вероятно, ни одна страна не получала от другой такого великого дара, какой Восточная Африка получила от Англии»². История постепенного утверждения английского влияния в Занзибаре (который нужен был Англии как опорный пункт для установления контроля над Восточной Африкой и который был крупнейшим рабовладельческим центром) также рисуется как борьба против невольничества³. Остается необъяснимым, почему в течение многих десятилетий Англия, установив фактический протекторат над Занзибаром, ограничивалась лишь словесными пожеланиями, чтобы местный султан отменил рабство. А британский консул еще в 40-х годах, как признает У. М. Макмиллан, наряду с «борьбой с рабством» должен был защищать интересы англо-индийских купцов, которые снабжали различными товарами караваны, отправлявшиеся на добычу рабов в глубь Восточной Африки⁴. Зато под видом борьбы с рабством англичане энергично вытесняли арабских купцов из торговли с Восточной Африкой. Султан Занзибара даже жаловался на пиратство англичан. Один немецкий путешественник писал, что английские корабли «забирали и сжигали мирные купеческие суда под тем предлогом, что они занимались торговлей невольниками, вопреки всякому праву овладевали имуществом моряков и пайщиков судна и таким образом безответственно расстраи-

¹ A. J. Hanna, *The Beginnings...*, p. 1—105. Ср., напр., W. D. Gale, *Zambezi Sunrise. How Civilization Came to Rhodesia and Nyasaland, Capetown* (1958), p. 111 а. о.

² Z. Marsh, G. Kingsnorth, *An Introduction...*, p. 54. Ср., напр., F. D. Hinslop, *The Story of Kenya, London*, 1961, p. 25 f.

³ Там же, стр. 25 и сл.

⁴ W. M. Macmillan, *The Road...*, p. 149.

вали всю торговлю побережья»¹. Напротив, рабство в Занзибаре было отменено лишь в 1897 г., но на деле продолжало существовать и в XX в.² при молчаливом согласии британских палатинов борьбы против невольничества.

Разумеется, английский капитал не был заинтересован в хищническом истреблении рабочей силы в результате торговли невольниками. Поэтому рабство постепенно уничтожалось, но взамен его почти неизменно утверждалась система принудительного труда, позволявшая практиковать ничем не ограниченную эксплуатацию населения африканских колоний английским капиталом (такой же была политика французских и бельгийских колонизаторов)³.

Французское завоевание Западной Африки и ряда других территорий сопровождалось на деле не «борьбой с невольничеством», а, наоборот, нередко консервацией и насаждением рабства. Руководитель «Колониального союза», организации по пропаганде колониальной политики, Ж. Шайе-Бер требовал прямого «отказа от уничтожения рабства». Труд рабов в конце XIX — начале XX в. широко применялся в Сенегале, Дагомее и других французских колониях. Рабами владели французские офицеры и чиновники. Даже формально освобожденные африканцы оставались фактически рабами. Система принудительного труда, вводившаяся французскими властями, оказывалась значительно более жестокой формой эксплуатации, чем та, которая существовала до прихода колонизаторов при патриархальном рабстве. Зверские расправы и истязания за малейшую провинность были распространенным методом управления как рабами, так и «освобожденными» жителями колоний⁴. (Принудительный труд официально сохранялся до 1946 г., и его оправдывают в реакционной историографии как меру, необходимую для развития этих колоний⁵.)

¹ Цит. по кн.: А. З. Зусманович, Империалистический раздел бассейна Конго (1876—1894), М., 1962, стр. 206.

² См. В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 28, стр. 402.

³ См. А. З. Зусманович, Империалистический раздел бассейна Конго, стр. 205, 218.

⁴ См. В. А. Субботин, Колониальная политика Франции в Западной Африке (1880—1900), М., 1959, стр. 76, 78—83.

⁵ V. Thompson, R. Adloff, French West Africa, London, 1958, p. 492.

Одно обстоятельство является особенно роковым для концепций неоколониалистских историков: «борьба с рабством» неизменно вела ко все новым и новым аннексиям, причем колонизаторы пытались «навечно» обосноваться там, где рабство, по их разъяснению, было полностью и окончательно ими уничтожено. Неоколониалистская историография, правда, рисует английский кабинет ярким противником аннексий в Африке и утверждает, что, только «когда шел вопрос о рабстве, не требовалось особенно понуждать правительство его величества к действиям»¹.

Прием («борьба с рабством») оказался настолько удобным и универсальным, что его стали постепенно заимствовать у англичан и колонизаторы других стран. Это вызывало даже ревность у Форейн Оффис. Так, один из его чиновников, Т. В. Листер, со злобой писал в 1889 г. о португальских властях: «Они открыли, что подавление рабства является традиционной политикой Португалии. У них отсутствует чувство юмора»². Оно явно изменяет и новейшим апологетам английских, французских, германских, бельгийских захватов.

Стоит добавить, что рабство десятилетиями сохранялось главным образом именно в колониях европейских держав. Еще в 1922 г. в Танганьике рабство было лишено судебной защиты, но не ликвидировано. 1 июля 1927 г. верховный суд английской колонии Сьерра-Леоне признал рабство законным. Хотя позднее оно было официально отменено, но эта отмена осталась на бумаге. Рабство сохранялось колонизаторами между первой и второй мировыми войнами в Триполитании и Ливии, в Мозамбике и Рио де Оро, в Египте, Судане, Занзибаре, в ряде княжеств Индии, в Бирме и других колониях и зависимых странах. А принудительный труд, это замаскированное рабство, применялся на всем протяжении огромных колониальных империй Англии, Франции, Голландии, Бельгии, Португалии, Испании. Еще в 1951 г. Специальный комитет ООН по вопросу о рабстве должен был констатировать: «Комитет единогласно пришел к заключению, что рабство даже в наиболее непри-

¹ W. M. Macmillan, *The Road...*, p. 149.

² A. J. Hanna, *The Beginnings...*, p. 201.

крытых его формах все еще существует на свете»¹. Рабство, в частности, сохранялось в ряде французских колоний в Африке. В 1955 г. возник скандал в связи с разоблачением факта продажи рабов в Аравию². Нет, колониализм был не антитезой, а синонимом рабства!

**Правда и вымысел
об оккупации
Египта**

Показательным примером фальсификации истории экспансии капиталистических держав может служить история английской оккупации

Египта. Этот пример интересен во многих отношениях. Во-первых, речь шла о стране, которая сделала в XIX в. значительные успехи в экономическом и культурном развитии и которая, даже применяя критерии самих колонизаторов, явно не нуждалась в непрошенных «цивилизаторских» услугах иностранных захватчиков. Во-вторых, действия английского правительства носили в этом случае столь откровенно разбойничий характер, что их безоговорочное оправдание, нисколько не спасая репутации колониализма, способно было бы лишь окончательно подорвать репутацию неоколониалистской историографии.

Далее, Египет принадлежит к числу стран, где национально-освободительное движение против английского господства носило особенно массовый, длительный и упорный характер, заставляя оккупантов пойти на ряд уступок еще задолго до того, как они были окончательно выброшены вон из страны. Попытки изобразить действия английских колонизаторов таким образом, чтобы сделать их до какой-то степени «приемлемыми» в глазах по крайней мере части национальных сил в Египте, также влияли на позицию неоколониалистских историков. Все это определяло необходимость для них совмещать метод открытого апологетического восхваления с методом столь же апологетической по своим целям критики действий колониальных властей.

Наконец, в случае с Египтом особенно отчетливо проступает осознанность реакционными историками фальсификаторского характера своих концепций. Еще в

¹ «Объединенные нации. Экономический и Социальный совет. Тринадцатая сессия. Доклад Специального комитета по вопросу о рабстве», 1951, стр. 21.

² V. Thompson, R. Adloff, *French West Africa*, p. 492.

1910 г. в Англии была издана марксистская работа Ф. А. Ротштейна, где с документальной неопровержимостью были разоблачены маневры и интриги британской дипломатии, направленные на устранение всех конкурентов Великобритании и установление ее единоличного господства в Египте. Неоколониалистским авторам, разумеется, отлично известно это исследование, но они предпочитают не замечать его, так как только с помощью фигуры умолчания, полного замалчивания приведенных в нем фактов можно защищать апологетические концепции реакционной историографии¹.

Большая задолженность египетского хедива Исмаила иностранным банкирам, как известно, послужила орудием, с помощью которого английские правящие круги решили подчинить себе Египет. В ноябре 1875 г. английский премьер Дизраэли, не испросив даже согласия парламента, купил у Исмаила принадлежавшую Египту долю акций Суэцкого канала. Одновременно, придравшись к довольно заурядной просьбе египетского правительства о приискании ему двух компетентных английских чиновников, которые могли бы помочь министру финансов в осуществлении необходимых административных реформ в его ведомстве, Лондон послал в Каир комиссию С. Кейва, этого, по выражению Маркса, «отвратительного британского крокодила»², для ревизии состояния египетского казначейства. Это непрошенное вмешательство во внутренние дела Египта по существу послужило началом английского вторжения, которое не получило сразу дальнейшего развития только вследствие сопротивления хедива, нашедшего поддержку у французской дипломатии. Первая попытка англичан окончилась неудачей. «Жаль, что наши правдивые историки никогда не давали себе труда сообщить нам вышеупомянутые подробности», — иронически заметил в своем исследовании Ф. А. Ротштейн³. Эти слова, написанные

¹ Добавим, что недоступные в 1910 г. для Ф. А. Ротштейна архивные материалы (в частности, фонды АВПР) вполне подтверждают все основные выводы его исследования.

² К. Маркс, Конспект статьи М. Дж. Малхолла «Финансы Египта». «Народы Азии и Африки», 1962, № 6, стр. 55.

³ Ф. А. Ротштейн, *Захват и закабаление Египта*, изд. 2, М., 1959, стр. 29.

более полувека назад, вполне применимы и к новейшей реакционной историографии.

Джон Марлоу, автор работы по истории англо-египетских отношений, придает невинный характер миссии С. Кейва: оказывается, просто чтобы порекомендовать хедиву компетентных английских чиновников, британскому правительству потребовалось получить некоторую информацию о состоянии египетских финансов¹. Используя полученную С. Кейвом конфиденциальную информацию, английское правительство вероломно объявило, что опубликует отчет о состоянии египетских финансов. Немедленно последовал протест хедива, после чего Дизраэли не просто заявил, что доклад Кейва не подлежит оглашению, а что он не может быть обнародован вследствие решительного противодействия хедива. Одним словом, английское правительство искусственно создавало впечатление катастрофического положения египетских финансов (для чего доклад С. Кейва вовсе не давал основания). «Они мне вырыли могилу», — сказал Исмаил, узнав о действиях английского правительства, которые действительно вскоре привели к объявлению в апреле 1876 г. Египтом финансового банкротства.

Британское правительство, однако, убедилось после дипломатического зондажа, что любые его отдельные действия, направленные на установление английского контроля над Египтом, встретят решительное противодействие Франции, не говоря уже о самом хедиве. Пришлось пойти на временный компромисс с Францией. Марлоу скрывает эти планы под следующими утверждениями: «В это время британское правительство, безусловно, было настроено в пользу независимого, а не интернационализованного Египта»².

Начиная с осени 1876 г. последовали длительные переговоры между хедивом и представителями его иностранных кредиторов — английским банкиром, бывшим министром Гошеном и французом Жубером. Египет был поставлен под финансовый контроль западноевропейских ростовщиков. Осуществляемый ими грабеж по своим беззастенчивости и цинизму превзошел все мыслимые

¹ J. Marlowe, *A History of Modern Egypt and Anglo-Egyptian Relations 1800—1953*, New York, 1954, p. 92—93.

² Там же, стр. 95.

пределы. В Египте нарастало народное движение против иностранных грабителей, которые добились в 1878 г. назначения хедивом «европейского министерства». В апреле 1879 г. хедив дал отставку европейским министрам и назначил национальный кабинет. В этих условиях Франция стала настаивать на совместной франко-английской интервенции для низложения Исмаила. Лондон ответил решительным отказом. Подобный план не устраивал английский кабинет, рассчитывавший при благоприятном случае установить британский протекторат над Египтом¹. Английская дипломатия добилась отречения Исмаила от престола в пользу его сына Тефтика. Правительство было вновь реорганизовано, чтобы подчинить его «двойственному контролю» специальных агентов, назначавшихся Лондоном и Парижем. Реакционная историография ухитряется даже в принуждении Исмаила к отречению узреть английскую заботу о сохранении суверенитета Египта. Английское правительство, якобы не сознавая последствий своих действий, пыталось лишь «убедить Францию предоставить Египет самому себе»².

Центром египетского национального сопротивления стала армия. Возглавляемые полковником Араби-пашой офицеры в сентябре 1881 г. потребовали от хедива смещения министров — прислужников иностранцев, принятия конституции и образования национального правительства. Хедив, не рискнувший, как ему советовал английский генеральный контролер сэра Окленд Колвин, во время переговоров с офицерами просто застрелить Араби-пашу, вынужден был принять требования армии. Во Франции Гамбетта стоял за немедленную интервенцию. Но проект совместной англо-французской интервенции был и теперь, так же как и раньше, неприемлем для британского кабинета, ибо он препятствовал английским планам единоличного захвата Египта. Понятно, что реакционные историки пытаются извлечь максимальные выгоды из английского отказа поддержать план совместной интервенции, опять умалчивая о причинах этого сопротивления³.

¹ См. Ф. А. Ротштейн, *Захват и закабаление Египта*, стр. 87.

² J. Marlowe, *A History...*, p. 104—105.

³ Там же, стр. 117 f.

Приход к власти в Англии либерального правительства Гладстона не изменил британской политики. Когда же смена кабинета во Франции привела на пост министра иностранных дел Фрейсинэ, противника вооруженной интервенции (он исходил из расчета, что и Англия при этом воздержится от вмешательства), лондонский кабинет пришел к решению, что настала пора действовать. Здесь не место излагать те хитроумные интриги, с помощью которых британская дипломатия пыталась, делая вид, что действует совместно с Францией, создать условия для исключительно английской интервенции, — все это хорошо показано в упомянутом труде Ф. А. Ротштейна. Английская дипломатия, много месяцев строившая козни против национального министерства и Араби-паши, наконец с помощью послушного ей хедива и придворной клики спровоцировала 11 июня 1882 г. волнения против иностранцев в Александрии. С этой целью были использованы наемные бандиты, специально переброшенные в город. Полиция получила от хедива секретный приказ не вмешиваться в события. Наличие провокации, о которой писал Ф. А. Ротштейн¹, подтверждается материалами русского дипломатического архива.

Согласившись на проведение международной конференции в Константинополе для обсуждения египетского вопроса, рассматривая планы организации интервенции Турции — номинального сюзерена Египта — с мандатом от великих держав, Англия вела дело к британской оккупации. В Александрию прибыла английская эскадра под командой адмирала Сеймура. Лондон решил поставить своих соперников перед свершившимся фактом. Русский генеральный консул Лекс сообщал из Александрии по свежим следам событий: «В александрийской истории 11-го июня арабы-фанатики играли отвратительную роль, но меня уверяют, и в числе их сам Араби, что само движение задумано было англичанами и что на это употреблены были даже английские деньги; они как будто надеялись, что резня примет более угрожающий характер, за которым последовали бы бомбардировка и английская высадка, но войска Араби были тому неожиданной помехой, разогнав весьма быстро шайки бунтовщиков. . . Английский адмирал не может с тех пор спать

¹ См. Ф. А. Ротштейн, *Захват и закабаление Египта*, стр. 166.

спокойно и мечтает только о том, как бы уничтожить Александрию и занять город сначала своим десантом, а потом английскими войсками, которые ожидают из Каира и Мальты»¹.

Несколько ранее в том же донесении русский дипломат писал «о странных действиях адмирала Сеймура: не обращая внимания на Константинопольскую конференцию и не желая ожидать ее решений, он ждет предложения для бомбардирования Александрии; то ему придет идея, что Арабы имеют намерение загородить Александрийский маяк и тем помешать выходу флота из порта, то ему покажется опасным постановка на фортах орудий, угрожающих как будто военным судам; он посылает сейчас ультиматум, давая 24 часа срока до бомбардирования...»².

В последующем донесении Лекс подчеркивает, что требование не укреплять форты (укрепление фортов и ныне некоторые реакционные историки объявляют причиной, вынудившей англичан к односторонним действиям) было, конечно, первым попавшимся под руку предложением. Египтяне были готовы его удовлетворить, но это менее всего устраивало Сеймура. В случае если бы его ультиматум был принят, нашлись бы немедленно новые требования, которые можно было бы выдвинуть по прибытии десантных войск с Мальты³. Впрочем, торопясь приступить к действиям, Сеймур объявил, что его первый ультиматум не был принят египетскими властями. Последовала варварская бомбардировка мирного, густонаселенного города английским флотом. Пылающий город был оставлен египетскими войсками. Через две недели Лекс сообщал: «Большая часть Александрии в развалинах...»⁴ В Египте высадились английские войска и приступили к оккупации страны.

Реакционная историография, разумеется, молчит об английской провокации 11 июня, так как признание ее

¹ АВПР, ф. Политархив, 1876—1882 гг., д. 820, л. 96—97. Между тем неоколониалистские авторы, как правило, повторяют вымысел английского правительства, будто оно начало интервенцию чуть ли не исключительно для защиты европейцев в Египте. См., напр., *W. R. Brock, Britain and the Dominions*, p. 297—298.

² АВПР, ф. Политархив, 1876—1882, д. 820, л. 96.

³ Там же, л. 303—305.

⁴ Там же, л. 93, 387.

полностью разоблачило бы несостоятельность всего фальсифицированного изображения политики Англии. В «Кембриджской истории Британской империи» мы найдем такое «объяснение» действий либерального кабинета начиная с января 1882 г.: «Находясь в смятении с самого начала вследствие несовместимости двойственного контроля с гладстоновской доктриной национальной свободы и идеалом «Египет для египтян», оно (британское правительство. — *Е. Ч.*) колебалось между своими принципами и французским давлением, между нежеланием вмешиваться и нежеланием узреть французскую интервенцию без английского участия». Стремясь в минимальной степени брать на себя ответственность за управление Египтом, Англия якобы склонялась в пользу турецкой интервенции, потом совместной англо-французской интервенции, но натолкнулась в последний момент на отказ французов. Конференция в Константинополе, мол, только возбудила египетских националистов, вызвала мятежи против иностранцев, что сделало «дальнейшие действия неизбежными до того, как могло быть достигнуто соглашение о международной процедуре». Все это, а также боязнь за целостность канала будто бы и принудили Гладстона действовать, хотя он все же не хотел высаживать войска в Египте, считая это нелояльным в отношении других европейских держав. Так «британское правительство, постоянно выступавшее против англо-французской интервенции, не говоря уже об изолированных действиях Англии, обнаружило себя странной, единолично оккупировавшей Египет»¹.

Здесь все слишком характерно — от «нажима» на факты до лицемерной фразы в конце, все слишком говорит само за себя в свете известных нам подлинных фактов чтобы требовались дополнительные комментарии.

Утверждение о почти «случайном», «непреднамеренном» характере британской оккупации Египта прочно вошло в английскую (и не только английскую) неоколонналистскую историографию и публицистику². Более

¹ «Cambridge History of the British Empire», v. III, p. 108—112. Ср. *J. Marlowe*, *A History...*, p. 122—123.

² См., напр., *C. Carrington*, *The British Overseas...*, p. 730; *G. E. Kirk*, *A Short History of the Middle East*, London, 1957, p. 112—113; *J. Cameron*, *The African Revolution*, London, 1961, p. 150.

того, к не только фактически неверному, но и малоправдоподобному тезису, что лишь цепь роковых случайностей заставила Англию оккупировать Египет, неокOLONиалистская историография добавляет столь же невероятное утверждение, что такая же цепь случайностей помешала англичанам вскоре же покинуть Египет, как ни желали этого Гладстон и его кабинет. НеокOLONиалистские историки готовы даже журить кабинет Гладстона за то, что он своим открыто выраженным «желанием» поскорее закончить оккупацию мешал работе по оздоровлению египетских финансов¹. Демонстративные заверения о намерении покинуть Египет, как только к тому представится возможность, и явно рассчитанные на широкую гласность «тайные колебания» либеральных министров позволяли английской дипломатии решать довольно щекотливую задачу — успокаивать Францию и уверять, далее, что оккупация Египта нисколько не подрывает целостности Турции, гарантированной Парижским мирным договором 1856 г. и решениями Берлинского конгресса 1878 г., в целом чрезвычайно выгодными для Англии².

Но неокOLONиалистские историки не хотят сдаваться, заявляя, что свидетельством искренности Англии было заключение конвенции Друммонд-Волфа³. Английский дипломат Друммонд-Волф в 1885 г. действительно заключил с султанским правительством конвенцию о командировании в Египет английского и турецкого представителей для расследования положения дел и изучения возможностей эвакуации британских войск. Однако конвенция не была ратифицирована, и Друммонд-Волф был отозван английским правительством. А несколько позднее Англия сделала султану предложения, сводившиеся к тому, чтобы в обмен на постепенную эвакуацию английских войск Великобритания получила бы официальное право интервенции в случае нарушения Египтом своих обязательств. Иначе говоря, речь шла об уза-

¹ См. *J. Marlowe, A History...*, p. 131.

² См., напр., *Б. А. Цинман, Борьба Англии и Франции из-за Египта (сентябрь 1882 — август 1887)*. Автореферат кандидатской диссертации, Л., 1954.

³ *J. Marlowe, A History...*, p. 136—137; *G. E. Kirk, A Short History...*, p. 114; *C. Carrington, The British Overseas...*, p. 742—743. Эта версия восходит еще к утверждениям Кромера.

конивании английского контроля над Египтом, вызывавшего по-прежнему резкую оппозицию Франции и других держав¹. (Были у англичан в этой связи и планы использования турецких войск против махдистов в Судане.) Таково было на деле единственное доказательство «искренности» английского правительства в вопросе об уходе из Египта.

В неокOLONиалистской литературе, как правило, целиком воспроизводится почерпнутая из старых империалистических работ легенда о том, что лорд Кромер, бывший более четверти века (1882—1907) правителем Египта, спас эту страну от финансовой и экономической катастрофы, уменьшил налоги и облагодетельствовал крестьянство — «бессловесного феллаха»². Эта легенда, одним из главных пропагандистов которой выступал такой «беспристрастный свидетель», как сам Кромер, была еще полвека назад разоблачена Ф. А. Ротштейном³. Нечего уже говорить о том, что весь смысл финансовых и экономических реформ Кромера сводился прежде всего к тому, чтобы обеспечить бесперебойную выплату Египтом дани иностранным кредиторам, а некоторые работы в области ирригации определялись исключительно стремлением повысить значение захваченной страны как сырьевого придатка Англии, а также увеличить бюджетные поступления, опять-таки в большей части шедшие на выплату процентов по иностранным займам. По расчетам одного советского исследователя, иностранный капитал в 1884—1914 гг. ежегодно изымал из Египта дань в размере 14,5—15 млн. ф. ст., что равнялось доходу 1,5 млн. крестьянских семей, или 7 млн. человек (т. е. 50% населения). Норма прибыли была в 4 раза более

¹ См. Ф. А. Ротштейн, *Захват и закабаление Египта*, стр. 274—276. Ср. признания в статье Т. В. Miller, *The Egyptian Question and British Foreign Policy, 1892—1894*. «*Journal of Modern History*», 1960, March, N 1, p. 1—15. Д. Кирк тоже должен был отметить, что английское правительство в начале XX в. стремилось удержать Египет ради собственной выгоды, но этой «выгодой» считает только контроль над Суэцким каналом, а отнюдь не эксплуатацию страны (G. E. Kirk, *A Short History...*, p. 118).

² См., напр., C. Carrington, *The British Overseas...*, p. 742—744, 749; J. Marlowe, *A History...*, p. 170 f, 252; T. R. Batten, *Africa, Past and Present*, p. 86.

³ См. Ф. А. Ротштейн, *Захват и закабаление Египта*, стр. 201—254.

высокой, чем в торговле Англии с Индией. Доходы значительно превысили вложенный капитал. К 1914 г. потери Египта достигли 250 млн. ф. ст. Если бы эта сумма была использована на благо страны, можно было на $\frac{2}{3}$ повысить размер национального дохода! ¹

Неоколониалистские историки, не стесняясь, утверждают, будто лорд Китченер во время своего правления (1911—1914) проводил реформы, проникнутые заботой о защите крестьянства от ростовщиков ². На деле закон 1912 г. о запрещении продажи мелких крестьянских владений за долги несколько не облегчил участи крестьянства. Напротив, оно, лишившись теперь возможности закладывать свою землю в сельскохозяйственном банке, еще более попадало в кабальную зависимость от местных ростовщиков. Зато Китченер, чтобы отвлечь помещиков от участия в национально-освободительном движении, провел в интересах крупных землевладельцев закон о создании нового законодательного собрания. Это собрание, состоявшее из помещиков, получило в числе других, менее значительных прав также право запрещать повышение земельного налога, что было выгодно крупным землевладельцам. Главное же «реформаторское» рвение Китченера, безусловно, направлялось на строительство стратегических дорог, арсеналов и казарм, чтобы превратить Египет в английскую базу в связи с надвигающейся мировой войной. Не мудрено, что некоторые реакционные историки при оценке реформ Китченера предпочитают повторять уже знакомый нам трюк. Эти реформы, указывают они, проводились для защиты крестьянства, но, к сожалению, не сыграли предназначенной им роли ³.

Говоря о «достижениях» английского управления в экономической области, неоколониалистские историки заботливо опускают всякое упоминание о том, что британская администрация все время препятствовала развитию египетской промышленности — факт, который в начале XX в. отмечался даже буржуазными (большей

¹ Л. А. Фридман, Экспорт капитала и колониальная эксплуатация Египта в 1882—1913 гг. «Империализм и борьба рабочего класса». Сборник статей памяти акад. Ф. А. Ротштейна, М., 1960, стр. 199, 207.

² C. Carrington, The British Overseas. . . , p. 754.

³ J. Marlowe, A History. . . , p. 208—209.

частью неанглийскими) авторами, например З. Шильдером¹. Косвенным, но чрезвычайно ярким свидетельством этого являются египетские официальные данные о росте производства после свержения монархии в 1952 г. и достижения действительной независимости. В 1961 г. по сравнению с 1952 г. производство электроэнергии увеличилось почти в 6 раз, цемента — в 2,5 раза, хлопчатобумажной пряжи — в 2,5 раза, железа и стали — более чем в 7 раз, продукции горнодобывающей промышленности — более чем в 3 раза и т. д.² За 1952—1963 гг. в Египте было построено 700 фабрик — в 35 раз больше, чем за предшествовавшие 30 лет³.

**«Гуманизм»
раздела Африки**

Неоколониалистская историография подыскивает оправдания для самых кровавых злодеяний колонизаторов во время дележа Африки. «Чтобы умиротворить антирабовладельческое движение, генерал Гордон был послан в Судан»⁴ — так повествует «Кембриджская история Британской империи» о начале открытых захватнических действий англичан в этой части Африки в 1884 г. Весь последующий путь английских завоевателей в Судане, буквально устланный трупами суданцев, отстаивавших независимость родины, рисуется как «защита Египта», как война за ликвидацию работорговли и даже борьба против голода и болезней, как распространение и на эту страну тех «благ», которые получили египтяне от английского управления, наконец, просто как оборона от других возможных завоевателей⁵. Что уж говорить об остальных завоеваниях! Захват Нигерии неоколониалистские историки трактуют как филантропическое мероприятие, пишут о «благородном величии крестового похода» и т. п.⁶, хотя завоевание страны сопровождалось кровавыми злодеяниями колонизаторов (бомбардировка Лагоса и т. д.). Вся последующая цепь интриг, разжигание борьбы ме-

¹ S. Schilder, *Entwicklungstendenzen der Weltwirtschaft*, Bd. I, Berlin, 1912, S. 244—245.

² «Правда», 6 августа 1962 г.

³ «New York Times», 27.VII.1963.

⁴ «Cambridge History of the British Empire», v. III, p. 152 f.

⁵ T. R. Batten, *Africa. Past and Present*, p. 86; R. Gray, *A History of Southern Sudan*, Oxford, 1961, p. 203.

⁶ Напр., H. Pedraza, *Borriboola* — gha., p. 20.

жду местными правителями и претендентами на власть, использованной как предлог для захвата Лагоса в 1851 г. и формальной аннексии страны через 10 лет после этого, рисуются в том же «гуманистическом» духе¹.

Следует отметить, что «оборонительная» трактовка колониальных захватов с особой бесцеремонностью применяется при освещении истории колониальной политики в Африке. Разжигая споры между племенами, провоцируя столкновения, колониальные власти легко могли принимать позу обороняющейся стороны, а реакционные историки — повторять надуманные версии властей. Так, в изложении истории Золотого Берега английские колонизаторы изображаются как «защитники» прибрежных племен от конфедерации Ашанти. Первоначально войны с племенами Ашанти (в частности, в 1873—1874 гг.) служили якобы лишь для этой цели. Потом, поскольку среди них воцарился хаос, английские власти «осознали опасность оставления Ашанти на произвол судьбы», в 1900 г., после восстания племен, заняли их страну и через год вынуждены были принять на себя бремя управления². Английский историк У. Д. Макинтайр в статье о войне 1873—1874 гг. готов признать ее агрессивный характер (вина перекладывается на отдельных «прометчиво» действовавших представителей колониальных властей), но тут же солидаризуется с остальными реакционными историками, подчеркивая якобы «благотворные» последствия этой войны³. Многочисленные войны против туземного населения в Южной Африке, захватническая экспедиция против Абиссинии в 1867—1868 гг. были, оказывается, борьбой с «варварством» и «деспотизмом»⁴.

Неоколониалистские историки неустанно твердят о благах, которые якобы получили народы Африки от прихода колонизаторов⁵. Они повторяют легенду о «цивилизаторской миссии» Англии в колониях⁶, хищническая экспансия рисуется как процесс постепенного рас-

¹ J. D. Fage, *An Introduction...*, p. 134—135.

² Там же, стр. 135, 139, 140, 157—158.

³ «Historical Journal», 1962, N 1.

⁴ C. Carrington, *The British Overseas...*, p. 630, 660—661.

⁵ Z. Marsh, G. Kingsnorth, *An Introduction...*, p. 98—99; ср. W. Gale, *Zambesi Sunrise...*

⁶ P. Mason, *The Birth of a Dilemma...*, p. 1.

пространения на жителей колоний «британских свобод», наделения этих колоний правами, которые ранее были получены белыми доминионами¹. Буржуазные историки договариваются даже до заявлений, что Британская империя превратилась «в то, чем должна была стать, но не стала Организация Объединенных Наций — подлинным братством людей»².

В неокOLONиалистских сочинениях усердно расписываются мнимое благородство, идеализм и бескорыстие колонизаторов типа С. Родса, Г. Джонстона, Ф. Легерда и др.³ Филантропические цели в изображении реакционных историков преследовали якобы даже монополистические компании, грабившие колонии⁴. В данном отношении новейшей реакционной историографии вполне удалось «преодолеть» (в смысле замалчивания, игнорирования и фальсифицирования фактов) старую буржуазно-либеральную и реформистскую литературу вроде не раз упоминавшихся работ Д. Гобсона, Л. Вулфа, Э. Д. Мореля⁵, Д. Харриса⁶, в которых, хотя бы частично, была приподнята завеса над подлинной картиной деятельности привилегированных компаний.

**Филантропия,
а не эксплуатация?**

Буржуазные историки уверяют, что будто «филантропический» элемент в колониальной политике резко усилился еще в самом начале превращения «старого» капитализма в «новый», когда в конце XIX — начале XX в. стало происходить расширение функций государства, подготовившее эту метаморфозу⁷.

¹ P. Knaplund, *Britain...*, p. 289; P. Maitland, *Task for Giants. An Expanding Commonwealth*, London, 1957, p. 13—25f.

² D. Taylor, *The Years of Challenge. The Commonwealth and British Empire*, London, 1959, p. 248.

³ A. J. Hanna, *The Beginnings...*, p. 139; R. Oliver, *Sir Harry Johnston and the Scramble for Africa*, London, 1959; M. Perham, *Lugard*, v. 1—2, London, 1956—1960; J. G. Lockhart, *Cecil Rhodes*, London, 1946 и многие другие. С. Родсу принадлежит циничное признание, что мотивы, которыми руководствовались колонизаторы, сводились к «филантропии плюс пять процентов (на капитал)» (F. M. Bourret, *Ghana...*, p. 19).

⁴ См., напр., Z. Marsh, G. Kingsnorth, *An Introduction...*, p. 148—149 (о Британской имперской восточноафриканской компании).

⁵ E. D. Morel, *The Black Man's Burden*, London, 1920.

⁶ J. H. Harris, *The Chartered Millions. Rhodesia and the Challenge to the British Commonwealth*, London, 1920.

⁷ V. Harlow, *The Historian...*, p. 22—23.

Не следует думать, что выпячивание «гуманистического фактора» всегда производится со столь примитивной прямолинейностью. И здесь опять в полной мере проявляется свойственное неокOLONИАЛИСТСКОЙ историографии переплетение приемов открытой апологетики и различных оговорок, призванных прикрыть вопиющую фальшь основной концепции. Так, постоянно изображая дело таким образом, будто «филантропы» требовали от сопротивлявшегося английского правительства все новых колониальных аннексий (для борьбы с рабством и т. д.), неокOLONИАЛИСТСКИЕ историки как бы вскользь иногда высказывают и прямо противоположный взгляд, что «гуманизм» оправдывал в глазах публики империалистическую политику¹. В неокOLONИАЛИСТСКОЙ историографии метод лобовой апологетики постоянно перемежается с обходными маневрами, признанием частицы правды для искажения общей картины событий.

В старой империалистической литературе восхваление колониализма как блага для поработенных народов шло обычно от пропаганды преимуществ, приносимых колониализмом метрополиям (читай: буржуазии метрополий), пропаганды, которая была призвана подогревать шовинистические настроения, популяризировать «имперскую идею». В 20-е годы XX в. Легердом была выдвинута характерная теория «двойной миссии» (Dual Mandate) колониального режима. «С самого начала следует признать, — писал Легерд, — что европейский ум, капитал и энергия не тратились и никогда не будут тратиться на развитие ресурсов Африки из чисто филантропических мотивов, что Европа находится в Африке для взаимного блага своих собственных промышленных классов и туземных народов... Целью и стремлением цивилизованной администрации является осуществление этой двойной миссии»². Теорию Легерда можно в известной мере считать переходной ко многим концепциям неокOLONИАЛИСТСКОЙ историографии. В ряде случаев, следуя теории «двойной миссии», неокOLONИАЛИСТСКИЕ историки порой идут дальше. Они пытаются показать, что это мнимое

¹ «Cambridge History of the British Empire», v. III, p. 137f, 161. Ср. аналогичные признания в кн.: *J. S. Furnival, Colonial Policy and Practice. A Comparative Study of Burma and Netherlands India*, New York, 1956, p. 6.

² *F. Lugard, The Dual Mandate...*, p. 617.

совпадение интересов поработителей и поработенных, грабителей и ограбляемых, опровергаемое слишком уж подавляющей массой известных науке материалов, осуществлялось не сразу, а с течением времени, в общем и целом или при подведении «окончательного баланса».

Нет надобности, конечно, говорить, что этот «баланс» составляется по уже знакомым нам методам, на основе подтасованных, фальшивых данных. Т. Р. Бэттен с видом объективности отмечает: «Раздел Африки имел как хорошие, так и дурные последствия». Начиная с «плохих», историк-апологет признает, что многие европейские государства смотрели на захваченные ими территории просто как на свою полную собственность, плохо обращались с африканцами. Однако тут же приводится и другая часть «баланса»: «Большинство из дурных следствий раздела Африки принадлежит к прошлому. Одни из них были следствием ошибок, другие — эгоизма, но большинство людей в Европе следовали идеалу Ливингстона, стремившегося принести цивилизацию и счастье африканским народам»¹. Упомянув об «ошибках» и «эгоизме» меньшинства, Бэттен далее расхваливает идеалы «большинства», т. е. самих народов Европы, как само собой разумеющийся факт, считает, будто народы осуществляли колониальную политику, будто их мнения, настроения и желания осуществляли колонизаторы.

При составлении «баланса» постоянно идет речь и о благородных намерениях колонизаторов: «Было бы совершенно неправильно думать о разделе Африки как только о борьбе за доходы. Некоторые люди рассматривают дело таким образом, но это была лишь часть очень большой картины. Имелись также миссионеры и аболиционисты, которые во многих случаях жертвовали своими жизнями и не получали осязаемого вознаграждения... Раздел принес африканцам более выгод, чем потерь»². С другой стороны, доказывается, что, даже когда не столь возвышенные мотивы руководили колонизаторами, их деятельность тем не менее объективно принесла благие результаты. Некоторые неоколониалистские авторы, видимо, чувствуют нелепость тезиса реакцион-

¹ T. R. Batten, *Africa. Past and Present*, p. 67—68.

² Z. Marsh, G. Kingsnorth, *An Introduction*. . , p. 98.

ной историографии, что колонии завоевывались, чтобы наделить их позднее свободой и независимостью. Нет, разъясняют эти авторы, вначале такая цель считалась еще вне сферы практической политики¹, и все же колониальный режим, мол, привел к этому результату. Даже истребительные колониальные войны были, оказывается, для туземцев хорошей школой для знакомства с достижениями Европы². Напротив, если и творилось колонизаторами зло, то обычно по неведению, при самых добрых намерениях со стороны колониальных властей. Просто в XIX в. европейцы считали, что, получая доходы, они одновременно несут Африке цивилизацию. Но они еще не знали, да и не могли знать за отсутствием опыта, что воздействие европейской цивилизации должно было привести к расшатыванию устоев племенной жизни и что поэтому надо было принимать меры для заполнения образовавшегося опасного вакуума, т. е. для строительства новых общественных основ³. На деле, разрушая существовавшие в Африке натуральное хозяйство и племенной быт, превращая нередко колонии в области монокультуры, а местное население — в поставщика дешевой рабочей силы, колонизаторы были мало заинтересованы в развитии внутреннего рынка, улучшении земледелия и скотоводства, в развитии многоотраслевой экономики, которые могли бы создать условия для строительства этих новых социальных устоев.

Центральное значение для сведения баланса плюсов и минусов приобретает сокрытие основных видов и форм империалистического грабежа колоний. Расхищение природных богатств предстает как развитие естественных ресурсов⁴, жестокая эксплуатация африканцев — как приобщение местного населения к европейской культуре, обучение его производственным навыкам и первичное ознакомление с современной техникой, неэквива-

¹ *A. J. Hanna, European Rule in Africa*, p. 15.

² *W. M. Macmillan, The Road...*, p. 22.

³ *V. Harlow, The Historian...*, p. 9.

⁴ О формах и методах колониального ограбления см., напр., *Л. В. Гончаров, Империалистическая эксплуатация английских колоний в Африке*, М., 1961; *Л. Г. Гукасян-Гандзакеци, Французский империализм и Африка*, М., 1962, а также работы по отдельным странам, напр., *В. Я. Кацман, Танганьика (1946—1961)*, М., 1962, стр. 14 и сл. Ср. *Д. Уоддис, Африка. Причины взрыва*, М., 1962.

лентная торговля — как снабжение страны достижениями западной цивилизации, открытие рынков для товаров, которые африканцы научились производить с помощью колонизаторов, и т. д.¹

Очень настойчивы попытки идеализировать то уродливое развитие экономики, которое было навязано империалистами их колониям в Африке. Внедрение монокультуры представляется как великое благодеяние, дававшее возможность колониям получать взамен своих продуктов европейские товары. Между тем в условиях неэквивалентной торговли увеличение вывоза означало не «рост благосостояния» колонии, а, напротив, увеличение потерь и увеличение за счет этого доходов капиталистов метрополии. (В целом в английских колониях вывоз составлял примерно 45% национального продукта!) Кроме того, утверждение монокультуры не только приводило к укреплению цепей колониальной зависимости, но и мешало развитию других неэкспортных отраслей сельского хозяйства, призванных удовлетворять нужды внутреннего рынка. Эти отрасли и в Западной и в Восточной Африке нередко прямо деградировали, что резко ухудшало питание местного населения.

В апологетическом рвении неоколониалистские историки готовы в равной мере изображать как благодетельные меры и сохранение крестьянского хозяйства, что оказалось для колонизаторов лучшим методом «выкачки богатств» в ряде английских колоний в Западной Африке, а также в отдельных владениях в Восточной Африке (Уганда), и сгон местного населения с земли для создания крупного плантационного хозяйства европейских компаний и поселенцев (Кения), и использование как первого, так и второго пути грабежа естественных ресурсов и эксплуатации африканского населения (Танганьика).

Неоколониалистская историография полностью замалчивает постоянное стремление английской администрации воспрепятствовать созданию в странах Африки национальной промышленности, несмотря на существование там богатейших залежей полезных ископаемых².

¹ См., напр., *J. D. Fage, An Introduction...*, p. 187—190.

² См. об этом, напр., *К. Нкрума, Автобиография*, М., 1961, стр. 5—7; *Ж. Буайон, Рождение африканского государства*, М., 1960, стр. 8 и др.

Поскольку отрицается главное — империалистический грабёж, легко изобразить дело таким образом, будто единственные тяготы, которые возлагали колонизаторы на африканцев, — это небольшие налоги, поступления от которых шли на строительство дорог, больниц и школ, на нужды управления и просвещения населения. Да и то налогов с местного населения не доставало и приходилось пополнять колониальную казну за счет дотаций из бюджета метрополии¹. Неоколониалистские историки готовы, приняв позу критиков, упрекать европейские правительства за недостаточность таких ассигнований, за то, что колонизаторы в ряде случаев, мол, были меньшими благодетелями населения, чем могли быть. Однако и тут находится обычное оправдание — груз фритредерских воззрений.

В Англии в XIX в. правящая партия, когда она, по словам Маркса, не знала, куда пристроить какого-нибудь из своих десятистепенных «государственных деятелей», назначала его руководителем колониального ведомства². Неоколониалистские историки и здесь отыскивали причину, почему не удавалось получить достаточные дотации на улучшение условий жизни в колониях³. Позднее, в XX в., в изображении реакционных историков желание помочь колониям росло, но, мол, было уже поздно, так как дело шло к «самоликвидации колониализма»⁴.

Установление прямого управления, т. е. непосредственного управления с помощью английского административного аппарата, оценивается как бесспорный прогресс, «торжество цивилизации»⁵. Однако подчеркивается, что, хотя английские власти вводили систему прямого управления с наилучшими намерениями, она, как и приход европейцев в целом, имела известную теневую сторону, так как слишком уж круто ломала племенные формы жизни, обычаи и привязанности, создававшие

¹ A. J. Hanna, *The Beginnings...*, p. 244—245; Z. Marsh, *G. Kingsnorth, An Introduction...*, p. 209. Американские авторы пишут, что колониальные власти могли лишь ставить целью, чтобы колонии не приносили убытков. (R. Theobald (Ed.), *The New Nations of West Africa*, New York, 1960, p. 37.)

² См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., изд. 2, т. 9, стр. 186.

³ S. C. Easton, *The Twilight of European Colonialism*, London, 1961, p. 29—30.

⁴ W. M. Macmillan, *The Road...*, p. 208—209.

⁵ Z. Marsh, *G. W. Kingsnorth, An Introduction...*, p. 209 а. о.

известную «органическую связь» между правителями и управляемыми. Поэтому, мол, английские власти поняли, что следует перейти к системе «косвенного управления», т. е. управления через племенных вождей и старейшин, которая стала вводиться еще в начале XX в. и постепенно распространилась на многие колонии Западной и Восточной Африки¹.

В действительности, как известно, этот метод управления имел целью укрепление основ колониального режима путем использования феодальных вождей и племенных старейшин в качестве орудия колониальных властей и прямой агентуры монополий². Система «косвенного управления» вызвала даже ряд восстаний, которые непосредственно были направлены против назначенных колонизаторами племенных вождей (например, в Нигерии в 1927 и 1929 гг.)³. По мнению же реакционных историков, эта система была крайне полезной для «туземцев», хотя и вызвала недовольство, несмотря на такие похвальные качества. Она озлобила по-европейски образованную интеллигенцию, обиженную предпочтением, которое оказывалось племенным вождям, и толкнула ее на оппозицию колониальному режиму⁴. Так исподволь реакционная историография подготавливает легенду об интеллигентском происхождении и характере национально-освободительного движения, с которой мы еще познакомимся ниже.

История африканских стран, например Золотого Берега (Ганы), излагается так, будто все беды и неустойчивость являлись результатом того, что колонизаторы не сразу, не в XVII, а только в XIX в. окончательно захватили эти страны⁵. Если что и задерживало прогресс Западной Африки, так это, мол, сопротивление народов колонизаторам (войны с ашанти и др.) и трудности на-

¹ *A. J. Hanna, The Beginnings...*, p. 244—245; *A. J. Hanna, European Rule in Africa*, p. 22—23; *J. D. Fage, An Introduction...*, p. 171—172, 177—180.

² См. *Р. Палм Датт, Кризис Британии и Британской империи*, М., 1959, стр. 260 и сл.; *И. М. Лемин, Обострение кризиса Британской империи после второй мировой войны*, стр. 341 и сл.

³ *Л. Н. Прибытковский, Нигерия в борьбе за независимость*, М., 1961, стр. 19—20.

⁴ *W. M. Macmillan, The Road...*, p. 23.

⁵ *W. E. Ward, A Short History...*, p. 75 а. о.

хождения экспортной монокультуры или полезных ископаемых, которые могли бы заменить прежний предмет вывоза — рабов. Но постепенно все это было обнаружено и послужило основой для «процветания» Золотого Берега, Нигерии, Сьерра-Леоне и других колоний¹. Однако часто и здесь возникает знакомая картина: лобовая апологетика сопровождается (особенно у американских историков) более «тонкими» маневрами. Так, Д. Далтон разъясняет, что у английской администрации в Гане были, конечно, недостатки, но они были просто следствием ошибок, недоделок, а отнюдь не результатом «крайней эксплуатации или политического угнетения»². «Наследие Ганы, полученное от англичан, — делает вывод Далтон, — это не ожесточение, эксплуатация и нищета, как таковые. Это унаследование определенного вида экономики, неплохо достигающей поставленной перед ней цели — добывания достаточных доходов, чтобы оплачивать администрацию, обеспечивающую порядок, и поощрения экспорта, необходимого для оплаты импорта из метрополии». Далтон готов признать, что целью колониальной администрации было превращение Ганы в аграрный придаток метрополии, но тут же уверяет, что это не имело ничего общего с эксплуатацией, а, напротив, несмотря на «ограниченность» целей колонизаторов, было весьма полезным для населения страны.

В работах реакционных историков нет и не может быть места для признания того безусловного факта, что колониальные власти сознательно задерживали подлинный хозяйственный рост, создание многоотраслевой экономики, отвечающей интересам самой Ганы, а не «оплаты импорта из метрополии»³. Гана была превращена в область монокультуры, в вотчину монополий типа «Юнайтед Эфрика компани». В эту страну с исключительно благоприятным климатом ввозилось 80% потребного ей продовольствия. Стоит напомнить, что английские колонизаторы еще в 1871 г. задушили в зародыше образовавшуюся конфедерацию племен фанти, ставив-

¹ J. D. Fage, *An Introduction*... , p. 187—190.

² J. H. Dalton, *Colony and Metropolis: Some Aspects of British Rule in Gold Coast and their Implications for the Understanding of Ghana Today*. «*Journal of Economic History*», 1961, December, p. 553—555.

³ См. об этом К. Нкрума, *Автобиография*, стр. 5, 7.

шую целью экономическое и социально-политическое развитие страны, в частности как раз создание многоотраслевой экономики. Английские власти объявили создание конфедерации «преступным заговором», арестовали ее организаторов.

Что же касается «забот» английских властей о просвещении, то Л. Вулф в 1928 г. писал: «Не будет преувеличением сказать, что ни одна европейская держава не предприняла в своих африканских владениях серьезной попытки начать обучение туземцев...»¹ В Гане, по подсчетам Л. Бэрнеса в книге «Империя и демократия», если бы просвещение осуществляли такими темпами, как в период между двумя мировыми войнами, потребовалось бы 700 лет, чтобы ликвидировать неграмотность, а если учесть естественный прирост населения, то даже 3500 лет! Не лучше обстояло дело и с постановкой здравоохранения: один врач приходился на 25 000, один дантист — на 700 000 жителей². И это в колонии, слышней наиболее «благополучной» и чуть ли не «образцовой» среди других английских (и не только английских) владений в Африке!³

Неоколониалистская концепция истории колониальной системы во многом была создана для обоснования неоколониализма. Однако в свою очередь неоколониализм и еще сохраняющийся в ряде районов «старый» колониализм используются для обоснования неоколониалистской концепции. Эта «взаимопомощь» отчетливо видна в попытках неоколониалистской историографии вопреки очевидности доказать, что приход колонизаторов не помешал процессу формирования народностей и наций в различных частях Африки. При этом для упрощения задачи прежде всего производится подмена тезиса, который должен быть доказан, и разъясняется, как это делает, в частности, А. Хэнна, что «раздел Африки не следует рассматривать как разрушение какого-то ранее существовавшего политического единства или по-

¹ L. Woolf, Imperialism and Civilization, London, 1928, p. 89.

² «Wissenschaftliche Zeitschrift der Humboldt-Universität zu Berlin». Gesellschafts- und sprachwissenschaftliche Reihe. Jahrgang IX, 1959/60, Hf. 1/2, S. 58—63.

³ А вот данные за 1960 г.: для английской колонии Уганды в специальной школе готовились в Лондоне 49 полицейских и тюремщиков, 3 учителя, 2 врача. «Правда», 30 ноября 1961 г.

рядка на Африканском континенте. Таковых вообще не было»¹.

Прежде всего вопрос об образовании нации (а именно об этом идет прежде всего речь) отнюдь не равнозначен вопросу о существовании «политического единства и порядка». Если под этим весьма неопределенным понятием подразумевают существование «единства» всего Африканского континента или «порядка» в отношениях между государствами, то ведь ничего подобного не было и в Европе (сами реакционные историки любят писать о «международной анархии»). Если же за отсутствие «единства и порядка» принимать отсутствие капиталистических государств, то данное утверждение нисколько не опровергает разрушительного влияния раздела Африки на наметившийся процесс сближения и сплочения племен, процесс образования народностей и наций.

Проходя мимо большого числа колоний, в которых искусственно проведенные колонизаторами границы разрывали уже установившиеся связи, Хэнна выделяет те случаи, когда определенные племена целиком вошли в то или иное владение (ашанти — в Золотой Берег и т. п.), и уверяет, что «утверждение европейской администрации было в значительно большей степени процессом консолидации и унификации, чем разъединения»². К тому же, добавляет Хэнна, хотя границы иногда разделяли племена и разрушали племенные обычаи, отдельным лицам, как правило, было легко пересекать эти границы. Английский историк приводит пример переезда рабочих на шахты в Южной Родезии и другие районы. Это поистине колонизаторская логика! Как будто приводимые Хэнна примеры опровергают, а не подтверждают факт разрушительного влияния колониального завоевания на процесс формирования наций, даже если на минуту забыть, что речь идет не о добровольной эмиграции, а о насильственной вербовке рабочей силы, порой весьма напоминающей «охоту на людей», которую практиковали работоторговцы. Следуя методам неоколониалистской историографии, ведь не трудно и вывоз рабов объявить фактором «консолидации» (что многие реакционные авторы весьма недалеки от этого, мы уже имели возмож-

¹ A. J. Hanna, *European Rule in Africa*, p. 13.

² Там же, стр. 13—14.

ность убедиться выше). В конце концов у Хэнна остается лишь последний довод, что границы колоний остались границами между завоевавшими независимость африканскими государствами, что эти государства не могут договориться о воссоединении разобщенных племен¹. Манера заключать о достоинствах колониализма даже на основании оставленного им тяжелого наследия входит, как мы убедились, в главный фонд приемов новейшей реакционной историографии.

**Обеление
коронованного
авантюриста**

Очень характерной чертой современной неоколониалистской историографии является обеление колониальной политики бельгийского короля Леопольда II в Конго, которая ранее служила излюбленным предметом критики со стороны европейских и американских либералов. Леопольд II, этот, по выражению Ленина, «деляга, финансист, аферист, купил Конго себе и «развил»»². «Развитие» сопровождалось постепенным оттеснением представителей монополистического капитала других стран, в частности Англии и Германии. Это послужило одной из подспудных причин сильного негодования в английской и германской печати в первые годы XX в. против махинаций бельгийского спекулянта на троне. В ходе дела вскрылись такие чудовищные злодеяния возглавлявшейся королем шайки авантюристов, грабителей и профессиональных убийц, которые поразили даже ко многому привыкшее буржуазное общественное мнение. Английский либеральный политик и публицист Г. Лабушер назвал строй, установленный Леопольдом II в Конго, «гнуснейшим из рабовладений». В ряде книг на основе неопровержимых фактов была нарисована леденящая кровь картина массовых пыток, сжигания деревень, «квалифицированных» казней», например распятия на кресте, и т. д.³ Английское правительство направило для расследования дел на ме-

¹ А. J. Hanna, *European Rule in Africa*, p. 13—14.

² В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 28, стр. 502.

³ Напр., E. D. Morel, *Red Rubber, The Story of the Rubber Slave Trade Flourishing on the Congo in the Year of Grace 1907*. 3d ed., London, 1907, p. 139, 220 а. о. В 1905 г. аналогичные разоблачения стали появляться и о французских колониях. Ср. J. Saintoyant, *L'affaire du Congo 1905*. Preface de Ch. A. Julien, Paris, 1960.

сте дипломата Р. Кеземента¹, который полностью подтвердил справедливость всех обвинений, выдвинутых против Леопольда II. Разоблачения заставили коронованного барышника согласиться на передачу Бельгии «свободного государства Конго», являвшегося до этого личным владением короля.

Все это общеизвестные факты, стократно повторенные в трудах историков различных стран, давно вошедшие в учебники. Просто обходить факты совершенно невозможно, поэтому они и поныне нередко упоминаются в работах неокOLONиалистских историков, однако кратко и в крайне смягченной форме². Однако и такая защита кажется недостаточной современным адвокатам колониализма. Нечего говорить о реакционной бельгийской историографии, где восхваление Леопольда II поставлено на широкую ногу. Повторяя старую песню о наделении Африки «благами христианской цивилизации», правые бельгийские историки доказывают, что «король действовал в Африке ради интересов всего мира... Леопольд II создал в Африке международное равновесие. Трудясь ради Бельгии и Конго, он трудился ради всех народов»³.

Это изображение деятельности Леопольда II как своего рода предвосхищение интеграции Европы и коллективного колониализма пришлось по вкусу западногерманским реакционным историкам. На научной конференции историков ФРГ и Бельгии было отмечено, что соглашение великих держав о передаче Конго Леопольду II оказалось примером решения вопроса на длительный срок. Эта конференция историков далее констатировала, говоря о деятельности бельгийского короля —

¹ В годы первой мировой войны Р. Кеземент был повешен английскими властями за участие в ирландском революционном движении

² C. W. W. Greenidge, *Slavery*, London, 1958; M. N. Hennessy, *Congo. A Brief History and Appraisal*, London, 1961, Ch. III, p. 25 f; A. J. Hanna, *European Rule in Africa*, p. 6—7.

³ P. A. Polykens, *Leopold II et l'Afrique. 1855—1880*. Bruxelles, 1958, p. 313—314; ср. другие работы этого историка: «Les debuts de l'oeuvre africaine de Leopold II (1875—1879)»; Bruxelles, 1955; «Le dessein africain de Leopold II. Nouvelles recherches sur sa genèse et sa nature (1875—1876)», Bruxelles, 1956; «Leopold II et la conference géographique de Bruxelles (1876)», Bruxelles, 1956; «La periode initiale de l'oeuvre africaine de Leopold II. Nouvelles recherches et documents inédits (1875—1883)», Bruxelles, 1957.

грабителя в Конго: «Несомненно, имели место эксцессы, которые были связаны со всеми тогдашними колониальными предприятиями. К сожалению, только они в большинстве случаев и упоминаются, а большие деяния Леопольда II и его сотрудников в сердце черного континента до аннексии Конго Бельгией в 1908 г. обходятся молчаливым»¹.

Конференция далеко отклонилась от истины в оценке не только деятельности бельгийского короля, но и освещения ее в новейшей историографии. Никакого «умолчания» «в большинстве случаев» и в помине нет, напротив, старая апология подкрепляется новыми доводами. «Эксцессы» объявляются просто следствием не жестокости центральной власти, а ее недостаточной силы, из-за чего она не вполне контролировала положение на местах; все это исчезло после 1908 года, открывшего «эру процветания» для Конго². К тому же, как выясняется, Леопольд II за 31 год (1878—1908) вложил в Конго 40,05 млн., а получил дохода якобы лишь 66 млн. франков³. Дорогая ли это плата за «последующее» процветание? — как бы вопрошают неоколониалистские историки. Они не упоминают только, что в конце XIX — начале XX в. численность населения Конго сократилась вдвое. Они забывают, что при «процветании» белые, составлявшие едва один процент жителей, получали столько же дохода, сколько 99% «цветных», что ежегодные прибыли «Юнион Миньер дю Катанга» — бельгийской монополии, эксплуатировавшей минеральные богатства Конго, доходили в 50-е годы XX в. до 100% на вложенный капитал (28 млрд. фр. прибылей на 5 млрд. фр. капитала за 1950—1955 гг.), что в стране не существовало условий для развития промышленности и почти все потребительские товары и оборудование завозились извне.

Не лучше обстояло дело и с «правовой», «демократи-

¹ «Deutschland — Belgien 1830—1945. Empfehlungen der belgisch-deutschen Historikerkonferenz (1954)». «Internationales Jahrbuch für Geschichtsunterricht», Bd. IV, Braunschweig, 1955, S. 101.

² Нап., *F. van Kalken*, Histoire de la Belgique et de son expansion coloniale, Bruxelles, 1954, p. 650—652; *W. M. Macmillan*, The Road., p. 163. Ср. *G. Martelli*, Leopold to Lumumba. A History of the Belgian Congo 1877—1960, London, 1962; *R. Slade*, King Leopold's Congo, New York, 1962.

³ *J. Stengers*, Combien le Congo a-t-il coûté à la Belgique? Bruxelles, 1957, p. 330; *H. Brunschwig*, Mythes et réalités., p. 71.

ческой» государственностью, якобы созданной бельгийскими колонизаторами в Конго. Ведь даже буржуазные свидетели признают, что бельгийские монополии полностью контролировали и направляли действия колониальных властей¹. Когда приходится переходить от описания несуществующего мифического «процветания» к вполне реальной нищете, оставленной в наследство колониальным режимом, и трагическим событиям, связанным с империалистической интервенцией против получившего независимость Конго, реакционные историки могут назвать лишь одну причину: все дело, оказывается, в том, что бельгийцы предоставили Конго независимость слишком неожиданно, не проведя к этому должной подготовки!² Весьма характерно, что подобное мнение наряду с английскими и американскими историками распространяют также и рядящиеся в тогу антиколониализма западногерманские авторы³.

**Западногерманские
оправдания
колониализма**

Западногерманская реакционная историография колониализма целиком поставлена на службу неоколониалистским планам и политике правящих кругов ФРГ⁴. Надевая на себя маску противников колониального гнета, демонстративно одобряя мнимую самоликвидацию колониальной системы⁵,

¹ См., напр., *C. W. Stillman* (ed.), *Africa in the Modern World*, Chicago, 1955, p. 221.

² *A. J. Hanna*, *European Rule in Africa*, p. 32. Эти «объяснения» Хэнна и другие реакционные историки нередко сопровождают бранными эпитетами по адресу героя конголезского народа П. Лумумбы.

³ См., напр., об этом *A. Haller*, *Die Welt des Afrikaners*, Düsseldorf, 1960, S. 271. Ср. статью П. Иохака в «*Aussenpolitik*», 1961, Nr. 1, S. 31—39.

⁴ О западногерманском неоколониализме см. «Бонн — враг народов Азии и Африки». Документы о колониальной политике правительства Аденауэра, М., 1961; *В. М. Качалин*, *Теория и практика западногерманских колониалистов*, М., 1962; *М. С. Любский*, *Г. О. Сокольников*, *Проникновение империализма ФРГ в слаборазвитые страны*, М., 1963; *П. Фридлендер*, *Х. Шиллинг*, *Неоколониализм Западной Германии (сущность, особенности и методы)*, М., 1963; «*Deutsche Aussenpolitik*», 1962, Nr. 3, S. 290—299.

⁵ См., напр., статью профессора Г. Лемана о Британской империи в официальном издании, предназначенном служить политическим учебником для солдат бундесвера: *H. Lehmann*, *Das britische Commonwealth in den Wandlungen der Gegenwart*. «*Schicksalsfragen der Gegenwart*». *Handbuch politisch — historischer Bildung*, Bd. IV, Tübingen, 1959, S. 232—255.

официальные круги Бонна подчеркивают «жизненное» значение бывших колоний для Запада¹ и рекламируют неоколониализм, в частности «коллективный неоколониализм» военных блоков, как пример равноправного «партнерства» между бывшими метрополиями и колониями. Официальная пропаганда Бонна пытается нажить капитал и за счет своих союзников по НАТО, используя то обстоятельство, что в отличие от них Германия уже несколько десятилетий как лишилась колоний. Так, боннское посольство в Индии в 1958 г. распространяло материалы, читая которые можно было подумать, будто германские колонизаторы чуть ли не добровольно во время первой мировой войны покинули свои владения и уж во всяком случае с тех пор не были повинны ни в каких колониалистских устремлениях.

В связи с этим, может быть, небезынтересно вспомнить статью, опубликованную в 1927 г. (как раз, если верить боннским заверениям, во время полного отказа германских империалистов от колониалистских планов) тогдашним обер-бургомистром Кёльна в журнале «Европейские беседы». «Германская империя, — указывалось в статье, — обязательно должна стремиться к приобретению колоний. . . Мы должны иметь больше пространства для нашего народа, и поэтому нам нужны колонии. . .»² А кёльнским обер-бургомистром был в то время Конрад Аденауэр, недавно ушедший в отставку канцлер правительства ФРГ. Понятно, что, рисуя себя другом молодых государств Азии и Африки, боннская пропаганда пытается всячески идеализировать германских колонизаторов, в частности тщательно замалчивать их расизм, а также то, что он снова пыльным цветом расцветает в ФРГ, где неонацисты твердят о неспособности «цветных» к самоуправлению, где правящие круги поддерживают тесные дружеские связи с расистским правительством Южно-Африканской Республики. Такова политика, которую призваны «научно» обслуживать неоколониалистские историки в ФРГ.

¹ Об этом, в частности, писал президент ФРГ Любке в предисловии к книге: *M. Schmitt, Partnerschaft mit Entwicklungsländern*, Stuttgart, 1960, S. 9.

² «Europäische Gespräche. Hamburger Monatshefte für auswärtige Politik», 1927, Nr. 12, S. 611. Цит. по: *П. Фридендер, Х. Шиллинг*, Неоколониализм Западной Германии, стр. 55.

Современная реакционная западногерманская историография колониализма, порой склонная изображать себя антитезой гитлеровской историографии, в действительности является во многом продолжением этой последней, как и та, вобрала в себя все «достижения» апологетических работ по истории колониальной политики, выходявших в кайзеровской и позднее веймарской Германии. Недаром в фашистских сочинениях оголтелый расизм, требования жизненного пространства, сырья и рынков сочетались с не менее отвратительной лицемерной «заботой» о благе народов Африки и Азии, проявлять которую Германия, мол, не имела возможности после того, как лишилась колоний. Немецкие колонизаторы, истребившие огнем и мечом сотни тысяч африканцев, были, оказывается, «не завоевателями, руководимыми жаждой власти», а бескорыстными учеными, путешественниками, врачами, филантропами, благожелательными купцами, несущими цивилизацию, «и героями были они все в целом»¹. Следует добавить, что, подобно тому как проповедники гитлеровского «нового порядка» оказались предтечами идеологов «интеграции Европы», так и фашистские пропагандисты «европейского духа общности в Африке»² (под этим предлогом немецкие империалисты требовали возвращения им бывших германских колоний) предвосхитили немалое число «аргументов», которыми оперируют поборники колониализма в наши дни.

Конечно, новые времена — новые песни. Гитлеровцы наряду с прославлением «духа общности» оплевывали всех германских политиков прошлого, которые по тем или иным причинам выступали против колониальной политики или недостаточно энергично (по мнению фашистов) проводили ее в период до 1918 г.³ В новейшей западногерманской историографии, как и во всей неоколониалистской литературе, мы найдем, напротив, лестные отзывы о словесном буржуазном антиколониализме.

¹ *H. Schreiber*, *Deutsche Tat in Afrika. Pionierarbeit in unseren Kolonien*, Berlin, 1941, S. 5.

² *W. Koppen*, *Europäischer Gemeinschaftsgeist in Afrika. «Das deutsche Kolonial Jahrbuch 1939. Kolonien. Grossdeutschlands Anspruch»*, S. 44.

³ *F. Lange*, *Kolonialpolitik gegen das Volk. «Das deutsche Kolonial Jahrbuch 1939. . .»*, S. 66 f.

Однако не следует преувеличивать значение этой дани времени, тем более что порой рупорами западногерманского неокOLONиализма выступают те же лица, которые в прошлом были яркими пронагандистами гитлеровских колониальных притязаний.

Так, бывший нацист В. Драшер, ныне нередко печатающийся на страницах ведущих западногерманских исторических журналов, при Гитлере выступал с открытыми призывами к расправе с национально-освободительным движением. Теперь же он прославляет «дух партнерства» между колонизаторами и добившимися независимости народами Азии и Африки. В 1936 г. этот гитлеровец «разъяснял», что русский народ «внутренне» не принадлежит к белой расе, а сейчас уверяет, что русские, как белые, «должны» вступить в конфликт с «цветными» народами. Если ранее Драшер требовал расширения и укрепления колониальной системы во имя «борьбы с коммунизмом», то в наши дни он доказывает, что только эта борьба якобы и помешала Западу давно осуществить его «антиколониалистские» намерения¹. Все эти «нюансы» не мешали Драшеру в его книге восхвалять колониализм, якобы прививший человечеству чувство общности, защищать зверства южноафриканских расистов и т. д.²

Или другой пример. О. Хинтрагер в книге «Юго-Западная Африка во время немецкого управления» вполне в духе гитлеровцев так разъясняет причины германской колониальной политики в Африке: «У немецкого «народа без пространства»... также возникло требование приобретения собственных колоний»³. Хинтрагер с упоением повествует о «подвигах» германских колонизаторов, в том числе отмеченном чудовищными жестокостями подавлении восстаний африканских племен в 1904—1906 гг. Командующий карателями генерал-лейтенант фон Трота издал тогда известный приказ племени гереро: «Каж-

¹ Об откровениях В. Драшера и ему подобных см. исследование немецкого марксистского историка Н. Kühne «Faschistische Kolonialideologie und Zweiter Weltkrieg», Berlin, 1962, S. 150 f., 153 и. а.

² W. Drascher, Schuld der Weißen? Die Spätzeit des Kolonialismus, Tübingen, 1960.

³ O. Hintrager, Südwestafrika in der deutschen Zeit, München, 1956, S. 7.

дый находящийся в пределах германских границ с ружьем или без ружья, со скотом или без скота будет расстрелян. Я больше не буду щадить женщин и детей, уходите вместе с вашим народом, или я прикажу стрелять в вас»¹. Десятки тысяч гереро были после этого убиты карательными войсками, погибли в концентрационных лагерях². А Хинтрагер излагает историю деятельности фон Трота в восторженно-сентиментальных тонах, призванных вызвать восхищение палачом-генералом, типичным представителем прусской военщины³. Заканчивая свою книгу, Хинтрагер пишет: «В богатой страданиями германской истории мучительно трагической была судьба немецких заморских колоний». Упомянув о неудачной попытке банкиров Вельзеров в XVI в. основать колонию в Южной Африке, о фактории, созданной бранденбургским курфюрстом на Золотом Берегу и проданной в 1717 г. голландцам, Хинтрагер горестно добавляет: «И в Юго-Западной Африке немецкому «народу без пространства» было дано лишь короткое время, чтобы заложить основы многообещающего развития! После 30 лет труда и борьбы Германия потеряла и эти колонии в результате первой мировой войны»⁴.

Уже вскоре после 1945 г. один из ведущих западногерманских историков, Г. Риттер, стал снова возрождать в слегка модернизированной форме «традиционные» концепции колониализма. Изображая колониализм «естественным» результатом общественного развития, Риттер осуждал только «эксцессы» колониальной политики кайзеровской Германии⁵. В подготовленном Риттером проекте тезисов западногерманско-английской конференции историков эта точка зрения была рекомендована к внедрению в работы ученых Великобритании: «В Англии необходимо высказывать понимание того, что

¹ «Stenographische Berichte über die Verhandlungen des Reichstags», XI. Legislaturperiode, II. Session 1905/1906, Bd. I, Berlin, 1906, S. 91.

² Cp. E. D. Morel, *The Black Man's Burden*, Ch. VI, p. 55—67.

³ O. Hintrager, *Südwestafrika*., S. 60 f., 81 u. a.

⁴ Там же, стр. 212.

⁵ G. Ritter, *Europa und die deutsche Frage*, München, 1948, S. 122 f. Критику взглядов Риттера по этому вопросу см. в «*Wissenschaftliche Zeitschrift der Humboldt-Universität zu Berlin*», *Gesellschafts- und sprachwissenschaftliche Reihe*, Jg. IX, 1959—1960, Hf. 1—2.

Германия также стремилась участвовать в общем соревновании за занятие колониальных территорий и что по представлениям того времени она могла по крайней мере столь же естественно выдвигать притязания на участие в колониальной политике, как и Франция с ее значительно менее активной экономикой... Нужно осознать, что такой великий и работоспособный народ не желал быть в стороне, когда другие пожинали богатый урожай. Выдвинутый во время войны (1914—1918 гг. — *Е. Ч.*) лозунг о неспособности немцев к плодотворной колониальной политике, как это признавали и отдельные английские авторы, настоятельно нуждается в пересмотре»¹.

Г. А. Гедат в книге «Будущее Европы находится в Африке» уверял, что «на деле не все было столь неправильным, чтобы мы должны были стыдиться своей, пусть не очень длительной, колониальной истории»². В. Круг доказывал, что «история сотрудничества немцев с неграми не знала эксплуатации и ничем не была омрачена. Германское колониальное господство было строгим, но справедливым»³. Г. Герцфельд утверждал, что колониальные захваты, произведенные Германией при Бисмарке, были порождены «животворным национальным импульсом», являлись осуществлением «давно существовавших надежд нации»⁴. Бывший официальный фашистский историк Г. Штир, разъясняя, что политика Бисмарка покоилась на «честности и верности», пишет, что

¹ «Internationales Jahrbuch für Geschichtsunterricht», Bd. IV, Braunschweig, 1955, p. 245. Апологетическую в целом оценку германской колониальной политики содержит работа А. Брюншвига «L'expansion allemande outre-mer du XV-e siècle à nos jours», Paris, 1957.

² G. A. Gedat, Europas Zukunft liegt in Afrika, Stuttgart, 1954, S. 40. Цит. по: «Wissenschaftliche Zeitschrift der Humboldt-Universität zu Berlin». Gesellschafts- und sprachwissenschaftliche Reihe, Jg. IX, 1959—1960, Hf. 1/2, S. 80.

³ W. G. Krug, Südlich der Sahara, Hamburg, 1954. Цит. по кн.: П. Фридендер, Х. Шиллинг, Неоколониализм Западной Германии, стр. 97.

⁴ H. Herzfeld, Die moderne Welt 1784—1945, 2. Aufl. T. I, Braunschweig, 1957, S. 230. Иногда лишь отмечается заинтересованность в колониальных владениях германской экономики и «растущего населения», но не эксплуатация колоний. См. J. Bühler, Von Bismarcks Reich zum geteilten Deutschland. Deutsche Geschichte seit 1871, Berlin, 1960, S. 100 u. a.

захватом колоний в Африке он «открыл путь рвущимся за рубежи силам теперь государственно объединенного, освобожденного от внутренних трений работоспособного народа»¹. Западногерманские неокOLONIAЛИСТИЧЕСКИЕ историки доказывают, будто немецкие колонии были заняты не в результате завоеваний, а с согласия местных жителей². Повторяется во всех этих работах и легенда о «борьбе» германских колонизаторов против рабства, хотя они широко эксплуатировали труд рабов.

Доказательствами «права» кайзеровской Германии на колонии и оправданием германской колониальной политики, хотя бы путем замалчивания или преуменьшения кровавых злодеяний немецких колонизаторов³, отнюдь не ограничивается активность реакционной историографии ФРГ. В реакционной литературе получило распространение утверждение английского историка Х. Тревор-Ропера, будто гитлеровцы строили захватнические планы только в отношении Восточной Европы и питали самые дружеские чувства к западноевропейским странам. Подхватив эту фальсификацию, призванную оправдывать сговор империалистов США, Англии и Франции с боннскими реваншистами, западногерманские авторы вдобавок подчеркивают, что гитлеровцы якобы не имели и никаких притязаний на колонии других европейских держав⁴. Такое подведение базы под коллек-

¹ *H. E. Stier*, *Deutsche Geschichte im Rahmen der Weltgeschichte*, Frankfurt a.M., 1960, S. 844.

² *G. Jacob*, *Deutschland und seine koloniale Expansion*, «Afrikanischer Heimatkalender 1959», Windhoek; 1958, S. 70 f. См. *М. Н. Машкин*, *Германская колониальная экспансия в Восточной Африке в 80-х годах XIX в.* «Новая и новейшая история», 1961, № 2, стр. 171.

³ Об этих злодеяниях немало говорилось даже в германском рейхстаге. См. *А. С. Ерусалимский*, *Внешняя политика и дипломатия германского империализма в конце XIX в.*, 2-е изд., М., 1951, стр. 185 и сл. Некоторые области на юге Танганьики еще в 50-е годы не могли оправиться от опустошений, произведенных германскими карателями (См. *J. Gunther*, *Inside Africa*, New York, 1955, p. 411). Это, правда, отчасти зависело уже и от сменивших их английских колонизаторов.

⁴ *C. G. Wingeroth*, *Die weißen Mannes Bürde. 200 Jahre Kolonialismus*, Köln, 1961, p. 170—171 и. а. О действительной истории колониальных притязаний германского империализма после первой мировой войны см. статью *А. С. Ерусалимского* «Колониальные планы германского империализма». «Мировое хозяйство и мировая политика», 1935, № 8.

тивный колониализм сопровождается постоянными разъяснениями народам Африки и Азии, что Германия в первую и вторую мировые войны воевала против главных колониальных держав и тем самым якобы объективно действовала на стороне национально-освободительного движения. (Это фантастическое утверждение пытался доказать один из наиболее известных западногерманских историков, Т. Шидер, «забывая» упомянуть, что империалисты Германии вели войну не за освобождение, а за захват колоний своих соперников.)

В то же время западногерманские авторы стараются особо подчеркнуть ценность ФРГ для империалистического лагеря в целом как страны, не имеющей и давно не имевшей колоний и потому могущей претендовать на роль противника колониализма. Г. Девальд, отмечая, что колониальная политика считается народами Азии и Африки политикой эксплуатации и «компрометирует» Запад, добавлял: «Германия занимает особое место. Ее краткое участие в колонизации, несмотря на совершенные при этом многие прегрешения, забыто. Ее считают невиновной, и поэтому она призвана здесь действовать в качестве примирителя»¹. «К счастью, мы, немцы, — писал А. Рюстов, — принадлежим к тем немногим западным народам, которых не осуждают за колониальный империализм»². Рюстов предлагал использовать эти преимущества ФРГ, чтобы с ее помощью настроить народы Африки и Азии против Советского Союза.

Усилия боннских историков³ встречают ответное стремление реакционных американских и английских исследователей, критикуя отдельные «эксцессы» германского колониализма, выдать ему общее отпущение грехов. Эта тенденция впервые проявилась еще в период

¹ «Jahrbuch der Deutschen Afrikagesellschaft», 1957, S. 62 f.

² A. Ruestow, *The Remnants of Western Imperialism: a German View*. «Review of Politics», 1960, January, N 1, p. 70.

³ О боннской историографии колониальной политики см. также: К. Б. Виноградов, *Судьбы Британской колониальной империи в оценке западногерманских историков и публицистов*. «Критика новейшей буржуазной историографии», М.—Л., 1961; М. Н. Машкин, *Современная историография германской колониальной политики*. «Империализм и борьба рабочего класса». Сборник статей памяти акад. Ф. А. Ротштейна.

между первой и второй мировыми войнами, во время проведения США и Англией политики возрождения германского милитаризма. Тогда не только появились работы, содержащие по крайней мере частичное оправдание германского империализма и преуменьшение его роли в развязывании первой мировой войны (С. Фей, Г. Барнс, У. Лангер и др.¹), но и специальные исследования, в которых замалчивались многие преступления германских колонизаторов².

Нынешняя апологетика германского колониализма в реакционной западной историографии помимо всего прочего идет по уже знакомой нам линии отрицания его экономических корней, эксплуататорского характера, а также выведения политики аннексий из споров с Англией (причем сами эти споры нередко оказываются следствием случайных причин, личных мотивов), традиционного соперничества с Францией, которое, мол, сохранялось, хотя Бисмарк одно время, в 80-е годы, и стремился покончить с ним, и т. п.³

Проблема белых поселенцев

Когда речь идет об истории английских и французских колоний (преимущественно Южной и Восточной Африки, а также Алжира), реакционные историки усердно спекулируют на проблеме европейских поселенцев в этих странах. В других случаях эти историки отождествляют колониализм с крестьянской колонизацией в так называемых переселенческих колониях. Здесь же они отделяют колониализм от переселенцев-колонизаторов, хозяйство которых основано на жесточайшей эксплуатации (нередко принудительного) труда коренного населения. Это отделение особенно необходимо для реакционной историографии: без него, как карточный домик,

¹ См. об этом К. Б. Виноградов, *Буржуазная историография первой мировой войны. Происхождение войны и международные отношения 1914—1917 гг.* М., 1962.

² Таково, напр., исследование: *H. Rudin, Germans in the Cameroons, 1884—1914. A Case Study in Modern Imperialism*, New Haven, 1938. Эта книга, содержащая немало правильных замечаний (о роли миссионеров, о подлинном смысле кампании против рабовладения и т. п.), в целом дает апологетическую картину германской колониальной политики. Критику указанной работы см.: *H. Stoeker, Kamerun unter deutscher Kolonialherrschaft*, Bd. I, Berlin, 1960, S. 10—11.

³ *A. J. Hanna, European Rule in Africa*, p. 7—8.

разваливается легенда о «самоликвидации» колониализма. Трудно ведь подвести под это понятие колониальные войны в Алжире и Кении или расистский террор в Южной Родезии. Так возник фальшивый тезис: «В той мере, в какой это касается отношений между прежними метрополиями и прежними колониями, колониальная проблема ныне может считаться ликвидированной», и сохраняется якобы лишь вопрос о судьбе европейских поселенцев, ранее обосновавшихся в колониях¹. Утверждалось, что вся проблема колониальной эксплуатации, «к счастью, сузилась до одного важного вопроса — апартеида в Южной Африке, а также в Южной Родезии и Ньясаленде»². Англия, мол, несмотря на все симпатии к африканским народам, ничего не могла поделать с приобретшими «независимость» расистами в таких колониях, как Родезия³.

Для доказательства этого тезиса и «переписывается» история соответствующих колоний. Само поселение белых колонизаторов рисуется как неоспоримое благо для местного населения и притом как занятие «необрабатываемых» и поэтому якобы «свободных» земель, а не как разграбление основного земельного фонда, принадлежавшего коренным жителям страны⁴. Английская администрация изображается не параллельной силой, которую, как и поселенцев, капитал использовал для «освоения» захваченной территории, а неким нейтральным суперарбитром, который если и бывал пристрастным, то только в сторону слишком усердной защиты «туземцев», заботы о том, чтобы для них было сохранено «достаточно» земли, чтобы с африканцами, принуждаемыми к труду на европейских плантациях, «справедливо» обращались, и т. п. Этими заботами целиком были якобы проникнуты все меры колониальной администрации — от ограничения вымогательств у населения со стороны племенных вождей до отказа удовлетворять требования о введении самоуправления в колониях, которое, мол,

¹ «Journal of Economic History», 1961, December, p. 492; P. Mason, *The Birth of a Dilemma* . . . , p. 6—7.

² J. T. Shotwell, *The Long Way to Freedom* . . . , p. 546.

³ C. Leys, *European Politics in Southern Rhodesia*, Oxford, 1959, p. 277, 294 а. о. Ср., напр., B. T. G. Chidzero, *Tanganyika and International Trusteeship*, London, 1961, p. 256.

⁴ A. J. Hanna, *The Beginnings* . . . , p. 238 а. о.

могло быть использовано белыми поселенцами для угнетения «туземцев»¹. (Здесь неокOLONИАЛИСТСКИЕ историки сами разоблачают себя, невольно признавая, что они мыслят предоставление английским правительством самоуправления колониям не иначе как в форме передачи власти в руки именно ничтожного европейского меньшинства, а не африканцев, составляющих подавляющее большинство населения.) Но в то же время подчеркивается, что метрополия не могла забывать о «законных» интересах поселенцев, не желавших быть «затопленными» африканским большинством, а также интересах индусов и арабов в Северо-Восточной Африке².

НеокOLONИАЛИСТСКАЯ историография постоянно играет и на сознательно разжигавшейся вражде рядовых белых поселенцев к африканцам, на шовинизме белых фермеров и рабочих, которых ставили в привилегированное положение по отношению к неграм. «Конечно, не «КОЛОНИАЛИСТЫ» в Великобритании, — уверяет нас А. Хэнна, — были действительным препятствием на пути к демократии в Африке, а высокооплачиваемые европейские шахтеры и железнодорожники в Родезии, фермеры там же и в Кении, а также небольшое число их в Танганьике и Ньясаленде»³. Изобразить не монополистический капитал метрополии и его союзников в колониях, а лишь подкупленную им рабочую аристократию и «фермеров» (под которыми понимаются преимущественно различные слои плантаторов) в качестве главного оплота и главных заинтересованных сторон в борьбе против «самоликвидации» КОЛОНИАЛИЗМА — вот к чему сводится суть обходного маневра неокOLONИАЛИСТСКИХ историков.

Однако в рамках этого отвлекающего маневра неокOLONИАЛИСТСКИЕ историки считают возможным открыто оправдывать даже такие порождения колониального грабежа, как система резерваций, принудительного труда и физическое истребление непокорных племен. Критикуются, да и то очень мягко, особо чудовищные насилия

¹ A. J. Hanna, *The Beginnings...*, p. 240—244 a. o.; T. R. Bates, *Africa...*, p. 85; Z. Marsh, G. W. Kingsnorth, *An Introduction...*, p. 188; W. M. Macmillan, *The Road...*, p. 60.

² A. J. Hanna, *European Rule in Africa*, p. 31.

³ Там же.

при водворении племен в резервации, необдуманная переброска этих племен из одной резервации в другую и т. д. Но не меньшее одобрение, чем сосредоточение местного населения в резервациях, вызывают и столь же насильственное изъятие наиболее работоспособной части этого населения из резерваций и превращение ее фактически в рабов белых плантаторов и шахтовладельцев.

В реакционных работах настойчиво проводится мысль, будто принудительный труд был своего рода платой за развитие цивилизации в Африке. Поселенцы, привыкшие к труду, считали, мол, долгом правительства побудить к трудовой деятельности туземное население, привлечь рабочую силу на фермы и шахты, принадлежавшие европейцам. Правительство, правда, не всегда шло навстречу требованиям поселенцев; возникали острые дискуссии о том, какая степень давления на африканцев могла быть допущена без нарушения справедливости, чтобы убедить их покинуть резервации и работать за пределами этих резерваций¹. В то же время частичный отказ от системы принудительного труда, где из-за роста промышленности он переставал быть выгодным или где сопротивление африканцев делало невозможным его сохранение, рисуется как достижение «европейской гуманности».

После этого не приходится удивляться, что кровавые расправы английских властей в Кении бесцеремонно оцениваются как защита местного населения от террористов, как обеспечение спокойствия для проведения благодетельной земельной реформы, внедрения современных методов обработки земли, развития школьного дела (которому якобы препятствовали «националисты») и т. п.² Попытки же избавиться от гнета белых плантаторов и капиталистов, в частности в Восточной Африке, якобы вредны прежде всего для африканцев, а также для «западной цивилизации»³.

¹ См. *Z. Marsh, G. W. Kingsnorth, An Introduction...*, p. 176—182, 188.

² *W. M. Macmillan, The Road...*, p. 238—240.

³ *T. M. Franck, Race and Nationalism: The Struggle for Power in Rhodesia—Nyasaland*, New York, 1960, p. 326. (Книга издана иезуитским Фордхемским университетом.)

**Южноафриканский
расизм
и неоколониалистские
историки**

Вся история Южной Африки с момента перехода Капской колонии, основанной голландцами, под контроль Великобритании изображается английскими историками под углом зрения фальшивой концепции борьбы между филантропически настроенной метрополией и консервативными бурами — потомками голландских поселенцев. Действительная причина нередких конфликтов между британскими властями и бурским населением колоний в конечном счете заключалась в нежелании буров подчинять свои интересы интересам английского капитала и превратиться в простое орудие имперской политики Великобритании. В интерпретации же английских историков причиной этих столкновений являлось стремление Великобритании отстоять права африканских народов.

В 1850 г. Англия отказалась от верховного суверенитета над республиками, созданными бурами (которые покинули территорию Капской колонии), после чего там восторжествовали грубо расистские порядки. Столкновения англичан с бурами в 70-е годы — это, мол, плата за этот продиктованный фритредерской идеологией уход от ответственности. Напротив, в Капской колонии якобы постепенно ликвидировалось расовое неравенство, политика английской администрации вдохновлялась идеалами, близкими и дорогими всем расовым группам, населявшим эту колонию¹. Проводником политики расового равенства и прогресса африканцев рисуют ярого империалиста и колонизатора лорда Милнера². После этого и следует «выдающееся открытие» неоколониалистской историографии, будто империалистическая англо-бурская война была со стороны Англии войной против рабства, за права коренного населения Африки. По разъяснению У. М. Макмиллан, англо-бурская война явилась «южноафриканским двойником гражданской войны в США. Основной причиной постоянных столкновений, столь трагически закончившихся, был и продол-

¹ W. M. Macmillan, *The Road...*, p. 103—138; S. Patterson, *The Last Trek. A Study of the Boer People and the Afrikaner Nation*, London, 1957, p. 12 f.; A. J. Hanna, *European Rule in Africa*, p. 5.

² J. E. Wrench, *Alfred Milner, the Man of no Illusions*, London, 1958. О других биографиях Милнера, где приводится такая же точка зрения, уже говорилось выше.

жает оставаться конфликт по вопросу о правах африканских и цветных народов»¹. Добавим, что в отличие от неоколониалистских историков вдохновитель англо-бурской войны министр колоний Джозеф Чемберлен не считал нужным скрывать, что речь шла о господстве в Южной Африке, что британское правительство стремилось к захвату Трансвааля, так как это «единственное средство решить в пользу Англии южноафриканский вопрос». Под свежим впечатлением от этих разъяснений Чемберлена русский дипломат Н. Лессар писал в Петербург: «Великобритания в Трансваале преследует исключительно хищнические цели»².

Вся последующая история колебаний английского парламента при образовании Южно-Африканского Союза и столкновений с южноафриканскими националистами, по уверению Макмиллан, лишь внешне выглядела как конфликт между англичанами и бурами, а на деле была борьбой Великобритании за более высокий «статус зависимых африканских народов»³. Вместе с тем врагами африканских народов представляются все белые, поселившиеся в Африке, в том числе белые рабочие. Как и обычно, реакционная историография выдает здесь позицию шовинистически настроенной рабочей аристократии за позицию всех белых рабочих⁴. Разумеется, в рамках этой концепции начисто исчезает заинтересованность и английских, и южноафриканских монополий в эксплуатации дешевой «цветной» рабочей силы как причина расистской политики, а ведь именно в их интересах «туземное» население насильственно сгонялось на рудники, «цветным» рабочим было запрещено законом под угрозой тюрьмы покидать работу и т. п.

Понятно, насколько натянутыми и необъяснимыми являются объяснения неоколониалистских историков, почему «английский либерализм», имевший в своем распоряжении всю мощь Британской империи, потерпел столь полную неудачу в борьбе против расистских извергов, так как даже из материала, приводимого этими историками, видно, что Лондон на деле и не думал

¹ *W. M. Macmillan, The Road...*, p. 136.

² АВПР, ф. Канцелярия, д. 65, л. 196—197. Н. Лессар — М. Н. Муравьеву 7 (19) июля 1899 г.

³ *W. M. Macmillan, The Road...*, p. 138.

⁴ Там же, стр. 194—195 и др.

серьезно препятствовать осуществлению политики расовой дискриминации¹.

Этот последний факт выгодно отрицать и южноафриканским националистским историкам, у которых вообще во многом существует известное разделение труда с английской неокOLONиалистской историографией. Они также скрывают истинные причины столкновений с Великобританией, рисуя картину борьбы «свободолюбивых» буров против английского угнетения, при этом либо вообще игнорируя вопрос о «цветных», либо проповедуя идею «избранности» бурского народа как наставника и просветителя «чернокожих туземцев». Идеиная близость между этими двумя ответвлениями новейшей колониалистской историографии проявляется в попытках английских авторов, якобы отдавая дань объективности, подчеркнуть наличие «положительных сторон» у зверской расистской политики апартеида с ее запрещением африканцам владеть землей, узаконением полурабского труда, системой пропусков для «цветных» и т. д. Здесь прибегают и к ссылкам на то, что установление расового равенства было бы, мол, «дискриминацией белых», в частности белых рабочих, расхваливают сторонников апартеида, расписывают блага, которые якобы получают африканцы от социального законодательства, и даже пишут о резком улучшении положения в резервациях².

¹ См., напр., *C. W. de Kiewiet*, *A History of South Africa, Social and Economic*, London, 1950; *G. B. Pyrah*, *Imperial Policy and South Africa 1902—1910*, Oxford, 1955; «Cambridge History of British Empire», v. III, Cambridge, 1959, p. 344 а. о.; *L. M. Thomson*, *The Unification of South Africa 1902—1910*, Oxford, 1960; *S. V. Lumb*, *Central and Southern Africa. A Short History*, Cambridge, 1954; *L. Marquard*, *The Story of South Africa*, London, 1955; *E. Walker*, *A History of Southern Africa*. 3^d ed., London, 1957; *J. Gunther*, *Meet South Africa*, New York, 1958. НеокOLONиалистский историк Г. Гиббс осуждает расизм в ЮАС, так как он дискредитирует западный мир, что, мол, может быть «только на руку Кремлю» (*H. Gibbs*, *Background to Bitterness, The Story of South Africa. 1652—1954*, New York, 1955, p. 242).

² *D. W. Cowen*, *The Foundation of Freedom with Special Reference to Southern Africa*, Cape Town, 1961, p. 32 а. о.; *W. M. Macmillan*, *The Road...*, p. 198—199. Показательно опубликование специальным научным изданием в Лондоне статьи южноафриканского расиста Б. П. Эразмуса, фальсифицировавшего историю для обоснования политики апартеида. «African Affairs». *Journal of Royal African Society*, 1961, v. 59, N 238, p. 56—65. Ср. рецензию: *С. Р. Ким*, Апологетика расовой дискриминации на страницах английского журнала. «Вопросы истории», 1961, № 9, стр. 194—195.

На деле 80% населения Южно-Африканского Союза было согнано на территорию, занимающую 13% всей площади страны, на наименее плодородные и пригодные для обработки земли, искусственно была сохранена власть племенных вождей — агентуры расистского правительства¹. Только за 1960 г. 700 тыс. африканцев стали жертвами преследований за несоблюдение законов о паспортах, тысячи людей были подвергнуты наказанию бичом² и другим варварским способам расправы. Таков подлинный облик колониализма, сохранившийся и в наши дни!

¹ См. «Правда», 28 января 1963 г.

² «Daily Worker», 18.III.1963.

Глава VI

НЕОКОЛОНИАЛИСТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА О НЕОКОЛОНИАЛИЗМЕ

**Миф
о «самоликвидации»
колониализма**

Реакционная историография уверяет, будто ее теории подтверждаются «самоликвидацией» колониализма. Народы бывших колоний знают, каким путем они достигли уничтожения колониального ига. Как подчеркивал президент Ганы К. Нкрума, «никогда свобода не подносилась колониальной стране на серебряном блюде; ее завоевывали только в результате жестокой и энергичной борьбы»¹. Стремление вытравить из сознания народов этот неоспоримый факт — крайне характерная черта неоколониалистских историков колониальной системы. Миф о «самоликвидации» колониализма не только господствует в реакционной историографии, но и составляет один из тех фальшивых тезисов, ради которых переписывается вся история колониальной системы.

Поиски мнимых «антиколониальных тенденций» в колониальной политике прошлого поставлены на службу этой легенде. В свою очередь эта легенда, признаваемая за бесспорный факт, рисуется как доказательство существования у колонизаторов исконных антиколониалистских планов. У. Черчилль в предисловии к серии пропагандистских книг по колониальному вопросу писал, что, «хотя чрезвычайно различные условия могли делать необходимым различный подход, англичане в качестве длительной перспективы имели одну и ту же цель для

¹ К. Нкрума, Автобиография, стр. 107.

своих заморских территорий — в конечном счете превращение их в страны, свободно объединившиеся с Содружеством. Нынешнее состояние Содружества является доказательством искренности этих намерений»¹.

Авторы составленной в неокOLONIALИСТСКОМ духе биографии Легерда доказывают, что «сочувственное отношение» к поработленным народам, проявленное «нынешним поколением» (под которым явно подразумеваются империалистические круги), не является изобретением современной эпохи, а было издавна присуще многим колонизаторам². Крах колониальной системы рисуется как успешное завершение колонизаторами их великой исторической миссии. У. Ростоу, отражая общую позицию неокOLONIALИСТСКОЙ историографии, пишет, что уход англичан из Индии, Бирмы и Цейлона «основывался на жизненности в Британии сильной антиколониальной, так же как и имперской, традиции»³.

В части буржуазных работ разбросаны признания, по существу опровергающие миф о «самоликвидации». Г. Люти, например, разъясняет, что отказ от колоний был результатом войн между европейскими державами с 1914 по 1945 г.⁴ Б. Крозьер указывал, что лишь отказ от Индии, Бирмы и Цейлона предотвратил возникновение в этих странах мощной вооруженной борьбы за свободу⁵. Характеризуя завоевание Индией независимости, Е. Хейман следующим образом оценивал действия Англии: «Она должна была уйти, если не хотела рисковать восстанием»⁶. Характерно, что и А. Хэнна, не скрывающий своего недовольства «преждевременным» достижением независимости африканскими народами, признает неизбежность для империалистов согласия на уход из африканских колоний — любая отсрочка могла быть достигнута лишь политикой непрерывных репрессий⁷.

¹ *H. Ingrams, Uganda. A Crisis of Nationhood*, p. VII.

² *A. A. Thomson, D. Middleton, Lugard in Africa*, London, 1959, p. 175.

³ *W. Rostow, The United States in the World Arena*, p. 339.

⁴ «*Journal of Economic History*», 1961, December, p. 492.

⁵ *B. Crozier, The Rebels. A Study of Post — War Insurrections*, London, 1960, p. 237.

⁶ *E. Heiman, Reason and Faith in Modern Society. Liberalism, Marxism and Democracy*, Middletown (Conn.), 1961, p. 311.

⁷ *A. J. Hanna, European Rule in Africa*, p. 26.

Следует добавить, что историю «самоликвидации» колониализма реакционные историки различных стран нередко излагают в духе теории «исключительности» империализма своей страны. Так, английские историки напирают на традиции распространения свободы, якобы свойственные правящим классам Великобритании¹; французские историки приплетают ни к селу ни к городу традиции французской буржуазной революции конца XVIII в. и защиты прав человека; американские историки — «исконный антиколониализм» США и т. п. Нередко, впрочем, мобилизуются доводы о «христианском наследии», общих традициях Запада и пресловутой «Атлантической цивилизации», также будто бы способствовавших этому результату. Известный английский историк А. Брайан, подчеркивая, что якобы «Великобритания не столько потеряла империю, сколько добровольно отказалась от нее», находит такое объяснение этому решению: Англия растратила свое богатство в двух мировых войнах, защищая свободу мира, и осталась «без экономических ресурсов для окончания своей глобальной миссии цивилизования народов, ставящей целью превратить их в сознающие свою ответственность нации и обучить их самоуправлению на ее огромной колониальной территории»². Итак, будто бы не просто ослабел английский империализм, а ослабела его способность «делать благо», и поэтому он несколько преждевременно должен был «отказаться от империи».

В буржуазной историографии за последние годы принято в зависимости от того, как это удобнее для фальсификации, то отождествлять, то, напротив, четко разграничивать понятия «Запад» и «капитализм». На этом построена и двойная бухгалтерия неоколониалистских историков. Как мы знаем, они настойчиво проводят идею о том, что колонии никогда не имели или по крайней мере быстро теряли в XX в. значение для капиталистической экономики метрополий. Это апологетическое утверждение имеет с точки зрения империализма тот недостаток, что, прикрывая неоколониалистскую политику, оно не содержит доводов в пользу ее «необходимости» для США и Западной Европы. Даже такие руково-

¹ Напр., *R. Coupland, India...*, p. 73.

² «*Illustrated London News*», December, 29, 1962, p. 1040.

дящие деятели правительств стран НАТО, как президент США Эйзенхауэр, английский премьер-министр Макмиллан, президент ФРГ Любке, не раз заявляли о жизненной необходимости для Запада сохранить свои позиции в освободившихся от колониальной зависимости странах Азии и Африки, и это нередко повторяют неоколониалистские историки. Красноречивым свидетельством этой «необходимости» является хотя бы то, что, например, американские капиталовложения в Африке насчитывали накануне второй мировой войны 200 млн. долл., в 1956 г. — более 1 млрд., ныне — свыше 4 млрд. долл. Надо учесть также, что в Африке сосредоточено в настоящее время 99% добычи алмазов в капиталистическом мире, 81% кобальта, 59% золота, 40% хрома, 36% марганца, 27% меди и т. д. По добыче урана она превосходит США и Канаду, вместе взятые. Африка — крупнейший поставщик на капиталистический рынок хлопка, кофе, какао и других сельскохозяйственных продуктов¹. Еще более разительные цифры можно привести и в отношении недавно освободившихся стран Азии. Словом, «необходимость» бывших колоний доказать нетрудно. Сложнее обстоит дело с доказательством «необходимости» неоколониализма для самих этих стран.

Новейшая реакционная историография колониальной системы вся объективно подчинена задаче обоснования неоколониализма в целом. Однако наряду с этим она пытается подвести историческую базу и под отдельные доводы, которыми реакционная пропаганда оправдывает неоколониалистскую политику империалистических держав. В частности, историческое обоснование подыскивается к тезису о благотворности иностранных инвестиций. Приводя его, А. Хэнна выражает надежду, что после окончания европейского господства азиатский «национализм» будет направлен на достижение «конструктивных целей», что приведет «к еще большему росту европейского (включая американское) экономического и культурного влияния, чем это имело место в предшествующие столетия»².

Для доказательства «идейных» мотивов, которыми руководствуются иностранные инвесторы капитала,

¹ «Известия», 30 ноября 1961 г.

² А. J. Hanna, *European Rule in Africa*, p. 34.

также находится историческая параллель: раньше наряду с экономической выгодой действовали мотивы филантропического характера, теперь же — не менее «почтенный» мотив, как... борьба с коммунизмом¹. Более того, реакционные историки сделали «открытие», что меры, принимаемые странами Азии и Африки против неокOLONиализма, — это не борьба за независимость, а свидетельство того, что эти страны никак не могут психологически отрешиться от своей былой зависимости, что они еще находятся под влиянием «глубоко засевшего сознания неполноценности», заставляющего «агрессивно» добиваться равенства, которого никто у них не оспаривает².

«Африка, — заявил К. Нкрума, — могла бы двигаться вперед гораздо быстрее, если бы не тайное вмешательство в наши дела колониалистов и империалистов»³. Аналогичным является и положение в Азии. А реакционная историография самые успехи азиатских и африканских государств после свержения колониального ига заносит в актив колониализму. Если индусский крестьянин теперь доверяет индусской администрации, это заслуга английских колониальных властей, разъясняет Ф. Мэзон (Вудрэфф)⁴. При этом реакционные авторы одновременно усиленно рекламируют тех политических деятелей в странах Азии и Африки, которые соглашались на опутывание своих стран цепями неокOLONиализма⁵.

Во время второй мировой войны и в первые послевоенные годы идеологи американской реакции выдвинули притязания США на мировое господство. Геополитики защищали «право» США на «руководство» западным полушарием, на захват преобладающего влияния во всем мире⁶. В десятках мальтузианских работ оправдывался колониализм

**Политика
«с позиции силы»
и апология
неокOLONиализма США**

¹ *H. G. Pedraza*, Borrioboola — gha., p. 20.

² Напр., *P. Griffiths*, *The British Impact on India*, p. 231 а. о.

³ «Правда», 14 января 1962 г.

⁴ *P. Woodruff*, *The Men.*, v. II, p. 361.

⁵ Напр., *L. Hamon*, *Introduction a l'étude des partis politiques de l'Afrique Française*, Paris, 1959.

⁶ Напр., *N. J. Spykman*, *America's Strategy in World Politics*, New York, 1942; *N. J. Spykman*, *The Geography of Peace*, New York, 1944; *A. Viton*, *American Empire in Asia*, New York, 1943; *J. Kieffer*, *Realities of World Power*, New York, 1952.

лизм, с которого снималась вина за голод и нищету им порабощенных народов¹. Проповедники теории «американского века» открыто писали, что, по их мнению, создались экономические и военные возможности установления американского «руководства миром». Об этом же объявил и президент Трумэн.

США развернули «холодную войну» против СССР, попытались организовать экономическую блокаду Советского Союза и стран народной демократии, постоянно пускали в ход политику атомного шантажа. В небывалых масштабах развернулась внешняя экономическая и политическая экспансия США. Огромный размах вывоза капитала американскими монополиями, спешившими воспользоваться послевоенными экономическими трудностями в большинстве стран мира, сопровождался созданием разветвленной системы военных баз и опорных пунктов на всех континентах земного шара. Очевидная неудача экономической блокады социалистических стран, не приостановившей быстрого роста их экономики, и неудачи атомной дипломатии США вызвали к жизни доктрины «сдерживания» и «отбрасывания» коммунизма, политики «с позиции силы», «балансирования на грани войны», глашатаем которой был Д. Ф. Даллес, проповеди превентивной войны против СССР, с которой выступали наиболее агрессивные и реакционные круги американского империализма. Все эти тенденции определили трактовку событий в реакционной американской историографии первого послевоенного десятилетия². Экспансионистский внешнеполитический курс, ставка на гонку вооружений и сколачивание агрессивных империалистических блоков, разумеется, наложили отпечаток на оценку реакционными идеологами колониальных проблем.

США превратились в это время в главного мирового эксплуататора и в главный оплот разваливавшейся колониальной системы. Однако, оказывая активную помощь европейским колонизаторам в сохранении их владений, в попытках любыми способами спасти все, что

¹ См. об этом, напр., А. Я. Попов, Современное мальтузианство (Очерк критики), М., 1960.

² См. об этом А. Е. Кунина, Б. И. Марушкин, Миф о миролюбии США, М., 1960.

можно, от распадавшегося колониализма, США одновременно захватывали позиции в этих владениях. Главным идеологическим прикрытием для вторжения империалистов США были две в равной мере фальшивые легенды — о «советской угрозе» и об «американском антиколониализме»¹.

Реакционные круги США пытались поставить под свой политический, экономический и военный контроль страны, сбрасывавшие иго колониальной зависимости. Этой цели должны были служить кабальная американская «помощь», все виды дипломатического давления, создание баз, вовлечение в замкнутые военно-политические группировки, сколачиваемые под руководством США. Независимую внешнюю политику молодых государств в Вашингтоне трактовали как действия, враждебные США. Еще в 1956 г. государственный секретарь Даллес провозглашал: «Нейтрализм аморален»².

Господствующая политическая концепция полностью преобладала и в американской историографии. Проповедовалась неизбежность принятия Соединенными Штатами «бремени руководства миром», причем поскольку дело касалось колониальных и зависимых стран, то необходимость их подчинения американскому руководству в равной мере обосновывалась ссылками на «геополитические» аргументы, необходимость защиты от несуществующей «коммунистической экспансии», а также на мнимый американский антиколониализм, якобы призванный принести освобождение и благоденствие этим странам. В подобных тонах описывалась, например, экспансия американского империализма на Дальнем Востоке в книгах Г. Винаке, Ф. Р. Даллеса, М. С. Фарли и др.³

¹ Характеристику колониальной политики США после второй мировой войны см., напр., в сборниках статей под ред. Б. Г. Гафурова: «Политика США в странах Южной Азии. Индия, Бирма, Индонезия», М., 1961 и «Политика США на Арабском Востоке», М., 1961, а также Г. И. Левинсон, Филиппины вчера и сегодня, М., 1959.

² V. M. Dean, *Builders of Emerging Nations*, New York, 1961, p. 256 f.

³ Напр., H. Vinacke, *The United States and the Far East. 1945—1951*, Stanford — London, 1952; K. S. Latourette, *The American Record in the Far East*, New York, 1952; F. R. Dulles, *America's Rise to World Power 1898—1954*, New York, 1955; M. S. Farley, *American Relations with Southeast Asia, 1950—1954 with Special Reference*

Поддержка американскими реакционерными антидемократических режимов объяснялась тем, что «антиколониалистские принципы» США якобы запрещали им вмешиваться во внутренние дела других стран. США будто бы хотели полюбовного решения спора Индии и Пакистана по кашмирскому вопросу, после некоторых колебаний и намерения сохранить французское господство во Вьетнаме стали бороться за предоставление независимости этой стране, но азиаты, мол, этого не понимали. Если США в 1947 г. и отступили от антиколониалистской позиции, поддержав голландскую интервенцию в Индонезии, то только вследствие будто бы чрезвычайных обстоятельств «холодной войны». В таком же духе освещается (точнее, восхваляется) по существу вся политика США этих лет¹. У. Ростоу уверял в 1960 г., что США, несмотря на свой союз с европейскими колониальными державами, являются, мол, и по «историческому инстинкту», и по своим интересам друзьями народов, избавившихся от колониализма, и что если они и выступали против чрезмерного обострения конфликта между колониями и метрополиями, то лишь с целью воспрепятствовать ухудшению международной обстановки².

Однако даже в этой литературе встречались уже многозначительные признания вроде признания в упомянутой работе Винаке, что США выступали против любого национально-освободительного движения, в котором участвовали коммунисты³, или уверения Т. Адама, что США призваны сохранить от гибели колониальную систему⁴. Среди менее близорукой части буржуазных ученых и публицистов уже тогда время от времени раздавались голоса сомнения в том, достаточно ли прикрывается колонизаторский курс камуфляжем неоколониализма. Так, известный буржуазный публицист Уолтер Липпман писал в марте 1952 г., что осуществление американской

to Indochina, New York, 1954. Ряд авторов работ по дипломатической истории, изданных в эти годы, почти или совсем не касались проблемы отношений с молодыми государствами Азии и с зависимыми странами (напр., *S. F. Bemis, A Diplomatic History of the United States*, 4th ed., New York, 1955).

¹ *L. H. Battistini, The United States and Asia*, New York, 1955, p. 4, 276, 300, 303—304, 310 а. о.

² *W. W. Rostow, The United States in World Arena*, p. 330.

³ *H. Vinacke, The United States...*, p. 9.

⁴ *T. Adam, Modern Colonialism*, New York, 1955, p. 16 а. о.

«помощи» по «четвертому пункту» программы президента Трумэна рассматривается в слаборазвитых странах как «попытка продолжить старый западный империализм в новой форме»¹.

**«Либеральный»
вариант
неоколониализма**

За последнее десятилетие первоначальный вариант интерпретации американского неоколониализма постепенно стал уступать место более утонченному и более «неоколониалистскому» варианту этой же версии. Основой для частичной смены вех было резкое изменение в соотношении сил на международной арене в пользу социализма, завоевание Советским Союзом первенства в ведущих областях военной техники и полный крах политики «с позиции силы», крушение колониальной системы, потребовавшее, как писала американская буржуазная печать, «мучительной переоценки» внешнеполитических концепций. Эта перемена затронула и область отношений с молодыми независимыми государствами Азии и Африки.

Глашатаями нового подхода к решению старой задачи выступили такие известные буржуазные политические деятели и ученые, как Ч. Боулс, У. Ростон и др. Так, Ч. Боулс, вернувшись в США после того, как несколько лет занимал пост посла в Индии, опубликовал ряд книг, в которых подверг критике американскую политику в Азии и Африке. Он откровенно высказывал убеждение в нереальности планов немедленного создания Pax Americana (мира, подчиненного США) и успешной превентивной войны против социалистического лагеря². Он подчеркивал, что соотношение сил резко изменилось в пользу СССР³, что американская политика терпит неудачу за неудачей, что долларовые подачки непопулярным режимам в Азии не укрепляют позиций США и не придают прочности этим режимам. При этом Боулс разъяснял, что подобная политика США была вызвана не-

¹ Цит. по кн.: Г. Андреев, Экспансия доллара, М., 1961, стр. 448.

² С. Bowles, *The New Dimensions of Peace*, New York, 1955, p. 317. Об американской «помощи» Индии во время нахождения там Боулса в качестве посла США см. Д. Латифи, *Индия и американская помощь*, М., 1961.

³ С. Bowles, *The Coming Political Breakthrough*, New York, 1959, p. 133—134.

продуманностью, недостаточным учетом новой обстановки в мире. Он уверял даже, что якобы «США фактически никогда не вели настоящей политики в Азии»¹, критиковал Даллеса за его утверждения, будто бы революционное движение в Азии и Африке было вызвано «интригами» Москвы, и отмечал некоторые из тех реальных причин, которые породили подъем массовой борьбы против колониализма. Боулс писал, что до второй мировой войны было достаточно сильного флота и крепкой колониальной администрации, чтобы быть хозяином в колониях, ныне же нужна гибкая дипломатия и «просвещенное использование наших экономических возможностей».

Говоря о находившихся накануне завоевания политической независимости странах Африки, Боулс критиковал тех американских политиков, которые заявляли, что, поскольку, мол, колонии принадлежат союзникам США, «открытая оппозиция колониализму стала предметом роскоши, которую США не могут более себе позволить». Старый европейский колониализм в Африке, мол, обречен, а чтобы сохранить и укрепить там американские позиции, надо пропагандировать «антиколониализм» США. Таким образом, добавлял Боулс, можно «защитить как наши законные интересы, так и интересы наших союзников по НАТО»².

Американский дипломат разъяснял, что связывать предоставление помощи с отказом от нейтралитета, утверждать, подобно тому как это сделано в законе о взаимном обеспечении безопасности, что помощь будет оказываться, пока сохраняется «коммунистическая угроза», — значит лишь дискредитировать и разоблачать самих себя³. К тому же, добавлял Боулс, у стран Востока возникла возможность получения советской помощи, которая предоставляется без экономических или политических условий, ущемляющих суверенные права этих стран. Он приводил в качестве примера близорукости госдепартамента случай, относившийся к апрелю 1955 г., когда его сообщение о том, что СССР согласился предоставить кредиты и руководить строительством крупного сталеплавильного комбината в Индии, было осмеяно,

¹ C. Bowles, Ambassador's Report, p. 339, 380 a. o.

² C. Bowles, Africa's Challenge to America, Berkley and Los Angeles, 1957, p. 54, 56, 59, 95—96.

³ C. Bowles, The Coming Political Breakthrough, p. 14.

так как, мол, такой план «далеко выходит за пределы экономических возможностей России»¹. (Речь шла об успешно построенном позднее в Бхилаи металлургическом комбинате.) Все это сопровождалось у Боулса напоминанием о том, что на карту поставлено слишком много — возможность эксплуатации значительной части мира, например, «по-видимому, безграничного минерального резервуара Африки», и необходимо проявить для достижения успеха любые гибкие методы, включая использование американских миссионеров, направление в Африку с пропагандистскими целями американских негров и т. п.²

Работы Боулса являются лишь одним из примеров попытки «пересмотра» методов политики США в отношении стран Азии и Африки при сохранении ее прежних целей. В 1959 г. комиссия по иностранным делам американского сената предложила исследовательским центрам рекомендовать меры, которые необходимо принять, чтобы воспрепятствовать переходу завоевавших независимость азиатских и африканских стран на путь социалистического развития. (Эти рекомендации были представлены в 1961 г.³)

Критика просчетов и провалов США, поиски новых путей характерны для значительной части американской и неамериканской неоколониалистской литературы, вышедшей за последние пять — семь лет. Так, уже знакомый нам М. Эдвардс писал в 1961 г., что в Азии распространено недоверие к США, что их считают олицетворением «нового вида империализма, захватывающего контроль при посредстве марионеточных правительств, которым оказывается мощная экономическая и военная поддержка, формально предназначенная для защиты азиатов от коммунизма»⁴. Эдвардс добавляет, что американская помощь нисколько не способствовала решению проблем экономического развития азиатских стран⁵.

Эта критика иногда помимо воли авторов проливает свет не только на критикуемые ими действия прави-

¹ *C. Bowles, Ideas, People and Peace, New York, 1958, p. 5.*

² *C. Bowles, African Challenge. . . , p. 53, 105—106, 127 а. о.*

³ См. *Р. А. Ульяновский, Неоколониализм США и слаборазвитые страны Азии, М., 1961, стр. 5.*

⁴ *M. Edwards, Asia in Balance, 1962, p. 16.*

⁵ Там же, стр. 98—99.

тельств Трумэна и Эйзенхауэра, но и на рекомендуемую ими более гибкую линию. Чего, например, стоят раздумья об упущенных возможностях, сожаления о том, что, например, США не воспользовались «вакуумом», созданным после Суэцкого кризиса 1957 г., чтобы под видом «друга арабов» попрочнее расположиться на Ближнем Востоке, а вместо этого лишь механически твердили о «борьбе с коммунизмом» и выдвинули крайне непопулярную «доктрину Эйзенхауэра»!¹

Неоколониалистские авторы подчеркивают, что надо понять подлинный характер «советской угрозы», что это прежде всего сила советского примера, помощь Советского Союза в укреплении суверенитета молодых государств Азии и Африки, в их стремлении окончательно порвать цепи экономической зависимости и не допустить неоколониалистского закабаления. Один западногерманский автор писал, что опасность со стороны социалистических стран «носит название: грузовики, инженер, врач, промышленное предприятие, радиостанция, школьный учебник, кредит из 2,5% годовых»².

Неоколониалистская литература с удовлетворением отмечает, что правительство США, особенно после 1960 г., приняло многие из положений, выдвигавшихся критиками прежней американской политики в отношении слаборазвитых стран, например прекратило открытые нападки на политику нейтралитета³. Это дополняется стремлением «доказать», что в тех грехах, в которых была повинна политика Трумэна и Эйзенхауэра, якобы еще более повинен... Советский Союз, который-де никогда не признавал искренне принцип нейтралитета и уважал нейтральный статус государств, лишь пока это отвечало его интересам (для подкрепления чего гороятся надерганые цитаты, дополняемые клеветническими вымыслами о «нарушении» Советским Союзом международных договоров)⁴.

¹ E. B. Childers, *The Road to Suez. A Study of Western—Arab Relations*, London, 1962, p. 304—315.

² F. Ansprenger, *Politik im Schwarzen Afrika. Die modernen politischen Bewegungen in Afrika französischer Prägung*, Köln und Opladen, 1961, p. 442.

³ V. W. Dean, *Builders of Emerging Nations*, p. 256 f.

⁴ Ханп., H. Fiedler, *Der sowjetische Neutralitätsbegriff in Theorie und Praxis. Ein Beitrag zum Problem des Disengagements*. Köln, 1959, p. 273. u. a.

Неоколониалистская критика «недостатков» неоколониалистской политики по самой своей природе не может не носить апологетического характера. Она касается лишь тактики, а отнюдь не основ этой политики хотя временами и стремится доказать обратное. Поэтому в работах, содержащих такую критику, в основном повторяется прежняя, крайне приукрашенная и фальшивая в своих отправных пунктах картина американского неоколониализма. В них сохраняются фальшивые тезисы об оборонительном характере, о филантропической направленности политики США в первое послевоенное десятилетие, которая, мол, соответствовала национальным интересам и «традициям», но не всегда осуществлялась с трезвым учетом «психологии» населения и социально-экономических особенностей азиатских и африканских стран. Воспроизводится нередко и уже знакомый нам тезис, что США вообще не имели продуманной политической линии. Выдвигается порой утверждение о пассивности США в первые десять лет после окончания второй мировой войны в вопросах, касающихся большинства слаборазвитых стран, в частности Юго-Восточной Азии до создания СЕАТО в 1959 г. (хотя этому утверждению противоречит огромное количество общеизвестных фактов)¹.

Существование «критической» линии в неоколониалистской литературе не мешает ей на фоне апологии американской политики квалифицировать, например, революцию 1958 г. в Ираке, свергнувшую монархический режим (террористический характер которого не осмеливаются отрицать даже реакционные историки), как пример... «коммунистического империализма»². Поистине недалеко ушли эти историки от самых нелепых «теорий» американских «ультра», объясняющих все революционные процессы в мире «происками Кремля!» Реакционные историки в крайнем случае готовы признать отдельные «эгоистические» действия США и то с добавлением, что они в целом не противоречили интересам слаборазвитых стран.

¹ R. Butwell, *Southeast Asia Today and Tomorrow. A Political Analysis*, New York, 1961, p. 148.

² W. C. Spielman, *The United States in the Middle East. (A Study of American Foreign Policy)*, New York, 1959, p. 34.

США часто обосновывали свою вполне реальную империалистическую экспансию задачей защиты от мнимой «коммунистической экспансии». Неоколониалистская историография идет по тому же пути. Но она готова иногда и на признание отдельных фактов экономической экспансии США, чтобы скрыть ту служебную роль, которую та в данном случае играла в политике обострения международной напряженности, подготовки новой мировой войны, проводившейся американскими реакционерами. При освещении истории военных блоков СЕАТО и СЕНТО повторяются утверждения об их оборонительном характере, анализируются возможности их укрепления путем проведения более ловкой дипломатии, усыпления подозрительности азиатских стран — участниц этих группировок и т. п.¹ При этом игнорируется не только агрессивный характер, но и колониалистская направленность этих блоков, их роль в борьбе против национально-освободительного движения. Появляется немало работ, рисующих апологетическую картину развития стран и территорий, являвшихся объектом прямой интервенции США, например Тайваня, Южной Кореи и Южного Вьетнама. Нередко оценки, даваемые в этих работах, быстро опровергаются ходом событий, например утверждения о развитии демократии в Южной Корее накануне установления военной диктатуры или о стабилизации в Южном Вьетнаме незадолго до нового подъема национально-освободительной борьбы и т. д.²

Следует указать, что неоколониалисты целиком и безоговорочно воспринимают старый колонизаторский тезис о благотворном влиянии иностранного монополистического капитала на экономику слаборазвитых стран и всячески доказывают мнимую экономическую «целесообразность» для этих стран сохранения их в качестве аграрного придатка империалистических государств. Совершенно оставляется в стороне хищническая эксплуатация иностранным капиталом естественных богатств и населения слаборазвитых стран, являющаяся главной причиной экономической отсталости народов Востока.

¹ Напр., «SEATO. Six Studies». Ed. by G. Modelski, Melbourne, 1962. Реальную историю СЕАТО см. в кн.: С. М. Нестеров, США и СЕАТО, М., 1961.

² Напр., E. Hammer, Progress. Report on Southern Vietnam, «Pacific Affairs», 1957, September, v. XXX.

ка¹. Для наибольшего идеологического обоснования экспансии монополий широко пропагандируется, особенно в американской, английской, французской, бельгийской литературе, идея политической и экономической взаимозависимости империалистических государств и их бывших колоний, якобы предназначенных историей и природой к ныне существующему «разделению труда»². К тому же обычно подчеркивается, как это делает, например, председатель Международного банка реконструкции Е. Р. Блейк, говоря об Африке, что, мол, экономически Запад меньше заинтересован в странах Востока, чем страны Востока в Западе³. Доказательства важности ресурсов стран Азии и Африки для Запада иногда сопровождаются фантастическим утверждением о незаинтересованности монополий во вложении капитала в эти страны⁴.

Большое место в неокOLONIALИСТСКОЙ литературе занимает рекламирование американской «помощи»⁵. Экономическая «помощь» США, как это хорошо известно, ставила и ставит целью сохранить экономические и политические позиции империализма в слаборазвитых странах, воспрепятствовать достижению ими экономической независимости, сохранить у власти антинародные режимы или поддержать реакционные элементы в борьбе против прогрессивных сил, обеспечить полное или частичное втягивание этих стран в систему империалистических военных блоков, нарушить связи молодых государств

¹ Ср. Г. Руденко, О причинах экономической отсталости народов Востока. «Мировая экономика и международные отношения», 1959, № 7; А. Фрумкин, Буржуазные теории вывоза капитала в слаборазвитые страны. «Мировая экономика и международные отношения», 1961, № 4. Об отличии советской помощи от империалистической «помощи» см., напр., Л. А. Фигуни, В. Д. Щетинин, Проблемы помощи слаборазвитым странам, М., 1961.

² Критику этой теории см. Е. Д. Модржинская, Идеология современного колониализма, стр. 89 и сл.

³ Е. R. Black, Tales of Two Continents. Africa and South America (б. м.), 1961, p. 8.

⁴ В. Ward, India and the West, p. 232.

⁵ Появился также ряд исторических работ, пытающихся дать апологетическую трактовку более ранних этапов американской «помощи» (с начала XIX в.): М. Curti, K. Birr, Prelude to Point Four, Madison (Wis.), 1954; H. A. Bierk, The First Instance of US Foreign Aid. Venezuelan Relief in 1812, — «Inter-American Affairs», 1955, v. IX, N 1, Summer.

Азии и Африки с социалистическим лагерем. Несмотря на тесное переплетение этих задач между собой, на практике они нередко сталкиваются друг с другом. Так, неудачные попытки вовлечения нейтральных стран в военные блоки приводят к тому, что или эти страны вообще отказываются от получения американской «помощи», или империалистам не удается использовать эту «помощь» и для других своих целей. В связи с этим, как уже отмечалось, «либеральные» неоколониалисты предлагают не выдвигать на передний план военные аспекты помощи и даже не акцентировать стремления США не допустить вступления молодых государств на путь социалистического развития, обеспечить победу наиболее реакционных и тяжелых для народа форм капиталистического строя. Неоколониалистская литература прямо говорит о необходимости проявлять «осторожность» при экспортировании «частного предпринимательства»¹.

Стремление сохранить страны Азии и Африки в качестве поставщиков дешевого сырья для метрополий побуждает буржуазных историков изобретать всяческие доводы против индустриализации этих стран, находить благовидные предлоги для объяснения того бесспорного факта, что американская «помощь» не способствует, а препятствует промышленному развитию. Некоторые авторы выступают с открытым забралом. Так, П. Т. Бауэр доказывает «невыгодность» строительства тяжелой промышленности в Индии и объявляет, что размеры западной помощи Индии должны определяться тем, будет ли индийское правительство проводить «политику, направленную на социализацию или даже советизацию (!) этой наиболее населенной страны некоммунистического мира»². Однако более дальновидные авторы рекомендуют формально не связывать предоставление американской «помощи» с «борьбой против коммунизма», отказом от некапиталистического пути развития или строительства собственной тяжелой промышленности, а осторожно подавать советы такого рода³. Они хотят уверить

¹ См., напр., *K. Randall*, *The Communist Challenge to American Business*, Boston, 1959.

² *P. T. Bauer*, *United States Aid and Indian Economic Development*, Washington, 1959, p. 116.

³ Напр., *F. Benham*, *Economic Aid to Underdeveloped Countries*, London, 1962, p. 18 f., 92, 100 f.

народы стран Азии и Африки, что высокие темпы развития возможны и не на пути, предлагаемом коммунистами. Большая часть «либеральных» неоколониалистов (в частности, У. Росту) делают упор на создание «экономической стабильности» в слаборазвитых странах, другие (например, Боулс) говорят о большем — о желательности «регулировать» в нужном для империалистов направлении происходящие там социально-экономические процессы.

Некоторые авторы, такие, как Б. Хиггинс, не скрывают, что для осуществления американских целей практиковалось и должно практиковаться вмешательство во внутренние дела других стран. «Как следует из нашего определения целей внешней политики США, — пишет Хиггинс, — в экономических вопросах не может идти речи о «невмешательстве». Страна, занимающая такое международное положение, как США, должна вмешиваться для достижения своих экономических и политических целей». Хиггинс, однако, подчеркивает, что при этом не только следует проводить политику кнута и пряника, но и осуществлять вмешательство по возможности скрытым образом: «В идеале США должны проводить политику таким образом, чтобы их вмешательство никогда не замечалось»¹. Но если необходимо для высших целей политики США, то можно идти и на то, чтобы вызывать недовольство в стране и даже в проамерикански настроенных правительственных кругах².

В рамках подобных воззрений освещаются и многие конкретные вопросы взаимоотношений США со странами Азии и Африки. Так, например, в изложении послевоенной истории Цейлона «исчезают» почти целиком попытки американских монополий и дипломатии США заставить цейлонское правительство отказаться от независимого курса во внешней политике, от мероприятий по созданию государственного сектора в промышленности и обеспечению экономической самостоятельности страны. Признавая, что на Цейлоне США считают центром империализма, неоколониалистские авторы

¹ B. Higgins, United Nations and U.S. Foreign Economic Policy (Illinois), 1962, p. 4, 7.

² Там же, стр. 8.

уверяют, что в будущем это представление должно измениться¹.

Усиленно рекламируются в неоколониалистской литературе такие широковещательные программы американской «помощи», как «Союз ради прогресса», потерпевший, как известно, полную неудачу.

**Проповедь
«коллективного
колониализма»**

Значительная по количеству литература трактует вопросы использования Организации Объединенных Наций для осуществления программы американской «помощи» и вообще в интересах неоколониализма. При этом реакционным авторам приходится как-то объяснять ту роль защитника колониальной системы, которую играли США при обсуждении проблем колониализма в ООН. Для апологии действий США используется, конечно, тезис об их антиколониальной позиции в ООН. Для этого не только слова выдаются за дела, не только замалчиваются многие, слишком неприглядные дела, но также забываются многие и многие «слова», поскольку США не раз открыто вставали на сторону колонизаторов. Когда же общеизвестные факты нельзя замолчать, их объясняют не заинтересованностью американского империализма в сохранении колониальной эксплуатации, а лишь нежеланием США вызывать недовольство своих союзников по НАТО слишком открытой защитой антиколониализма. Кроме того, доказывалось, что, мол, Советский Союз «безответственно» требовал и требует полной ликвидации колониализма, а США учитывали, что ряд колоний еще не созрел для получения независимости, не имеет для этого экономических и других предпосылок. США, мол, выступали в роли благожелательного посредника, призывавшего колониальные державы поторопиться с предоставлением независимости, а азиатов и африканцев — проявлять терпение². На деле это «посредничество», как известно, выразилось в поддержке голландской интервенции против Индонезии, английской колониальной войны в Малайе, войн французских колонизаторов во Вьетнаме и Алжире и т. д. наряду с собственно американскими ин-

¹ *H. Wriggins*, *Ceylon. Dilemmas of a New Nation*, Princeton, 1960, p. 318—319, 386 а. о.

² *L. P. Bloomfield*, *The United Nations and U.S. Foreign Policy. A New Look at the National Interest*, Boston, 1960, p. 193—194.

тервенциями против народов Кореи, Южного Вьетнама, Ливана и других стран.

Немалое внимание в неоколониалистских работах уделяется истории системы опеки Организации Объединенных Наций. Систему опеки, превращенную империалистическими державами в разновидность колониального гнета, реакционная литература рассматривает и как пример постепенной «самоликвидации» колониализма, и как образчик его «интернационализации», которая якобы оказала самое благоприятное влияние на «самоликвидацию». Этот опыт в изображении реакционных авторов призван подвести базу под «коллективный колониализм», будь то вооруженная интервенция империалистов под флагом ООН, вовлечение молодых стран Азии в агрессивные военные блоки или опутывание их новыми цепями зависимости с помощью кредитов от формально интернациональных, а в действительности зависимых от США банковских учреждений и т. п.

Система опеки была создана после второй мировой войны и в основном заменила собой мандатную систему Лиги наций. В подопечных странах проживала лишь небольшая часть населения колоний. При ее создании в них насчитывалось 22,5 млн. человек; к началу 1963 г. под опекой оставались территории, населенные 1,5 млн. жителей¹. Государства-опекуны грубо нарушали условия опеки, проводили вопреки воле населения незаконное объединение опекаемых стран с колониями, поощряли эксплуатацию жителей и естественных ресурсов западными монополиями, делали ничтожно мало для ликвидации экономической отсталости подопечных территорий. «Опекуны» оставили в наследство освободившимся от их «опеки» странам отчаянную нищету* и отсталость, уродливо развитую экономику, приспособленную только к «выкачке богатств» иностранным капиталом.

Все этой картины не найдешь в неоколониалистской литературе по опеке. Зато в ней много говорится о «международном подходе к колониализму, выросшем из практики отдельных государств», утверждается, что

¹ По истории системы опеки см. кн.: *Б. Е. Штейн, Система международной опеки*, М., 1948; *В. М. Шуриалов, Режим международной опеки*, М., 1951; *Г. Стах, К. Зайцев, Опека или колониализм?*, М., 1960; *К. В. Малаховский, Система опеки — разновидность колониализма*, М., 1963.

система опеки уменьшала «колониальное соперничество между государствами и тем способствовала поддержанию мира и безопасности», «стремилась поднять уровень более отсталого колониального управления». Более того, опека объявляется логическим завершением постепенной трансформации колониализма в систему, целиком поставленную на службу колониальным народам. Ее объявляют наследием идей великих мыслителей эпохи Просвещения, а также «борьбы» колонизаторов против рабства и даже отдаленным следствием «защиты» Верховным судом США прав индейцев! ¹

Д. Н. Мэррей прямо пишет, что система опеки функционировала вполне успешно. Меры, которые принимались державами-опекунами под давлением критики в ООН, рисуются им прежде всего как результат стремления этих держав скорее привести неподопечные территории к независимости. Обходя факты нарушения колонизаторами прав народов этих территорий, подавления властями движения за единство, возникшего на некоторых из этих территорий, и за независимость, Мэррей пытается оправдать империалистов. Он всерьез уверяет читателей, что Бельгия обращала мало внимания на проведение политических реформ в Руанда-Урунди потому, что была целиком поглощена заботами об экономическом и социальном прогрессе жителей этой страны ². На деле бельгийские колонизаторы заботились прежде всего о том, чтобы с помощью террора сохранить свою власть. Даже в 1961 г., накануне предоставления независимости Руанда-Урунди, бельгийские власти инсценировали выборы, во время которых колонизаторами и их пособниками были убиты 500 и ранены тысячи человек, более 200 тыс. жителей были изгнаны из их домов, повсеместно творились кровавые расправы ³.

¹ C. E. Toussaint, *The Trusteeship System of the United Nations*, London, 1956, p. VII, 4—8f. Из других буржуазных работ по системе опеки отметим: M. Mortimer, *Trusteeship in Practice*, London, 1951; R. Trumball, *Paradise in Trust. A Report on Americans in Micronesia 1948—1958*, New York, 1959; D. L. Oliver, *The Pacific Islands*, Cambridge (Mass.), 1958; C. H. Grattan, *The United States and Southwest Pacific*, Cambridge (Mass.), 1961.

² J. N. Murray, *The United Nations Trusteeship System*, Urbana, 1957, p. 227, 232—233, 239.

³ К. В. Малаховский, Система опеки — разновидность колониализма, стр. 71—72.

Большое внимание уделяется вопросам «коллективного колониализма» авторами, выступающими идеологами пресловутого империалистического проекта «Евразии». В их работах доказывается, что Африке природой и историей предназначено стать «партнером» интегрированной Западной Европы¹. К. Мюлензи опубликовал даже специальное исследование, посвященное историческим истокам «интернационализации» колониализма, которые он обнаруживает в решениях Берлинской (1885 г.) и Брюссельской (1890 г.) конференций европейских держав и других соглашениях между капиталистическими странами по колониальному вопросу. Более того, утверждается, что, даже когда империалисты открыто выступали против «интернационализации» их колоний, все же колонизаторы, оказывается, осуществляли миссию от имени всей «цивилизации» и в интересах международного сообщества народов². Так фальсифицированная история непосредственно ставится на службу «коллективному» неоколониализму.

¹ Напр., *E. Delagneau, L'Association des pays d'outre-mer à la communauté économique européenne, Louvain (1961), p. 27 e. a.* Ср. *P. B. Cousté, L'Association des pays d'outre-mer à la communauté économique européenne, Paris, 1959.*

² *J. Mulenzi, L'internationalisation du phénomène colonial, Bruxelles, 1958, p. 9, 45 f., 65—66 e. a.*

Глава VII

О МНИМЫХ ПРОТИВНИКАХ КОЛОНИАЛЬНОГО ГНЕТА

**Миссионеры —
противники или
прислужники
колонизаторов?**

Продолжая свои настойчивые поиски мнимых «благодетелей» пораженных народов, реакционная историография выдвигает все новых претендентов на роль борцов против колониального режима. В дополнение ко всей цепи фальсификаций часть буржуазных историков (особенно клерикальная историография) протаскивают фальшивую теорию о благотворном влиянии христианских миссионеров и церкви на судьбы народов Азии и особенно Африки.

На эту тему ежегодно публикуется множество книг и статей. Международный миссионерский совет и Всемирный совет церквей приступили несколько лет тому назад даже к изданию специальной серии работ по истории протестантских миссий в странах, недавно сбросивших колониальное иго¹. Аналогичные издания выпускаются и католической церковью, точнее, ее университетами и научными обществами. Один из церковных авторов отмечает, что в некоторых африканских странах взамен реальной истории миссий уже созданы «благочестивые» легенды².

Забываются чудовищные зверства, которые совершались колонизаторами во имя Христа и о которых подро-

¹ Название серии, публикуемой в Лондоне, «Studies in the Life and Growth of Younger Churches».

² J. V. Taylor, The Growth of Church in Buganda, London, 1958, p. 19. (Это первая книга из упомянутой выше серии.)

но писали либеральные ученые еще в прошлом столетии¹. Различные христианские церкви, и прежде всего католическая церковь, активно одобряли и поддерживали вывоз рабов из Африки в Америку (это признают объективные исследователи вроде американского историка Р. Миллера)². Католическая церковь благословила начало колониальной эры «разделом» будущих колоний между Испанией и Португалией. Протестантские церкви освящали колониальную политику Англии и Голландии, сопровождавшуюся истреблением миллионов людей в Азии, Африке, Америке.

От этих «прегрешений» церковные историки пытаются открещиваться с помощью теории, разительной напоминающей пресловутую теорию «старого» и «нового» капитализма. Они разъясняют, что «религиозный» идеал развивался с развитием общества и поэтому нечего винить церковь за ее прежнюю позицию в отношении колониализма. Вначале, уверяют клерикальные историки, церковь мирилась с рабовладением, так как иначе пленных не обращали бы в рабство, а попросту убивали. Потом, с конца XVII в., папы якобы выступали против колониальных захватов, производимых во имя обращения туземцев в христианство, и против рабства (здесь ничего не говорится, насколько лицемерный характер носило это осуждение) и даже были инициаторами запрещения работорговли, хотя по иронии судьбы на их призыв первоначально откликнулись лишь протестантские страны — Дания (1772 г.), а потом Англия. Насколько искренни здесь клерикальные историки, можно судить хотя бы по тому, что одновременно в целом прославляется деятельность таких организаторов работорговли, какими были португальские короли в XVI—XVII вв.³

В этой теории правдой является лишь то, что позиция церкви менялась в зависимости от изменения позиции господствующих классов. Поэтому в XVI—XVIII вв. церковь одобряла рабство (исключение составляли лишь

¹ См., напр., *W. Howitt, Colonization and Christianity.*

² См. *R. Miller, Slavery and Catholicism, Durham (North Carolina), 1957.*

³ *R. W. Wiltgen, Gold Coast Mission History, Techny (Illinois), 1956, p. 96—105; G. Mosmans, L'église à l'heure de l'Afrique 2 ed., Tournai, 1962, p. 79 e. a.*

отдельные секты), активно участвовала в работорговле¹, а в XIX в. она стала рядиться в тогу борца против невольничества, но продолжала оправдывать политику принудительного труда и т. п. Протестантские секты нередко отражали интересы разных слоев господствующих классов, что также сказывалось на отношении церкви к колониальной политике в различные периоды эпохи промышленного капитализма. Все это и служит почвой для фальсификаторских упражнений реакционных (особенно клерикальных) историков. Они рисуют церковь как силу, независимую от капитализма и противостоящую эксплуататорским тенденциям отдельных групп «сильных мира сего». Так, аболиционистское движение в Англии обычно изображается в популярных книгах, восхваляющих миссионеров, как борьба «кучки убежденных английских христиан» против богатых вест-индских плантаторов², работорговцев Ливерпуля и Бристоля.

Разумеется, церковь предстает здесь решительным противником колониализма или по крайней мере всех его «отрицательных» сторон. В частности, неоколониалистская историография много пишет об антиколониалистской настроенности так называемого евангелического движения в Англии конца XVIII — первой половины XIX в.³ При этом оставляются в стороне те прочно установленные в литературе факты, что евангелизм был прямой реакцией на идеи Великой французской буржуазной революции, демократического движения в самой Англии⁴. Евангелисты выступали ярыми врагами революционного движения трудящихся масс, защитниками

¹ См., напр. Х. Лот, Колониализм под сутаной, М., 1962, стр. 6 и сл.

² Напр., Н. Namgalies, Schwarzer Bruder in Tanganyika, Kasel, 1960, S. 48.

³ Историю евангелических миссий см., напр., у W. R. Hogg, Ecumenical Foundations. A History of the International Missionary Council and Its Nineteenth-century Background, New York, 1952.

⁴ Неоколониалистская историография поэтому вдвойне искажает истину, когда пытается буржуазную филантропию XIX в. представить детищем как христианского учения, так и просвещения XVIII в., одной из наиболее характерных черт которого был, как известно, воинствующий антиклерикализм. См., напр., W. D. Hussey, Discovery, Expansion and Empire, Cambridge, 1954, p. 126.

правительственной репрессивной политики¹. Своеобразие этой реакции против французской буржуазной революции заключалось в том, что это была не феодальная, а буржуазная реакция (реакция имущих классов Великобритании, напуганных угрозой своей собственности, исходившей со стороны английских якобинцев) и, как таковая, совмещалась с выгодными для буржуазии, но прогрессивными для того времени идеями фритредерства, а также аболиционизма.

Однако, если идеи фритредерства в интерпретации «евангелических» кругов английской буржуазии были направлены не столько против остатков феодализма, сколько против рабочего класса и превращались в требование не ограниченной рамками законодательства «свободы» эксплуатации, аболиционизм этих кругов означал не сочувствие неграм, а желание ограничить влияние рабовладельцев и, главное, расчистить путь для развития промышленного капитализма. Мнимый «антиколониализм» евангелистов представлял собой раннюю разновидность столь же поверхностного антиколониализма фритредеров, о котором уже говорилось в другой связи. К тому же эти благие антиколониалистские пожелания в отношении далекого будущего отлично уживались у евангелистов с требованиями колониальной экспансии во имя распространения христианства. Этот слегка подновленный старинный довод колонизаторов в пользу порабощения других народов был очень удобен для оправдания отказа на деле от даже условного антиколониализма фритредеров. Как в метрополии, так и в колониях евангелисты (например, Генри и Джон Лоуренсы в Индии) выступали ярыми защитниками существующего строя, противниками любых реальных реформ в интересах трудящихся масс.

Неоколониалистская историография иногда пытается затушевать классовые корни «евангелического» движения и деятельности его миссий в колониях². З. Марш и Д. Кингснорт уверяют, что евангелизм был движением

¹ Автор подробнее касается этого вопроса в монографиях: «Массовое движение в Англии и Ирландии в конце XVIII — начале XIX в.», М., 1962; «Демократическое движение в Англии 1816—1820», М., 1957.

² См., напр., *A. Cohen, British Policy...*, p. 8.

в защиту бедных, подлинной опорой аболиционизма¹. В других случаях неокOLONиалистские авторы, напротив, признают буржуазный характер евангелизма, но тут же отождествляют его с гуманными чувствами и филантропией, причем таким образом, чтобы не столько выявить подлинные цели евангелического движения, сколько подчеркнуть подобные похвальные настроения среди «английских деловых людей»². Миссионерское движение выдается за свидетельство гуманистических основ и филантропических устремлений евангелизма, а облагороженный евангелизм в свою очередь считается доказательством столь же возвышенных целей самих миссионеров.

Миссионерству безоговорочно отдается приоритет в «цивилизации» Африки³. При освещении истории миссионерства неокOLONиалистские историки прибегают обычно к следующим методам извращения истины. Во-первых, субъективные намерения того или иного миссионера отождествляются с общественной ролью миссий. Во-вторых, миссионерство противопоставляется как чистый идеализм колониальной эксплуатации и угнетению⁴. При этом либо отрицается связь миссионерства с колониальной экспансией, либо, напротив, подчеркивается эта связь⁵, но в таком случае сама агрессия колонизаторов рисуется как борьба с рабством, как великое благо для «туземцев» (или по крайней мере доказывається, что миссионеры стремились придать ей именно такое значение)⁶. Так эту связь трактовали и империалисты, и колонизаторы конца XIX — начала XX в. Известный английский империалистический политик Хью Сесиль в

¹ Z. Marsh, G. Kingsnorth, *An Introduction...*, p. 38, 41 f.

² W. M. Macmillan, *The Road...*, p. 84—85.

³ V. Harlow, *The Historiography of the British Empire and Commonwealth Since 1945*. «XI-e Congrès International des Sciences Historiques...», Rapport 5, v. V, p. 24.

⁴ J. T. Shotwell, *The Long Way to Freedom*, p. 542.

⁵ Миссии выступают иногда даже инициаторами колониальных захватов, особенно раздела Африки в конце XIX в., стороной, которая чуть ли не более всех выиграла от этих захватов («Histoire générale des civilisations publiée sous la direction de Maurice Crouzet. L'époque contemporaine», v. VII, p. 11).

⁶ Под этим углом зрения трактуется иногда даже Берлинская конференция, принявшая в 1885 г. решение о разделе африканских земель в бассейне Конго (F. Blanke, *Mission und Kolonialpolitik*. «Europa und der Kolonialismus», S. 115).

речи, произнесенной 4 мая 1900 г. в «Обществе пропаганды Евангелия», заявил, «что, путем возвышения в нашем сознании важности миссионерского дела, мы до некоторой степени *освятим* дух империализма»¹. А неокониалистский историк А. Брюншви́г разъясняет, что империализм (тракуемый им как великое благо для туземцев) «продолжал и увенчал дело миссионеров и филантропов»². Однако и в этом случае подчеркиваются скрыто антикониалистские мотивы миссионеров, как и колониальной политики, которую они поддерживали. Чаще же упор делается именно на антикониализм, на утверждение, что церковь якобы всегда стремилась способствовать достижению свободы и независимости народов Азии и Африки³. На деле английские миссионеры всячески стремились облегчить колониальную экспансию Англии, французские — Франции, немецкие — Германии, выступая объективно агентурой крупного капитала своих стран⁴.

Когда клерикальные историки пишут, что церковь одобряла колониализм потому, что он облегчал работу миссий⁵, то они просто ставят факты с ног на голову. Ничуть не изменяет существо этой фальшивой концепции введение в нее элементов лжеисторизма в виде утверждения, что ранее церковь шла вместе с колонизаторами, но позднее перешла на позиции антикониализма⁶.

¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 28, стр. 398.

² Н. Brunshwig, *Mythes et réalités...*, p. 187.

³ Напр., С. Р. Groves, *The Planting of Christianity in Africa*, v. IV, London, 1958, p. 280. Ср. также R. Oliver, *The Missionary Factor in East Africa*, London, 1952; N. Goodall, *The History of the London Missionary Society, 1895—1945*, London, 1954. Стоит отметить, что в этой литературе широко обыгрывается связь Д. Ливингстона с Лондонским миссионерским обществом. См., напр., J. Schapera, *Livingstone and the Boers*. «African Affairs», 1960, April, v. 39, N 235, p. 144—156.

⁴ См., напр., о роли немецких миссионеров Х. Лот, *Колониализм под сутаной*, стр. 17 и сл. В отдельных случаях это признавалось даже в старой буржуазной литературе о миссионерах. Так, К. Мартин, говоря о захвате Англией островов Тихого океана, указывает, что «призывы миссионеров к аннексиям оказались мощной поддержкой призывов со стороны австралийских купцов» (K. L. P. Martin, *Missionaries and the Annexation in the Pacific*, London, 1924, p. 99).

⁵ D. A. Low, *Religion and Society in Buganda 1875—1900*, Kampala, Uganda (s. a.), p. 15.

⁶ G. Mosmans, *L'église à l'heure de l'Afrique*, p. 69—70 e. a.

Наконец, деятельность миссионеров объединяется со всем «похвальным», что, по мнению реакционных историков (и в их освещении), было у колониализма, и отделяется от его «эксцессов», которые, мол, мешали работе миссий¹. Между тем на деле в истории миссий было очень многое связано с прямым или прикрытым оправданием тех действий колонизаторов, которые даже реакционные историки относят к числу «эксцессов». Недаром один из вождей южноафриканских племен, боровшихся против колониальных захватчиков, говорил, что духовенству неплохо было бы сначала проповедовать христианскую мораль своим соотечественникам, а потом уже заниматься «обращением» других народов². Или напомним (это не может отрицать даже А. Хэнна), что в Восточной Африке в конце XIX в. миссионеры систематически подвергали пыткам и истязаниям «туземцев». Д. Д. Маккей, сам являвшийся миссионером, сообщал, что его коллеги «использовали для порки длинные толстые бичи из шкуры гиппопотама». Подобное использование святыми отцами «местных ресурсов» приобрело такой скандальный размах, что в 1905 г. было признано целесообразным не вовлекать миссионеров «в бичевание взрослых туземцев»³. Тот же Хэнна мимоходом признает, что «борцам» с рабством, несущим «свет цивилизации», отводилась весьма прозаическая роль «обучения», подготовки «туземцев» к принудительному труду на землях европейских поселенцев⁴, мало чем отличавшемуся от рабства. Подобных примеров из истории деятельности миссий не только в Африке, но и в Индии, Индонезии, Малайе и других странах, захваченных колонизаторами, можно привести сколько угодно.

Миссионеры, выступавшие ярыми застрельщиками колониального закабаления Восточной Африки, впоследствии вели то открытую, то временами замаскированную борьбу против населяющих ее народов. Достаточно сказать, что во время свирепого подавления английскими войсками освободительного движения в Кении (1952—

¹ «Histoire universelle des missions catholiques publiée sous la direction de Monseigneur S. Delacroix. Les missions contemporaines (1800—1957)», Paris, 1957, p. 15—17.

² W. Howitt, *Colonization and Christianity...*, p. 468.

³ A. J. Hanna, *The Beginnings...*, p. 49—50.

⁴ Там же, стр. 92.

1955 г.), когда было убито 8 тыс., казнено 850 и брошено в тюрьмы 115 тыс. африканцев, в том числе тысячи христиан, миссионеры создавали вооруженные отряды ополчения формально для «защиты миссий», а фактически для активной помощи колонизаторам.

В Южно-Африканском Союзе большинство церковников одобряло и одобряет варварский апартеид. Так, в 1953 г. последовало разъяснение церковных сект, проповедующих на английском языке, что они за расовое и национальное равенство на небе, но не на грешной земле. В голландских реформаторских церквях запрещено совместное богослужение белых и негров¹. Совсем недавно издающийся в Кейптауне орган голландской реформаторской церкви «Die Kerkbode» уведомил читателей, что расовые различия, безусловно, будут сохраняться даже на небесах².

Как уже отмечалось, за последние годы появились многочисленные исследования, посвященные истории миссий в различных странах Азии и Африки³, деятельности отдельных миссионеров и столь же извращающие действительную картину событий, как и общие работы по «распространению христианства» среди народов колоний и зависимых стран. Прямое прославление миссионерства сопровождается у некоторых неокOLONИАЛИСТСКИХ историков уже знакомым нам отвлекающим маневром. При описании деятельности христианских миссионеров в Индии и в различных африканских странах создается впечатление, что они (как и колониализм в целом) своим «цивилизаторским» влиянием вопреки всем «добрым намерениям» вызвали распад традицион-

¹ См. *X. Лот*, Колониализм под сутаной, стр. 43—44.

² См. «Daily Worker», 14.III.1962. Признания о расистской позиции церковников в ЮАС см., напр., *C. Morris*, *The Hour After Midnight. A Missionary Experience of the Racial and Political Struggle in Northern Rhodesia*, London, 1961, p. 150 f.

³ Напр., *C. W. Mackintosh*, *Some Pioneers' Mission of Northern Rhodesia and Nyasaland*, Livingstone, 1950; *R. Wiltgen*, *Gold Coast Mission History...*; *M. Stuart*, *Land of Promise. A Story of the Church in Uganda*, London, 1958; ср. также *M. Bane*, *Catholic Pioneers in West Africa*, London, 1956; *N. Humpreys*, *Missionary in South Africa*, London, 1953; *E. Smith*, *Great Lion of Bechuanaland. The Life and Times of Roger E. Price, Missionary*, London, 1957. Большое место уделяется восхвалению миссий и в других неокOLONИАЛИСТСКИХ работах по истории Африки и Азии.

ных социальных связей в этих странах, еще не готовых к восприятию европейских форм жизни, культуры и техники. В результате, мол, евангелисты невольно способствовали усилению сопротивления английскому владычеству в Индии в десятилетия до 1857 г., в Африке христианство сливалось с местными языческими верованиями и использовалось для бунта против европейской цивилизации¹. При описании активности миссионеров в Китае клерикальные историки одобряют опиумные войны как открытие этой страны для «цивилизации», пробуждение ее от «почти векового сна» и т. п. Упомянув об одобрении миссионерами действий колонизаторов², эти историки уверяют, что церковь преследовала высшие духовные цели, не имевшие ничего общего со светскими и политическими интересами³.

Различные церкви, и особенно рьяно католическая, пытаются укрепить свои позиции в недавно освободившихся странах и целиком поставили себя на службу неокOLONIALИЗМУ⁴. Так, например, в Конго католическая церковь, являющаяся крупным земельным собственником, активно выступала против законного правительства Лумумбы и поддерживала деятельность своих ставленников. Католическая церковь, несмотря на лицемерные оговорки, противодействовала национально-освободительной борьбе алжирского народа и т. д.

В то же время католические церковники и их апологеты среди клерикальных историков отлично понимают, что в условиях мощного подъема национально-освободительного движения и влияния ненавистного для них марксизма католические миссионеры рискуют тем, что их будут полностью отождествлять с колонизаторами.

¹ K. Ingham, *Reformers in India, 1793—1833. An Account of the Work of Christian Missionaries on Behalf of Social Reform*, Cambridge, 1956; M. Edwards, *The Necessary Hell...*; D. G. Bearce, *British Attitudes...*; P. Griffiths, *The British Impact on India*; G. M. Sundkler, *Bantu Prophets in South Africa*, London, 1948 а. о. Однако вместе с тем утверждается, что миссионеры по существу не разрушали старую, а лишь создавали элементы новой культуры. См., напр., K. S. Latourette, *A Short History of the Far East...*, p. 378.

² C. Cary-Elwes, *China and the Cross. A Survey of Missionary History*, New York, 1956, p. 188—189.

³ L. Wei Tsing-sing, *La Politique Missionnaire de la France en Chine 1842—1856*, Paris, 1957, p. 554.

⁴ См. *Pope Pius XII, The Future of Africa*, 1957.

ми¹. «Некоторые экстермисты рассматривают церковь как назойливого иностранного пришельца из Европы, несмотря на прилагаемые ею большие усилия пустить корни в местную почву, создать туземное духовенство и иерархию. . .» — жалуется один американский католический автор². Было бы точнее сказать, что «экстремисты» (т. е. прогрессивные силы) так оценивают деятельность католических церковников именно вследствие стремления последних «пустить корни в местную почву». Ватикан делает ставку на обучение значительного числа священников из местных жителей в странах Африки и Азии, чтобы с их помощью усиливать пропаганду против «преждевременного» вступления на путь независимости и ликвидации позиций иностранного монополистического капитала³.

В Индии католические и другие миссионеры вмешиваются в политическую жизнь страны. В 1959 г. в штате Керала миссионеры, используя, в частности, созданные ими церковные школы, спровоцировали волнения против прогрессивного правительства штата, возглавлявшегося коммунистами⁴. Во время выборов 1962 г. в парламент Индии в тех районах, где стараниями миссий часть населения была обращена в христианство, католические священники призывали верующих не голосовать за кандидатов компартии и других прогрессивных партий⁵. Клерикальные авторы, особенно католические, открыто хвастают «заслугами» миссионеров в борьбе против коммунизма: «Красным миссионерам коммунизма противостоят действительно на всем фронте только христианские миссионеры»⁶. Но подобными признаниями по существу

¹ «Histoire universelle des missions catholiques... Les missions contemporaines», p. 17.

² «National Catholic Almanac. 1962», New York, p. 376.

³ *И. Кравченко, С. Эфиров*, Ватикан против независимости и свободы народов. «Коммунист», 1961, № 5; *Л. Галлико*, Католическая церковь и Африка. «Проблемы мира и социализма», 1961, № 4; *И. Р. Григулевич*, Ватикан — пособник империализма в Африке. Сб. «Против колониализма», М., 1960, стр. 66—80. Ср. также *аль Халиди*, Миссионеры и империализм в арабских странах, М., 1961.

⁴ См. *Х. Лот*, Колониализм под сутаной, стр. 3.

⁵ См. «Правда», 16 февраля 1962 г.

⁶ *Pater Leppich*, Ein Gespenst geht um. «Die katholischen Missionen», 1957, Nr. 3, S. 63. Цит. по: *Н. Күһне*, Faschistische Kolonialideologie und Zweiter Weltkrieg, S. 156.

вскрывается не только общеизвестная ненависть миссионеров к коммунистам, наиболее последовательным борцам против колониализма, но и их глубокая враждебность всему национально-освободительному движению народов Азии и Африки.

**Подлинная и мнимая
борьба против
колониализма**

Читателю неоколониалистской литературы бросается в глаза парадоксальное на первый взгляд явление. Реакционные историки, рьяно пытающиеся обнаружить антиколониалистские мотивы в деятельности не только либеральных политиков, филантропов и миссионеров прошлого века, но и у откровенных колонизаторов, проповедовавших и осуществлявших грабительскую политику в странах Азии и Африки (а также в самой этой политике), становятся глухими и слепыми, когда дело доходит до оценки деятельности действительных борцов против колониализма.

Подлинная антиколониальная традиция в Англии неразрывно связана с революционным движением. Журнал английского демократа-эгалитариста Т. Спенса в конце XVIII в. клеймил колониальную политику как тяжкое преступление¹. В другом революционном журнале той эпохи предсказывалось восстание невольников-негров, которые кровью своих поработителей смоят позорное пятно рабства². Это были проявления народной оппозиции колониальной политике, первое, еще неясное осознание единства интересов английских трудящихся масс и поработенных колоний в борьбе против одних и тех же угнетателей — правящих классов Великобритании, мечты передовых мыслителей-революционеров об освобождении всех угнетенных стран и народов. Антиколониальная традиция получила дальнейшее развитие в идеологии массового демократического движения, развернувшегося в Англии в 1816—1820 гг., особенно же в 30—40-е годы XIX в. у чартистов (Э. Джонс и др.).

Удивительную забывчивость проявляет поэтому, например, Д. Бирс, автор цитированной выше работы «Отношение англичан к Индии», когда даже не упоминает о позиции рабочего класса, его идеологов и вождей³.

¹ (T. Spence), «Pig's Meat», vol. III, p. 213—214.

² «Politics for the People», 14.XII.1793.

³ G. Bearce, British Attitudes. . .

Точно так же поступает и У. М. Макмиллан, для которой «друзьями» колоний являются Берк, утилитаристы, евангелическое движение, выдвинувшее идею о «моральном долге» в отношении отсталых народов¹.

В английской буржуазной историографии, заполненной отысканием «антиколониалистски звучащих» мест из выступлений и переписки Хейстингса, Монро, М. Элфинстона и других колонизаторов, не нашлось места рассказу о борьбе за свободу колоний, которую вели английские революционные демократы конца XVIII — начала XIX в. и чартисты². Это связано не только с тем, что эти революционеры разоблачали подлинную суть английской колониальной политики, связь колониализма с капитализмом, которую стремились скрыть и мнимые антиколониалисты минувшего столетия, и их новейшие апологеты в реакционной историографии. В задачу реакционной историографии входит «доказательство» антиколониальных стремлений тех элементов, которые осуществляли колониальную политику, а это возможно лишь путем сокрытия того, что справедливо писали об этой политике действительные противники колониализма.

Для подкрепления этой фальсификации, в корне извращающей историю общественной мысли, и особенно отношение к колониальной проблеме, реакционная историография систематически применяет один ловкий прием. Он сводится либо к полному отделению позиции в колониальном вопросе от всего социально-политического мировоззрения определенного лица, партии, общественного движения, либо, напротив, к подчеркиванию этих воззрений как органической части всей системы взглядов, однако эта последняя рисуется в полностью

¹ W. M. Macmillan, *The Road...*, p. 45. У. М. Макмиллан пользуется тем, что некоторые демократические и республиканские идеологи, такие, как Т. Пейн, не выступали специально в защиту прав американских индейцев и негров, и выставляет их в неприглядном виде по сравнению с «заботившимися» о колониях реакционерами.

² Эта тема освещается в исследованиях советских и зарубежных прогрессивных историков. См., в частности, П. М. Кемп-Ашраф, *Африканцы в демократическом движении Англии начала XIX века*, М., 1960; Н. А. Ерофеев, *Чартизм и колониальная политика Англии. «Новая и новейшая история»*, 1957, № 1; Л. И. Гольман, *О взглядах Э. Джонса по колониальному вопросу. «Чартизм»*, Сборник статей, М., 1961, стр. 377—419 и др.

искаженном виде. Так, апологетическое изображение общеполитических взглядов Берка, Питта, евангелистов или фритредеров в Англии является основой для мифа об их якобы антиколониалистских воззрениях. Той же цели может служить метафизическое изолирование взглядов по колониальному вопросу путем замалчивания общеполитических воззрений.

Отдельные точки зрения революционных демократов, утопических социалистов, ранних пролетарских революционеров на колониальные проблемы иногда внешне походили на высказывания либералов, фритредеров и филантропов. Подобное сходство могло быть следствием как непоследовательности взглядов представителей революционно-демократического лагеря, так и умелой маскировки со стороны идеологов правящих классов. Однако сходство сразу же исчезает, когда взгляды по колониальному вопросу берутся в общем контексте социально-политических воззрений. Внешне похожие точки зрения в одном случае являются частью мировоззрения, отражавшего настроения и чаяния трудящихся масс, их ненависть к политике правящих классов, а в другом случае — элементом идеологии, защищавшей и обосновывавшей эту политику.

**О мнимом
антиколониализме
реформистов**

Замалчивание подлинно антиколониалистской традиции сопровождается у реформистских историков выдвижением правых социалистов в качестве главной силы на Западе в борьбе против колониализма. Эта фальсификация тесно связана с искажением других сторон истории рабочего движения, производимым во всей новейшей реакционной историографии. К числу таких искажений, в частности, относится, с одной стороны, отрицание связи оппортунизма с рабочей аристократией, подкупленной империализмом, а с другой — идентификация положения и взглядов этой верхушки рабочего класса с положением и взглядами основной массы пролетариата. На этой основе возникает легенда о якобы происходившем постоянном улучшении положения пролетариата начиная с последней четверти XIX в. и о потере им былой революционности. Отрицая паразитизм империализма, связанный с вывозом капитала, особенно в колониальные и зависимые страны, реакционные историки доказывают, что якобы этот вывоз

«вопреки Ленину» приводил не к росту обнищания рабочего класса, а, напротив, к повышению его жизненного уровня¹. Некоторые буржуазные историки на основании подобных утверждений делают вывод, что, «следовательно», если марксистские партии выступали против колониальной экспансии, то они просто боялись укрепления капитализма, которое создавало препятствие на пути осуществления их революционной программы².

Буржуазные ученые решительно отрицают существование объективных социально-экономических причин, обусловивших возникновение и борьбу революционного и оппортунистического течений в рабочем движении. Они готовы, «опровергая Ленина», объяснить все это чисто психологическими причинами³, а революционному течению к тому же приписывать оторванность от масс, «доктринерский», «интеллигентский» характер⁴.

Реакционная историография пытается изобразить рабочее движение конца XIX — начала XX в. сплошь реформистским и тред-юнионистским и по настроениям, и по объективным целям. На этом основании отрицаются подлинные цели рабочего движения, замалчиваются многие его политические выступления (в том числе по колониальному вопросу), не укладывающиеся в эту фальшивую схему о господстве тред-юнионистских настроений и тенденций.

Известно, например, что нонконформистские секты (не принадлежащие к государственной англиканской церкви) имели значительное влияние на часть английских рабочих и в то же время традиционно поддерживали либералов, нередко рядившихся в тогу противников колониальной экспансии. На этом основании некоторые буржуазные историки делают вывод, что рабочий класс выступал против империалистической политики под влиянием нонконформистских сект!⁵

¹ «Economic History Review», 1961, N 2, p. 199.

² H. R. Rudin, The History of European Relations with Africa. In: S. W. Stillman (Ed.). «Africa in the Modern World», Chicago, 1955, p. 20.

³ Напр., A. Lauterbach, Man, Motives and Money. Psychological Frontiers of Economics, New York, 1959, 2 ed., p. 177.

⁴ Об этом постоянно пишут такие реакционные историки, как X. Сетон-Уотсон, А. Мейер, О. Флехтгейм и др.

⁵ F. Bealy, H. Pelling, Labour and Politics, 1900—1906. A History of the Labour Representation Committee, London, 1958, p. 2.

Близкие к правым социалистам историки действуют тоньше. Говоря об открытых проповедниках колониальной политики в рядах социал-демократических партий до 1914 г. (типа голландца Ван-Коля), они оправдывают их позицию тем, что колониализм, мол, если и имел, то потерял в это время эксплуататорский характер, а также развитием «рабочего» или «народного» национализма. На деле, ссылаясь на «прогрессивность» колониальной политики, Ван-Коль открыто призывал «сотрудничать» с народами колоний, держа оружие в руках, немецкие оппортунисты типа Г. Гильдебранда требовали передела колоний в пользу германского империализма и т. п. Эти откровенно колониалистские выступления встречали вялое сопротивление со стороны центристских лидеров II Интернационала¹.

Некоторые австро-марксистские авторы, играя левой фразой, нередко утверждают, что весь рабочий класс был подкуплен за счет доходов от колоний, т. е. с дру¹гого конца подходят к «выводу» реакционной историографии о преобладании реформистских настроений и о том, что люди типа Ван-Коля якобы действительно выражали взгляды масс.

Идеализируя открытых колониалистов в рядах социал-демократических партий, реакционные историки хотели бы вдобавок записать в актив современных правых социалистов ту борьбу против колониальной политики, которую вели социал-демократические партии в конце XIX — начале XX в., преодолевая при этом в собственных рядах сопротивление ревизионистов, прямых идейных предшественников новейших теоретиков пресловутого «демократического социализма». Иначе говоря, реформистская историография стремится поставить в заслугу оппортунизму ту борьбу, которую вопреки ему вело революционное крыло в рабочем движении. Буржуазные историки пытаются объявить предшественниками современных правых социалистов таких деятелей, как Август Бебель, решительно разоблачавший зверства германских колонизаторов в Камеруне (1894 г.), злодеяния К. Петерса (1896 г.), подавление восстания в Юго-Западной Африке (1904—1905 гг.). Но ведь Бебель всю

¹ В. М. Турок, Колониальная политика Второго Интернационала накануне империалистической войны 1914—1918 годов. «Проблемы востоковедения», 1959, № 3, стр. 42—57.

жизнь боролся, пусть не всегда последовательно, и с реформизмом! Конечно, среди реформистов были люди, которые решительно выступали против колониальной политики, но они поступали так не благодаря, а вопреки своему реформизму, в противоречии с исповедуемыми ими теоретическими взглядами. Достаточно вспомнить о Жане Жоресе, который, несмотря на свои ошибочные реформистские воззрения как социалиста, выступал как смелый революционный демократ против колониальной политики Франции и других стран, против завоевательных войн на Мадагаскаре (1894—1896 гг.) и в Северной Африке, против англо-бурской войны, подавления империалистическими государствами народного восстания 1900 г. в Китае и т. д.¹ Однако позиция отдельных лиц несколько не изменяет того факта, что реформизм как течение то прямо, то скрыто выступал в поддержку колониальной политики империализма.

Между тем буржуазная историография рисует позицию европейских оппортунистов в колониальном вопросе как процесс нарастания с их стороны симпатий и понимания нужд народов Азии и Африки. Вместе с тем этот процесс дается вне связи с эволюцией политики оппортунистов, в 1914 г. открыто вставших на позиции социалшовинизма и впоследствии все далее шедших по пути отказа от борьбы против капитализма, за социализм. Мнимое «нарастание» симпатий к колониальным народам дается на основе замалчивания попыток правых социалистов воспрепятствовать выступлениям коммунистических партий (в частности, компартий Франции, Англии, Голландии, Бельгии) в поддержку национально-освободительного движения. Вместе с тем это «нарастание понимания» излагается вне всякой связи ни с подъемом массового антиимпериалистического движения в колониях и зависимых странах, ни с вызванной им политикой колониальных держав, помогать осуществлению которой и были призваны «симпатии» оппортунистов к угнетенным народам.

Таким образом, получается картина, полностью извращающая историческую действительность. Западные

¹ О позиции Жореса в колониальном вопросе см. статьи А. З. Манфреда («Новая и новейшая история», 1959, № 5); Ж. Брюа («Французский ежегодник», т. I, М., 1959).

социал-демократические партии в конце XIX в., когда они в целом еще стояли на марксистских позициях, вели, хотя недостаточно, с рядом ошибок, срывов и провалов, борьбу против колониализма. Социал-демократические партии, когда в них восторжествовал оппортунизм и революционное течение создало коммунистические партии, объективно не боролись с колониализмом, а по мере сил защищали его. Однако в условиях мощного подъема национально-освободительного движения такая защита нередко облекалась (как и многие действия самих колонизаторов) в антиколониалистские одежды. Неоколониалистская историография выдает эту очевидную маскировку за суть явления.

В связи с тем что подлинный характер и смысл эволюции взглядов и политики правых социал-демократов в колониальном вопросе пока еще недостаточно исследованы в марксистской литературе, особенно поскольку речь идет о более ранних этапах этой эволюции, стоит кратко проиллюстрировать ее на материале главной колониальной державы — Великобритании. В Англии отдельные черты империализма сложились еще в середине XIX в., тогда же началась политика подкупа верхушки рабочего класса за счет колониальных сверхприбылей. И характерно, что оппортунистические лидеры тред-юнионов, являвшиеся в политическом отношении охвостом либералов и радикалов-фритредеров, уже в 70-е годы стали выражать откровенно империалистические взгляды, заявляя о необходимости сохранения и укрепления Британской империи, подобно тому как это делали наиболее ярые консерваторы-экспансионисты¹.

Буржуазные историки английской двухпартийной системы обычно игнорировали факт, что наряду с использованием этой системы для обмана масс в самой Англии она уже со времени первых же шагов национально-освободительного движения в странах Британской империи была поставлена на службу колониальной политике английской буржуазии. Находящаяся в конце XIX в. и первые годы XX столетия почти все время в оппозиции либеральная партия стремилась представить себя защитницей интересов туземного населения против «край-

¹ См. «Вопросы истории», 1963, № 2, стр. 105.

ностей» политики консерваторов, завязать на этой почве связи с руководящими деятелями национально-освободительного движения¹.

Разрыв английского пролетариата с открыто буржуазными партиями неизбежно порождал кризис английской двухпартийной системы, основанной в течение десятилетий на полном подчинении тред-юнионистской верхушки либералам. Этот кризис усиливался ростом освободительного движения в колониях и потерей доверия к либералам со стороны значительной части национальной буржуазии угнетенных стран Британской империи. Как известно, английская буржуазия пыталась впоследствии преодолеть этот кризис выдвижением лейбористов на место либералов в двухпартийной системе. Можно с уверенностью сказать, что, хотя предпосылки для развития этого процесса зародились уже с первых лет эпохи империализма, он по-настоящему начался после 1905 г. и особенно ярко проявился в той роли, которую стали играть правые лейбористские лидеры не только в борьбе против революционного пролетарского движения в самой Англии, но и в обслуживании колониальной политики английского империализма. В связи с этим утверждение реакционной историографии, что антиколониализм лейбористов является наследием прочного антиколониализма либералов (якобы лишь ненадолго отодвинутого в сторону «империалистической горячкой» конца XIX — начала XX в.)², вполне отражает действительность. (Причем, разумеется, необходимо учитывать одинаково мнимый характер этого антиколониализма.) Напротив, полным искажением действительности является утверждение, будто действительная борьба рабочего класса против колониализма являлась только борьбой за усовершенствование колониального режима, пропитывание его «антиколониальными» тенденциями и вообще представляла собой продолжение деятельности буржуазных либералов и филантропов.

В течение долгого времени у оппортунизма не было вообще позиции по колониальному вопросу, и это было

¹ Либеральная партия еще в 60—80-е годы XIX в. пыталась контролировать, напр., связи между индусами и ирландскими депутатами. См. об этом статью М. Кэмпстон в «English Historical Review», 1961, April, p. 279—297.

² «Revue historique», 1961, Octobre — Décembre, p. 453.

тоже позицией. В частности, до первой русской революции колониальный вопрос не занимал в английской социалистической (или, точнее, именующей себя социалистической) печати даже того скромного места, которое уделялось ему прессой других партий II Интернационала. Определенная программа по колониальному вопросу возникла у реформистского течения по мере роста его оппортунизма, по мере его все большего перехода на позиции поддержки «своей» империалистической буржуазии, по мере того как это становилось нужным для этой буржуазии в борьбе против ее соперников и, главное, против растущего национально-освободительного движения. Так, английские реформисты сразу после пробуждения Азии встали на защиту имперских интересов Великобритании. Лидеры оппортунистической Независимой рабочей партии завязывали контакты с «умеренной» частью руководителей национального движения в Индии, готовой из-за опасения перед собственным народом помириться с колонизаторами на самых скромных реформах. На соглашениях с этими элементами настаивали Кейр Гарди и Р. Макдональд, даже предлагавший услуги профсоюзной бюрократии в управлении империей¹. В 1924 г. пришло к власти первое лейбористское правительство. В актив его колониальной политики могли быть записаны империалистами такие действия, как Канпурский процесс против Коммунистической партии Индии и бомбардировка Ирака с воздуха. Английский историк Лаймен склонен считать, что эти действия были у лейбористов просто средством доказать «умеренность» своих взглядов, а также вызывались недостатком времени за десять месяцев пребывания у власти для выработки новой политики².

У второго лейбористского правительства (1929—1931 гг.) времени хватило «лишь» на то, чтобы бросить в индийские тюрьмы 60 тыс. участников кампании «гражданского неповиновения», организованного партией «Национальный конгресс», сфабриковать Мирутский процесс против коммунистов и руководителей профсоюз-

¹ *J. R. Macdonald, Labour and Empire, London, 1907, p. 28; J. R. Macdonald, Socialism and Government, v. I, London, 1909, p. 86.*

² *R. W. Lyman, The First Labour Government, 1924, London, 1957, p. 214—215.*

ного движения в Индии, потопить в крови восстание в Бирме и т. д. Лейбористский лидер К. Эттли в 1937 г. выпустил книгу «Лейбористская партия в перспективе» (переизданную в 1949 г.), где прямо указывал, что большая часть Британской империи должна оставаться под «опекой» Англии. Политика третьего лейбористского правительства (1945—1951 гг.) во главе с Эттли, которое одновременно вело колониальные войны в Малайе, осуществляло террористические расправы в Кении, свирепые репрессии против египетских борцов за свободу в зоне Суэцкого канала, участвовало совместно с голландскими колонизаторами в интервенции против Индонезии, организовывало расстрелы рабочих демонстраций в Гане (март 1948 г.), Нигерии (ноябрь 1949 г.), Британской Вест-Индии (лето 1951 г.) и т. д., еще совсем свежа в памяти народов¹.

Не худший «послужной список», с точки зрения колонизаторов, и у правых социалистов Франции, Бельгии, Голландии. Общеизвестна и роль, которую сыграли правосоциалистические лидеры в организации неокOLONIALИСТСКОЙ эксплуатации стран, завоевавших политическую независимость².

Таким образом, наряду с восхвалением самих колонизаторов буржуазная историография фабрикует легенду об антиколониализме тех сил, которые в действительности активно способствовали проведению колониальной политики. Но и эти апологетические построения неокOLONIALИСТСКИХ историков рассыпаются при первом же столкновении с фактами.

¹ О колониальной политике третьего лейбористского правительства см. *Р. Палл Датт*, Кризис Британии и Британской империи; *И. М. Лемин*, Обострение кризиса Британской империи после второй мировой войны; «Экономика и политика Англии после второй мировой войны», М., 1958; *В. Г. Трухановский*, Новейшая история Англии, М., 1958.

² Об этом см., напр., сб. «Социал-реформизм и колониальный вопрос (Позиции правых социалистов в связи с распадом колониальной системы)», М., 1961.

Глава VIII

РЕАКЦИОННАЯ ФАЛЬСИФИКАЦИЯ ИСТОРИИ НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ

К фальсификации истории национально-освободительного движения неоколониалистская историография подготовлена всей системой своих взглядов и концепций. В основе всего опять-таки лежат легенда превращения «старого» капитализма в «новый» капитализм, отрицание экономических классовых корней колониальной политики, вымысел об ее антиколониальной подоплеке и о «самоликвидации» колониализма.

**Принижение
исторической роли
борьбы народов
за независимость**

Капитализму свойственны, как известно, две тенденции в национальном вопросе. Первая из этих тенденций — пробуждение национального самосознания, возникновение национальных движений, борьба за создание национальных государств, вторая — ломка всех и всяческих перегородок, усиление связей между нациями, вовлечение их в единую систему мирового капиталистического хозяйства. Буржуазная историография признает, по крайней мере для конца XIX и для XX столетия, лишь вторую тенденцию — к интернационализации экономики и культуры, скрывая по возможности насильственный, эксплуататорский характер связей, возникающих при капитализме между экономически сильными и слабыми странами. Достижение национальной независимости колониями в этих условиях рисуется лишь как печальная необходимость, в общем противоречащая тенденциям

XX в., являющаяся лишь уступкой «великодушных» колонизаторов беспочвенному «народному национализму» в странах Азии и Африки и имеющая отрицательные последствия для человечества. При этом тут же добавляется, что эти отрицательные последствия могут быть устранены только установлением новых тесных связей между бывшими метрополиями и колониями (иначе говоря, путем опутывания молодых государств сетями неокOLONиализма).

В рамках этой концепции нет места для выявления прогрессивной роли национально-освободительного движения, которое в изображении неокOLONиалистской историографии было просто не очень нужной подсобной силой в «самоликвидации» колониализма, а иногда даже препятствовало этой «самоликвидации» и вдобавок стремилось к достижению «реакционной» с точки зрения перспектив развития человеческого общества цели. НеокOLONиалистская историография открыто ставит своей целью (как подчеркивает, например, П. Гриффитс) опровергнуть «печальное заблуждение» народов бывших колоний, что каждая уступка и в конечном счете независимость были вырваны у колонизаторов в результате упорной борьбы¹. Известный английский разведчик на Ближнем Востоке генерал Д. Глабб (Глабб-паша), изгнанный оттуда в результате подъема национально-освободительного движения и после этого начавший подвизаться в роли историографа британской колониальной политики, уверяет читателя: «Не будет преувеличением сказать, что нынешнее всемирное требование предоставления независимости колониям было первоначально выдвинуто самой Великобританией»².

В освещении истории национально-освободительной борьбы особо отчетливо видна неразрывная связь между новейшей реакционной интерпретацией истории капитализма и истории колониализма. Так же как реакционные историки отрицают антикапиталистическую направленность революционного рабочего движения, они отказываются признать, что национально-освободительная

¹ P. Griffiths, *The British Impact on India*, p. 312.

² J. B. Glubb, *Britain and the Arabs. A Study of Fifty Years 1908 to 1958*, London, 1959, p. 468. Ср. W. M. Macmillan, *The Road...*, p. 44 f.

борьба была порождена и была направлена против самой сущности колониальной системы. В первом случае «теоретической» основой фальсификации являются выводы вульгарной политэкономии, отрицающей капиталистическую эксплуатацию, во втором — игнорирование колониального ограбления и существования объективных противоречий между народными массами, а также национальной буржуазией, с одной стороны, и колонизаторами — с другой. Не разнятся и приемы фальсификации, главный из которых сводится к отрыву от природы капиталистического строя и сущности колониальной системы всех порождаемых ими отрицательных явлений и к утверждению, что, поскольку рабочее и национально-освободительное движение непосредственно вели борьбу против тех или иных конкретных зол, они не носили собственно антикапиталистического или антиколониалистского характера. Кроме того, на основании всего этого делается фальшивый вывод, что революционное рабочее и национально-освободительное движения были равно бесперспективны и прямо вредны, так как мешали превращению капиталистического строя в «строй благосостояния» и «самоликвидации» колониализма.

Вся история колониальной системы в интерпретации буржуазной науки построена на отрицании существования объективных глубоких противоречий между национальной буржуазией и колониальным режимом, противоречий, выходящих за рамки недовольства отдельными случайными и во всяком случае нетипичными мерами колониальных властей, все равно принятыми по недоразумению или под давлением со стороны каких-то заинтересованных кругов в метрополии. В идиллической картине, рисуемой реакционной историографией, подобные противоречия возникают, лишь поскольку колониальный режим изображается в роли защитника народных масс от буржуазии, феодалов и других эксплуататоров. К тому же реакционная историография безапелляционно настаивает на «благотворности» колониализма для основной массы населения колоний. «Европейское влияние — прямое завоевание колоний, косвенное господство во всех еще сохранявших независимость государствах, исключая Японию — принесло очень основательные блага крестьянским массам Азии», — голословно уве-

ряет, например, известный английский буржуазный историк Х. Сетон-Уотсон¹.

Буржуазные идеологи и оппортунисты давно уже усердно пытались доказать жизнеспособность мелкого производства при капитализме. С этой целью они фактически либо вовсе игнорировали эксплуатацию крестьянства монополистическим капиталом, либо изображали ее второстепенным, никак не связанным с сущностью буржуазного строя явлением. Точно такую же позицию занимает неоколониалистская историография, пытающаяся представить колониализм благодетелем крестьянских масс. В результате национально-освободительное движение, поскольку оно на ранних этапах, как правило, возглавлялось национальной буржуазией, теряет под пером империалистических историков общенародное значение, всякий исторический смысл и оправдание. Вместе с тем любые формы социального протеста, поскольку непосредственно они были направлены против местных феодальных и буржуазных эксплуататоров, объявляются полностью лишенными антиколониалистского характера.

Тщательно отделяя феодализм от колониального режима², который его консервировал и укреплял, империалистическая историография пытается выхолостить антиколониальный характер движений, непосредственно обращенных против феодалов и ростовщиков. То же самое проделывается и с выступлениями пролетариата против чудовищной капиталистической эксплуатации, условия для которой были созданы колониализмом. На деле эти выступления, даже чисто экономические по непосредственным требованиям, которые выдвигались их участниками, имели огромное общенародное значение и объективно антиколониалистский характер, так как они были направлены против самой основы колониальных порядков.

Отрицая существование объективных противоречий между народными массами и национальной буржуазией, с одной стороны, и с империализмом — с другой, реакционная историография пытается доказать, что в колони-

¹ *H. Seton-Watson, The Pattern of Communist Revolution. A Historical Analysis, 2^d ed., London, 1960, p. 113.*

² Это отнюдь не мешает одновременному восхвалению системы «косвенного управления».

альной действительности не было предпосылок для складывания единого антиимпериалистического фронта. Это утверждение используется двояко: либо для того, чтобы опять-таки отрицать общенародный, национальный характер освободительной борьбы, либо для того, чтобы уверять, что создание такого фронта было результатом «культурной отсталости», реакцией «варварского Востока» на западную культуру и технику, хотя это объяснение и очень мало вяжется с версией о «конституционном обучении» как причине освободительного движения. Еще чаще делаются ссылки на «антибелый» расовый шовинизм¹ или другие, объективно ничем не оправданные, а то и просто иррациональные мотивы. Рассказывая о преимуществах, которые якобы принес колониализм поработенным народам, реакционные историки добавляют, что «колониальные народы, казалось, не были благодарны за блага, которыми их наделили», и считали, что этих благ могло быть больше. Так, были построены школы, но «неблагодарные» африканцы и азиаты утверждали, что их мало (напомним, что, по данным Организации Объединенных Наций, в результате «просветительной» деятельности колониальных властей, например, в Британском Сомали было 99% неграмотных, в Мозамбике — также 99%; в большинстве африканских колоний 80% и более детей и поныне не посещают школы и т. д.). «Неблагодарность туземцев» и их зависть к иностранцам, которые, как это казалось, имели больше выгод, чем местные жители, и породили национальное движение².

Вся концепция неоколониалистской историографии настолько иррациональна, что ее опорами в конечном счете оказываются ссылки на иррациональные мотивы и колониальной политики, и национально-освободительного движения. Это движение приравнивается к реакционному шовинизму империалистической буржуазии, выдаваемому за западный «народный национализм». Более того, этот последний тут же противопоставляется как явление, направленное на «объединение» мировой экономики и культуры, реакционным попыткам ее раскола, в

¹ Ханп., *J. T. Shotwell*, *The Long Way to Freedom*, p. 502.

² М., *Lazarus*, *M. Coppel*, *The Making of Modern World...*, p. 234.

которых будто бы оказывается повинной борьба народов Азии и Африки за свободу и независимость. «Западный национализм» рисуется носителем мирового «порядка» и процветания, сближения народов и мира, тогда как «восточный национализм» — разрушительной силой, которая чревата международной анархией и опасными конфликтами. Особенно усердствуют неокOLONИАЛИСТИЧЕСКИЕ историки в попытках доказать, что переход к революционным методам борьбы являлся роковой ошибкой народов Азии и Африки (в которой, мол, отчасти виновны и отдельные промахи колониальной администрации). Реакционная историография хотела бы представить отклонением от нормального пути революционные кризисы, во время которых в действительности «всплывают наружу десятилетиями и веками зреющие противоречия»¹.

Одним из любимых утверждений новейшей реакционной историографии является тезис, что социалистические революции возможны и вероятны якобы «на наиболее ранней, а не на последней стадии эволюции капитализма»². НеокOLONИАЛИСТИЧЕСКАЯ историография стремится использовать этот фальшивый тезис для обоснования вывода, что массовое движение в колониях могло быть направлено против слаборазвитого местного капитализма, а не против иноземного империализма и колониального режима.

Следуя по стопам веховцев, твердивших в свое время об «интеллигентском характере» революционного движения в России, неокOLONИАЛИСТИЧЕСКИЕ историки утверждают, будто освободительная борьба угнетенных народов выражала не интересы самых широких масс населения, а лишь настроения интеллигентов. Веховские идеи ныне получили широкое хождение среди реакционных историков. Отнюдь не случайно они пришлись особенно ко двору в неокOLONИАЛИСТИЧЕСКОЙ историографии, которая пытается дискредитировать всех революционных про-

¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 9, стр. 208.

² О. Taylor, A History..., p. 393 а. о.

Существует и версия, что «органическими» могут быть вообще лишь буржуазные революции, точнее, крестьянская борьба против феодализма, которую использовали коммунисты для совершения «своей» революции. См. D. Mitrany, Marx against the Peasant. A Study in Social Dogmatism, North Carolina University Press, 1952.

тивников колониализма вообще, которой ненавистны все социальные движения, сливающиеся в единый антиимпериалистический поток.

В самых различных формах неоколониалистские авторы пытаются представить национально-освободительное движение следствием того, что интеллигенция не могла занять или что ей казалось, будто она не занимает устраивавшего ее места в рамках колониального режима. Повторяя уже известный нам тезис о «конституционном обучении», неоколониалистские историки заявляют, что национально-освободительное движение «в значительно меньшей степени является следствием угнетения и пренебрежения нуждами (колоний. — *Е. Ч.*), чем широких горизонтов, открывавшихся прогрессивной колониальной администрацией»¹. Завороженная этими горизонтами, интеллигенция, мол, не захотела мириться с сохранением крайне полезной монополии чиновников из метрополии на высшие посты в административном аппарате и армии или, например, с системой «косвенного» управления².

Революционное течение в национально-освободительном движении объявляется следствием «горячего темперамента» лидеров-интеллигентов³. В деятельности этих вождей раздуваются слабости, ошибки, защита устаревших обычаев и т. п.⁴ Неоколониалистские историки с покровительственным видом поучают «отсталых» идеологов национально-освободительного движения, что нельзя рассматривать западное господство как «триумф аморальной техники», что сама эта техника является следствием того примерного образа жизни и высоких раздумий, которые особенно свойственны западной цивилизации в силу античного и христианского наследия и т. п., и делают вывод: можно ли после этого сомневаться в моральной оправданности колониализма?⁵

Причиной национально-освободительного движения порой объявляется ненависть к более высокой западной

¹ *R. Emerson, From Empire. . .*, p. 45.

² *W. M. Macmillan, The Road. . .*, p. 24—25.

³ *R. Coupland, India. . .*, p. 95.

⁴ См., напр., освещение деятельности Тилака: *P. Knaplund, Britain. . .*, p. 191; *P. Griffiths, The British Impact on India*, p. 284—286.

⁵ *W. M. Macmillan, The Road. . .*, p. 27.

цивилизации, и его оценивают чуть ли не как азиатскую или африканскую разновидность фашизма (Сетон-Уотсон). Чрезвычайно характерно, что все участники, попутчики и противники национально-освободительного движения оцениваются в конечном счете с точки зрения вреда или пользы от них для колониального режима. Так, князья, феодальная верхушка, вожди племен то предстают в виде хранителей национальных традиций, культуры и самобытности, то, напротив, тиранами и дикарями, препятствующими учреждению западной законности и цивилизации. Борьба народов против колонизаторов, если она в силу исторических условий возглавлялась феодальными элементами, рисуется только как борьба «восточных деспотов» против западной культуры и демократии. Напротив, переход феодалов на сторону колонизаторов изображается как сотрудничество народов с колониальным режимом. Местная буржуазия представляется то как вождь нации, отражающей ее интересы, то как кучка эксплуататоров, грабящая народ и совершенно равнодушная к общественному благу.

Следует сказать, что порой при этом реакционная историография отражает противоречия, существующие в реальной действительности, но отображает в перевернутом, мистифицированном виде. Неоколониалистские историки в искаженной форме рисуют противоречия внутри буржуазии колоний — противоречия между компрадорской и национальной буржуазией. При этом роль национальной буржуазии приписывается компрадорам, а действия компрадоров — национальной буржуазии. Вдобавок в таком же обратном отношении к действительности отражается двойственность в позиции самой национальной буржуазии. Ее участие в революционной борьбе против империализма объявляется противоречащим подлинным нуждам страны, а, напротив, неустойчивость, склонность к соглашению с империализмом предстают как осознание и защита национальных интересов. Само развитие капитализма в колониях подается то как развитие производительных сил в полном отрыве от производственных отношений, развитие, являющееся, мол, «великим даром» колониального господства странам Азии и Африки, то как хищническое использование местными ростовщиками и купцами в ущерб народу тех благ, которые принес колониальный режим

этим странам. Когда это нужно для спасения репутации колониализма, то реакционные историки готовы переложить его преступления на сотрудничающие с ним элементы феодалов, компрадоров и ростовщиков.

Если массы борются, то колониальное правление нужно, мол, для предотвращения анархии, если царит «спокойствие», то это ли не свидетельство того, что народ доволен правлением колонизаторов?! Подобная аргументация прямо заимствована из традиционного освещения реакционной историографией народных движений, она лишь слегка модернизирована и применена к колониальной «специфике». Национально-освободительное движение рисуется то результатом отсталости, дикости, то, напротив, следствием заботы со стороны колонизаторов, так что в любом случае читатель подводится к выводу о необходимости колониального режима. И существование и отсутствие массового освободительного движения в равной мере выдаются за доказательство благотворности колониальных порядков.

Скрывая, что колониализм тормозил складывание наций, неоколониалистские историки с особым упорством доказывают, что страны, где этот процесс формирования еще не закончен, якобы не имели и не имеют основания претендовать на независимость (на деле достижение независимости в огромной степени ускоряет процесс складывания нации).

Принцип национального суверенитета трактуется в таком же духе. Главный упор делается на критику его с позиций лжеисторизма (он, мол, был оправдан в лучшем случае во времена национальных движений XVIII—XIX вв., но не в современную эпоху), а то и с позиций более или менее прикрытого расизма («неспособность» азиатских и африканских народов к самоуправлению). Но этот же вопрос получает прямо противоположную оценку, когда речь идет о «самоликвидации» колониализма, о наделении колонизаторами независимостью покоренных ими стран.

Освободительное движение во многих странах часто возникло еще во время их завоевания колонизаторами. Нередко уже в ходе установления иноземного контроля, сопровождавшегося экономической эксплуатацией, сопротивление народов колоний перерастало в общенародное восстание против колонизаторов. Эти восстания не-

Изменно трактуются неокOLONиалистской историографией в рамках уже знакомой нам концепции «оборонительных войн», «вынужденной» колониальной экспансии.

История массовых народных движений против колонизаторов либо целиком замалчивается, либо низводится до десятистепенного по значению явления в истории колоний. Так, английская неокOLONиалистская историография, будучи не в состоянии замолчать народное восстание 1857 г. в Индии, фактически игнорирует историческую роль народных движений в столетие до восстания и после него, например крестьянских волнений в Махаращтре в 1879 г.¹ и др.² Также усердно буржуазная историография принижает значение героической борьбы африканских племен и народов против колонизаторов (войны и восстания дингаана и кетчвайо, матабеле и машона, готтентотов и гереро, ашанти, племен Французской Экваториальной Африки и т. д.).

Стихийный характер, отождествляемый нередко с бесцельностью, бессмысленностью движения на ранних этапах, объявляется доказательством того, что население колоний «не доросло» до освобождения.

**Реакционные
концепции
народного восстания
1857 г. в Индии**

Показательна трактовка в реакционной историографии народного восстания 1857 г. в Индии. Буржуазные ученые должны были отойти от традиционного для них изображения этого восстания в виде «бунта сипаев». Однако в то же время с позиций антиисторизма неокOLONиалистская историография отрицает национальный характер движения.

Спор о характере индийского восстания возник в Англии вскоре после того, как оно разразилось. Английская печать злобно именовала восстание «сипайским бунтом». К этой оценке присоединился Джон Лоуренс, верховный комиссар Пенджаба во время восстания и впоследствии вице-король Индии. Однако тогда же генерал Джеймс Утрем, верховный комиссар Ауда

¹ О движении 1879 г. см. работу индийского историка V. Joshi, Vasudeo Balvant Phadke, Bombay, 1959.

² Это характерно и для тех немногих работ, которые специально трактуют историю народных движений и волнений. См., напр., статью о волнениях в Индии в 1869—1872 гг. в «Royal Central Asian Journal», 1961, January, v. XLVIII, part I, p. 36—55.

в 1857—1858 гг., откровенно признал, что в Индии происходило национальное восстание. В старой английской историографии в конечном счете явно победила точка зрения, что восстание было реакцией «отсталого Востока» на прогрессивные реформы английской администрации, начиная от железнодорожного строительства, введения телеграфа и европейского образования до уничтожения секты «тугов-душителей» и обычая самосожжения вдов. Подобная точка зрения отражена и в «Кембриджской истории Индии», опубликованной в период между первой и второй мировыми войнами¹. «Это ни в каком смысле не было национальным движением, или, как впоследствии утверждали некоторые индийские авторы, патриотической борьбой за свободу, или войной за независимость», — продолжает и поныне уверять У. Черчилль².

Неоколониалистская историография попыталась перестроить, модернизировать эту концепцию, слишком отдающую духом расизма, откровенной апологетики и совершенно «не покрывающую» обширный фактический материал, собранный по истории восстания. Желая сохранить изображение восстания 1857 г. как реакционного мятежа, неоколониалистские историки значительно расширяют и изменяют аргументацию, призванную «доказать» этот фальшивый тезис. Главной тактической линией является при этом попытка представить движение 1857 г. как реакцию старых господствующих классов на английские нововведения, крайне полезные для народа и страны в целом, но невыгодные для князей и феодальных землевладельцев³.

Одновременно щедро используются и старые аргументы. Так, Р. Купленд пишет о столкновении старой и новой цивилизации, бунте Азии против Европы, страхе привязанных к старым обычаям индусов и мусульман перед вторжением науки и техники в индийскую жизнь⁴.

¹ «Cambridge History of India», v. VI, Cambridge, 1932, p. V—VI. В новых работах аналогичную точку зрения см., напр., E. A. Walker, *British Empire*. . . , p. 77.

² W. S. Churchill, *A History of the English-Speaking Peoples*, v. IV, London, 1958, p. 70.

³ R. Coupland, *India*. . . , p. 38—39. Ср. W. P. Brock, *Britain and Dominions*, p. 180.

⁴ R. Coupland, *India*. . . , p. 39

Это, однако, служит лишь основанием для подробного «опровержения» Куплендом национального характера восстания 1857 г.: «Если волнения были и больше, чем мятежом, они, однако, не являлись национальным восстанием против иноземного ига». Почему? Потому что восстали не все сипайские полки — часть их сражалась на стороне англичан, сикхи не попытались восстановить утраченную независимость и пенджабские части помогли новому завоеванию англичанами Дели, ни один из князей ведущих государств Центральной Индии не присоединился к «бунту»; на границах Индии не существовало антибританских настроений — афганский эмир Дост-Мухаммед сохранил верность договору о дружбе с англо-индийским правительством, а Непал даже послал войска в помощь англичанам¹.

Не будем пока опровергать все «доказательства» Купленда; отметим лишь, что неокOLONиалистский историк не только подходит с антиисторической позиции к оценке национального характера восстания, но и явно имеет различные мерки для угодных и неугодных ему явлений. Недовольство части феодальных элементов английским управлением, даже если оно, как мы увидим, вполне разделялось массами, приводится в качестве «довода» против национального характера восстания. Таким же «доводом», однако, оказывается и неучастие других элементов класса феодалов в восстании, хотя их позиция, добавим, нередко вызывала бурное возмущение народа.

Следует также заметить мимоходом, что недовольство англичанами со стороны тех феодальных сил, которые примкнули к восстанию, определялось вовсе не реакцией «отсталого Востока» на европейский прогресс, а тем, что, усиливая колониальное ограбление Индии, английские власти в 40—50-е годы стали захватывать в ряде районов страны ту часть доходов от эксплуатации крестьянства, которую они ранее оставляли индийским помещикам и князьям. Наконец, опровергать национальный характер восстания ссылками на то, что английским властям удалось сохранить прежние отношения с правителями соседних государств Афганистана и Непала, —

¹ R. Coupland, *India...*, p. 40. Cp. C. Carrington, *The British Overseas...*, p. 446—448 f.

значит хвататься за аргументы, которые по меньшей мере имеют весьма слабое отношение к делу.

Предшествующие рассуждения Купленда оказываются вдобавок преддверием к утверждению, что основная часть народа не поддерживала восстание. «На главную массу населения, жителей деревни вне областей, охваченных беспорядками, мятеж оказывал слабое влияние, — уверяет английский историк. — В этих же областях крестьяне укрывались в своих деревнях и молились о том, чтобы волнения пришли к концу»¹. Здесь типичный пример антиисторического подхода к понятию массовости движения, столь показательного для реакционной историографии. В конкретно-исторических условиях Индии удивительным был не тот факт, что не «вся» крестьянская масса приняла участие в восстании. Это было и немыслимо в тогдашней Индии при темноте крестьянства, при сохранившейся еще замкнутости, характерной для жизни деревенской общины, при раздроблении на касты, при разделении на различные национальности, при сохранении религиозной розни, при искусственно создававшейся колонизаторами разнице в правах основных категорий крестьянства, в положении сельского населения различных частей Индии².

Поразительно, что и в этих условиях в восстание были вовлечены самые широкие массы народа во многих районах Индии, что их действия опирались на поддержку и сочувствие миллионов, не принявших непосредственного активного участия в борьбе. В Северной Индии в движении участвовали широкие массы крестьянства и городской бедноты, не говоря уже о солдатах колониальной армии — застрельщиках восстания. Только предательство князей и ряд неудач помешали распространению движения на ряд областей Центральной и Южной Индии. Но самое главное, чего, разумеется, ни за что не желает замечать неокOLONиалистская историография, — восставшие объективно выражали общенародное стремление покончить с английским господством и

¹ R. Coupland, India. . . , p. 40.

² Об этих последних различиях см. Э. Н. Комаров, Английская колониальная политика в Индии и ее социально-экономические последствия; А. М. Осипов, Крестьянство северо-западных провинций накануне восстания 1857—1859 гг. Сб. «Народное восстание в Индии».

обеспечить самостоятельное развитие страны, которое отвечало самым жизненным и насущным интересам трудящихся масс всей Индии. Именно поэтому восстание было подлинно национальным по своему характеру.

В. И. Ленин, великий вождь самого массового революционного движения в истории человечества, подчеркивал необходимость исторического подхода к понятию массы, указывая, что это понятие изменяется соответственно изменению характера борьбы. В начале борьбы достаточно иногда нескольких тысяч человек, чтобы можно было говорить о массе. Вовлечение этих пока еще немногих тысяч трудящихся, ранее обывательски пассивных, никогда ничего не слышавших о политике, в активные революционные действия означает на этом исторически определенном этапе придание массового характера движению¹. В 1857—1859 гг. в Индии участвовали многие сотни тысяч, если не миллионы, людей. Это было в высшей степени массовое движение, если подходить к нему с научными мерками, если характеризовать его с единственно правильных и объективных позиций подлинного историзма.

Еще более изощренным вариантом неоколониалистской фальсификации индийского восстания является концепция Гриффитса. «Прежде всего следует признать, — пишет он, — что мятеж не являлся всеобщим национальным восстанием и не имел ничего общего с националистическими освободительными движениями, которые сыграли столь большую роль за последние годы в делах Азии». Пытаясь принизить и оклеветать восстание под маской уважения к современному освободительному движению народов Востока, Гриффитс повторяет уже знакомые нам «доводы» Купленда. Признавая «глубокое недовольство» части индийского народа, Гриффитс пытается уверить читателей, что причины недовольства коренились не в колониальном режиме, а в той социальной и политической «дезинтеграции», которая происходила в последний период существования Могольской империи, во всяком случае до завоевания Индии англичанами. «Многие из столкновений и противоречий были должным образом смягчены с помощью законодательства или западного влияния, напротив, другие вновь

¹ См. В. И. Ленин, Соч., т. 32, стр. 451—452.

появились, когда иноземная власть начала покидать страну в XX в. В середине XIX столетия эти противоречия достигли крайней силы, и является чудом, что Компании удавалось столь длительное время предотвращать серьезный взрыв волнений»¹. Представить национальное восстание 1857 г. против английского ига как столкновение различных социальных, национальных, кастовых групп среди индусов, как взрыв противоречий между индуизмом и исламом, которые еще не удалось «примирить» колонизаторам, — это ли не шедевр неокOLONИАЛИСТСКОГО ИЗВРАЩЕНИЯ ИСТОРИИ ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ БОРЬБЫ ИНДИЙСКОГО НАРОДА!

Все разновидности неокOLONИАЛИСТСКОЙ фальсификации событий 1857—1859 гг. направлены на оправдание английских колонизаторов. Очень ярко это проявляется в том, как все реакционные историки пытаются смягчить впечатление от чудовищных зверств, которыми были отмечены действия английских карателей при подавлении восстания. Отрицать эти факты было бы безнадежным делом ввиду их общеизвестности. НеокOLONИАЛИСТСКИЕ авторы идут проторенным путем. Прежде всего подчеркивается, что в жестокостях повинны обе стороны², причем «инициативу» в этом деле безоговорочно приписывают восставшим сипаям³. Кровавые же зверства колонизаторов некоторые историки объявляют следствием... «рыцарских чувств», возбужденных известиями о гибели английских женщин от рук повстанцев⁴, всячески расписываются мнимые «героизм», «самопожертвование», бескорыстное служение своему делу со стороны карателей, якобы доказавшие их превосходство над индусами⁵. Историки Р. Эклес и Р. Хейл добавляют: «Однако английская доблесть и инициатива осуществили это (подавление восстания. — Е. Ч.), так как опирались на поддержку населением в целом английского правления»⁶.

¹ P. Griffiths, *The British Impact on India*, p. 102—103, 104.

² P. Woodruff, *The Men.*, v I, p. 355 f., 358 f., 371 f.; C. Carrington, *The British Overseas.*, p. 455.

³ P. Griffiths, *The British Impact on India*, p. 106; C. Carrington, *The British Overseas.*, p. 448.

⁴ P. Woodruff, *The Men.*, p. 357.

⁵ C. Carrington, *The British Overseas.*, p. 455.

⁶ R. B. Eccles, R. W. Hale, *Britain, Her Peoples and the Commonwealth*, New York, 1954, p. 478.

Столь же единодушны неокOLONиалистские авторы и в оценке исторической роли восстания. Купленд разъясняет дело просто: восстание, возможно, и было полезным, но только с одной стороны. Индия, мол, не созрела для самоуправления, нужен был повод, чтобы чужеземная власть продемонстрировала свою силу и способность подавить всякое сопротивление¹. Восстание было якобы реакционной вспышкой волнений, «разрывом в линии прогрессивного развития», — разъясняет Ф. Мэзон². «Мятеж» (так же как и предшествовавшее ему английское завоевание) был, по мнению М. Эдвардса, «необходимым адом», из которого родился режим, сделавший впоследствии возможным завоевание свободы Индией³. Не восстание 1857—1858 гг., а его подавление англичанами, оказывается, приблизило достижение Индией свободы и независимости! Индия в период восстания нуждалась в еще почти вековом господстве англичан, развивает ту же мысль лейбористский идеолог Д. Стречи⁴. «Мятеж» был якобы тем полезен, что его подавление убедило индусов в необходимости «в будущем вступить в соглашение с западной цивилизацией»⁵; «1857 год является важной датой для истории Индии не из-за восстания, а потому, что в этом году были основаны университеты в Бомбее, Калькутте и Мадрасе»⁶.

В буржуазной историографии выдвигалась теория «трех ступеней» в развитии национального движения: первая — это борьба фанатизма и консервативности против европейской цивилизации, вторая — выступления «по-западному» обученного меньшинства, выдвигавшего политические требования, осуществление которых принесло бы пользу только ему самому, наконец, третья стадия связана с влиянием демократических идей Запада. Нам еще придется далее коснуться второй и третьей ступеней, здесь же следует отметить, что первая «ступень» в этой теории является прямым орудием сокрытия истинного смысла, дискредитации народ-

¹ R. Coupland, *India* . . , p. 40.

² P. Woodruff, *The Men* . . , v. I, p. 13, 379—380.

³ M. Edwards, *The Necessary Hell* . . , p. 205—206.

⁴ J. Strachey, *The End of Empire*, p. 52.

⁵ P. Spear, *India* . . , p. 273.

⁶ I. Jennings, *The Approach to Self-Government*, Cambridge, 1956, p. 4.

ного восстания 1857 г. в Индии¹ (а также и многих других героических выступлений угнетенных народов против колонизаторов).

«Конституционное обучение»

В связи с попытками отрицать историческую роль национально-освободительного движения в неокOLONиалистских работах много говорится о «конституционном обучении» туземного населения, которое якобы проводили колонизаторы. В действительности «конституционное обучение», т. е. знакомство с политическим опытом передовых стран, происходило прежде всего благодаря росту капитализма в колониях, который будил интерес к этому опыту, способствовало развитию политической мысли. А колониальный режим во многом препятствовал экономическому подъему, уродовал развитие экономики колоний, ставил тысячи преград созданию конституционных учреждений.

Нередки ссылки на реформы, ставившие на деле целью использовать «туземцев» в качестве низшего административного персонала или чиновников органов местного «самоуправления», что должно было укрепить устои колониального господства (например, закон об индийских советах 1861 г.)², и на вырванные народами у колонизаторов отдельные уступки, которые изображаются как добровольный дар. Как известно, все грани в природе и обществе условны и подвижны и нет ни одного явления, которое не могло бы при определенных условиях превратиться в свою противоположность³. Софистически извращая эту диалектику процесса общественного развития, реакционные историки в том факте, что национально-освободительное движение использовало реформы, проведенные колонизаторами с целью поддержания своей власти, видят прямое доказательство существования пресловутых «антиколониалистских корней» в колониальной политике. Однако ведь с равным правом можно и любое угнетение объявить прогрессивным явлением, поскольку именно оно «поро-

¹ E. W. Lumby, *The Transfer of Power in India, 1945—1947*, p. 9. Иногда объединяют первую и вторую ступени. См., напр., W. P. Brock, *Britain and the Dominions*, p. 290.

² P. Griffiths, *The British Impact on India*, p. 312; R. Courland, *India...*, p. 73 f.

³ См. В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 30, стр. 5.

ждает» сопротивление гнету, освободительное движение трудящихся масс!

Как подчеркивал В. И. Ленин, «бывают исторические условия, когда учреждения, фальсифицирующие конституцию, разжигают борьбу за действительную конституцию и служат этапом в развитии новых *революционных* кризисов»¹. Именно так обстояло дело с рядом реформ, проводившихся колонизаторами с целью «успокоения» населения и укрепления своих позиций, но позднее использованных народами для расширения борьбы против колониального угнетения.

Ленин указывал, что «реформы — побочный продукт революционной борьбы...»

На деле все, что отвоевано у врагов, все, что прочно в завоеваниях, отвоевано и держится только в той мере, в какой сильна и жива революционная борьба...»². Эта ленинская характеристика полностью применима к реформам, которые проводили колонизаторы. Между тем в неоколониалистских работах реформы предстают не побочным продуктом, а одной из главных причин (или даже основной причиной) национально-освободительного движения. На одну доску ставятся давление на английское правительство со стороны народных масс в колониях и «давление» со стороны «либеральных кругов» метрополии³.

Империалистические идеологи и политики, делая из нужды добродетель, уже давно пытались изображать национально-освободительное движение как следствие цивилизаторского влияния колонизаторов. Волнения и борьбу за независимость в Индии и английских колониях в Африке Ф. Легерд объяснял тем, что «мы (т. е. колониальные власти. — Е. Ч.) учили ценить свободу, которой столетиями не знали эти народы. Само их недовольство является мерилom достигнутого ими прогресса»⁴. С последним утверждением Легерда можно согласиться, разумеется, если считать мерилom прогресса

¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 17, стр. 277.

² В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 20, стр. 179—180.

³ Напр., D. Rothermund, Constitutional Reforms versus National Agitation in India, 1900—1950. «Journal of Asian Studies», 1962, August, v. XXI, N 4, p. 505—522.

⁴ F. D. Lugard, The Dual Mandate in British Tropical Africa, p. 618.

осознание необходимости свержения колониального гнета и накопленный опыт революционной борьбы.

Неоколониалистская историография пытается максимально использовать и обосновать тезис (присутствовавший в неразвитом виде еще в старых работах), что успехи национально-освободительного движения — это результат забот колонизаторов, причем забот без кавычек, что оно вызвано не колониальным гнетом, а прогрессом под заботливым попечением иностранных правителей. «Чем более англичане поднимали экономический и культурный уровень туземцев, тем сильнее становилась оппозиция»¹, — уверяет Р. Х. Лэндис.

Национально-освободительное движение конца XIX в. и XX в. в тех случаях, когда оно еще не вступало на путь прямой революционной борьбы против колониализма, рисуется империалистическими историками как результат не колониального гнета, а все того же «колониального обучения». «Тот полный уверенности дух, который породил националистическое движение в Индии, поощряя обучение английским либеральным принципам, создал свободный порт Гонконг, построил железную дорогу в Уганде и завоевал Судан»², — уверяет Ч. Кэррингтон. П. Гриффитс, как обычно, говоря о росте национально-освободительного движения, старается выдать позицию неоколониалистских авторов за синтез воззрений открытых защитников колониализма и взглядов историков из бывших колоний. «Этот рост, — пишет он, — рассматривается одними авторами как наиболее ценный результат британского влияния, а другими — как неизбежная реакция против иностранного правления. Эти две точки зрения не являются неизбежно несовместимыми друг с другом». П. Гриффитс изображает национально-освободительное движение и английские колониальные власти партнерами, которые, несмотря на различие ролей, имели одинаковую цель. Он утверждает, что, если бы «националисты» не проявляли активности, не требовали независимости, страна не выглядела бы готовой к самоуправлению; если бы английские

¹ P. H. Landis, *Social Problems in Nation and World*, Chicago, 1959, p. 98.

² C. Carrington, *The British Overseas...*, p. 859.

власти слишком рано предоставили ей это самоуправление, они не выполнили бы «свой долг»¹.

Говоря об Африке, Р. Робинзон и Д. Галлахер уверяют: «Национализм — это продолжение империализма другими средствами»². Соглашательство крупной буржуазии выдается за показатель «терпимого» отношения освободительного движения к колониальному режиму. Для вящей убедительности многие неоколониалистские историки «исключают» из левого течения рабочий класс, который якобы вел борьбу, направленную только против местной буржуазии, а отнюдь не колониального режима, как такового!

В условиях пробуждения Азии под влиянием первой русской революции 1905—1907 гг. английские империалисты вынуждены были пойти на уступки³. Были проведены ограниченные реформы в Индии (закон 1909 г. об индийских органах управления) и в Египте. Дополнительный свет на эту «либеральную» эру бросали свирепые репрессии против революционных элементов и политика разжигания индусско-мусульманских противоречий. Для современников не составляло тайны, что это было сознательным провоцированием религиозной вражды⁴ и что реформы преследовали цель укрепления английского колониального господства⁵. Английская администрация открыто считала «ересью» даже время от времени издававшиеся в Лондоне лицемерные декларации о намерении предоставить Индии в неопределенном будущем самоуправление⁶.

¹ P. Griffiths, *The British Impact on India*..., p. 237, 324.

² «The New Cambridge Modern History», v. XI, p. 640.

³ О революционном подъеме в Индии в эти годы см. Н. Mukherjee, U. Mukherjee, *India's Fight for Freedom or Swadeshi Movement (1905—1906)*, Calcutta, 1958; А. В. Райков, Рабочее движение в Индии в 1905—1908 гг. «Советское востоковедение», 1957, № 2.

⁴ АВПР, ф. Средне-Азиатский стол, 1907 г., д. 942, л. 24.

⁵ АВПР, ф. Средне-Азиатский стол, 1907 г., д. 947, л. 82, 91; 1909 г., д. 953, л. 6, 33, 35. Ср., напр., А. М. Дьяков, Национальный вопрос и английский империализм в Индии, М., 1948, стр. 215; S. Sharma, *A Constitutional History of India, Bombay*, 1949, p. 122. О подлинной позиции министра по делам Индии Д. Морли, проводшего закон 1909 г., см. J. A. Spender, *Life, Journalism and Politics*, London, 1927, v. I, p. 148; A. Chamberlain, *Down the Years*... London, 1935, p. 59—60.

⁶ АВПР, ф. Средне-Азиатский стол, 1910 г., д. 958, л. 36.

Однако ни уступки, ни репрессии не достигали цели. «Нельзя даже сравнивать Индию 1904 и 1909 гг., — писал тогда орган индийских эмигрантов. — Они напоминают две различные страны. Они различаются как жизнь и смерть, как свет и тьма»¹. В 1913 г. один опытный английский чиновник отмечал, что недовольство, и волнения не окончились и что «они имеют глубокие корни в существующем положении вещей... носят всеобщий характер, охватывая все провинции и все классы, и направлены не против того или иного закона, а против правительства в целом»².

После Великой Октябрьской социалистической революции и в условиях общего кризиса капитализма начался бурный подъем национально-освободительного движения народов колониального Востока. Колониальные и зависимые страны Азии и Африки, как указывал В. И. Ленин, «втянулись в такое развитие, которое не может не привести к кризису всего всемирного капитализма»³. Подъем освободительной борьбы поработенных народов широко охватил английские колонии, в том числе Египет и особенно Индию. Английские власти пытались подавить массовое движение с помощью драконовских мер (например, кровавый расстрел митинга в Амритсаре в апреле 1919 г., когда было убито 1 тыс. и ранено 2 тыс. индусов)⁴. С целью укрепить свои пошатнувшиеся позиции английские империалисты пошли в 1919 г. на замену закона Морли — Минто (1909 г.) новым законом Монтегю — Челмсфорда⁵. Английские консерваторы толковали вынужденное обещание предоставить Индии независимость как далекую перспективу, не имеющую отношения к реальной политике⁶. Один из лидеров английских «твердолобых», министр внутренних дел Д. Хикс, порой с циничной откровенностью выбалтывавший то, о чем молчали его более осторожные коллеги, в 1925 г. заявил: «Я знаю, что на миссионерских

¹ «Bande Mataram», 10.IX.1909.

² H. Fielding-Hall, *The Passing of Empire*, London, 1913, p. 4.

³ В. И. Ленин, Соч., т. 33, стр. 457.

⁴ См. «Новейшая история Индии» под ред. В. В. Балабушевича и А. М. Дьякова, М., 1959, стр. 42—66. Ср. С. Видьяланкар, *Освободительное движение в Индии (1917—1930 гг.)*. «Советское востоковедение», 1957, № 5.

⁵ См. «Новейшая история Индии», стр. 67—69.

⁶ S. Gopal, *The Vice-Royalty of Lord Irwin 1926—1931*, p. 3.

митингах говорят, что мы завоевали Индию для того, чтобы поднять жизненный уровень индусов. Это чепуха. Мы завоевали Индию как рынок сбыта для английских товаров. Мы покорили Индию мечом и мечом будем удерживать ее. Я не настолько лицемерен, чтобы говорить, что мы держим Индию ради индусов»¹.

В конце 20-х — начале 30-х годов начался новый подъем освободительного движения в Индии — революционная борьба пролетариата, массовые крестьянские восстания в 1930—1933 гг., — который не удалось подавить даже с помощью самого оголтелого террора (за 10 месяцев 1930 г. и весну 1931 г. было осуждено 90 тыс. человек)². В 1930 г. известная лейбористская деятельница Б. Вебб, великолепно осведомленная о настроениях английских правящих кругов, записала в своем дневнике: «Ясно, как день, что, хотя индусы, может быть, не в состоянии сами управлять собой, они могут сделать совершенно невозможным для других управлять ими, в случае если движение протеста будет продолжаться и расширяться»³. Английские империалисты были вынуждены снова пойти на уступки. В 1935 г. была введена в действие конституция Индии, которая, однако, не затронула главные основы британского владычества и, по мысли английских империалистов, даже должна была способствовать сохранению позиций колонизаторов.

Эта реальная историческая картина до неузнаваемости искажается реакционной историографией. В ее изображении английские империалисты предстают горячими сторонниками предоставления независимости Индии и другим колониям. В годы первой мировой войны страны Антанты якобы боролись за демократию и поэтому выдвинули лозунг «национального самоопределения», в это время оживилась «старая традиция Британии выступать поборником свободы»⁴. Если, мол, английские власти и выступали против национально-освободительного движения, то только чтобы соблюдать порядок, предотвратить хаос при осуществлении поли-

¹ Б. Изаков, Современное рабство в колониях и полуколониях, М., 1930, стр. 19.

² «Новейшая история Индии», стр. 262.

³ «Beatrice Webb's Diaries, 1924—1932», London, 1956, p. 247, 252.

⁴ R. Coupland, India, ., p. 110.

тики «ухода» из колоний или защитить права меньшинства, воспрепятствовать одной национальной или религиозной группе угнетать другую. Так, например, «вынуждены» были поступать колониальные власти в 1918—1919 гг. в Индии, ведя борьбу с «терроризмом»¹.

Расстрел в Амритсаре в лучшем случае мягко осуждается, считается следствием мнимого нападения толпы на войска и стремления генерала Дайера (отдавшего приказ стрелять по демонстрантам) предотвратить еще более кровавые побоища². Подчеркивается, что Дайера критиковали в Англии, да и вообще, мол, то, что на расстрел в Амритсаре обращают так много внимания, — это свидетельство того, насколько такие события были редкостью при английском управлении. Если английское правительство и колебалось в вопросе о передаче власти индусам, то лишь от сомнения, справятся ли те с такой «тяжелой ответственностью»³. Само национально-освободительное движение (в частности, кампания «гражданского неповиновения») стало возможным ввиду того, что английские власти не прибегали к суровым репрессиям, уверяет в своей книге бывший лейбористский премьер-министр Великобритании Эттли⁴. Ведя борьбу против национально-освободительного движения в конце 20-х — начале 30-х годов, вице-король лорд Ирвин (впоследствии лорд Галифакс), оказывается, заслужил доверие индийского народа как сторонник независимости Индии⁵.

Пишутся даже специальные исследования, разъясняющие, в силу каких чисто второстепенных обстоятельств (некоторых недостатков администрации и пр.) индусы не смогли вовремя понять, что Англия вела их по пути к достижению независимости⁶. Независимость Индии и других стран Британской империи была якобы достигнута вопреки действиям революционных сил⁷.

¹ P. Griffiths, *The British Impact on India*, p. 301.

² Там же, стр. 304; P. Woodruff, *The Men...*, v. II, p. 240—241; R. Furneau, *Massacre at Amritsar*, London, 1963.

³ P. Woodruff, *The Men...*, v. II, p. 244, 247.

⁴ Earl Attlee, *Empire into Commonwealth*, London, 1961, p. 32.

⁵ S. Gopal, *The Vice-Royalty of Lord Irwin...*, p. 138—139 а. о.

⁶ P. Spear, *From Colonial to Sovereign Status. Some Problems of Transition with Special Reference to India*. «*Journal of Asian Studies*», 1958, August, v. XVII, N 4.

⁷ C. Carrington, *The British Overseas...*, p. 943—947.

Намекая, что, может быть, англичане слишком рано ушли из Индии, неокOLONиалистские историки изображают столкновения между индусами и мусульманами результатом не колониального режима, разжигавшего национальную и религиозную рознь, а следствием его ликвидации!¹

По такой же схеме излагается история египетского национально-освободительного движения². Англичане завершили свою «освободительную миссию» в Египте якобы вопреки этому движению: «то, что намечалось, было совершено, хотя махдисты, младотурки и фашисты (?!) растянули интервал с пяти до пятидесяти лет»³. Подобным же образом освещается история Судана, где колониальный режим английские империалисты сохраняли якобы лишь для защиты этой страны от египтян!⁴

НеокOLONиалистская историография (вслед за империалистическими политиками) пытается спекулировать на руководстве освободительным движением со стороны буржуазии для отрицания его народного характера и на соглашательских тенденциях определенной части буржуазии — для отрицания объективных противоречий между освободительным движением и колониализмом. НеокOLONиалистские историки постоянно играют на существовании национальных и религиозных противоречий и розни среди населения колоний в целях того же отрицания и общенародного характера, и антиколониалистской направленности освободительного движения (в Индии, Малайе, Судане и т. д.). Иногда одним течениям в освободительном движении отказывают в народном характере, другим — в направленности против основ колониализма.

Реакционные историки пытаются представить дело таким образом, будто колониализм способствовал победе над фашизмом во второй мировой войне, тогда как

¹ См., напр., *P. Knaplund, Britain...*, p. 437.

² *C. Carrington, The British Overseas...*, p. 752—753, 857, 960 а. о.; *J. Marlow, A History...*, p. 234 f.

³ *C. Carrington, The British Overseas...*, p. 857. Ср. *Lord Strang, Britain in World Affairs. A Survey of the Fluctuations in British Power and Influence. Henry VIII to Elizabeth II*, London, 1961, p. 213.

⁴ *C. Carrington, The British Overseas...*, p. 961.

на деле он оказывал чрезвычайно тормозящее влияние на мобилизацию антифашистских сил. Попытки «столкнуть» освободительный характер второй мировой войны и борьбу народов колоний, принадлежавших державам антигитлеровской коалиции, входят в число излюбленных приемов новейшей реакционной историографии. Неоколониалистские историки постоянно обыгрывают то обстоятельство, что национально-освободительное движение в отдельных странах, и особенно буржуазные лидеры этого движения, нередко не умели оценить свое место в общих рамках борьбы против империализма и его в тот момент ударной силы — разбойничьего блока фашистских государств.

Новейшая реакционная историография не желает замечать, что, несмотря на антифашистский характер второй мировой войны, колониализм (английский, американский, французский, голландский, бельгийский) оставался колониализмом, что под предлогом военной необходимости, а в действительности ради укрепления своего господства колониальные власти душили освободительное движение, отказывали в помощи демократическим силам, боровшимся против японских оккупантов, пытались немедленно после ухода японских войск разрушить и уничтожить патриотические организации (на Филиппинах, в Бирме и т. д.), восстановить с помощью открытой вооруженной интервенции колониальный режим в Индонезии, Малайе, Вьетнаме и др.

Освободительный характер второй мировой войны способствовал мощному подъему борьбы народных масс против колониального гнета, а реакционная историография хочет уверить, будто этот освободительный характер вызвал усиление антиколониальных настроений у колонизаторов и именно таким образом прежде всего ускорил «самоликвидацию» колониализма. Предоставление независимости Индии после победы в войне в то же время, по разъяснению Гриффитса, доказало уверенность Англии, что «самоуправление является единственной подлинной целью колониальной системы»¹.

Следуя уже знакомым нам рецептам, неоколониалистские историки так же обрабатывают историю на-

¹ P. Griffiths, *The British Impact on India*, p. 356.

ционально-освободительного движения многих стран Африки. Повторяется фраза Легерда: «Само их недовольство является мерилем достигнутого ими прогресса»¹, которым, мол, африканцы целиком обязаны колонизаторам. Подчеркивается, что, мол, вождями движения были обычно люди, получившие образование в западно-европейских или американских университетах, выходцы из «среднего класса» горожан — незначительного меньшинства, чуждого по взглядам и традициям основной массе «туземного» населения. А. Хэнна так объясняет отрицательную позицию английской администрации в отношении национально-освободительного движения в Африке: «Эта позиция холодного неодобрения заслуживает большей симпатии, чем она, вероятно, получит в будущем, поскольку могут считать, что она дискредитирована триумфами африканского национализма в последние годы. Агитаторы, включая и людей с университетскими дипломами, были столь невоздержанны в своих обличениях Британской империи, столь привержены к марксистским клише относительно империалистической эксплуатации, столь безумно равнодушны к фактической точности, что в первые годы после войны они создавали впечатление людей, в опасной степени незрелых в эмоциональном и умственном отношении»².

В этой тираде неокOLONиалистского историка поистине все «зрело в эмоциональном и умственном отношении». Чего стоит только обвинение в равнодушии к «фактической точности» при одновременном именовании «позицией холодного неодобрения» политики свирепых репрессий, массовых арестов, расстрелов демонстраций и т. п., проводившейся английскими властями во всех африканских колониях. Однако еще более любопытна психология закоренелого колонизатора добрых старых времен, прибывающая через неокOLONиалист-

¹ G. Shepperson, *The Price, Independent African*. John Chivembwe and the Origins, Setting and Significance of the Nyasaland Native Rising of 1915, Edinburgh, 1958, p. 437.

² A. J. Hanna, *European Rule in Africa*, p. 25—26. Таковую же картину рисуют французские авторы, говоря о национальном движении среди «элиты, т. е. главным образом учащихся и служащих» во французских колониях Африки, выдвигавших доводы хотя «демагогические и ложные, но понятные массам». См. A. Gandolzi, *L'Administration territoriale en Afrique noire de langue française*, Aix-en-Provence, 1959, p. 12.

ский камуфляж. Сам факт решительного выступлений против колониального режима (да к тому же с использованием «марксистских клише») считается достаточным для оправдания политики удушения национального движения. Здесь опять, уже в который раз, вскрывается, что только тот «антиколониализм» по душе для реакционной историографии, который имел целью укрепление основ колониального господства.

В 1962 г. М. Эдвардс нагло именует государственных деятелей молодых стран Африки «разновидностью шизофреников»¹. А К. Ингэм все еще склонен изображать национально-освободительное движение в Восточной Африке результатом недоразумения, эмоционального воздействия апартеида в Южно-Африканской Республике, с одной стороны, и успехов отдельных добившихся независимости африканских государств — с другой, а также английской манеры предоставлять независимость определенными этапами, не выдвигая заранее детального плана своих действий, и т. п. «В этой связи, — уверяет Ингэм, — искреннее желание английского правительства обеспечить достижение самостоятельности часто игнорировалось, так что африканские лидеры вместо сотрудничества считали себя сражающимися против того, что рассматривалось ими как реакционная политика Англии»².

У. М. Макмиллан подходит к проблеме с тех же позиций, но пытается переставить акценты, подчеркивая, что, мол, лидеры национального движения в африканских странах — это интеллигенты, находившиеся под влиянием коммунистов и вообще левых, а также воздействием примера Индии. К этому «обвинительному списку» прибавляется вымысел о том, что просто негритянская интеллигенция решила захватить место английской

¹ *M. Edwards, Asia in Balance*, p. 18.

² *K. Ingham, A History of East Africa*, London, 1962, p. 431. Стоит добавить, что при всем этом Ингэм вполне сочувствует террористическим мерам английских властей, напр., в Кении (см. там же, стр. 411), которые вообще безоговорочно одобряются неоколониалистскими историками (см., напр., *F. Hislop, The Story of Kenya*, p. 76 f.).

О подлинной истории национально-освободительного движения восточноафриканских народов см. *А. М. Хазанов, Освободительная борьба народов Восточной Африки после второй мировой войны*, М., 1962.

администрации¹. Подводя таким образом читателя к мысли, что национально-освободительное движение не отражало интересов народных масс, неокOLONиалистский автор не останавливается на этом. Макмиллан тут же на примере истории Ганы (ранее колонии Золотой Берег) пытается подыскать еще одну благовидную причину для «отрицательного» отношения колониальных властей к освободительной борьбе африканских народов. Оказывается, в Гане колониальная администрация придерживалась доктрины, что сначала нужно обеспечить социальный и экономический прогресс, а «агитаторы» в качестве первоочередной задачи выдвинули политические вопросы². Иначе говоря, если колониальные власти и выступали против национального движения, то, мол, прежде всего потому, что они были поглощены заботами об экономических и социальных нуждах африканских народов! В таком духе и освещается деятельность в Гане английских колонизаторов, например губернатора Г. Гьюгисберга (1919—1927 гг.)³, в действительности ярого врага освободительного движения, которое он пытался задуть любыми мерами⁴.

**Буржуазная
историография
о колониальных
войнах
современной эпохи**

Нелепость изображения новейшей эпохи как времени добровольной «самоликвидации» колониализма становится особенно очевидной, если вспомнить, что это время почти непрерывных колониальных войн. Достаточно напомнить войну империалистов Антанты против национально-освободительного движения в Турции в 1919—1922 гг., подавление восстаний японскими колонизаторами в Корею в 1919 г., английскими колонизаторами в Индии (расстрел в Амритсаре в 1919 г., кровавую расправу

¹ W. M. Macmillan, *The Road...*, p. 217—218.

² Там же, стр. 220. Следуя той же системе аргументации, авторы французского учебника, предназначенного для школ на Мадагаскаре, оценивают восстание 1947 г. как ненужные действия, лишь принесшие страдания жителям острова и никак не повлиявшие на получение ими независимости. См. G. S. Chapus, A. Dando-uai, *Manuel d'histoire de Madagascar à l'usage des écoles de la République*, Paris, 1961, p. 188.

³ F. M. Bourret, *Ghana...*, p. 26.

⁴ См. К. Нкрума, *Автобиография*, стр. 69—70. Ср. К. Нкрума. *Президент Ганы. Я говорю о свободе. Изложение африканской идеологии*, М., 1962.

над крестьянами Малабара в 1921 г.), борьбу против китайской революции 1925—1927 гг., удушение народных восстаний на Яве и Суматре в 1926—1927 гг., колониальную войну французских и испанских колонизаторов в Марокко в 1925 г., жестокие репрессии против народного движения в Сирии, варварскую бомбардировку французскими войсками Дамаска, в результате которой погибло 25 тыс. человек, интервенцию США в Никарагуа в 1927 г., расправу английских карательных войск с восставшими в ряде районов Индии и в Бирме в 1930—1932 гг., японскую агрессию против Китая начиная с 1931 г., войну Италии против Эфиопии в 1937 г., захват японцами Филиппин, Индонезии и других стран в годы второй мировой войны. После второй мировой войны число, размах и продолжительность войн, которые велись колонизаторами против резко возросшего национально-освободительного движения, значительно увеличились. К этому времени относятся интервенции США в Китае, на Филиппинах, в Южной Корее и Вьетнаме, многолетние колониальные войны Франции против Вьетнама и Алжира, жестокое подавление восстания на Мадагаскаре, кровавые войны английских колонизаторов против народов Кении¹ и Малайи, голландская интервенция против Индонезии, бельгийская — в Конго, зверства португальских колонизаторов, пытающихся задушить патриотическое движение в Анголе, террористические меры колониальной администрации против освободительной борьбы народов фактически во всех колониях всех без исключения колониальных держав, вплоть до совсем недавних (в декабре 1962 г.) действий английских карателей в Северном Борнео — султанате Бруней.

О методах иногда довольно утонченной фальсификации истории, применяемых реакционной историографией для оправдания колониальных войн, может дать представление освещение в реакционной науке антиимпериалистического восстания в Малайе после второй мировой войны. Так, известный американский ученый Д. Миллс, излагая историю Малайи, всячески раздувает «извечные» конфликты между малайцами,

¹ Кровавый полицейский террор царил в это время и в более «спокойных» колониях, напр., в Танганьике. См. В. Я. Кацман, Танганьика (1946—1961), М., 1962, стр. 98—99.

индусами и китайцами, проживающими в стране, старается доказать, что якобы только колониальный режим был способен улаживать национальные и религиозные противоречия (в действительности как раз разжигавшиеся империалистами, которые и здесь действовали по старинному правилу завоевателей «разделяй и властвуй!»). Что же касается самого восстания, то Миллс именуется его китайским восстанием, возникшим якобы на почве «внутренних» национальных конфликтов¹.

Изображение национально-освободительной борьбы в Алжире то как восстания «кучки экстремистов», не пользующихся поддержкой основной массы населения, то как «расового мятежа» типично для многих неокOLONИАЛИСТИЧЕСКИХ работ, специально посвященных или только затрагивающих историю алжирской войны. Что это характерно не только для французских изданий, показывает книга американца М. К. Кларка, начинающего свои рассуждения с тезиса, будто в «современном мире не имеется примера подлинного расового товарищества», и явно подчеркивающего мнимую враждебность алжирских патриотов европейским общественным и культурным ценностям².

Западногерманский автор Т. Опперман также исходит при анализе причин борьбы алжирского народа не из факта колониального гнета, а из трудности, которую создало влияние «европейского национализма XIX и начала XX в.» для совместного проживания различных этнических групп бок о бок на одной территории³.

¹ См. *L. Mills, Malaya. A Political and Economic Appraisal*, Minneapolis and London, 1958. Ср., напр., *V. Purcell, Malaya: Communist or Free*, London, 1954; *A. Crofts, P. Buchanan, A History of the Far East*, p. 503—504; *P. H. Clyde, The Far East. A History of the Impact of the West on Eastern Asia*, Englewood Cliffs, 1958, p. 766—767. Другие авторы изображают коммунистов в виде «террористических групп»: *R. O. Winstedt, A History of Malaya, Revised and Enlarged*, Singapore, 1962, p. 250—252.

О подлинной истории национально-освободительной борьбы в Малайе см., напр., *И. М. Лемин*, Обострение кризиса Британской империи после второй мировой войны, М., 1951, стр. 254—267; *В. С. Руднев*, Очерки новейшей истории Малайи, М., 1959.

² *M. K. Clark, Algeria in Turmoil. A History of the Rebellion*, New York, 1959, p. XII, 443 а. о.

³ *Th. Opperman, Die Algerische Frage*, Stuttgart, 1959, Bd. I, S. 1. О подлинной истории борьбы алжирского народа за независимость см. *Р. Г. Ланда*, Национально-освободительное движение в Алжире (1939—1962 гг.), М., 1962.

Суэцкая авантюра империалистов Англии, Франции и Израиля, потерпевшая, как известно, позорный провал, многими реакционными исследователями лживо изображается как «успех» западных держав, якобы предотвративших третью мировую войну¹. Таким образом, в кривом зеркале фальсификаторов обеспечило мир не решительное предупреждение Советского Союза, остановившее агрессоров, а, напротив, агрессия Англии и Франции, вмешавшихся в ими же спровоцированную войну Израиля против Египта.

Еще более бесстыдной фальсификацией является изображение колониальных войн последних двух десятилетий результатом «происков Москвы» или даже «доказательством» мнимой невозможности сосуществования с Советским Союзом и другими социалистическими странами. Эта примитивная клеветническая версия, изображающая закономерный процесс освобождения народов Африки и Азии от колониального гнета результатом происков «коммунистических агентов», не поднимается над полицейскими представлениями о революциях как результате деятельности «зловредных агитаторов».

**Тщетные усилия
исказить ленинское
учение
о национально-
колониальном
вопросе**

Для оправдания колониальной политики и обоснования неоколониализма реакционная историография прилагает отчаянные усилия, чтобы фальсифицировать политику СССР и других социалистических госу-

дарств и политику международного революционного движения по отношению к странам Азии, Африки и Латинской Америки.

Буржуазные ученые пытаются представить в грубо искаженном виде марксистско-ленинское учение о национально-колониальном вопросе в эпоху империализма и в эпоху крушения капитализма и утверждения коммунизма. С одной стороны, они объявляют ленинское учение по колониальному вопросу... отказом от марксизма, так как оно якобы предусматривает замену

¹ J. Thomson, *The Rise of Modern Asia*, London, 1957, p. 248; C. A. Fisher, F. Krinsky, *Middle East in Crisis. A Historical and Documentary Review*, Syracuse University Press, New York, 1959, p. 60.

классовой борьбы пролетариата и буржуазии борьбой между Востоком («национализм») и Западом (империализм)¹. С другой стороны, поскольку марксисты-ленинцы считают национально-освободительное движение фактором, приближающим исторически неизбежное крушение капитализма, реакционные историки утверждают, что В. И. Ленин и его ученики будто бы видели в освобождении колониальных народов лишь орудие для создания «антизападного союза», которое можно использовать сегодня и отбросить назавтра. В качестве дополнительного «доказательства» буржуазные исследователи изобрели еще один неуклюжий софизм, что, мол, поскольку марксисты не считают нацию «вечной» категорией, они, «следовательно», не могут ставить целью борьбу за национальные интересы! Эти аргументы, как признают сами буржуазные историки, призваны вызвать разочарование народов Африки и Азии в коммунизме². Вдобавок буржуазные исследователи клеветают, заявляя, что СССР якобы отказался от осуществления ленинской политики в национально-колониальном вопросе³. Сама история решительно опровергает эти вымыслы.

Великая Октябрьская социалистическая революция, освободившая от национального и колониального гнета многие народы, проживавшие на территории бывшей царской России, оказала огромное воздействие на все народы мира. Великий пример Советского Союза вдохновлял и вдохновляет угнетенные народы на борьбу за освобождение. В гениальных трудах В. И. Ленина миллионы участников национально-освободительного движения нашли ответы на жгучие вопросы о путях, методах и перспективах антиимпериалистической борьбы⁴. Международное коммунистическое движение рассматривает освободительную борьбу поработенных народов не как подсобную, дополнительную силу, не как временного союзника, а как одно из основных течений революционного процесса, сливающихся в единый, мощный антиимпериали-

¹ J. H. Brimmel, *Communism in South-East Asia. A Political Analysis*, London, 1959, p. 32.

² A. D. Low, *Lenin and the Question of Nationality*, New York, 1958, p. 17, 29 а. о.; H. Kohn, *American Nationalism*, p. 224.

³ A. D. Low, *Lenin...*, p. 11.

⁴ См., напр., «India and Lenin», New Delhi, 1960.

листоческий поток, который приведет к окончательной ликвидации капитализма и империализма.

Ленинская национальная политика Коммунистической партии Советского Союза привела к невиданному расцвету экономики и культуры ранее угнетавшихся царизмом народов. Распространяя клевету о «национальном угнетении» в СССР, реакционные историки сами не верят в ее действенность. Например, С. Гаррисон с огорчением констатирует, что уверенность в существовании национального равенства в Советском Союзе «глубоко проникла в национальное сознание народа Индии»¹.

На протяжении всей своей истории Советский Союз проводил последовательную ленинскую политику мира и поддержки борьбы народов за независимость, провозглашенную при основании нашего государства. Всемирно-исторические успехи в строительстве социализма и коммунизма в СССР, разгром советскими вооруженными силами фашизма в годы второй мировой войны и образование мировой социалистической системы чрезвычайно усилили национально-освободительное движение народов Азии и создали предпосылки для полного крушения колониальной системы.

Для искажения подлинной исторической картины отношения СССР и других социалистических стран к освободительному движению угнетенных империалистами народов в буржуазной историографии применяется целый набор фальсификаторских приемов и подлогов, которые можно встретить в работах десятков и сотен реакционных исследователей. Буржуазные историки постоянно повторяют выдумку, будто В. И. Ленин в действительности не признавал и не мог признавать право наций на самоопределение вплоть до отделения, так как это право марксисты считают подчиненным интересам пролетариата и поэтому не могут одобрять такого отделения от пролетарского государства, которое приведет к восстановлению буржуазного строя. Следовательно, право на отделение, «как и все права, были резервированы только для пролетариата»².

¹ S. S. *Harrison*, *India. The Most Dangerous Decades*, Princeton, 1960, p. 142.

² B. H. M. *Vlekke*, *Nusantara. A History of Indonesia*, p. 371.

Для всякого знакомого с азбукой марксизма очевидна подмена, осуществляемая здесь реакционными историками. Марксизм-ленинизм учит о необходимости для пролетариата активно поддерживать борьбу за национальную независимость, которую на первых этапах ее развития обычно возглавляет национальная буржуазия¹.

В. И. Ленин подчеркивал, что право наций на самоопределение означает право на политическую независимость, на свободное политическое отделение от угнетающей нации. Выражая последовательную борьбу против всякого национального гнета, «это требование вовсе не равносильно требованию отделения, дробления, образования мелких государств»². В определенных исторических условиях коммунисты ранее угнетенных наций, отражая их интересы, выступали и выступают за добровольное и равноправное государственное объединение народов, совершивших социалистическую революцию.

«После завоевания политической независимости, — указывается в Заявлении Совещания представителей коммунистических и рабочих партий, — народы ищут ответа на выдвигаемые жизнью социальные проблемы и вопросы укрепления национальной независимости. Различные классы и партии предлагают различные решения. Какой путь развития избрать — внутреннее дело самих народов»³. Коммунисты освободившихся стран, руководствуясь высшими интересами нации, борются за вступление на некапиталистический путь развития, за создание государства национальной демократии, за решительное улучшение жизненного уровня народных масс. Таким образом, действительная позиция Ленина и марксистов-ленинцев, как небо от земли, отличалась и отличается от тех фальшивок, которые реакционная историография выдает за позицию коммунистов в вопросе о самоопределении наций.

¹ См. *В. И. Ленин*, Полн. собр. соч., т. 25, стр. 275—276.

² *В. И. Ленин*, Полн. собр. соч., т. 27, стр. 255.

³ «Документы Совещания представителей коммунистических и рабочих партий. Москва, ноябрь 1960 года», М., 1960, стр. 37.

**Клевета
на советскую
политику
поддержки
национально-
освободительной
борьбы**

Попытки принизить влияние Великой Октябрьской социалистической революции на колониальные и зависимые страны производятся в реакционных работах различными путями — от полного замалчивания (как, например, в вышедшем в

1959 г. третьем томе «Кембриджской истории Британской империи») до ссылок на то, что борьба угнетенных народов началась еще «до большевизма»¹.

Огромное воздействие Октября, успехов социалистического строительства в СССР, аннулирования советским правительством неравноправных договоров, заключенных царизмом со странами Востока, подменяется в трудах реакционных историков вымышленным «вмешательством Москвы» во внутренние дела колониальных и зависимых стран. «Доказательством» в пользу этого провокационного измышления может служить для буржуазных авторов все что угодно: и теоретические труды руководителей Советского государства, и работы советских ученых, показывающие объективную неизбежность краха колониализма, и статьи в нашей печати, выражающие симпатии советского народа к национально-освободительному движению, и установление дипломатических отношений со странами Азии, Африки и Латинской Америки, даже международные фестивали молодежи и обучение в СССР студентов из стран Востока². (Следует напомнить, что молодежь из недавно освободившихся стран на протяжении последних десятилетий училась во многих университетах Западной Европы, США, Японии и т. д.) Поскольку само национально-освободительное движение, по крайней мере в его революционной форме, объявляется, как мы видели, в буржуазной историографии не соответствующим интересам колоний, то и это мифическое «советское вмешательство» тут же провозглашается чуть ли не препятствием для прогрессивного развития порабощенных народов³. Если ранее империа-

¹ W. Kāgi, Die rechtliche Entwicklung vom Kolonialregime zur nationalen Unabhängigkeit. «Europa und der Kolonialismus», S. 155.

² См., напр., E. Mendiaux, Moscou, Accra et le Congo, Bruxelles, 1960; P. Lessing, Africa's Red Harvest, London, 1962, p. 112—113.

³ W. Kāgi, Die rechtliche Entwicklung... «Europa und der Kolonialismus», S. 163.

листы прямо признавали СССР и «мировой коммунизм» врагами колониальной системы¹, то современные защитники колониализма предпочитают изображать социалистические страны и международное революционное рабочее движение врагами не угнетателей, а угнетенных, т. е. самих колониальных народов. Одни неоколониалистские историки склонны даже таких вождей национально-освободительного движения, как Сунь Ят-сен, объявить «орудием Москвы»². Другие, напротив, вопреки фактам стремятся представить проводимую Сунь Ят-сеном политику тесной дружбы с Советским Союзом следствием лишь случайного стечения обстоятельств³.

Утверждения о попытках «Москвы» вызвать восстания в колониях сопровождаются порой и противоречащей этому теорией о «равнодушии» мирового коммунистического движения к тем или иным странам или даже континентам. Так, недавно «научный» журнал государственного департамента США сделал «открытие», что якобы В. И. Ленин не проявлял интереса к судьбам народов Африки, поскольку он не придавал им значения в своих «политических расчетах»⁴. Не трудно заметить, что все это является вымыслом от начала и до конца. Хорошо известен ленинский анализ значения, которое имел раздел Африки для перерастания домонополистического капитализма в империализм⁵. Ленин многократно подчеркивал, какую важную роль играла война за африканские колонии в возникновении первой мировой войны⁶. Великий вождь пролетариата пророчески подчеркивал неизбежность подъема национально-освободительной борьбы не только там, где она уже начала развиваться, но и в тех угнетенных странах Азии и Африки, где ей еще только предстояло возникнуть⁷.

¹ F. Frédéric-Dupont, *Mission de la France en Asie*, Paris, 1936, p. 333.

² Напр., M. D. Kennedy, *A Short History of Communism in Asia*, London, 1957.

³ Shao Chuar Leng, N. D. Palmer, *Sun Yat Sen and Communism*, New York, 1960, p. 173 f.

⁴ «Problems of Communism», Mars — April, 1962, v. XI, N 2, p. 25.

⁵ См. В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 27, стр. 421—422.

⁶ См., напр., В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 31, стр. 366, 374; т. 32, стр. 11—12, 53, 86—87.

⁷ См. В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 27, стр. 61.

Буржуазная историография не только пытается возложить на социалистические страны ответственность за «холодную войну», развязанную империалистами, но и уверить, что именно в силу существования международной напряженности западные державы цепляются за сохранившиеся у них колониальные владения. На деле «холодная война» препятствует развитию национально-освободительного движения, так как, пользуясь напряженностью в международных отношениях, империалисты пытаются задушить борьбу угнетенных народов за свободу и независимость. Последовательная политика Советского Союза, направленная на смягчение международной напряженности, обеспечение мирного сосуществования, отвечает национальным интересам народов всех стран, в том числе стран, борющихся против колониального гнета.

Буржуазные историки не устают повторять обветшалые измышления о том, что СССР якобы продолжает в отношении стран Востока политику царизма¹. Доказательств у клеветников, конечно, нет никаких, взамен изобретаются лживые теории. Собственно, суть их рассуждений (иногда облеченных в «геополитическую» фразеологию) сводится к следующему нехитрому софизму: СССР расположен на территории царской России, которая вела империалистическую политику в отношении Кореи, Ирана и т. д. СССР также поддерживает отношения с этими странами. «Следовательно», Советский Союз является наследником царизма и питает, как это предписано ему его географическим положением в центре Евразии, агрессивные намерения в отношении своих соседей. В виде «советской экспансии» изображается даже предотвращение Советским Союзом империалистической интервенции против Сирии в 1957 г., агрессии против Египта, Йемена, Лаоса и других стран.

СССР оказывает огромную бескорыстную помощь десяткам молодых государств Азии и Африки. При содействии Советского Союза в этих странах строятся около 500 промышленных и других объектов, в их числе 34 завода черной и цветной металлургии, 30 машиностроительных и металлообрабатывающих заводов и другие предприятия тяжелой промышленности, создание

¹ E. Lenguel, *Changing Middle East*, New York, 1960, p. 364.

которых имеет коренное значение для укрепления независимости стран, освободившихся от колониального ярма¹. Реакционные историки, как уже отмечалось выше, изображают бескорыстную помощь Советского Союза слаборазвитым странам в виде чуть ли не агрессивных действий, как попытки вовлечь эти страны, «согласно марксистско-ленинской теории», в «советский блок», а предоставляемые на кабальных условиях империалистами кредиты — как акт великодушия, бескорыстия². Не осмеливаясь прямо отрицать «возможность» империалистической эксплуатации одних стран другими при капитализме, эти авторы в то же время усердно доказывают, что она может существовать при любой экономической системе, в том числе и при социализме³.

Однако все эти фальшивые обоснования еще более оттеняют лживость главного тезиса. Нисколько не прибавляют ему убедительности и набившие оскомину даже буржуазным исследователям бредовые вымыслы американского профессора Ганса Кона и других фальсификаторов истории русской общественной мысли о том, что марксизм-ленинизм является наследием... реакционного панславизма, который проповедовали некоторые идеологи царского самодержавия⁴.

Далее. Самодержавие угнетало народы царской России, которые входят ныне в состав СССР. «Следовательно», и СССР их угнетает. Буржуазные издательства заваливают книжный рынок лживыми «исследованиями» вроде писаний У. Коларза «Россия и ее колонии» (Лондон, 1953), А. Тарулиса «Советская политика в отношении балтийских государств (1918—1940)» (Норт Дейм, Индиана, 1959), А. Зенковского «Пантюркизм и ислам в России» (Кембридж, Массачусетс, 1960), В. Маркуса «Советская Украина в системе международных отноше-

¹ См. «Правда», 28 января, 22 декабря 1963 г.

² Напр., *I. S. Berliner*, *Soviet Economic Aid*, London, 1960; *H. Neyman*, *Soviet Foreign Aid as a Problem for U. S. Policy*. «World Politics», 1960, July; *B. Higgins*, *United Nations and U. S. Foreign Economic Policy*, p. 129—132 a. o.; *H. Bräcker*, *Probleme der deutschen Entwicklungshilfe*. «Aus Politik und Zeitgeschichte», 29.VIII.1962.

³ «Atti del X Congresso Internazionale di Scienze Storiche», p. 574.

⁴ *H. Kohn*, *Pan-Slavism. Its History and Ideology*, Notre Dame, 1953.

ний 1918—1923 гг.» (Париж, 1959), И. Бориса «Русская коммунистическая партия и советизация Украины» (Стокгольм, 1960) и десятками им подобных¹.

Жонглируя всеми клеветническими измышлениями о СССР, буржуазные ученые пытаются изобразить Советский Союз «врагом» народов слаборазвитых стран, распространяют лживые басни о том, что вполне реальный западный империализм и колониализм «самоликвидировались» и ему на смену пришел мифический «советский империализм». Вот один пример из сотен возможных. Американский историк Д. Т. Кэхин, излагая послевоенную историю Индонезии, вынужден признать, что СССР решительно выступил в ООН с требованием положить конец агрессии голландских колонизаторов, вероломно напавших на Индонезийскую республику в 1948 г. при скрытой поддержке США и Англии. Однако тут же Кэхин добавляет, ссылаясь на мнение каких-то (неназванных) индонезийцев, что Советский Союз якобы при этом стремился не столько оказать помощь Индонезии, сколько «досадить» Англии и США². Следуя тому же трафарету без тени доказательств, Б. Шуэдрэн пытается оболгать советскую политику на Ближнем Востоке³.

Буржуазные историки изображают и другие социалистические государства врагами азиатских и африканских стран⁴. Пытаясь столкнуть социалистические страны Азии с другими освободившимися от ига империализма странами, буржуазные историографы селятся представить только эти последние в виде «истинных демократий». Одновременно те же самые историки, несколько не смущаясь противоречием, доказывают, что якобы Азия и Африка «не созрели» для демократии и потому нуждаются в режимах типа тех, которые созданы под эгидой империалистов США в Южной Корее и Южном Вьетнаме.

¹ Разоблачение вымыслов реакционной историографии о советской политике в национальном вопросе см., напр., *Х. Ш. Иноятов*, Ответ фальсификаторам истории Советской Средней Азии и Казахстана, Ташкент, 1962; *К. Новоселов*, Против буржуазных фальсификаторов истории Средней Азии, Ашхабад 1962; *Д. А. Раев*, О фальсификаторах истории Советской Средней Азии, Фрунзе, 1962.

² *G. T. Kahin*, Nationalism and Revolution in Indonesia, Cornell University Press, Ithaca, 1952, p. 344.

³ *B. S. Shwadran*, The Middle East Oil., p. 455—456, 459—460.

⁴ Напр., *B. Fall*, Le Viet-minh. La République Démocratique du Veit-Nam. 1945—1960, Paris, 1960, p. 126 ff.

**Неоколониалистские
авторы об отношении
компартий
к национально-
освободительной
борьбе**

Большое место в реакционной фальсификации истории занимает искажение политики международного коммунистического движения в национально-колониальном вопросе. Буржуазные ученые отрицают существование общих интересов у пролетариата империалистических стран и народов колоний, объявляют его «выдумкой большевиков», распространяя вымыслы о консервативности рабочего класса на Западе и его «вращении» в буржуазное общество, утверждая, что национально-освободительное движение будто бы не отражает интересов трудящихся масс колоний. Б. Уорд уверяет, что, подобно тому как рабочие постепенно получали экономические преимущества и политические права в рамках «государства благосостояния», происходило и наделение правами колониальных народов. Они, мол, уже получили политическую независимость, но еще должны сами добиться благосостояния. Все это, кроме последнего, создано-де западным капитализмом, он лишь не завершил последнего дела, не покончил с разделением на богатые и бедные нации, что уж придется доделать самим народам бывших колоний и зависимых стран¹. Из всего этого делается вывод, что народы бывших колоний заинтересованы в неоколониалистской «ассоциации» с их прежними метрополиями.

Реакционные историки утверждают, что коммунисты во всем мире поддерживают национально-освободительную борьбу якобы только в государственных интересах «Москвы», а не народов своих собственных стран. На основе этой фальсификации построена, например, книга Д. Берснера «Большевики и национально-колониальный вопрос (1917—1928)». По утверждению этого клеветника, решающим фактором, определявшим, по крайней мере с 1921 г. (III конгресса Коминтерна), политику коммунистических партий в колониальном вопросе, стали «национальные интересы Советской России». Берснер уверяет, будто большевики заинтересовались Востоком только после неудачи попыток революции в западных странах, что национальные движения стали поддерживаться взамен социальных, что коммунисты «заигры-

¹ B. Ward, *India and the West*, p. 89—90, 227—228.

вали» с колониями потому, что там не было западных «демократических традиций», что Коминтерн лишь повторял тактику... царизма, который, осознав невозможность дальнейшего продвижения в Европе, обратил свои взоры к Азии, что, поскольку Коминтерн придерживался принципов демократического централизма, компартии не могли руководить массовым движением, и т. п. Подобным набором злобных и неумных вымыслов заполнено все это «исследование» от начала до конца¹. Это лишь частный случай клеветнической линии буржуазной историографии, пытающейся представить коммунистические партии выразителями «интересов Москвы», а не народов своих стран. А. Д. Лоу попутно даже сделал «открытие», будто большевики вообще не могли искренне стоять за самоопределение наций, поскольку защищали принцип демократического централизма в партийном строительстве!²

Как известно, революционное движение пролетариата в странах Востока наряду с историческими победами терпело временные, иногда очень серьезные неудачи и поражения. Основная линия буржуазных клеветников заключается в том, чтобы возложить вину за эти поражения на Советский Союз, отстаивавший якобы из собственных интересов и других причин непригодные пути борьбы³. Лицемерные сожаления одних буржуазных историков по поводу неудач национально-освободительной борьбы сопровождаются у других открытым прославлением сговора национальной буржуазии с империализмом и кровавых репрессий против народных масс⁴.

Борьба Советского Союза за коллективную безопасность и коммунистических партий за единый антифашистский фронт накануне второй мировой войны считается в буржуазной историографии доказательством того, что в это время коммунисты якобы потеряли интерес к осво-

¹ D. Boersner, *The Bolsheviks and the National and Colonial Question (1917—1928)*, Genève — Paris, 1957, p. XII, 123, 134, 268, 275—276.

² A. D. Low, *Lenin...*, p. 101.

³ Напр., D. Boersner, *The Bolsheviks...*, p. 276.

⁴ См. «The European Inheritance», Oxford, 1954, p. 207. Ср. W. Franke, *Das Jahrhundert der chinesischen Revolution 1851—1949*, München, 1958, S. 225 u. a.

бодительной борьбе народов колоний¹, хотя подобному утверждению противоречит вся история деятельности коммунистических партий в эти годы.

Извращение славного прошлого коммунистических партий стран Азии и Африки производится на основе приемов, выработанных новейшей буржуазной историографией для искажения истории всего международного коммунистического движения. Если в отношении национально-освободительной борьбы угнетенных народов реакционные историки оперируют преимущественно доводом о ее нецелесообразности, частичной или полной бесполезности, революционное рабочее движение фальшиво рисуется бесперспективным, противоречащим ведущей тенденции общественного развития, под которой понимается все то же пресловутое превращение капитализма в «строй всеобщего благосостояния». Буржуазная историография пытается выдать марксизм за «специфическую идеологию» XIX в., эпохи промышленной революции. Ленинизм изображается буржуазными историками не международным пролетарским учением, а теорией, порожденной особенностями исторического развития царской России. Революционное крыло в рабочем движении конца XIX — начала XX в., как уже отмечалось выше, лживо изображается интеллигентским течением, противостоящим якобы «консервативной» рабочей массе. Возникновение коммунистических партий, являвшееся закономерным следствием развития революционного течения в мировом рабочем движении, выдается за следствие «иллюзий» первых лет после мировой войны 1914—1918 гг., а позднее — «приказов из Москвы».

В кривом зеркале буржуазной историографии догматизм и левосектантский авантюризм изображаются истинно коммунистической линией, ревизионизм — «развитием ленинизма», а действительно творческое развитие марксистско-ленинской теории Коммунистической партией Советского Союза и другими коммунистическими партиями, их последовательная борьба против ревизионизма, догматизма и сектантства — «отходом» от ленинизма. Тактика и стратегия компартий лживо рисуются как линия, оторванная от реальной жизни и от интересов

¹ Напр., *J. Coleman, Nigeria. Background to Nationalism*, Berkeley and Los Angeles, 1958, p. 208, 250.

рабочего класса, политика единства рабочего класса и союза пролетариата и крестьянства — как какой-то «маневр», рассчитанный на утаивание от крестьянства действительных целей компартии и на ликвидацию партий и организаций, которые пошли на создание единого фронта с коммунистами¹.

Вся эта цепь фальшивок и подтасовок полностью используется при освещении истории рабочего и коммунистического движения стран Азии и Африки. Говоря о революционном рабочем движении в Западной Европе и США, буржуазные историки заявляют, что оно якобы не приспособлено к условиям «современного промышленного общества» и может найти почву лишь в слаборазвитых странах. Напротив, когда речь заходит о странах Азии и Африки, реакционные историки упирают на то, что марксизм — «западная» по происхождению теория, отражавшая пусть ушедшие в прошлое, но специфически европейские условия и поэтому, мол, совершенно не подходящая к «восточной обстановке». Из этих насквозь ложных утверждений и возникает выдумка о мнимой «искусственности» коммунистического движения в странах, освободившихся от колониальной зависимости и вступивших на путь независимого развития. Снова и снова реакционные историки повторяют вымысел, будто коммунистические идеи могли найти в этих странах отклик только среди «недовольной интеллигенции» (Левенталь, Сетон-Уотсон и др.²).

Неоколониалистские ученые нередко антиисторически отождествляют освободительное движение угнетенных стран нашего времени с буржуазно-демократическими революциями доимпериалистической эпохи, чтобы и на этом «основании» твердить о «неорганичности» коммунистического движения на Востоке. Они пытаются любыми средствами обнаружить «руку Москвы» в создании и деятельности коммунистических партий стран Азии и Африки. Огромное идейное воздействие Октябрьской революции, ленинской национальной политики, способствовавшее возникновению коммунистического дви-

¹ Автор подробнее касается этих вопросов в работе «Буржуазная историография рабочего движения», М., 1960.

² «Problems of Communism», 1962, November — December, v. XI, N 6, p. 38.

жения в странах Востока, буржуазные историки пытаются подменить какими-то «приказами» Коминтерна об образовании компартий, отданными в связи с мифическими «советскими планами завоевания» Индии и других стран¹. Советский пример приравнивается к советскому вмешательству, а вполне реальное империалистическое вмешательство рисуется как добровольное следование стран Азии и Африки «по пути Запада». При этом пролетарская революция объявляется противоречащей интересам национальной независимости.

Одним из излюбленных фальсификаторских приемов является изобретение мнимого неразрешимого противоречия между задачами борьбы за освобождение от колониального гнета и за социальное раскрепощение трудящихся масс. Говоря о тактике Коммунистического Интернационала, Х. Сетон-Уотсон уверяет, будто он стоял перед альтернативой: оказывать ли поддержку еще слабым силам социальной революции в восточных странах, даже ценой раскола рядов национально-освободительного движения, или националистическим лидерам, даже реакционерам по своей социальной программе, для борьбы против главных сил мирового капитализма². По словам американских историков Д. Оверстрита и М. Виндмиллера, лишь советские коммунисты были заинтересованы в «антиимпериалистической стратегии», так как она была нацелена на подрыв позиций западных стран — врагов СССР, и напротив, коммунисты на Востоке, например в Индии, стремившиеся к победе социализма, предпочитали «антикапиталистическую стратегию», направленную против буржуазного национализма (имеется в виду национальная буржуазия, участвовавшая в антиимпериалистическом движении). Однако Коминтерну, мол, удавалось «навязывать» свою линию, причем в зависимости от политики СССР упор делался то на «правую» («антиимпериалистическую»), то на

¹ D. N. Druhe, *Soviet Russia and Indian Communism*. 1917—1947, New York, 1959; M. D. Kennedy, *A Short History of Communism in Asia*, p. 62, 81 а. о. Этой версии придерживаются даже авторы, у которых можно найти порой и здравые суждения по вопросам истории колониальных стран. Напр., E. F. Frazier, *Race and Cultural Contacts in the Modern World*, New York, 1957, p. 220.

² H. Seton-Watson, *The Pattern of Communist Revolution. A Historical Analysis*, 2d ed., London, 1960, p. 128.

«левую» («антикапиталистическую») линию: в 1918—1928, 1933—1939, 1941—1945 гг. и после 1951 г. проводилась будто бы «правая», а в остальные годы — «левая» тактика¹.

На деле же борьба за национальную независимость была верным средством для укрепления всех прогрессивных сил, и особенно рабочего класса. Неоколониалистские историки уверяют, что завоевание независимости усиливает национальную буржуазию за счет пролетариата. Прибегая к подобным смехотворным доводам, они стремятся доказать, что империалистическое угнетение предпочтительнее власти национальной буржуазии, чем, однако, лишь разоблачают себя как поборников колониализма. На деле достижение независимости дает рабочему классу и всем трудящимся возможность усилить борьбу за свои права и жизненные интересы.

В реакционных работах то утверждается, что Коминтерн был орудием «государственных интересов» СССР и вследствие этого не учитывал интересы коммунистического движения в странах Азии и Африки, заключающиеся в борьбе против местного капитализма, то, напротив, объявляется, что Коминтерн не мог искренне поддерживать национально-освободительное движение, так как он рассматривал это движение лишь с точки зрения борьбы против капитализма². Из взаимоисключающих, причем в равной мере фальшивых посылок делается один и тот же лживый вывод. Такова уж «методология» реакционной историографии.

Успехи коммунистов в различных странах Азии трактуются как «случайное» явление, как следствие «местного патриотизма», кастовой розни и т. п., якобы использованных коммунистами в своих целях, или полного разложения старого порядка, так что его нетрудно было свалить, и т. п.³

¹ G. D. Overstreet, *M. Windmiller, Communism in India*, Berkeley and Los Angeles, 1959, p. 530—531.

² A. Dallin, *The Use of International Movements*; S. Jakobson, *Russia in Africa*. «Russian Foreign Policy. Essays in Historical Perspective». Ed. by Ivo Lederer, New Haven and London, 1962.

³ S. S. Harrison, *India*, . . . p. 178—249 a. o.; A. de Riencourt, *The Soul of India*, New York, 1960, p. 385, 395; A. D. Barnett, *Communist China and Asia, Challenge to American Policy*, New York, 1960, p. 12; N. Peffer, *The Far East. A Modern History*, Ann-Arbor, 1958, p. 443 a. o.

Известно, что в национализме угнетенных наций, многие из которых недавно завоевали независимость, наряду с общедемократическим содержанием имеется и другая сторона, выражающая эксплуататорскую природу господствующих классов, их страх перед народными массами и идеями социализма, готовность поэтому пойти на компромисс с силами международной реакции. Неоколониалистская историография, пытаясь дискредитировать демократическое содержание национализма народов Азии и Африки, представляет эту вторую его сторону отвечающей коренным национальным интересам, тогда как на деле она может в определенных условиях превратиться и превращается в серьезную опасность для подлинной самостоятельности молодых независимых государств.

Буржуазные историки настойчиво проповедуют лже-теорию о непримиримости интересов азиатского и африканского «национализма» с коммунизмом¹. Если подразумевать под национализмом национально-освободительное движение, то коммунисты были всегда наиболее решительными и последовательными борцами за независимость, деятельность которых отвечает высшим интересам нации. Но реакционные историки в данном случае под национализмом понимают не борьбу за национальную независимость, а выступление представителей национальной буржуазии недавно освободившихся стран, проводящих (хотя порой непоследовательно) политику защиты и укрепления национальной независимости, против коммунистических партий и других прогрессивных сил.

Однако и в таких случаях отношение коммунистов к правительству определяется главным критерием — той ролью, которую играет это правительство в антиимпериалистической борьбе². Антикоммунизм объективно направлен на ослабление единого антиимпериалистического

¹ Напр., *J. Baulin, Face au nationalisme arabe, Paris, 1959, p. 135 ff.*; *W. Z. Laquer, The Soviet Union and the Middle East, New York, 1959.*

² См. *Е. М. Жуков, Банкротство колониальной системы империализма и международные отношения*; *А. А. Губер, Особенности национально-освободительного движения в колониальных и зависимых странах Востока. «Международная жизнь», 1959, № 3.*

фронта, вредит делу отстаивания независимости освободившихся стран, борьбы против втягивания их в военные блоки и опутывания цепями неокOLONиализма. Активное обоснование в реакционной историографии необходимости «разрыва» этих стран с коммунистами лишь разоблачает тайные замыслы колонизаторов, рассчитывающих использовать ослабление национальных сил в случае распада антиимпериалистического единства для восстановления и укрепления своих позиций в странах Азии и Африки.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Современная буржуазная историография извращает весь процесс складывания, развития и крушения колониальной системы. Реакционные историки пытаются разорвать связь между колониальной политикой и капиталистическим строем и, таким образом, снять с него ответственность за кровавую историю колониализма. Замалчивая (а нередко и прямо приукрашивая) наиболее темные стороны колониальной политики в эпоху так называемого первоначального накопления, буржуазные ученые к тому же противопоставляют ее действиям колонизаторов в эпоху промышленного капитализма, будто бы направленным на сочетание интересов метрополии и ее колоний. В свою очередь колониальная политика XIX столетия объявляется принципиально отличной от новейшей политики империалистических держав в колониях, якобы ставящей целью «самоликвидацию» колониализма.

Реакционная историография клеветает на национально-освободительную борьбу угнетенных наций, рисуя ее силой, противоречащей интересам общественного прогресса, лживо пытается представить коммунистическое движение «чуждым» для народов Азии и Африки. «Главное идейно-политическое оружие империализма — антикоммунизм...»¹ Под знаменем антикоммунизма ведется вся фальсификаторская работа неоколониалистской историографии.

Новейшая империалистическая историография, прикрываясь маской объективности, «правильно сбалансированных» оценок и выводов, кажущегося беспристрастия, на деле подчиняет изложение буквально всей истории колониальной системы (и истории Азии и Африки

¹ «Материалы XXII съезда КПСС», стр. 358.

вообще) оправданию и апологии колониализма, даже когда реакционные ученые внешне «критикуют» те или иные действия колонизаторов, даже когда осуждаются те или иные захваты, признается в принципе правомерность сопротивления иноземному правлению, даются положительные оценки руководителям национально-освободительной борьбы. Эта «критика» и игра в объективность призваны показать, что заслуживают осуждения лишь частности колониальной политики, и придать вес открытой апологетике колониализма в целом и его наиболее существенных сторон.

Вина за все «отрицательные стороны» колониальных порядков (которые не может отрицать даже империалистическая историография) перекладывается на народы Азии и Африки. Все элементы отсталости, консервируемые колонизаторами, уродливое развитие экономики и нищета народных масс, порожденные колониальным грабежом, выдаются за довод в пользу сохранения колониализма. Позорное наследие колониального режима, правду о котором невозможно скрыть от народов мира, изображается следствием слишком поспешного «отказа» колонизаторов от их владычества, «слишком ранней» ликвидации колониального господства.

Колониализм выступает в трудах реакционных историков то как сила, способная (и притом единственно способная) к совершению любых прогрессивных деяний, то, напротив (если надо объяснить экономическую отсталость колониальных стран, низкий жизненный уровень масс и т. д.), как власть, не желающая навязывать свои взгляды местному населению и поэтому вынужденная беспомощно, с горечью наблюдать сохранение «варварских» порядков и прав. Колониализму приписывают то, чего он не делал, и отрицают, что он делал. Замалчивается связь колониализма с явлениями, с которыми он был неразрывно связан, и, напротив, подчеркивается, что колониальный строй был якобы причиной тех явлений, возникновению и развитию которых он препятствовал всеми доступными ему средствами.

Неоколониалистские работы менее всего могут рассматриваться в качестве «объективной историографии» колониализма, как их настойчиво пытаются изобразить их авторы. Неоколониалистская историография является большим шагом назад не только по сравнению с ли-

берально-критическим направлением, но в известном смысле и по сравнению со старой открыто империалистической литературой. Если историки-неоколониалисты ушли вперед в признании некоторых «отрицательных черт» колониальной политики, игнорировавшихся старой империалистической историографией, то зато они выискивают заведомо ложную «антиколониалистскую» подоплеку тех действий, колонизаторский характер которых открыто признавался и столь же открыто одобрялся прежним апблогетическим направлением. Нечего уже и говорить о том, что новейшая реакционная историография находится в значительно большем противоречии с достигнутым ныне уровнем научного изучения колониальной системы и накопленным в науке огромным фактическим материалом, который демонстрирует истинную суть колониализма:

Авторы прежних работ, уверяет А. Брюншви́г, разделяли «иллюзии» своего времени, они были субъективистами, признавали связь колониальной системы с капиталистическим строем, считали выгодной колониальную политику. В тщетных попытках доказать объективность неоколониалистской историографии Брюншви́г обращает против старой литературы те доводы, которыми историки-«презентисты» обосновывают мнимую невозможность объективного исторического исследования вообще. Каждое поколение, по его словам, «переписывает» историю колониализма на свой манер, проецирует в прошлое собственные заботы и проблемы. Не трудно заметить, что в своей «критике» Брюншви́г невольно дает описание презентистско-субъективистской методологии неоколониалистских историков.

Подобно́ тому как «новейшая» реакционная концепция капитализма представляет собой просто опрокинутую в прошлое лжетеорию «государства благосостояния», реакционная фальсификация истории колониальной системы является таким же опрокидыванием в прошлое апологетического изображения неоколониализма, которое не имеет ничего общего с реальной действительностью.

Разоблачение неоколониалистской историографии, безусловно, необходимо для развития исторической науки. Беспощадная критика неоколониалистских работ важна для помощи историческим кадрам в молодых

государствах Азии и Африки, которым ранее колонизаторы закрывали путь в науку, а теперь всячески стремятся поймать на удочку новейших реакционных теорий¹. Борьба против неоколониалистской историографии — составная часть борьбы против «старого» и «нового» колониализма. Эту борьбу успешно ведет большой отряд советских ученых, такие крупные исследовательские центры, как Институты народов Азии и Африки Академии наук СССР и другие научно-исторические учреждения. Большое число работ по различным вопросам исторического прошлого Африки и Азии, опубликованных за последние годы учеными Советского Союза и других социалистических стран, является важным вкладом в дело научного освещения истории колониальной системы. Множится число исследований, принадлежащих прогрессивным западным ученым, а также особенно историкам из молодых независимых государств.

Ликвидация колониализма под натиском национально-освободительного движения означает наступление нового исторического периода в жизни человечества. Освобождение от колониального ига народов десятков стран — второе по своему историческому значению явление современности после образования мировой социалистической системы. Полная ликвидация колониального режима является настоятельным требованием времени, повелительно диктуется всем ходом мировой истории со времени Великой Октябрьской социалистической революции.

Национально-освободительная борьба угнетенных народов — это одна из тех мощных сил современности, которые, сливаясь в общий поток, подмывают и разрушают основы империалистической системы. Крах колониализма представляет собой неразрывную часть общего кризиса капиталистического строя, углубляет и обостряет этот кризис.

Освобождение от колониального гнета многих сотен миллионов людей открывает новые широкие перспективы ускорения общественного прогресса в эпоху крушения империалистической системы и неизбежного всемирного торжества коммунизма.

¹ См. *И. Потехин*, Основные проблемы истории народов Африки. «Коммунист», 1961, № 12, стр. 99—109.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Глава I. Формирование неоколониалистской историографии	6
Глава II. Миф об антиколониальном колониализме	25
Глава III. Поход неоколониалистских историков против ленинской теории империализма	72
Глава IV. Неоколониалистское искажение истории колониализма в Азии	156
Глава V. Колониализм в Африке и его неоколониалистские адвокаты	229
Глава VI. Неоколониалистская литература о неоколониализме	283
Глава VII. О мнимых противниках колониального гнета	304
Глава VIII. Реакционная фальсификация истории национально-освободительного движения	324
Заключение	371

Черняк, Ефим Борисович

АДВОКАТЫ КОЛОНИАЛИЗМА

Неоколониалистская историография.

М., «Мысль», 1964.

375 с.

901

Редактор В. Виноградов

Обложка художника *В. Максина*
Художественный редактор *Н. Илларионова*
Технический редактор *Н. Ногица*
Корректоры *Л. Севастьянова, Л. Чигина*

Сдано в набор 26 декабря 1963 г. Подписано в
печать 28 марта 1964 г. Формат бумаги 84×108^{1/32}
Бумажных листов 5,87. Печатных листов 19,27.
Учетно-издательских листов 20,8. Тираж 3500 экз.
А 03848. Цена 1 р. 35 к.
Заказ № 1729.

Темплан Соцэргиза 1964 г. № 75

Издательство
социально-экономической литературы
«Мысль»
Москва, В-71, Ленинский проспект, 15.

Ленинградская типография № 5
«Главполиграфпрома» Государственного комитета
Совета Министров СССР по печати,
Красная ул., 1/3

1 р. 35к.

Е. Б. ЧЕРНЯК • АДВОКАТЫ КОЛОНИАЛИЗМА •